

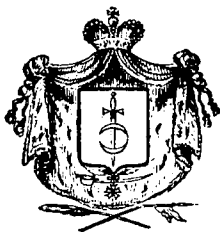
ВОСПОМИНАНІЯ ѲАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И
ИСПЫТАННАГО ВЪ ЖИЗНИ.

«Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или
переписалъ или не дописалъ, чтите, ис-
правлявая Бога для, а не кляните!»

(Послѣсловіе въ Лѣтописи Шестора.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданіе М. Д. Ольхина.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.
1846.

ВОСПОМИНАНІЯ

ОАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 1845 года, Октября 6.

Ценсоръ *Никитенко*.

ПОСВЯЩАЮ

ДОВОРОЙ ЖЕНЬ МОЕЙ,

МИЛЫМЪ ДЪТЯМЪ МОИМЪ

И

ДРУЗЬЯМЪ.

SECRET

SECRET

SECRET

БОЛѢ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНІЕ, ИЛИ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Что это значитъ, что вы вздумали *при жизни* печатать ваши ВОСПОМИНАНІЯ о современности?

Вы объ этомъ спрашиваете меня? — Отвѣчаю.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ мыслить и разсуждать, я мыслю *вслухъ*, и готовъ былъ бы всегда печатать, во всеуслышаніе, всѣ мои мысли и разсужденія. Душа моя покрыта *прозрачною оболочкою*, чрезъ которую каждый можетъ легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожилъ въ *стекляномъ домѣ*, безъ завѣсей... Понимаете ли вы, что это значитъ?

Оттого-то вы всегда имѣли такъ много враговъ!...

И пламенныхъ друзей, изъ которыхъ одинъ стоилъ болѣе ста тысячъ враговъ!...

Почти двадцать пять лѣтъ сряду прожилъ я, такъ сказать, всенародно, говоря съ публикою ежедневно о всемъ близкомъ ей; десять лѣтъ, безъ малаго, не сходилъ съ коня, въ битвахъ и бивачномъ дыму, пройдя, съ оружіемъ въ рукахъ, всю Европу, отъ Торнео до Лиссабона, проводя дни и ночи подъ открытымъ небомъ, въ тридцать градусовъ стужи или зноя, и отдыхая въ палатахъ вельможъ, въ домахъ гражданъ и въ убогихъ хижинахъ. Жилъ я въ чудную эпоху, видѣлъ вблизи вѣковыхъ героевъ, зналъ много людей необыкновенныхъ, присматривался къ кипѣнію различныхъ страстей... и кажется... узналъ людей! Много испыталъ я горя, и только подъ моимъ семейнымъ кровомъ находилъ истинную радость и счастье, и, наконецъ, дожилъ до того, что могу сказать въ глаза зависти и литературной вражды:

что все грамотные люди въ Россіи знаютъ о моемъ существованіи! Много сказано — но это сущая правда! — Вотъ права мои говорить публично о видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ въ жизни.

Въ цѣломъ мірѣ, гдѣ только есть Литература, тамъ есть литературныя партіи, литературныя вражды, литературная борьба. Иначе быть не можетъ, по натурѣ вещей. Союзъ, дружба, согласіе литераторовъ — несбыточные мечты! Гдѣ въ игрѣ человѣческое самолюбіе, тамъ не можетъ быть ни дружбы, ни согласія. *Страсти* — пороховая камера, а *самолюбіе* — искра. Невозможно, чтобъ не было вражды между людьми, имѣющими притязанія на умъ, на славу, или по крайней мѣрѣ на извѣстность и на все сопряженныя съ ними житейскія выгоды, и разумѣется, что, кто заграждаетъ намъ путь къ избранной нами цѣли, издали столь блистательной и заманчивой, тотъ врагъ нашъ. А кто же можетъ болѣе заграждать этотъ путь, какъ не журналистъ, непреклонный, неумолимый, от-

страняющійся отъ всѣхъ партій, на котораго не дѣйствуютъ ни связи, ни свѣтскія отношенія, ни даже собственныя его выгоды, и который, такъ сказать, очертя голову говоритъ все то, что ему кажется справедливымъ, и что только можно высказать. Это настоящій *Змій Горыничъ*, котораго не можетъ тронуть даже и *Душенька!* (*)

Пересмотрите *Сѣверный Архивъ* съ 1822 года: тамъ вы найдете начало той борьбы и слѣдствій ея, литературной вражды, которая продолжается до сихъ поръ и перейдетъ за предѣлы моей могилы. Критика на *Исторію Государства Россійскаго*, сочиненія знаменитаго нашего историографа Н. М. Карамзина, не возбудила ненависти въ благородномъ сердцѣ автора, который даже внесъ ссылки на *Сѣверный Архивъ* въ Примѣчанія къ своей *Исторіи*; но на каждомъ великомъ мужѣ, какъ на вѣковомъ кедрѣ, гнѣзятся мелкія насѣкомыя, питающіяся его славою,

(*) См. поэму Богдановича: *Душенька*.

и они подняли пискъ и визгъ противу смѣльчака, дерзнувшаго очищать въковый кедръ отъ сухихъ листьевъ и гнилыхъ вѣтвей! — Въ *Литературныхъ Листкахъ* (приложеніи къ *Сѣверному Архиву*) защищенъ знаменитый Крыловъ отъ нападковъ приверженцевъ И. И. Дмитріева — и тутъ наступилъ всеми видимый и явный взрывъ литературной вражды.... Признавая всегда гениальность Пушкина и необыкновенный талантъ В. А. Жуковскаго, въ *Литературныхъ Листкахъ* и въ родившейся отъ нихъ *Сѣверной Пчелѣ* говорено было смѣло и откровенно о ихъ произведеніяхъ, съ указаніемъ на слабое, для возвышенія превосходнаго — и это былъ уже послѣдній ударъ, *coup de grâce*. Зашумѣли и загудѣли журналы, завопила золотая посредственность, и пошла потѣха! *Сѣверная Пчела*, однако жъ, все шла и идетъ своимъ путемъ, ни на что не оглядываясь, не стѣпяясь въ своихъ сужденіяхъ ни какими посторонними видами, отдавая полную справедливость и дань хвалы жесточайшимъ противни-

камъ, когда они напишутъ чтонибудь хорошее, и порицая искреннѣйшихъ друзей своихъ, когда они споткнутся. Замѣчательно и весьма, что вся вражда падала на меня одного, и каждое неблагопріятное сужденіе для автора приписывалось *мнѣ*, а за похвалу никто не сказалъ мнѣ спасибо! Напротивъ, похвалы породили болѣе враговъ, нежели порицанія. Удивительно, а правда! Иные стали моими врагами послѣ похвалы, чтобъ доказать, что они не напрашивались на нее; другіе вооружились за то, зачѣмъ я хвалилъ людей, въ которыхъ *они* не видятъ хорошаго!...

Еще весьма замѣчательно, что всѣ журналы, сколько ихъ ни было въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (исключая *Соревнователя просвѣщенія и благотворенія*, который издавался Литературнымъ Обществомъ, и нынѣшней *Библіотеки для Чтенія*), начинали свое попріе, продолжали и кончали его — жестокою бранью противъ моихъ литературныхъ произведеній. Всѣ мои сочиненія и изданія бы-

ли всегда разруганы, и ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не разобрано критически, по правиламъ науки. Нигдѣ еще не представлено доказательствъ, почему такое-то изъ моихъ сочиненій дурно, чего я долженъ избѣгать и остерегаться. О хорошей сторонѣ—ни помина! Какаябы нелѣпость ни вышла изъ печати, господа журналисты всегда утверждаютъ, что все же она *лучше*, нежели мои сочиненія. Вотъ все существо ихъ критики моихъ сочиненій! Одинъ изъ новыхъ журналовъ простеръ до такой степени свою храбрость, что даже поставилъ меня *ниже* извѣстнаго Московскаго писавки Александра Орлова! Вы думаете, что я гнѣвался или гнѣваюсь на журналы за эти поступки со мною? Увѣряю честію — нѣтъ! Еслибъ они были посмышленѣе, то дѣйствовали бы иначе. Думая унижить меня, они возвысили — и сочиненія мои, благодаря Бога, разошлись по Россіи въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ, многія изъ нихъ переведены на языки: Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Шведскій, Италіянскій, Польскій и Богемскій—и *Съверная Пчела* благоденствуетъ!

Но литературная вражда, не пробивъ стрѣлами критики моего литературнаго панцыря, принялась за средство, которое Донъ Базилио совѣтуетъ Доктору Бартоло употребить противу Графа Альмавивы, въ оперѣ Россини: Севильскій цирюльникъ. Съ величайшимъ наслажденіемъ слушаю я всегда арію: *La salumnia!* У меня собранъ цѣлый томъ сатиръ и эпиграмъ....

Будь я въ сотую долю такой литераторъ, какимъ стараются изобразить меня мои благопріятели, то достоинствъ былъбы... чего?... самага ужаснаго: быть на нихъ похожимъ. А какъ не послушать, когда рассказываютъ о сочиненіяхъ чловѣка, который въ теченіе двадцати пяти лѣтъ ежедневно припоминаетъ печатно о своемъ существованіи! Въдь не о каждомъ можно сказать что взбредеть на умъ, а тутъ обширное поле для выдумокъ. А печатные намеки? Въдь безъ означенія имени вы можете что угодно сказать и напечатать о журналистѣ, историкѣ, романистѣ, статистикѣ, сельскомъ хозяинѣ, прожи-

ваушемъ въ Парижъ или въ Китаѣ!!! Напечатавъ; вы можете сказать въ обществѣ: это Булгаринъ! Неужели онъ таковъ? спросятъ васъ. Во сто разъ хуже! — и пзъ двадцати человекъ десять повѣрятъ. Худому вѣрится какъ-то легче, нежели хорошему; а кому какая нужда заглядывать въ *стеклянный домъ*, въ которомъ я живу!

Все это меня нисколько не трогаетъ, и стоитъ взглянуть на меня, чтобъ увѣриться, что желчь во мнѣ имѣетъ самое правильное отправленіе, и что я не высохъ съ горя. Вы думаете, что я питаю въ сердцѣ моемъ ненависть или злобу къ моимъ врагамъ. Ей Богу, нѣтъ! Какъ можно въ сердцѣ хранить гнусныя страсти, отравляющія все существованіе! Посердишься и забудешь. Только на одно обстоятельство я долженъ обратить вниманіе моихъ читателей, потому что оно имѣетъ неразрывную связь съ теперешнимъ моимъ сочиненіемъ.

По долгу журналиста, литератора и современника я подверженъ горькой обя-

занности говорить о смерти людей, снискавшихъ уваженіе или любовь и благодарность соотечественниковъ своими заслугами или литературными трудами. По моему положенію въ свѣтъ, я зналъ и знаю лично бѣольшую часть замѣчательныхъ лицъ въ Россіи, и кого зналъ, о тѣхъ говорю отъ своего лица, приводя иногда рѣчи или необыкновенные случаи изъ ихъ жизни, мною отъ нихъ слышанные. Изъ этого мои благопріятели, мои любезные Донъ Базиліа, умѣли выковать металлъ и вылить изъ него противу меня пули, которыя однако жъ не попадаютъ въ цѣль. Нѣкоторые очень искусно даютъ знать, особенно по случаю моей біографической статьи объ И. А. Крыловѣ, что будто я *хвастаю* дружбою съ знаменитостями, послѣ ихъ смерти, когда эти знаменитости меня и знать не хотѣли!!! Ловко, да не умно и не удачно! Мы живемъ среди современныхъ свидѣтелей, и къ слѣдующимъ томамъ моихъ *Воспоминаній* я приложу *снимки* съ писемъ ко мнѣ многихъ

знаменитостей, для доказательства, въ какихъ я находился съ ними сношеніяхъ. Предварительно скажу, что я никогда не *хвасталъ* ни чьею дружбой и ни какими связями, никогда этимъ *не гордился* и не буду хвастать и гордиться. Никогда въ жизни я ничего не искалъ, никому и никогда не навязывался, не обивалъ ни чьихъ пороговъ, и не задыхался въ атмосферѣ переднихъ. Почитаю себя счастливымъ, и радуюсь въ глубинѣ души, что многіе значительные люди оказывали и оказываютъ ко мнѣ благосклонное вниманіе, и за это питаю къ нимъ искреннюю, сердечную благодарность; но, чтобъ я хвасталъ или гордился знакомствомъ или связью съ какимъ нибудь, хотя самымъ даровитымъ Русскимъ писателемъ, этого не бывало и не будетъ!

Въ столкновеніи и въ связи я былъ со всеми ими, какъ литераторъ и журналистъ, но въ дружбѣ былъ только съ двумя, и то не какъ съ литераторами, а какъ съ людьми—именно съ покойнымъ А. С. Грибоѣдовымъ, бессмертнымъ твор-

цемъ *Горя отъ ума*, и съ Н. И. Гречемъ. Я столько же любилъ бы и уважалъ ихъ, если бъ они вовсе не были писателями. Талантъ безъ сердца — машина! Дружбою съ покойнымъ И. А. Крыловымъ я не хвасталъ, потому что никогда даже не искалъ этой дружбы, а былъ съ нимъ хорошо знакомъ, и прежде часто видывалъ его. Какъ журналисту, не принадлежащему ни къ какой партіи, мнѣ даже невозможно было искать дружбы литераторовъ, а что многимъ изъ нихъ я былъ нуженъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и ясно по ходу дѣла. Были литераторы, искренно мнѣ преданные, но они уже въ могилѣ... и я не трону ихъ и не вспомню о ихъ ко мнѣ приверженности! Есть, можетъ быть, и теперь литераторы, которые *знаютъ* меня... и я больше не требую. Но, чтобъ я *хвасталъ дружбою* Крылова, Пушкина, или кого бы то ни было!!! Ахъ, Боже мой, какъ вы мало знаете меня, любезные мои Донъ Базиліи, если въ самомъ дѣлѣ вѣрите этому, а не выдумываете! Я горжусь только

однимъ въ свѣтъ, а именно: моими врагами. Еслибъ они не были моими литературными врагами, я бы умеръ отъ чихотки или сошелъ съ ума!

И такъ, почтенные мои читатели, вѣрите мнѣ, что все сказанное въ моихъ *Воспоминаніяхъ* сушая истина. Никто еще не уличилъ меня во лжи, и я ненавижу ложь, какъ чуму, а лжецовъ избѣгаю, какъ зачумленныхъ. Всему, о чемъ я говорю въ *Воспоминаніяхъ*, есть живые свидетели, мои современники, совоспитанники и сослуживцы, или есть документы. Пусть современники уличатъ меня во лжи! Ошибиться я могъ въ числахъ, въ именахъ, въ порядкѣ происшествій, потому что пишу не изъ книгъ, а изъ памяти — но въ существѣ все правда. Гдѣ нельзя сказать правды, тамъ я молчу, но не лгу. Въ томъ, близокъ ли я былъ къ нѣкоторымъ знаменитостямъ, представляю письменныя доказательства, или сошлюсь на живыхъ свидетелей.

Но я вамъ еще не отвѣчалъ, почему я издаю мои *Воспоминанія* при жизни....

Вѣдь это только *отрывки!*...

При воспоминаніи *прошлаго*, кажется мнѣ, будто жизнь моя расширяется и увеличивается, и будто я молодью! Нынѣшнее единообразіе жизни исчезаетъ — и я смѣшиваюсь съ оживленными событіями прошлаго времени, вижу предъ собою людей замѣчательныхъ или для меня драгоценныхъ, наслаждаюсь прежними радостями, и веселюсь минувшими опасностями, прежнимъ горемъ и нуждою. Пишу съ удовольствіемъ, потому что это занимаетъ меня и доставляетъ случай излить чувства моей благодарности къ людямъ, сдѣлавшимъ мнѣ добро, отдать справедливость многимъ забытымъ людямъ, достойнымъ памяти, высказать нѣсколько полезныхъ истинъ, представить подлинную характеристику моего времени. Найдется много кое-чего любопытнаго и даже поучительнаго! — Я прочелъ написанное нѣсколькимъ искреннимъ пріятелемъ...

«Печатайте!» сказали они въ одинъ голосъ.

«Печатай, печатай!» повторили въ семьѣ... Явился мой добрый М. Д. Ольхинъ, и рѣшилъ: *печатать*...

Печатаю!

Пойдутъ многочисленныя *подражанія*, какъ послѣ всего, что только я ни вздумалъ печатать, и журналамъ будетъ случай бранить меня, и т. п. Все это дастъ нѣкоторое движеніе умамъ, разбудить ихъ — а при общемъ умственномъ застоѣ и это хорошо!

А сколько вы издадите томовъ вашихъ *Воспоминаній*?

Не знаю! Сколько напишется. Быть можетъ кончу на этихъ двухъ томахъ, быть можетъ буду продолжать. Не принимаю ни какой обязанности предъ публикою. Все зависитъ отъ досуга и отъ охоты.

Вспоминая о моихъ дѣтскихъ лѣтахъ, я излагалъ событія почти въ хронологическомъ порядкѣ, и часто долженъ былъ говорить о себѣ. Со второй части форма сочиненія, по самому существу вещей, должна измѣниться. Дѣтство и великихъ

и малыхъ людей принадлежитъ болѣе природѣ *человѣческой*, нежели *исторіи*, и наблюденіе за развитіемъ *каждаго* *человѣка* любопытно для любознательнаго ума, особенно, если развитіе совершилось среди необыкновенныхъ событій и необычнаго хода дѣлъ. Такъ точно, мы, съ нѣкоторымъ любопытствомъ, смотримъ даже на обломки корабля, разбитаго бурей, потому что эти щепы возбуждаютъ въ насъ идеи! Дитя можетъ смѣло и откровенно говорить о себѣ, потому что оно, такъ сказать, не составляетъ индивидуума, или отдѣльнаго лица въ гражданскомъ обществѣ, но принадлежитъ къ массѣ *человѣчества*.

Со времени, когда я вступилъ на поприще гражданской жизни, я буду рассказывать, какъ очевидецъ, малоизвѣстные обстоятельства и замѣчательные случаи въ современныхъ событіяхъ, или вовсе не замѣченные Исторіею, или вскользь упомянутые, и частныя происшествія и приключенія, достойныя вниманія или любопытныя своею необыкновенно-

вѣнностью, а о себѣ буду упоминать тогда только, когда невозможно будетъ этого избѣгнуть, и когда надобно будетъ изложить мое собственное мнѣніе. Разсказы мои будутъ или отъ третьяго лица, или отъ имени товарищей, по большей части эпизодами, или отдѣльными статьями. Эти эпизоды будутъ *историческіе* и *частные*. Первые будутъ имѣть форму или обыкновенную историческую, или *созданнаго мною* рода въ Русской Литературѣ, подъ названіемъ *военные разсказы*; вторые будутъ въ видѣ *повѣстей*, или повѣствованій, основанныхъ на истинныхъ событіяхъ. Вообще, въ моихъ *Воспоминаніяхъ* нѣтъ и не будетъ ничего *выдуманнаго* мною. Все здѣсь справедливо. Я долженъ иногда *пропускать* многое, повѣствуя о *современности*, но не обязанъ *прибавлять* или *искажать истины*. Это мое неотъемлемое право. Слово подлежитъ обстоятельствамъ; мысль и совѣсть моя собственность!

ОАДДЕЙ ВУЛГАРИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Первыя воспоминанія дѣтства. — Разбойники и освободители. — Вѣрный очеркъ тогдашнихъ Польскихъ нравовъ. — Первое знакомство съ Русскими войнами.

Пріятно вспоминать первые годы дѣтства! Человѣку въ лѣтахъ они кажутся заманчивымъ сновидѣніемъ. Вообще, все связанное или важное, изъ дѣтскихъ лѣтъ, остающееся въ памяти, почерпнуто изъ разказовъ родителей или другихъ свидѣтелей нашего младенчества, слышанныхъ послѣ. Но и дѣтскія воспоминанія и слышанное наконецъ сливается въ одно, и составляетъ общую картину, въ которой, въ послѣдствіи, трудно отдѣлить

свое отъ чужаго. Рѣдкій человекъ не припоминалъ своего дѣтства, особенно въ кругу своего семейства, помышляя о будущей участи своихъ дѣтей! Мои дѣтскія лѣта протекли среди необыкновенныхъ событій, входящихъ въ составъ исторіи, и мнѣ суждено было, какъ малой каплѣ водѣ, волноваться вмѣстѣ съ огромными валами, въ разъяренномъ морѣ, пока брызгами не выбросило меня на берегъ. Много необыкновеннаго видѣлъ я въ жизни, много испыталъ и хорошаго и дурнаго, зналъ много великихъ и гениальныхъ мужей и много пустоцвѣтовъ — и намѣренъ не трогая никого рассказать кое-что изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго.

Родился я въ бывшемъ Минскомъ Воеводствѣ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго (въ которомъ предки мои издревле были княжескими боярами, имѣвшими одно значеніе съ древними боярами

Русскими)⁽¹⁾, въ имѣннѣ Перышевѣ, принадлежавшемъ матери моеѣ, урожденной Бучинской (герба Стремя)⁽²⁾. Годъ моего рожденія (1789) ознаменованъ началомъ переворота, ниспровергнувшаго древнюю Французскую Монархію, и, подобно землетрясенію и вулканическимъ взрывамъ, измѣнившаго видъ и внутреннее устройство не только Европы, но и Америки. Искры Французской революціи попали въ Польшу, какъ въ пороховой магазинъ. Умы холодные, утомленные Польскимъ безначаліемъ, и умы пламенные, жаждущіе новостей, эгоизмъ и патріотизмъ равно воспламенились и вспыхнули, одни изъ собственныхъ выгодъ, другіе въ надеждѣ исцѣлить недужное отечество, не вѣря, въ простотѣ души своей, чтобъ оно было неисцѣлимо, и не догадываясь, что уже антоновъ огонь проникъ до его сердца! Пишу я не исторію паденія Польши, слѣдовательно не обязанъ раз-

сказывать всѣхъ происшествіи до разбитія Костюшки подъ Мацеіовицами и взятія штурмомъ Праги Суворовымъ. Припоминаю о тогдашнихъ Польскихъ событіяхъ на столько, на сколько онѣ входятъ въ составъ разказа о моемъ дѣтствѣ. Въ это время, мать моя уже продала имѣніе свое Перышево, и, намѣреваясь очистить отъ долговъ имѣніе отца моего, Грицевичи (3), въ Минской губерніи, въ Слуцкомъ Уѣздѣ, и поселиться въ немъ, отдала предварительно капиталъ свой помѣщику Дашкевичу, подъ залогъ и въ уплату процентовъ (по тогдашнему Польскому обычаю) имѣнія Маковищъ, въ нынѣшнемъ Бобруйскомъ Уѣздѣ, верстахъ въ пяти отъ мѣстечка Глуска.—Костюшко уже былъ взятъ въ плѣнъ; большая часть войска Польскаго уже положила оружіе, но возстаніе въ Литвѣ еще не прекратилось. Мы жили тогда въ Маковищахъ. Однажды, утромъ, весною

1795 года, прикащикъ прибѣжалъ въ комнаты съ гумна, и сказалъ матушкѣ, что слышалъ пушечные выстрѣлы. Мать моя, двѣ старшія сестры и я съ нянькою побѣжали на гумно, по совѣту прикащика, прилегли на току, приложивъ ухо къ землѣ. Въ дали точно раздавались удары и глухой подземный гулъ. Послѣ узналъ я, что это были остатки отряда генерала Грабовскаго, разбитаго прошлою осенью Княземъ Циціановымъ, подъ Любаромъ. Нѣкоторые отчаянные патріоты, собравъ разсѣянныхъ солдатъ, и присоединивъ къ нимъ вооруженную шляхту, намѣревались снова возмутить край, и объявили конфедерацію. Отрядъ Русскихъ войскъ при первой встрѣчѣ разгромилъ ихъ, картечью, и тѣмъ все кончилось. Это было, кажется, послѣднее сраженіе на земляхъ бывшей Польши въ эту войну, и происходило верстахъ въ двадцати отъ нашего то-

гдашняго мѣстопробыванія. Отца моего не было дома; онъ, по обязанности своей, находился тогда или въ Слуцкѣ или въ Нѣсвижѣ (4), и матушка моя чрезвычайно испугалась близости войны. Рѣшено было: всему семейству, съ драгоценнѣйшими вещами, спрятаться въ лѣсу, угнать туда же домашній скотъ и лошадей, и послать немедленно нарочнаго къ отцу, чтобъ онъ пріѣхалъ поскорѣе домой, и привезъ съ собою, если возможно, *залогу и охранительный листъ* отъ Русскаго генерала, изъ Нѣсвижа (5). Тотчасъ начали укладываться и суетиться; не обошлось при этомъ безъ слезъ, и я, видя общую суматоху и слезы, слыша безпрестанныя повторенія: « *пропали мы, погибли* » самъ заплакалъ громче всѣхъ, воображая, что пропадутъ и погибнутъ всѣ мои игрушки, садъ, въ которомъ я игралъ, и вообще все, что утѣшало и забавляло меня. Наконецъ нагрзу-

зили нѣсколько телѣгъ лучшими вещами и съѣстными припасами, и матушка, двѣ сестры мои, панна Клара (⁶), нѣсколько служанокъ, лакеевъ и стрѣльцовъ съ ружьями пошли пѣшкомъ въ лѣсъ, почти примыкающій ко двору. На одной телѣгѣ, нагруженной пуховиками и подушками, поѣхалъ я съ моею нянькою, обложенный моими игрушками. Отецъ мой былъ большой охотникъ, и имѣлъ нѣсколько отличнѣйшихъ стрѣльцовъ, которые знали всѣ тайники въ обширныхъ лѣсахъ, покрывавшихъ въ то время весь этотъ край отъ Глуска до границы Вольнской Губерніи, отчего и страна называлась *Польсьемъ*. Пройдя лѣсомъ съ часъ времени, нашъ обозъ долженъ былъ остановиться, потому что телѣгъ нельзя было провезти въ чащу. Мы оставили телѣги, навьючили кое-какъ всю поклажу на людей и лошадей, и пошли далѣе. Меня несли на рукахъ, попеременно, люби-

мые стрѣльцы отца моего, Семенъ и Кондратій, а нянька должна была нести мои игрушки и постель. При этомъ должно замѣтить, что я былъ послѣднее, любимое и балованное дитя у моихъ родителей (7). Не знаю, долго ли мы шли и далеко ли ушли, потому что я заснулъ на рукахъ у моихъ носильщиковъ, но когда проснулся, было уже утро, и я увидѣлъ, что мы находимся на полянѣ, среди лѣса, возлѣ небольшого ручья. Люди наши рубили сучья и поправляли шалаши, сдѣланные, видно, съ вечера, на скорую руку, и строили новые шалаши. Въ одномъ только мѣстѣ горѣлъ огонь, въ ямѣ. На полянѣ паслись лошади и нѣсколько коровъ. Поваръ разбиралъ кастрюли и ошипывалъ живность; служанка варила кофе, и мнѣ все это показалось такъ хорошо и такъ весело, что я прыгалъ отъ радости. Это былъ настоящій бивакъ! Матушка сказывала мнѣ послѣ, что она

всю ночь не могла уснуть, хотя въ шала-
шѣ разостланы были пуховики, и что она
еще до зари послала домой человѣка
узнать, что тамъ дѣлается. Послѣ обѣда,
когда солнце начало уже прятаться за
высокими деревьями, возвратился посла-
нный съ корчмаремъ нашимъ, евреемъ Ю-
селемъ, который за свою исправность и
услужливость былъ въ большой милости
у матушки. Юсель прѣхалъ верхомъ, и
привезъ полный мѣшокъ припасовъ, са-
хару, зеленаго чаю (безъ котораго моя ма-
тушка не могла обойтись), булокъ, свѣ-
жаго мяса и, какъ всегда, для меня го-
стинца - на этотъ разъ пряниковъ. Ю-
сель успѣлъ побывать въ Глускѣ, куда
перевезъ всѣхъ женщинъ и дѣтей своего
семейства, и узналъ отъ губернатора зам-
ка (в), что Русскихъ ждутъ къ вечеру
или на другое утро въ Глускѣ, и надѣют-
ся, что въ слѣдствіе покорности губерна-
тора и усиленной его просьбы, городъ не

будеть разграбленъ, и жители не подвергнутся обидамъ и притѣсненіямъ. Но, по словамъ Юселя, предстояла всѣмъ большая бѣда, потому что, при общемъ недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ, трудно будетъ прокормить солдатъ, если весь Русскій отрядъ остановится въ городѣ, и что непременно потребуютъ помощи въ съѣстныхъ припасахъ отъ помѣщиковъ, а денегъ, какъ водится, отъ евреевъ. Юсель, при сихъ словахъ покачавъ головою, завонилъ: «Ой вей миръ, ой вей миръ» — и сталъ утирать слезы рукавомъ. Матушка и сестры также заплакали, не о съѣстныхъ припасахъ и не о деньгахъ, а о своемъ положеніи. Я опять заревѣлъ громче всѣхъ, смотря на плачущихъ. На вопросъ матушки, не слышно ли чего объ отцѣ моемъ, Юсель отвѣчалъ, что губернаторъ замка послалъ за нимъ четырехъ гонцевъ, въ четыре разныя стороны, чтобъ просить его при-

быть какъ можно скорѣе, для необходимыхъ распоряженій въ этой крайности. Иосель пробылъ у насъ до ночи, и поѣхалъ обратно, обѣщая дать знать, что дѣлается у насъ дома и въ окрестностяхъ, и увѣдомить немедленно отца моего о нашемъ положеніи.

Прошли двое сутокъ, и мы не получали ни какого извѣстія. На третій день, въ полдень, пришла въ нашъ бивакъ крестьянка изъ чужаго имѣнія, у которой мать моя вылечила ребенка, и бросясь въ ноги рассказала, что она слышала, что сосѣдніе мужики собираются убить всѣхъ насъ въ лѣсу, чтобъ завладѣть нашимъ добромъ, предполагая, что маменька имѣетъ при себѣ много денегъ и всякихъ дорогихъ вещей. Можно себѣ представить положеніе моей матери, сестеръ и всей нашей прислуги! Я хотя не постигалъ всей опасности, но зналъ хорошо, что значитъ *убить и умереть*,

слыша часто о битвахъ и о смерти нашихъ знакомыхъ, и видя общее безпокойство, былъ въ страхъ, однакожъ просилъ, чтобъ мнѣ дали ружье, для защиты матушки. Она улыбалась сквозь слезы, прижимая меня къ сердцу. Наконецъ, матушка собрала на совѣтъ всю нашу прислугу мужескаго пола, и спросила, намѣрены ли они защищать господъ своихъ. «До послѣдней капли крови!» отвѣчали всѣ единогласно, и бросились цѣловать руки и ноги мамевъки и сестеръ. Стрѣлецъ Семень взялъ меня на руки, и сказалъ, что не выдастъ меня, хотя бы его растерзали на части. Съ нами было всего девять человекъ сильныхъ молодыхъ людей, искусныхъ стрѣлковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и двойное число разбойниковъ не одолѣло бы ихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ людей изъявляли даже желаніе встрѣтиться съ разбойниками, чтобъ проучить ихъ порядкомъ.

Матушка наградила добрую женщину, извѣстившую насъ объ угрожавшей опасности, обѣщая на всю жизнь призрѣть ея семейство, и поручила ей отдать нашему прикащику записку, написанную карандашемъ (помню, потому что моимъ), въ которой матушка требовала, чтобъ онъ немедленно поспѣшилъ на помощь съ вѣрными крестьянами, оставивъ домъ на произволь судьбы.

Въ юности нашей начитавшись о Римской и Греческой республикахъ, о людяхъ, иногда самыхъ мелочныхъ умомъ и душою, но надѣлавшихъ шуму своею дерзостью и пылкими рѣчами, и за то произведенныхъ въ великіе мужи краснорѣчивыми писателями, мы часто предаемся мечтамъ и желаемъ переворотовъ, потрясеній, бредимъ о вольности и равенствѣ (которые, сказать мимоходомъ, никогда не существовали въ мірѣ и не будутъ никогда существовать для массы

народа), и завидуемъ такъ называемымъ героямъ народнымъ!... Школьничество— и только! Эти народные герои вообще или простаки, увлеченные мечтами воображенія, порожденными впечатлѣніями юности, или хитрецы и честолюбцы, т. е. или тетерева, или лисицы. Лучше спустить съ цѣпи голоднаго тигра или гіену, чѣмъ снять съ народа узду повиновенія властямъ и законамъ. Нѣтъ звѣря свирѣвѣе разъяренной черни! Всѣ усилія образованнаго сословія должны клониться къ просвѣщенію народа на счетъ его обязанности къ Богу, къ законнымъ властямъ и законамъ, къ водворенію въ сердцахъ человѣколюбія, къ искорененію врожденнаго человѣку звѣринаго эгоизма, а не къ возбужденію страстей, не къ порожденію несбыточныхъ надеждъ. Кто дѣйствуетъ иначе, тотъ преступникъ предъ законами человѣчества. Видѣвшій народное возста-

ніе знаетъ , что это значитъ ! Наполеонъ заслуживаетъ вѣчную благодарность всѣхъ благородныхъ сердець за то, что никогда не хотѣлъ дѣйствовать мятежемъ противу своихъ непріятелей, когда имѣлъ полную власть въ своихъ рукахъ. Въ Италіи онъ долженъ былъ повиноваться Директоріи.

Въ Польшѣ искони вѣковъ толковали о вольности и равенствѣ, которыми надѣлъ не пользовался никто. Только богатые паны были совершенно независимы отъ всѣхъ властей, но это была не вольность, а *своеволие*. Даже порядочная и достаточная шляхта (⁹) должна была придерживаться какой нибудь партіи, т. е. быть подъ властію какого нибудь безпокойнаго магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвѣщенная, находилась всегда въ полной зависимости у каждаго, кто кормилъ и поилъ ее, и даже поступала въ самыя низкія должности у

пановъ и богатой шляхты, и терпѣливо переносила побои, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ быть битымъ не на голой землѣ, а на коврѣ, презирая, однакожъ, изъ глупой гордости, занятіе торговлею и ремеслами, какъ неприличное шляхетскому званію. Поселяне были вообще угнетены, а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи положеніе ихъ было гораздо хуже негровъ. Когда въ послѣднее время (т. е. съ 1791 года) Польшу возмущили мечтами о вольности, равенствѣ и политической независимости, были въ ней люди истинно благородные, даже съ большими дарованіями и геройскимъ мужествомъ, которые пламенно желали перерожденія своего несчастнаго отечества и утвержденія въ немъ порядка, на основаніи прочныхъ законовъ и наследственной монархической власти. Но эти желанія и усилія благородныхъ людей не могли увѣнчаться успѣхомъ, потому что въ Польшѣ не бы-

до для этого ни какихъ стихій. Все было въ разстройствѣ: Правительство безъ всякой силы, народъ безъ единодушія. Магнаты враждовали между собою, и безпокоили сосѣднія державы просьбами о покровительствѣ своей партіи. Всѣ партіи ненавидѣли Короля и не имѣли къ нему ни малѣйшей довѣренности, испытывавъ его малодушіе и въроломство. Порядочное дворянство приставало къ различнымъ партіямъ, но вообще дѣйствовало болѣе словами, нежели дѣломъ, а мелкая шляхта вооружалась на счетъ назовъ, бушевала, пьлнствовала, грабила и обращалась въ бѣгство при встрѣчѣ съ непріателемъ. Надъ этимъ возстаніемъ мелкой шляхты всѣ благоразумные люди шутили и насмѣхались, утверждая, будто при встрѣчѣ съ непріателемъ они говорятъ: «Въ лѣсъ, господа! Это не шутки — стрѣляютъ пулями!» Сами Поляки подучали Русскихъ мародеровъ къ

грабежу, раздѣляя съ ними добычу, и донося ложно на своихъ соотчичей Русскимъ начальникамъ, соблазняли нѣкоторыхъ пользоваться обстоятельствами. Иные изъ мелкой шляхты грабили даже или похищали общественную казну (*). Регулярнаго войска было чрезвычайно мало, едвали 25,000 человекъ въ цѣломъ королевствѣ, и это войско, сперва упавшее духомъ, потомъ воспламененное Ко-

(*) Въ Минской Губерніи, два самые бѣдные шляхтича возвратились на родину послѣ взятія въ плѣнъ Костюшки, съ огромными суммами. Одинъ изъ нихъ всегда носилъ парикъ, закрывавшій лобъ. Объ этихъ людяхъ распространились самыя неблагопріятныя слухи, именно будто они ограбили Польскую военную казну. Отецъ мой, раздраженный гордостью одного изъ богачей, сорвалъ однажды съ него парикъ, и оказалось, что у него на лбу клеймо: впеѣлица! Говорятъ, что похитивъ казну, одинъ изъ нихъ ушелъ съ деньгами, а другаго поймали, и Генераль Сѣраковскій велѣлъ его заклеить. Я еще видѣлъ обоихъ. Они померли уже лѣтъ за сорокъ.

стюшкою, могло только со славою умереть. Поселяне въ коренной Польшѣ, особенно Краковяки, приняли сильное участіе въ возстаніи, обнадеженные Костюшкой въ улучшеніи своей участи; но крестьяне въ Литвѣ, въ Волинніи и Подоліи, если не были принуждены силою къ вооруженію, оставались равнодушными зрителями происшествій, и большею частію даже желали успѣха Русскимъ, изъ ненависти къ своимъ панамъ, чуждымъ имъ по языку и по вѣрѣ. Вообще, въ такъ называемое Костюшковское возстаніе, шуму, разглагольствія, похвалыбы, приготовленій было слишкомъ много, но дѣла было чрезвычайно мало: вся дѣятельность сосредоточена была въ Варшавѣ и Вильнѣ, а провинціи были оставлены на произволь судьбы! Негодяи пользовались разстройствомъ края, наѣзжали на дворы, грабили и даже убивали, хотя рѣдко, безвинныхъ, провоз-

глашая ихъ измѣнниками. Никто не слушалъ властей, не имѣющихъ силы. Русскіе въ насмѣшку говорили, что Поляки *проспали Польшу!* Это несправедливо: не проспали, а *проболтали!* Ораторовъ было множество, а не было воиновъ, и бодрствовали не для дѣла, а для интригъ и собственныхъ выгодъ.

При самомъ началѣ переворота въ Польшѣ (съ 1791 года), когда Варшавскіе дѣльцы стали провозглашать правила Французскаго конвента (*la Convention*), объявили Польшу вольнымъ пристанищемъ для всѣхъ бѣглецовъ изъ сосѣднихъ государствъ, стали порицать узаконенія своихъ сосѣдей и форму ихъ правленія, даже провозглашать личности противу государей, и возбуждать сосѣдніе народы къ возстанію, для шествованія къ одной цѣли съ Польшею, — тогда сосѣднія государства, по предложенному сперва плану Фридрихомъ Великимъ, рѣ-

шились на крайнее средство, какъ бываетъ при пожарахъ, т. е. вознамѣрились разобрать домъ, угрожающій зажечь сосѣдніе дома. Послѣдній порывъ героизма, возбужденный Костюшкою, не спасъ Польши, которую уже отравили велерѣчивые теоретики и гнусные эгоисты. Я засталъ, такъ сказать, послѣдній вздохъ умирающей Польши....

Обращаюсь къ повѣствованію.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, отецъ мой выгналъ изъ службы помощника нашего прикащика, за дурное поведеніе и, кажется, за воровство. Онъ былъ шляхтичъ, и оставшись безъ мѣста, осѣдлалъ своего коня и опредѣлился въ такъ называемую *рухавку* (конную милицію изъ шляхты), формировавшуюся въ Новогрудкѣ. Былъ ли онъ на войнѣ или нѣтъ, не знаю, но послѣ плѣненія Костюшки онъ возвратился на родину съ деньгами, началъ мотать по корчмамъ,

съ подобными ему негодяями, и грозилъ заочно местию моему отцу, что было уже намъ извѣстно. Этотъ-то человекъ, узнавъ, что наше семейство прячется въ лѣсу, вознамѣрился насъ ограбить и вѣроятно всѣхъ перебить, чтобъ прикрыть слѣды злодѣйства, и, таскаясь по корчамъ, подговаривалъ на этотъ подвигъ нѣсколько пьяныхъ шляхтичей и десятка два самыхъ развратныхъ мужиковъ, увѣряя, что Русскіе, занявъ край, не станутъ разыскивать объ убійствѣ или грабежѣ пановъ, съ которыми они воюютъ. Въ тотъ же день, какъ злодѣй съ шайкою своею отправился въ лѣсъ насъ отыскивать, не со стороны нашей усадьбы, къ которой онъ не смѣлъ приблизиться, но изъ далека, чрезъ болото, крестьянка, благодарная моеѣ матери, узнавъ объ этомъ отъ сосѣдки, которой мужъ принадлежалъ къ шайкѣ, побѣжала въ Маковищи, и боясь сказать объ

этомъ прикащику, не довѣряя ему, распросила у коровницы, какимъ путемъ пошло наше семейство въ лѣсъ, и по слѣдамъ нашимъ нашла насъ. Этой женщинѣ матушка дала лошадь, чтобъ она скорѣе поспѣла въ нашъ домъ, и наши люди стали приготовляться къ защитѣ отъ разбойниковъ.

Семень, не любившій корчмаря Юсея за то, что онъ, по приказанію отца моего, не давалъ ему въ долгъ водки, и пользуясь милостью господъ, иногда грубо обходился съ дворнею, сказалъ, что онъ подозрѣваетъ Юсея въ измѣнѣ. Это мпѣніе раздѣляла вся наша прислуга, по врожденной ненависти своей къ жидамъ — и Семень клялся, что при первой встрѣчѣ убьетъ его, какъ зайца. Въ нашемъ лагерь раздались проклятія и угрозы противу Юсея, котораго защищала одна моя матушка. Вскорѣ увидимъ, какое участіе принималъ онъ въ этомъ дѣлѣ.

Кондратій, бывшій съ моимъ отцемъ въ походъ, имѣлъ первенство въ совѣтъ; онъ предлагалъ составить родъ укрѣпленія изъ земли и сучьевъ, и засѣсть въ немъ, закрывъ сверхъ того отъ пуль матушку, сестеръ и меня пуховиками. Другіе совѣтовали возвратиться домой, какъ можно скорѣе, что и матушкѣ казалось лучше, но страхъ отъ встрѣчи съ Русскими удерживалъ ее.... Богъ вѣсть, что тогда рассказывали о Русскихъ, хотя въ самомъ дѣлѣ война ведена была въ то время не такъ, какъ теперь. Побѣдители почитали врагомъ каждыя жителя непріятельской страны, не различая ни возраста, ни пола. Подвиги Древича и другихъ были въ свѣжей памяти: Прага еще дымилась, и отъ одного имени Суворова бросало въ лихорадку! Я спалъ спокойно, но никто въ нашемъ лагерѣ не смыкалъ глазъ во всю ночь; огней не разводили, и два стрѣльца, съ заряженными

ружьями, расхаживали вокругъ поляны. На разсвѣтъ, матушка велѣла выючить лошадей, и мы отправились въ обратный путь. Матушка хотя не рѣшалась возвратиться домой, но вознамѣрилась приблизиться къ опушкѣ лѣса. Мы шли въ тишинѣ около двухъ часовъ времени, какъ внезапно, впереди, шагахъ въ двухъ стахъ, въ авангардѣ, составленномъ изъ Семена и Кондратія, послышался шумъ и говоръ. Матушка сказывала мнѣ послѣ, что ноги у нея подкосились, въ глазахъ потемнѣло, и она сперва присѣла на сломанное дерево, а потомъ лишилась чувствъ. Она боялась болѣе за дѣтей своихъ! Меня отнесли въ сторону, а сестры, сами чуть живыя, бросились съ служанками помогать матушкѣ. Панна Клара отъ страха почти лишилась ума, и кричала изо всей силы. Вдругъ раздался громкій и внятный голосъ Семена : « Не бойтесь ! это добрые люди ! » Сквозь чашу

лѣса, однако жъ, нельзя было ничего и никого видѣть. Матушку привели въ чувство, но она была такъ слаба, что не могла привстать съ мѣста. Слова Семена оживили всѣхъ, но не надолго... Вдругъ изъ-за кустовъ и между деревьями мелькнули Русскія гренадерскія шапки и свѣтлые мундиры. Всѣ женщины, какъ курницы, при появленіи коршуна, немедленно сбились въ кучу, и бросились на колѣни вокругъ матушки, сидѣвшей на обрушенномъ деревѣ, склонясь на руки моеѣ няньки. Я сидѣлъ у ногъ матушки. Женщины не смѣли поднять глазъ, и были какъ полумертвыя, и только одна панна Клара продолжала вопить: о, Боже мой, умилосердись! — и потомъ начинала громко пересчитывать всѣхъ святыхъ, которые приходили ей на память... Минута была рѣшительная и ужасная, и въ самое это время, на тропикѣ показался нашъ корчмарь Юсель, а съ нимъ

Семень и Кондратій. «Не бойтесь, не бойтесь, пани!» кричалъ Іосель, махая руками: «ничего не будетъ худаго; это добрые Москали — я самъ привелъ ихъ сюда, чтобъ спасти васъ!... Не бойтесь — и пана ожидаютъ сегодня въ Глускъ; онъ вѣрно къ вечеру будетъ дома!»... Мать моя ожила, а съ нею всѣ другіе. Сестры мои отъ радости стали обнимать и цѣловать Іоселя; у матушки слезы полились градомъ, а у панны Клары сдѣлались страшныя спазмы: она смѣялась и плакала вмѣстѣ и валялась по землѣ. Іосель, поцѣловавъ руку сперва у матушки, а потомъ у меня, и вышувъ изъ кармана пряникъ, подалъ мнѣ, какъ бывало въ прежнее время. У матушки брызнули изъ глазъ слезы. «Іосель!» сказала она: «этого пряника я во всю жизнь не забуду!»

Дѣло объяснилось. Іосель, узнавъ отъ пріятеля своего, корчмаря, что толпа не-

годяевъ вознамѣрилась перебить всѣхъ насъ, чтобъ завладѣть нашими вещами, рѣшился просить помощи у Русскаго капитана, пришедшаго наканувъ на квартиры въ Маковищи, и капитанъ не медленно отправился къ намъ, съ пятидесятью гренадерами, взявъ съ собою Юселя, для указанія дороги и чтобъ повѣситъ его на первомъ деревѣ, еслибъ онъ обманулъ его и ввелъ въ какую нибудь засаду. Жида вели связанаго и развязали только при встрѣчѣ съ нашими людьми.

Едва Юсель успѣлъ кончить свой рассказъ, явился капитанъ, молодой человекъ, весьма красивый собою, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ, съ красными отворотами, въ красныхъ панталонахъ, въ щегольской гренадерской шапкѣ. Никогда я не забуду ни лица его, ни голоса, ни имени. Это былъ Капитанъ Палицынъ, Фанагорійскаго Гренадерскаго (если не ошибаюсь) Полка. Онъ подо-

шелъ къ моей матушкѣ, успокоилъ ее, изъявилъ сожалѣніе, что она, изъ опасенія его земляковъ, подвергнута такой опасности; увѣрилъ, что никому, даже послѣднему мужику, солдаты его не сдѣлаютъ ни малѣйшей обиды; потомъ, обратясь къ сестрамъ, сказалъ съ улыбкою, что онъ сберегъ ихъ ноты, фортепіано и гитары, и оставилъ ихъ комнаты незанятыми, и наконецъ, увидѣвъ меня уже на колѣняхъ у матушки, взялъ на руки, поцѣловалъ и спросилъ, хочу ли я съ нимъ подружиться. Видя, что появленіе его всѣхъ успокоило, я крѣпко обнялъ его за шею и сердечно разцѣловалъ, отвѣчая, что хочу быть его другомъ, если онъ не убьетъ никого изъ насъ. «Я, дружокъ, тогда только убиваю, когда на меня нападаютъ, и защищаю тѣхъ, кому пужна моя помощь.» Это сказано было не для меня, а для всѣхъ. «До дому еще далеко,» сказалъ капитанъ дамамъ: «и

вы не дойдете пѣшкомъ. Прошу покорно подождать, я помогу дѣлу...» и капитанъ, посадивъ меня на колѣни матушки, удалился, оставивъ всѣхъ въ удивленіи и недоумѣніи. Тогда такъ боялись Русскихъ, что матушка моя не вѣрила, чтобъ капитанъ былъ природный Русскій, и сказала: «На счастье наше, это или Полякъ, или Лифляндецъ, или Курляндецъ! (albo Polak, albo Liflandczyk, albo Kurlandczyk).» Впрочемъ, Капитанъ Палицынъ весьма недурно говорилъ по Польски; онъ провелъ долгое время въ Польшѣ, и какъ послѣ сказывалъ, имѣлъ искреннихъ пріятелей между Поляками. Еще бы такому человѣку не имѣть пріятелей! Да онъ нашелъ бы ихъ и между Ирокойцами!

Черезъ полчаса возвратился капитанъ. За нимъ шестнадцать гренадеръ несли четыре носилки, наскоро сдѣланныя изъ сучьевъ. Я не спускалъ глазъ съ солдатъ.

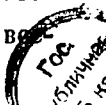
Они имѣли ружье за плечемъ, на ремнѣ, по-охотничьи. Капитанъ просилъ дамъ (въ томъ числѣ и панпу Клару, которая была больна отъ испуга), съѣсть на посылки. Сперва матушка и сестры противились и отговаривались, но наконецъ согласились. Положили на посылки подушки; дамы съѣли; меня взялъ на руки саженный гренадеръ, съ предлинными усами, и, по командѣ капитана: впередъ! шествіе двинулось. Шагахъ въ пятидесяти, на небольшой площадкѣ, стоялъ отрядъ. «Пѣсенники впередъ!» сказалъ капитанъ, и часть солдатъ отделилась. Остальные солдаты, по одному, шли за нашимъ обозомъ, и мы весело пошли впередъ, подъ звуки Русскихъ пѣсень. Впервые услышалъ я тогда Русскія пѣсни и солдатскій хоръ; нѣкоторыя изъ тогдашнихъ пѣсень я послѣ часто слышалъ, и они остались у меня въ памяти.

Прибывъ домой, матушка чрезвычай-но удивилась, что капитанъ съ поручикомъ заняли комнаты въ гостинномъ флигелѣ, не сдвинувъ даже стула съ мѣста въ нашемъ домѣ. Явился нашъ управитель, и объявилъ, что по приказанію капитана, онъ пригналъ во дворъ скотъ и привелъ лошадей, и что капитанъ приказалъ только кормить солдатъ въ деревнѣ и давать имъ винную порцію, обѣщая, что все будетъ смирно и тихо, какъ въ мирное время. Прикащикъ примолвилъ, что онъ самъ хотѣлъ ѣхать за нами, съ извѣстіемъ, что въ Москаляхъ Богъ послалъ намъ такихъ добрыхъ людей, когда Юсель явился къ капитану съ извѣстіемъ о разбойникахъ, и капитанъ въ ту же минуту собралъ команду и отиравился....

Матушка испросила у капитана позволеніе дать каждому солдату по рублю серебромъ и угостить на другой день всю

роту во дворѣ, примолвивъ, что она надеется, что избавитель ея и всего нашего семейства не откажется раздѣлять съ нами столъ и все, чѣмъ только она можетъ съ нимъ подѣлиться. Капитанъ согласился быть нашимъ гостемъ, и во все время своего квартированія въ Маковищахъ, проводилъ цѣлый день въ нашемъ семействѣ. Это былъ милый, образованный и добрый человекъ. Солдаты обожали его.

Хотя Юсель сказалъ, что отецъ мой пріѣдетъ скоро домой, но онъ возвратился чрезъ недѣлю, къ самому обѣду, и зная уже все случившееся, бросился въ объятія капитана, со слезами благодарилъ его за благородное обхожденіе, покровительство и избавленіе насъ отъ величайшей опасности. Отецъ любилъ жить весело: онъ тотчасъ послалъ приглашеніе къ сосѣдямъ, прося ихъ пріѣхать на нѣсколько дней, съ семействами, повеселиться, предъ отъѣздомъ во

го нашего семейства въ Нѣсвижѣ. Въ этомъ городѣ вѣрно ему было проживать, по его должности, и онъ не хотѣлъ разставаться съ своимъ семействомъ, чтобъ не подвергать насъ снова подобнымъ приключеніямъ. Наѣхало гостей множество, и какъ погода была теплая, то дамы помѣстились въ комнатахъ, а мужчины, вмѣстѣ съ моимъ отцемъ, устроили себѣ жилище на гумнѣ. Привезли изъ Глуска музыку Графа Юдицкаго. Капитанъ Палицынъ, по просьбѣ отца моего, пригласилъ пріятелей своихъ офицеровъ — и пошла пируха! Каждый день прогулки, большой обѣдъ, танцы, ужинъ, музыка, пѣніе — и такъ пропировали цѣлую недѣлю. Тутъ я увидѣлъ въ первый разъ такъ называемую *лодку*, представляемую Русскими пѣсенниками, увидѣлъ Русскую пляску, и такъ полюбилъ лихихъ Русскихъ солдатъ, что не отходилъ отъ нихъ, носилъ имъ водку, виноградное

вино, булки, пироги, и давалъ даже деньги, выпрашивая у родителей. За то и солдаты полюбили меня, и говорили пророчески: «этотъ будетъ нашъ!» Я бросилъ всѣ мои игрушки, и игралъ штыками и тесаками. Въ карманахъ у меня были пули, черезъ плечо золотой шарфъ Капитана Палицына. Черезъ недѣлю, онъ, послѣ бала, продолжавшагося до утра, выступилъ съ ротою въ походъ, въ Слуцкъ, провожаемый съ музыкою всѣмъ обществомъ, верстъ за пятнадцать, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ на прощанье, а послѣ него, на третій день, выѣхали мы въ Нѣсвижъ. Передъ выѣздомъ не досчитались панны Клары. Она примкнула къ Фанагорійскому Гренадерскому Полку, но только не подъ покровительство добраго Палицына — и безъ него нашелся другой охотникъ до этой дичи!

II.

Старинный Польскій дорожный повздь. —
Побѣдитель Костюшки Графъ Ферзенъ. —
Первое собственное оружіе. — Жизнь Рус-
скихъ офицеровъ въ Польшѣ. — Польки. —
Испугъ.

Удивительно, какъ все измѣнилось въ короткое время! Въ Польшѣ было тогда какое-то молодечество, отъ котораго никто не смѣлъ уклониться. Подратся на сабляхъ значило почти то же, что чокнуться стаканами. Каждый мужчина долженствовалъ быть отличнымъ ѣздокомъ и стрѣлкомъ изъ ружья и пистолета. Погасить свѣчу пулею, попасть въ туза или убить налету, пулею, ласточку —

нынѣ причисляемое къ рѣдкостямъ, почиталось тогда дѣломъ обыкновеннымъ. Мужчина не смѣлъ ѣздить въ каретѣ или въ коляскѣ: это предоставлялось больнымъ и женщинамъ. Семидесятилѣтніе старики ѣздили верхомъ въ дальній путь, напримѣръ, съ береговъ Березины въ Варшаву. Только нѣкоторые богатые модники, возвратясь изъ изнѣженнаго Парижа, презирали старинные обычаи; но такихъ людей было весьма немного, и ихъ преслѣдовали сатирою и насмѣшками. Такимъ образомъ, какъ наше семейство ѣхало въ Нѣсвижъ, ѣзжали тогда всѣ порядочныя шляхетскія фамиліи. Роскошь магнатовъ, особенно многочисленность ихъ прислуги и лошадей, превосходила всякое вѣроятіе. Напримѣръ, Князь Карлъ Радзивилъ выѣзжалъ, иногда, въ тысячу копей!...

Маршрутъ нашъ назначенъ былъ предварительно, и бричка, въ четыре лоша-

ди, съ кухонными снарядами, съ поваромъ и поваренками, шла впереди, шестью часами передъ главнымъ поѣздомъ. На назначенныхъ мѣстахъ поваръ готовилъ обѣдъ и ужинъ. Завтракъ и полдникъ везли съ собою. Матушка съ сестрами и со мною ѣхала въ четверомѣстной огромной каретѣ, на *пасажъ*, (т. е. на ремняхъ, потому что рессоры тогда мало употреблялись), запряженной цугомъ, въ шесть сивыхъ лошадей, безъ форейтора. Кучеръ правилъ съ лошади, а не съ козелъ. Передъ каретою и за нею ѣхали верхомъ четыре стрѣльца съ ружьями наперевѣсъ, съ кортиками и съ охотничьими рогами; на запяткахъ стояли два огромные лакея, одѣтые по-Венгерски, съ высокими волчьими шапками. Эти лакеи назывались *гайдуками*. За каретою шла коляска, запряженная цугомъ четырьмя карими жеребцами, и кучеръ также правилъ съ лошади, безъ

форейтора. Збруя была Краковская, т. е. высокіе хомуты съ бубенчиками; по въ городъ употребляли Англійскія шоры съ серебромъ. Въ коляскѣ сидѣлъ камердинеръ батюшки, а на запяткахъ казачекъ, бандуристъ. Потомъ ѣхалъ пикеръ (по-Польски *допъзжачій*) и его помощникъ, вѣдя гончихъ и борзыхъ собакъ на сворахъ. Нѣсколько брикъ (кажется три), каждая въ четыре лошади, также цугомъ, съ постелями, туалетомъ, столовымъ сервизомъ и разными вещами, шли за коляскою. Въ бричкахъ сидѣли служанки и такъ называемые *покоевцы*, т. е. комнатная прислуга, изъ молодыхъ и красивыхъ людей. При бричкахъ ѣхали, также верхомъ, офиціантъ, носившій въ Польшѣ названіе *маршалка*, и конюшій. Первый былъ то же, что въ Испаніи *majordome*, т. е. завѣдывалъ кухней, буфетомъ и прислугой, а второй управлялъ конюшнею и охотою. За бричкою

ѣздовой, верхомъ, вель парадную верховую лошадь батюшки, подъ богатою попоною съ гербами, а въ замкѣ тянулись крестьянскія подводы съ съѣстными припасами, мукою, крупкою, разнымъ копченымъ мясомъ, водками, ликерами, вареньями, сырами, и т. п. Отецъ мой ѣхалъ верхомъ на сѣромъ жеребцѣ, а за нимъ ѣздовой (по-Польски *лібзакъ*, *lozak*) въ курткѣ съ галунами, въ шишакѣ съ перьями, съ кортикомъ; онъ везъ длинный турецкій чубукъ и весь трубочный припасъ. Весь поѣздъ ѣхалъ обыкновенно шагомъ, или, по хорошей дорогѣ (что тогда была рѣдкость), малою рысцею. Безъ этой свиты не могъ выѣхать порядочный человѣкъ, шляхтичъ, *bene natus et possessionatus*! Подъѣзжая къ усадьбѣ или мѣстечку, кучера хлопали бичами, ѣздовые трубили въ рога и стрѣляли на воздухъ изъ ружей и пистолетовъ, чтобъ дать знать, что ѣдетъ *панъ*.

Всѣ Польскія власти были тогда въ разбродѣ ; страною управляли Русскіе генералы и поставленные ими офицеры. Начальники были ради-радешеньки, если могли ухватиться за кого-либо изъ туземцевъ, и отецъ мой, въ званіи народнаго гражданско-военнаго комиссара (*), долженъ былъ поневолю исправлять обязанности маршала (предводителя дворянства), судьи и всѣхъ полицейскихъ властей. Не знаю, на какое пространство простиралась эта принужденная власть его, но офиціально онъ былъ комиссаромъ Воеводства Новогрудскаго.

Польша издревле славилась безпорядками всякаго рода, особенно дурными

(*) *Komisarz ciwilno-woyskowy*. Это было нѣчто въ родѣ Французскаго *représentant du peuple, en mission*. Онъ долженствовалъ наблюдать за вооруженіемъ народа и порядкомъ въ странѣ, и дѣйствовалъ отъ имени Временнаго Правительства, учрежденнаго въ Варшавѣ.

дорогамъ и мостами. На этотъ счетъ существуетъ даже насмѣшливая пословица (*). Верстахъ въ двадцати отъ Нѣсвижа надлежало проѣзжать чрезъ ручей, который въ полную воду былъ довольно широкъ и быстръ. Осмотрѣвъ мостъ, люди наши увѣрились, что онъ не подниметъ кареты, а потому стали искать брода. Отецъ мой первый проѣхалъ въ бродъ, но не остался на другомъ берегу, а воротился, чтобъ распорядиться при спускѣ кареты. Карета прошла чрезъ воду благополучно, но при подъемѣ переднія лошади стали путаться, и карета нагнулась на сторону. Сестры отъ испуга закричали, и отецъ мой, ѣхавшій возлѣ кареты, далъ шпоры лошади: она рванулась на берегъ, и, не знаю какъ, осту-

(*) Польскій мостъ, Жидовскій постъ, Турецкое богомолье—все это бездѣлье. По-Польски это въ стихахъ: *Polski most, Żydowski post, Turckie nabożeństwo, to wszystko błazeństwo.*

пившись или завязнувъ въ грязи, упала на бокъ. Отецъ попалъ подъ лошадь, и ударившись о камень, переломилъ ногу. Мы всѣ выскочили изъ кареты, и съ крикомъ и плачемъ подняли его; стрѣльцы перевязали ногу между двумя досками, положили въ коляску, и поскакали во весь духъ въ Нѣсвижъ. Мы также поѣхали во всю рысь....

Домъ для насъ былъ приготовленъ Магистратомъ. Когда мы пріѣхали, отецъ мой былъ уже перевязанъ искуснымъ докторомъ, и лежалъ въ постели. Докторъ успокоилъ матушку, и увѣрилъ, что чрезъ шесть недѣль отецъ мой будетъ совершенно здоровъ и встанетъ съ постели, и что не предвидится ни малѣйшей опасности.

Въ Нѣсвижъ была тогда временная главная квартира Геперала Графа Ферзена, который побѣдою, одержанною надъ Костюшкою, и взятіемъ его въ плѣнь

стяжалъ себѣ всемірную славу. Въ это время онъ наслаждался ею въ полной мѣрѣ, награжденъ былъ щедро Императрицею Екатериною II (*) и Союзными Дворами, и пользовался особеннымъ уваженіемъ всеі Русской знати.

Нѣкоторые изъ Польскихъ офицеровъ, бывшихъ въ сраженіи подъ Маціевицами, приписываютъ однако жъ побѣду Генералу Денисову, впрочемъ весьма несправедливо, на томъ основаніи, что въ началѣ сраженія Поляки одержали верхъ въ центрѣ, гдѣ начальствовалъ самъ Генералъ Ферзенъ, который уже началъ ретироваться, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько пушекъ; но Генералъ Денисовъ, стремительно бросившись, съ своею кавалеріею,

(*) Онъ пожалованъ Графомъ (изъ Баропа), получилъ чинъ Генералъ-Аншефа, Андреевскую ленту и 2-й степени Георгія, богатые помѣстья на Украинѣ, и отъ Австрійскаго и Прусскаго Дворовъ ордена и богатые подарки.

на лѣвый флангъ Польскій, смялъ его, обратилъ въ бѣгство, и этимъ внезапнымъ ударомъ привелъ весь корпусъ Костюшки въ разстройство. Тогда уже Генераль Ферзенъ сталъ громить центръ Польскій своею артиллеріею, и ударилъ въ штыки. Какъ бы то ни было, но слава побѣды принадлежитъ всегда главнокомандующему. Очевидцы и иностранные писатели должны вспомнить, что безъ счастливаго движенія Генерала Десе (Desaix) Наполеонъ не одержалъ бы побѣды при Маренго, однакожъ слава принадлежитъ Наполеону. Вѣдь и Костюшку взялъ въ плѣнъ не самъ Ферзенъ, а мы должны говорить и писать, что Костюшко взятъ Ферзеномъ.

Разумѣется, въ общемъ разстройствѣ страны, при непрерывныхъ переходахъ войскъ, продовольствіе его было сопряжено съ величайшими затрудненіями. Брали, гдѣ могли взять, и наконецъ

выбрали все, что было на виду, а между тѣмъ большая часть запасовъ сохранялась помѣщиками и крестьянами въ ямахъ, въ лѣсахъ, между неприступными болотами. Надлежало имѣть человека, который бы зналъ мѣстность и средства каждаго помѣстья, и умѣлъ распределить такъ называемую реквизицію (контрибуцію провіантомъ и фуражемъ), справедливо, безъ излишняго отягощенія жителей и сообразно состоянію каждаго помѣщика. Для этого Ферзенъ вытребовалъ отца моего въ Нѣсвижъ, и весьма былъ огорченъ случившимся съ нимъ несчастіемъ, которое замедляло предположенное учрежденіе Временной Провіантской Коммисіи.

Лишь только язвенная горячка (Wundfieber) у отца моего миновалась, Графъ Ферзенъ навѣстилъ его, присылая прежде ежедневно адъютанта, освѣдомляться о его здоровьи. Въ эту самую пору у

отца моего былъ докторъ, и потому матушка приняла Графа въ гостиной, и, по Польскому обычаю, представила ему все наше семейство. Графъ Ферзенъ, послѣ первыхъ вѣжливостей, сказалъ матушкѣ, что она, будучи матерью Русскаго воина (*), какъ Русская, имѣетъ полное право на покровительство Русскаго Правительства, и просилъ ее, чтобъ она избрала его въ предстатели предъ трономъ Великой Монархини. Матушка, разумѣется, приняла это за комплиментъ, однакожъ все наше семейство было обворожено ласковостью, хорошимъ тономъ и добродушіемъ Графа Ферзена. Замѣтивъ привязанность матушки ко мнѣ, державшей меня на колѣняхъ, Графъ Ферзенъ обратился ко мнѣ, а матушка велѣла мнѣ подойти къ Графу и привѣтствовать его. Графъ поцѣловалъ меня въ лобъ, и обѣщалъ принести конфетовъ и

(*) См. приложение 7-е въ концѣ 1-й части.

игрушекъ. Я столько наслышался въ домъ нашемъ о Графѣ Ферзенѣ, о Костюшкѣ (котораго обожали въ нашемъ семействѣ), что съ недоувѣрчивостію слушалъ Графа и съ величайшимъ любопытствомъ разсматривалъ его. Графъ Ферзенъ былъ уже старъ лѣтъ шестьдесяти, но по лицу казался еще старѣе. Онъ былъ сухощавый, весь въ морщинахъ и согнутый; щурилъ глаза и закрывалъ ихъ рукою отъ свѣта. Особенно помню, что онъ весьма было былъ папудренъ, и имѣлъ трость съ набалдашникомъ, осыпаннымъ драгоценными каменьями. Посидѣвъ съ дамами съ полчаса, Графъ пошелъ въ комнату отца, гдѣ пробылъ долго, и съ другаго же дня, въ спальнѣ отца моего началъ собираться ежедневно комитетъ, составленный изъ нѣсколькихъ помѣщиковъ и Русскихъ штабъ-офицеровъ, для учрежденія земской полиціи и установленія правильнаго продовольствія войска.

Графъ Ферзенъ занималъ весь замокъ или дворець (раѣас) Князя Радзивила, властителя Ньсвижа, жилъ роскошно, попарски, разумѣется, по тогдашнему обычаю, на счетъ города и помѣщика, который былъ за границею. Вся оставшаяся въ домѣ прислуга княжеская и все, что оставалось въ цѣлости — домашніе снаряды, сервизы, лошади и экипажи, находились въ распоряженіи Графа Ферзена. Дня чрезъ два послѣ своего посѣщенія, Графъ Ферзенъ снова пріѣхалъ къ намъ, просить матушку съ сестрами на вечеръ: на концертъ, балъ и ужинъ. Матушка отговаривалась всячески, и наконецъ должна была обѣщать, что будетъ, если какія особенныя обстоятельства не помѣшаютъ.

Послѣ узналъ я причину, по которой матушка не хотѣла ѣхать на вечеръ къ такому важному человѣку. Графъ Ферзенъ, не взирая на преклонныя свои лѣ-

та и хилость, былъ страстнымъ обожателемъ прекраснаго пола, и имѣлъ при себѣ трехъ юныхъ собесѣдницъ, Полекъ. / Тогда былъ иной вѣкъ, и Русскіе вельможи, а за ними и ихъ подчиненные, не скрывали того, что въ наше время, если и дѣлается, то лишь тайно и съ нѣкоторыми приличіями. Русская знать все еще жила въ вѣкъ Лудовика XV. Всѣ богатые и достаточные люди въ Россіи держали явно любовницъ, хвастали ими, какъ нынѣ хвастаютъ мебелью или лошадьми, и никто не обращалъ на это вниманія. Нѣкоторые богачи, поселившись въ деревнѣ, имѣли цѣлые хоры пѣвицъ, танцовщицъ или цѣлый заводъ кружевницъ, и все это было въ порядкѣ вещей. Въ Польшѣ, гдѣ все дворянство, исключая должностныхъ при Дворѣ, проживало большую часть года въ своихъ помѣстьяхъ, въ семейномъ кругу, между родными, соблюдалось болѣе при-

личій въ этомъ отношеніи. Любовныя интриги хотя и существовали, но тайно и благопристойнѣе, и не взирая на вольное обращеніе между полами, никто не дерзалъ похвастать тѣмъ, что имѣеть любовницу. Женщина подозрительнаго поведенія не смѣла даже показаться въ люди.—Русскіе офицеры, *особенно пожилые*, вели себя неприпужденно, разобрали по рукамъ всѣхъ хорошенькихъ служанокъ изъ шляхтянокъ, всѣхъ пригожихъ дочерей экономовъ и даже жень многихъ шляхтичей, словомъ всѣхъ легкомысленныхъ дѣвушекъ и женщинъ, получившихъ нѣкоторую наружную образованность въ господскихъ домахъ, и умѣвшихъ искусно подражать всѣмъ манерамъ своихъ прежнихъ барынь и барышень, и жили съ ними явно, какъ съ женами. Надобно сознаться, что Польки соблазнительны! Одинъ Польскій поэтъ сравниваетъ ихъ, по граціозности, съ мо-

лодыми кошечками! Польки ловки, любезны, кокетки отъ природы, и умѣютъ принимать на себя все отъѣнки различныхъ характеровъ, сообразно нраву того, кому хотятъ нравиться. Трудно противостать ихъ искушенію, въ чемъ сознался { и великій Суворовъ! Въ противоположность этому, женская ловкость, развязность и любезность сосредоточивались тогда въ Россіи только въ высшемъ обществѣ, а въ обыкновенномъ дворянскомъ кругу женщины были манерны, застычивы, неловки и старались казаться въ высшей степени чипными и степенными. Приманка въ Польшѣ была слишкомъ велика, и покорители Польши щедро вознаграждали себя за понесенные труды и за скуку съ Русскими женщинами, и жили въ Польшѣ, какъ въ Магометовомъ раю, съ тою разницею, что въ Польско-Магометовомъ раю было сверхъ всехъ благъ — венгерское вино!

Многія любовницы совершенно овладѣли своими обожателями, и они, повинаясь ихъ волѣ, вводили своихъ любовницъ въ порядочный кругъ, возили на балы, приглашали къ себѣ гостей, словомъ, ввели ихъ во все права законныхъ женъ. Пока кипѣла война и каждый вооруженный человекъ былъ страшенъ, тогда все терпѣли и даже искали покровительства любовницъ; но когда громы войны замолкли и Императрица Екатерина II рѣшила присоединить къ Россіи Литву, то съ мирными и покорными жителями велѣла поступать снисходительно и ласково — и они ободрились. Къ тому же, многіе Поляки уже находились при Дворѣ Россійскомъ, и обѣщали землякамъ своимъ защиту и покровительство. И такъ, хотя страхъ Русскаго имени еще не исчезъ во все въ Польшѣ, но уже значительнѣйшіе изъ жителей заняли прежнія мѣста свои въ обществѣ и не покорялись слѣпо волѣ каж-

даго, посившаго Русскій мундиръ. Многія дамы не ѣздили даже въ церковь, чтобъ не встрѣчаться съ Русскими собесѣдницами, щеголявшими нарядами и экипажами. Эти собесѣдницы Русскихъ воиновъ приводили въ соблазнъ своею роскошью, и не появлялись въ люди иначе, какъ осыпанныя алмазами и жемчугомъ. / И такъ, матушка моя боялась унизиться, или, какъ говорится, скомпрометироваться, попавъ въ общество этихъ собесѣдницъ, тѣмъ болѣе, что слышно было, будто и наша панна Клара разъѣзжаетъ по городу въ богатомъ экипажѣ какого-то маіора. Матушка созналась въ этомъ доктору, лечившему отца моего, а какъ этотъ докторъ, землякъ Графа Ферзена, былъ съ нимъ фамиліярень и пересказалъ ему справедливыя опасенія матушки, то Графъ Ферзенъ былъ такъ деликатень, что въ тотъ же день прислалъ матушкѣ списокъ всѣхъ званыхъ гостей. Разумѣется, что

матушка послѣ этого повѣхала съ сестрами на вечеръ, на которомъ младшая сестра, Антонина, приобрѣла общія похвалы за отличное свое пѣніе и ловкость въ танцахъ.

Поляки, подобно Богемцамъ, народъ музыкальный — и Богемцы потому только превосходятъ въ музыкѣ все Славянскія племена, что имѣютъ въ Прагѣ консерваторію, распространяющую вкусъ и образуящую учителей. Въ Польшѣ также въ каждомъ шляхетскомъ домѣ занимаются музыкою. Почти каждая бѣдная шляхтяночка играла, въ то время, на Польской гитарѣ (съ семью желѣзными струнами), и во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ все дамы играли на фортепіанѣ, на арфѣ и даже на гусяхъ, которыя тогда были въ большомъ употребленіи. Все Польки учились пѣнію въ женскихъ монастыряхъ. Младшая сестра моя, Антонина, была одарена необыкновеннымъ та-

лантомъ къ музыкѣ, имѣла прелестный голосъ, пѣла съ удивительнымъ чувствомъ и выраженіемъ, и играла отлично на фортепіанѣ, на арфѣ, на гитарѣ и на гусляхъ. Старшая сестра, Елисавета, воспитанная, какъ и младшая, по тогдашнему обыкновенію, въ монастырь Сестеръ Бенедиктинокъ, въ Минскѣ, гдѣ наша родственница была настоятельницею, Елисавета, по странному вкусу, избрала для себя кларнетъ, и играла на немъ очень хорошо, участвовавъ прежде въ монастырскомъ музыкальномъ хорѣ. — Домъ нашъ сдѣлался мѣстомъ собраній всѣхъ Русскихъ офицеровъ и всѣхъ семействъ, съѣхавшихся въ Пѣсвижъ, для избѣжанія опасностей отъ мародеровъ, и почти каждый вечеръ у насъ занимались музыкою и танцами, и играли въ карты. Страшно вспомнить объ этой игрѣ! Червоицы ставили на карту не счетомъ, а мѣрою—стаканами! Въ офицерскихъ квар-

тирахъ, какъ разсказывалъ отецъ мой, играли также на вещи: на жемчугъ, алмазы, серебряную и золотую посуду, часы, перстни, серьги, драгоценное оружіе и конскую збрую. Шайки Варшавскихъ и Виленскихъ шулеровъ разъѣзжали изъ одного штаба Русскихъ войскъ въ другой штабъ, и прибирали къ рукамъ добычу. Многіе игроки сдѣлались богачами, хотя и съ переломанными костями, безъ глаза или безъ зубовъ; нѣкоторые лишились жизни за карточнымъ столомъ. Тогда на все смотрѣли сквозь пальцы! Благоразуміе всѣхъ поступали Русскіе офицеры изъ Пѣмцевъ: они отравили свои сокровища домой, потомъ купили мызъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, и вошедъ бѣдняками въ службу, оставили дѣтямъ богатое наслѣдство. Большая часть Русскихъ, что нажили въ Польшѣ, то въ ней и прожили. Славянская кровь! Почти то же было и съ Поляками въ Россіи, во

время Самозванцевъ, съ тою разницею, что Поляки проигрывали своимъ и чужеплеменникамъ.

Графъ Ферзенъ былъ ежедневнымъ нашимъ гостемъ, и полюбилъ искренно наше семейство. Я былъ его любимцемъ, ходилъ къ нему почти каждое утро завтракать, бѣгалъ по комнатамъ, игралъ съ его попугаями, моськами и съ его оружіемъ, и весьма часто оставался обѣдать. Въ шутку называлъ онъ меня своимъ полуадъютантомъ, и посылалъ чрезъ меня бумаги къ моему отцу. И онъ самъ, и собесѣдницы его, и адъютанты и даже прислуга, забавлялись мною, потому что я былъ рѣзвъ, смѣлъ, всегда веселъ, разговорчивъ, и заставлялъ ихъ часто хохотать моими дѣтскими рѣчами и простодушіемъ. Однажды, когда Графъ Ферзенъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, а я дразнилъ его попугая, грозя ему маленькимъ ятаганомъ, который

былъ у меня въ рукахъ, Графъ спросилъ: «Что ты хочешь, чтобъ я подарилъ тебѣ: попугая или эту саблю?»—Попугай мнѣ чрезвычайно нравился, но я, взглянувъ на него и на ятаганъ, сказалъ: «Дай саблю!» — «Зачѣмъ тебѣ она?» примолвилъ Графъ. — «Бить всѣхъ, кого дядя Костюшко прикажетъ!» отвѣчалъ я. Разумѣется, что я говорилъ точно такъ, какъ попугай, съ которымъ я игралъ, т. е. повторялъ то, чего наслушался дома, а въ то время только и толковъ было, что о безпредѣльномъ повиновеніи избранному вождю и неповиновеніи Королю. — «А развѣ ты не знаешь, что у тебя есть Король, и что ты долженъ слушать его, а не Костюшку?» примолвилъ Графъ. Я отвѣчалъ затверженною мною и тогда общою поговоркою: «Король Понятовскій, дуракъ по Божьей милости» (Król Poniatowski, kiep z łaski Boskiej)(*). Ферзенъ

(*) Я слышалъ, будто знаменитый Князь Карлъ

и всѣ присутствовавшіе расхохотались, и Графъ сказалъ: «Возьми же эту саблю, я дарю тебѣ ее, а попугая отнеси отъ меня матушкѣ.» Я бросился къ Графу, вспрыгнулъ къ нему на колѣни, сталъ обнимать и цѣловать, замарался весь пудрой, и сказалъ: «Тебя не убью, хоть бы дядя Костюшко велѣлъ!» — «Спасибо, очень благодаренъ», отвѣчалъ Графъ, смѣясь. Я тотчасъ попросился домой, чтобъ похвастать моею саблею, и пробѣгая рядъ комнатъ въ переднюю, не могъ удержаться, чтобъ не хватить саблей по лбу мраморнаго сатира, который стоялъ въ нишѣ; въ карикатурномъ положеніи, высунувъ языкъ. Со мною былъ мой дядька, кото-

Радзивилъ велѣлъ вычеканить нѣсколько сотъ червонцевъ съ изображеніемъ короля и этою надписью, и что эта монета была въ обращеніи въ Варшавѣ. Примѣръ разладицы и неустройства! Могло ли существовать государство при такомъ своеволіи!

рый рассказал матушкѣ все происшедшее, и она чрезвычайно испугалась, чтобъ Графъ Ферзенъ не заключилъ изъ словъ моихъ о непріязненныхъ чувствахъ нашего семейства къ настоящему порядку дѣлъ. Лакей Графа присѣлъ, въ слѣдъ за мною, попугая, а вечеромъ пріѣхалъ и самъ Графъ, и когда матушка начала объясняться на счетъ моихъ рѣчей, Графъ Ферзенъ, какъ она мнѣ послѣ сказывала, возразилъ: «Я самъ на вашемъ мѣстѣ думалъ бы точно такъ же. Неужели вы почитаете наше Правительство столь неблаго-разумнымъ, чтобъ оно послѣ всего, что здѣсь случилось, требовало отъ васъ *внезапной* любви и вѣрности? Наша Великая Моцархия *созидаетъ дѣла вѣковыя*, и что вѣками было расторгнуто, то вѣками и соединится. Здѣсь была нѣкогда Русь—въ будетъ со временемъ! Мы требуемъ только, чтобъ вы были спокойны и не порывались на невозможное, для соб-

ственного вашего блага. Есть Русская пословица: сила ~~и~~ соломѣ ломить — не забывайте ее, а мы перестанемъ говорить объ этомъ.» Такъ думалъ, и, сообразно съ своими правилами, такъ поступалъ Графъ Ферзенъ; но, по несчастію, были и такіе, которые думали и поступали иначе, или не понимая видовъ Правительства Русскаго, или не исполняя ихъ изъ собственныхъ выгодъ.

Отецъ мой совершенно выздоровѣлъ, и хотя еще подпирался тростью, но выѣзжалъ со двора. Однажды, когда все семейство наше было отозвано куда-то на вечеръ, а я уже спалъ, вдругъ какой-то ужасный ревъ разбудилъ меня. Комната моя была освѣщена внѣшнимъ блескомъ. Няньки не было въ спальнѣ; я вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну, взглянулъ — и вся кровь во мнѣ застыла. Вѣжу, что во всю длину улицы тянутся какія-то страшилища, въ бѣлой и черной

длинной одеждѣ, по два въ рядѣ съ факелами, и ревутъ во все горло, а по срединѣ, между множествомъ знаменъ, толпа этихъ же чудовищъ несетъ гробъ. (*) Няньки и служанки натолковали мнѣ прежде о вѣдьмахъ, колдунахъ, чертяхъ, мертвецахъ, и т. п.; въ моемъ разгоряченномъ воображеніи представилось что-то такое ужасное, что я не могъ двинуться съ мѣста отъ страха, упалъ за-мертво, и больше ничего не помню. Когда я пришелъ въ чувства, два гайдука качали меня на простынѣ. какъ въ койкѣ, среди комнаты. «Маменька, гдѣ ты?» спросилъ я — и она бросилась ко мнѣ со слезами и прижала къ сердцу. — «Дай мнѣ ѣсть, я голоденъ!» Матушка чуть держалась на ногахъ отъ радости. Тотчасъ послали за докторомъ и за отцемъ, котораго призывалъ къ себѣ по дѣламъ Графъ Фер-

(*) Это были похороны Настоятеля католическаго монастыря.

зень. Докторъ обрадовалъ родителей, сказавъ, что теперь онъ отвѣчаетъ за жизнь мою. Послѣ рассказали мнѣ, что я девять дней пролежалъ въ горячкѣ, съ бредомъ, и что всѣ лишились надежды на мое выздоровленіе. Пришедъ въ чувства, я былъ однако жъ такъ слабъ, что не только не могъ стоять на ногахъ, но едва шевелился. Черезъ три недѣли я съ грудомъ ходилъ по комнатѣ.

Во время моей болѣзни, Графъ Ферзенъ уѣхалъ въ Петербургъ. Лѣтомъ 1795 года началось окончательное присоединеніе бывшей Литвы, Волинніи и Подоліи къ Россіи. Генералъ-Губернаторомъ въ Литвѣ былъ Генералъ-Аншефъ Князь Репнинъ, прежній Посолъ при Польскомъ Королѣ, или правительнѣе, Правитель всей Польши; Минскимъ Губернаторомъ назначенъ былъ Генералъ-Поручикъ Тутолмицъ. Главная квартира дивизіи войскъ, занимавшихъ часть Литвы, прилежащую

къ Бѣлоруссіи, переведена въ городъ Минскъ, и начальство надъ этою дивизіею поручено Генералу Денисову. Повсюду стали приводить къ присягѣ дворянство, духовенство и мѣщанъ всѣхъ исповѣданій, и въ концѣ Іюня обнародованъ Генераломъ Тутолминымъ знаменитый манифестъ Императрицы Екатерины II, подтверждающій всѣ права и привилегіи, которыми эти области пользовались прежде. Въ новоучрежденныхъ губерціяхъ, вмѣсто прежнихъ воеводствъ, вводили Русское управленіе, оставляя прежній порядокъ касательно избирательныхъ мѣстъ, но только въ казенныхъ мѣстахъ и по полицейской части опредѣляли Русскихъ чиновниковъ, и когда ¹²/₂₄ Октября, 1795 года, между тремя Державами рѣшено было раздѣлить между собою бывшую Польшу — въ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, уже введено было новое устройство и

принесена присяга, хотя Король Польскій, проживавшій въ Гроднѣ, подписалъ актъ отрѣченія отъ престола только 15/28 Ноября того же года. При введеніи новаго порядка вещей, обязанности отца моего по званію Военно-Гражданскаго Коммиссара кончились: онъ отправился въ Минскъ, для сдачи отчетовъ Генералу Тутолмину, а семейство наше возвратилось въ деревню.

III.

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПОСЛѢДНЕЙ ЭПОХИ
ДРЕВНЕЙ ПОЛЬШИ. — ІЕЗУИТЫ. — ШЛЯХЕТСКІЕ
АНЕКДОТЫ. — ПОПЫТКИ СПАРТАНСКАГО ВОСПИ-
ТАНІЯ.

Не желаю никого оскорбить въ мо-
ихъ воспоминаніяхъ, особенно не намѣ-
ренъ задѣвать народнаго самолюбія; но
надобно быть болѣе нежели несправедли-
вымъ, надобно быть лжецомъ, чтобъ не
сознаться въ томъ, что въ теченіе всего
XVIII вѣка, когда всѣ Европейскія Го-
сударства возвышались и совершенство-
вались, Польша безирерывно склонялась
къ упадку, т. е. лежала на смертномъ

одръ и въ пароксисмахъ ожидала смерти. Если никто не рѣшился взять Польшу, то единственно изъ уваженія къ памяти Вестфальскаго мира, обезпечившаго равновѣсіе въ Европѣ, и изъ опасенія общаго замѣшательства въ Европѣ, какъ то было въ Семилѣтнюю Войну. Цельзя раскрыть Исторію безъ сожалѣнія и пегодованія. Въ XVI вѣкѣ Польша занимала одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ Христіанскомъ мірѣ, славилась учеными мужами и воинами, и на свои земныя произведенія вымѣнивая всѣ условныя сокровища, имѣла даже запасы драгоценныхъ металловъ и дорогихъ камней. При вступленіи на престолъ Сигизмунда III, Польша имѣла 16,000,000 жителей, на обширномъ пространствѣ между Балтійскимъ и Чернымъ Морями, Двиною и Одеромъ. Въ XVI вѣкѣ во всей Европѣ было весьма мало регулярнаго войска, и свлу государства составляло вездѣ зем-

ское ополченіе, т. е. дворяне съ своими вассалами и горожане, вооружавшіеся на время войны. Въ Польшѣ, до избирательныхъ Королей, пѣхота была наемная изъ Нѣмцевъ, Венгровъ и Шотландцевъ, а всю силу составляла конница изъ шляхты, или *общее возстаніе* (*pospolite ruszenie*). При Владиславѣ II, противу Ливонскихъ рыцарей 150,000 шляхты съло на конь; при сынѣ его, Казимирѣ, 60,000 вооружились при первомъ воззваніи къ защитѣ отечества, а при Іоанпѣ Албрехтѣ выступило въ поле 80,000 конной шляхты. Но когда всѣ государства, удостоверяясь въ важности пѣхоты и въ необходимости содержать постоянное войско, устроили регулярныя арміи, воздвигли крѣпости, завелись артиллеріею, въ Польшѣ все оставалось по старому. Говорили много на сеймахъ и говорили хорошо, составляли умные проекты — но-напрасну, и наконецъ, едва дошли до

того, что устроили 12,000 регулярнаго войска и артиллерію! Во всемъ государствѣ не было ни одной порядочной крѣпости! Безъ денегъ самый мудрый Король не могъ ничего предпринять къ благосостоянію государства, а подати зависѣли отъ сеймовъ, на которыхъ послы (т. е. депутаты) тогда только были согласны между собою, когда надлежало произнестъ veto (не позволяю) противу предложенія о податяхъ. При бѣдности государственной казны, Короли были рады, что богатое духовенство, владѣя огромными помѣстьями, приняло на себя воспитаніе юношества; но когда съ восшествіемъ на престолъ Сигизмунда III, Іезуиты овладѣли почти исключительно воспитаніемъ, прежній свѣтъ въ Польшѣ померкъ, и насталь мракъ, въ которомъ большая часть шляхты уже не видѣла прямыхъ выгодъ государства. Іезуиты систематически истребляли истинное

просвѣщеніе, и помрачали даже здравый разумъ, на основаніи правила Омара, сжегшаго Александрійскую бібліотеку! Они держали въ своихъ школахъ людей отъ юношескаго до зрѣлаго возраста, шпигуя ихъ память Латынью и отягчая умъ ложными понятіями о наукахъ, некаякая истину, когда она не согласовалась съ ученіемъ Римской Церкви, и только тѣхъ изъ учениковъ допускали въ святилище наукъ, которые соглашались вступить въ ихъ братство. Основаніемъ Іезуитскаго воспитанія былъ самый изступленный религіозный фанатизмъ, безусловная преданность Папской власти, интолеранція (нетерпимость другихъ исповѣданій) и проаганда, т. е. распространеніе Католицизма. Іезуиты и ихъ достойные воспитанники ненавидѣли всѣхъ Христіанъ не Римско-Католической Вѣры и не признающихъ Папы главою Церкви, и почитали ихъ ниже Мусульманъ,

Евреевъ и даже идолопоклонниковъ. Изъ этого ученія, глубоко укорененнаго въ сердцахъ , возстала Унія , лишившая Польшу главной ея опоры — Малороссіи, и произошло отчужденіе всѣхъ не-Католиковъ отъ Польши. Почти вся Литва и лучшее Литовское шляхетство было Православнаго Греческаго Исповѣданія; но когда не только Православныхъ, но даже Уніятвъ отдалили отъ занятія всѣхъ важныхъ мѣстъ въ государствѣ, и стали приманивать въ Католическую Вѣру знатную Православную шляхту пожалованіемъ староствъ, ленныхъ и амфитеутическихъ имѣній, и когда въ присутственныя мѣста, въ школы и въ дворянскія дѣла вообще ввели Польскій языкъ, все Литовское шляхетство мало по малу перешло къ Католицизму. При Сигизмундѣ III и наша фамилія перешла въ Католическую Вѣру, и получила нѣсколько имѣній подъ различными титулами,

изъ коихъ одно, амфитеутическое имѣніе, Рудавка, возлѣ Свислочи (въ Гродненской Губерніи, Волковыскомъ Уѣздѣ) и понынѣ находится въ нашемъ родѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ существовать.

Итакъ, первая и главная, а лучше сказать единственная, радикальная причина упадка Польши была власть Іезуитовъ, истребившихъ истинное просвѣщеніе и укоренившихъ въ умахъ нетерпимость (*intolérance*). Вторая причина, слѣдствіе первой, была слабое правленіе избираемыхъ Королей (послѣ Ягеллонова рода), а особенно послѣднихъ Королей Саксонскаго Дома. Вольтеръ сказалъ въ шутку: «*Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre!*» Это сушая истина! Со времени Августа II, пьянство жестоко распространилось между шляхтой, и наконецъ Венгерія все свое вино продавала въ Польшу. За пшеницу, ленъ и пеньку, продаваемые въ Данцигъ, Ригъ и Меме-

лѣ, помѣщики покупали почти исключительно пряности и крѣпкія виноградныя вина. Цесовая охота, карточная игра, попойки и рыцарскія упражненія, т. е. гарцованіе на коняхъ и поединки, составляли обыкновенное препровожденіе времени. | Дворянскіе выборы въ должности (Сеймики) и въ послы, т. е. депутаты на Сеймы, и (безпрерывные и безконечныя процессы) были единственнымъ важнымъ занятіемъ шляхты. Впрочемъ, страсть къ процессамъ происходила вовсе не отъ любопытства; процессы всегда почти рождались или изъ ложнаго честолюбія, или въ слѣдствіе личной ссоры. Хоть бы лишиться послѣдняго куска хлѣба, лишь бы поставить на своемъ! Кромѣ того, процессы замѣняли театръ и литературу въ провинціяхъ. Рѣчи адвокатовъ (голоса, *glosy*), такъ называемые манифесты, т. е. изложеніе претензій, печатались и рассылаемы были ко всемъ пріятелямъ. Су-

допроизводство было открытое, и привлекало въ запутанныхъ дѣлахъ, или когда тягались значительные люди, множество слушателей въ суды. Сами тяжущіеся говорили иногда рѣчи, и это занимало умы и убивало время. На выборы свозили десятками мелкую шляхту (потому что каждый шляхтичъ имѣлъ право избирать и быть избираемымъ), кормили и поили ихъ на убой, и въ случаѣ спора заставляли драться между собою. Рѣдкій шляхтичъ не имѣлъ рубцевъ на щекахъ и на головѣ. Искатели мѣсть старались блеснуть краснорѣчіемъ, роскошью и щедростью, разорялись на пустякахъ. Приговоры суда, по процесамъ, рѣдко исполнялись безъ употребленія силы со стороны выигравшаго процессъ, и если проигравшій тяжбу защищался, тогда происходила формальная война. Иногда случалось, что по самымъ пустымъ притязаніямъ, богатый панъ, со-

бравъ пьяную шляхту, выгонялъ изъ имѣнія бѣднаго или смирнаго помѣщика, и потомъ начиналъ процесъ. Это изгнаніе называлось *зайздомъ* (zaiazd), и случалось весьма часто. Законныя власти не въ силахъ были ни предупредить зла, ни удержать его, когда непослушный принадлежалъ къ могущественной партіи или фамиліи. Однимъ словомъ, законы въ Польшѣ были безсильны, и отъ безчисленныхъ процессовъ богатыли одни адвокаты. Правда, во всей Польшѣ не слышно было о *взяткахъ*, и въ Польскомъ языкѣ даже нѣтъ настоящаго слова для выраженія *лихоимства*; но весьма часто случалось, что судьи судили несправедливо изъ страха, по духу партій, ради покровительства вельможъ, что выходило на одно и то же. И что значило государство безъ просвѣщенія, безъ государственной казны, безъ полиціи (въ Польшѣ никогда не допускали учрежде-

нія ея), безъ силы законовъ, безъ войска, безъ всякой промышленности? Государство, омраченное фанатизмомъ, разстроенное во всѣхъ своихъ частяхъ своеволіемъ шляхты, деспотизмомъ вельможъ и самымъ тяжкимъ рабствомъ земледѣльцевъ! Страшно подумать! Последний Король, Станиславъ Августъ (Понятовскій), былъ человекъ умный, любезный, добродушный, даже ученый, страстный любитель литературы и художествъ, но слабаго характера — перъшительный и несмѣлый; нравственно онъ былъ, однакожъ, полезенъ своему несчастному отечеству. Немѣя средствъ истребить зла, онъ, по крайней мѣрѣ, употребилъ все отъ него зависящее, чтобъ положить основаніе добру. Онъ далъ другое, сообразное съ въкомъ, направленіе воспитанію юношества въ Варшавскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, и имѣлъ усерднаго помощника въ аббатѣ Конарскомъ (монашескаго ордена

Піаровъ). Піарскія школы противодѣйствовали Іезуитскому воспитанію. Князь Чарторійскій (дядя Короля), основалъ учебныя заведенія въ имѣніи своемъ, Пулавахъ, для шляхты обонхъ половъ, и изъ этихъ-то школъ вышли все достойные люди послѣдняго времени Польши. Литература воскресла; искусства оживили; но это были только блистательныя звѣзды на мрачномъ горизонтѣ. Въ Варшавѣ и Вильнѣ была утонченность Парижа, а въ провинціяхъ, особенно въ Литвѣ и на Украинѣ, господствовали фанатизмъ среднихъ вѣковъ, своеволие степей Аравійскихъ и пьянство и прожорливость дикарей Америки. Тутъ было въ полномъ смыслѣ: кто кого смога, тотъ того въ рога!

Отецъ мой былъ весьма далекъ фанатизма, напротивъ, былъ сильнымъ приверженцемъ въротерпимости и всѣхъ нововведеній. Онъ былъ воспитанъ просвѣ-

щеннымъ католическимъ аббатомъ, родомъ изъ древней Польской Пруссiи (Вармии), Нѣмцемъ, и любилъ философское, политическое и историческое чтенiе. Отецъ мой былъ не только уменъ, но даже остроуменъ, весельчакъ въ полномъ смыслѣ слова, чрезвычайно добродушенъ, честенъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, но имѣлъ несчастный характеръ: былъ чрезвычайно вспыльчивъ, увлекался первымъ впечатлѣнiемъ, и при наружной популярности былъ чрезвычайно гордъ въ душѣ. Для удовлетворенiя этой гордости онъ жертвовалъ всѣмъ, и жизнью, и имѣнiемъ. Онъ готовъ былъ обниматься и сидѣть рядомъ съ самымъ убогимъ шляхтичемъ, который подчинялся его волѣ, но за одинъ косой взглядъ равнаго или почитавшаго себя высшимъ, за одно слово, которое казалось ему оскорбительнымъ, вызывалъ на дуэль или метилъ явнымъ оскорбленiемъ. Онъ былъ, какъ нынѣ гово-

рять, человекъ эксцентрическій, и поступалъ во всемъ не такъ, какъ другіе. Этотъ пагубный характеръ навязывалъ ему безпрестанно хлопоты и безпокойства, и былъ причиною его собственнаго несчастія, а отчасти и всего семейства. Щедрость его не имѣла предѣловъ: онъ дарилъ все, что нравилось его друзьямъ, и при деньгахъ сыпалъ ими безъ всякой нужды, какъ будто обладалъ неисчерпаемыми сокровищами! Роста онъ былъ высокаго, сложенія крѣпкаго, силы необыкновенной, но по лицу, какъ говорятъ всѣ знавшіе его, я живой его портретъ. Расскажу о немъ нѣсколько анекдотовъ, которые въ нынѣшнее время покажутся невѣроятными, и вмѣстѣ послужатъ характеристикой тогдашней шляхты.

Отецъ мой остался малолѣтнимъ сиротою послѣ смерти родителей, съ весьма хорошимъ состояніемъ, и опекунами

его были родной дядя и знаменитый Князь Карль Радзивиль — оригиналь, какихъ мало было на свѣтѣ, но самый добрый и благородный человекъ, прозванный по любимой своей поговоркѣ: *пане кожанку* (раніе *kochanku*, по-Русски почти то же что *любезнѣйшій*). Это слово повторялъ онъ безпрестанно, говоря и съ дамами, и съ Королемъ, и съ своимъ лакеемъ, и съ жидомъ! Отецъ мой, прѣхавъ по дѣламъ своимъ въ Слуцкъ, принадлежавшій Князю Радзивилу, встрѣтилъ на улицѣ богатаго жида, содержавшаго въ городѣ винный откупъ (т. е. всѣ корчмы), торговавшаго притомъ виноградными винами, и пользовавшагося особенною милостью Князя. Жидъ этотъ хотя зналъ хорошо отца моего, но избалованный фамиліярностью другихъ помѣщиковъ, прошелъ мило, не поклонившись. Отецъ мой, всыхнувъ, закричалъ: «Долой шапку, жидъ!» и бросился къ не-

му; но жидъ, отвѣтя грубо, скрылся въ толпѣ Радзивиловскихъ слугъ, и заперся въ домъ. Отецъ мой велѣлъ немедленно запрячь своихъ лошадей, и поѣхалъ прямо въ Нѣсвижъ, къ Князю, который весьма любилъ его. Онъ пробылъ у него нѣсколько дней, и своими остротами и шутками привелъ Князя, большаго охотника до фарсовъ, въ самое веселое расположение духа. Между ими было состязаніе въ этомъ отношеніи, что весьма правилось старому Князю. На третій день, передъ отъѣздомъ, отецъ мой сказалъ, что Князь можетъ оказать ему большую милость, но онъ не смѣетъ просить его. «Скажи, чего хочешь, я все для тебя сдѣлаю», отвѣчалъ Князь. — «Отдайте мнѣ въ аренду вашъ фольварокъ (маленькую мызу или усадьбу) въ полумилѣ отъ Слуцка,» сказалъ отецъ мой. — «Зачѣмъ тебѣ эта мелочь? Я бы и подарилъ тебѣ, еслибъ этотъ фольварокъ лежалъ на моей

границъ, а не въ срединъ моихъ помѣстьевъ!»—« Я началъ торговать Украинскими волами», отвѣчалъ отецъ мой (а это была выдумка), «и мнѣ нужно мѣсто подъ городомъ, для стона разныхъ партій.» Князь расхохотался, зная, что отецъ мой вовсе неспособенъ къ торговымъ дѣламъ. «Теперь не стану ѣсть другаго мяса, какъ твоихъ воловъ,» примолвилъ Князь шутя: «однако, боюсь, что ты заставишь меня долго поститься!» Въ шуткахъ и прибауткахъ Князь подписалъ арендный контрактъ, и отецъ мой поскакалъ въ Слуцкъ, взялъ немедленно въ свое управленіе фольварокъ, поставилъ своего управителя, купилъ бочекъ сто водки, и велѣлъ продавать вполонину дешевле, чѣмъ продавали въ Слуцкъ. Всѣ горожане стали, разумѣется, покупать водку на фольваркѣ, и въ корчмахъ продажа остановилась. Жидъ - откупищикъ былъ въ отчаяніи, но дѣлать было пече-

го, ибо отецъ мой, по Польскимъ законамъ, имѣлъ полное право продавать вино въ своемъ имѣніи, по какой угодно цѣнѣ. Черезъ нѣсколько дней отецъ мой нарочно пріѣхалъ въ Слуцкъ, и жидь-откупщикъ, въ сопровожденіи княжескаго управителя и почетнѣйшихъ гражданъ явился къ отцу моему съ повинною, и просилъ прощенія въ неумышленномъ оскорбленіи. Отецъ мой принялъ богатаго жида хладнокровно, безъ воспоминанія о прошломъ, не изъясняя ни малѣйшихъ признаковъ гнѣва. Тогда богатый жидъ завелъ рѣчь о дѣлѣ. «Зачѣмъ вамъ, такому пану, держать фольварокъ? Уступите мнѣ аренду, я вамъ дамъ вдвое.» — «Теперь не время объ этомъ толковать,» отвѣчалъ отецъ мой: «пріѣзжай ко мнѣ завтра, въ полдень, на фольварокъ, тамъ кончимъ дѣло. Я даю тебѣ слово, что уступаю аренду по моей цѣнѣ: я не хочу барышей, и мнѣ эта

шутка уже наскучила.» Жидъ обрадовался, и на другой день явился въ назначенный часъ. Контрактъ уже былъ готовъ, и оба они тотчасъ подписали его. Но отецъ мой не передалъ княжескаго контракта, а отдалъ имѣніе въ аренду отъ *своего имени*. Когда дѣло кончилось, отецъ мой хлопнулъ въ ладоши — и явились шесть дюжихъ парней. «Бери его!» закричалъ отецъ, и слуги схватили жидъ, растянули и влѣпили двѣсти ударовъ кожаными постромками. Жидъ едва остался живъ. Его положили замертво въ бричку, сунули контрактъ за пазуху, и отецъ мой сказалъ ему, что это только *первый* урокъ въжливости, а за другимъ и третьимъ уроками дѣла не станеть, если жидъ отъ перваго урока *не исправится*. Лишь только въ Слуцкѣ разнеслась вѣсть объ этомъ поступкѣ моего отца, весь жидовскій кагалъ поскакалъ въ Нѣсвижъ, къ Князю, съ жалобою.

Князь ужасно разсердился, и клялся при-
мѣрно отмстить моему отцу за самоуправ-
ство въ его владѣніяхъ, и послалъ къ не-
му нарочнаго съ приглашеніемъ въ Нѣ-
свижъ. Друзья умоляли отца не ѣздить
къ Князю, пока гнѣвъ его не утихнетъ, и
совѣтовали немедленно отправиться въ
Варшаву и искать покровительства у Ко-
роля; но отецъ мой, не слушая никого,
вооружился съ головы до ногъ, поѣхалъ
немедленно въ Нѣсвижъ, и явился къ
Князю въ пріемный часъ, при множествѣ
посѣтителей. Всѣ смотрѣли съ удивле-
ніемъ и страхомъ на моего отца, пред-
полагая, что эта исторія должна дурно
кончиться. Князь, вышедъ въ пріемную
залу, окинулъ взоромъ собраніе, и уви-
дѣвъ отца моего, раскраснѣлся отъ гнѣ-
ва, и прямо пошелъ къ нему. — «Какъ
вы, сударь, смѣли бить моего арендато-
ра? воскликнулъ Князь: я пойду съ су-
мою по міру, но не допущу, чтобъ кто

нибудь дерзнулъ оскорблять меня такъ нагло. Или вамъ жить или мнѣ, или вамъ гнить въ тюрьмѣ или мнѣ!... Я вамъ покажу, что я значу!...» Князь отъ гнѣва не могъ болѣе говорить и запыхался, а отецъ мой прехладнокровно отвѣчалъ: «Прошу только меня выслушать, а тамъ дѣлайте что угодно! Не только я не осмѣлился бы никогда прикоснуться пальцемъ къ *вашему* арендатору, но если бъ даже кто другой тронулъ его, то я, какъ вѣрный и усердный вашъ приверженецъ, вступился бы за него, не жалея собственной жизни!...» — «И такъ вы не были моего арендатора?» спросилъ Князь, нѣсколько успокоившись. — «Нѣтъ, не былъ *вашего* арендатора,» возразилъ мой отецъ: «я былъ *моего* арендатора, потому что выпустилъ Мовшѣ въ аренду мою *посессию* (т. е. временную собственность), въ чемъ удостовѣрить васъ вотъ этотъ контрактъ, и былъ притомъ *моего* арен-

датора по принадлежащей *мнѣ* половинѣ его тѣла, а не по *вашей* половинѣ, которой я вовсе не тронулъ.» — Князь отступилъ три шага, смотрѣлъ пристально на моего отца, и требовалъ истолкованія загадки. Отецъ объяснилъ дѣло. — «Неужели все это правда, что ты говоришь?» спросилъ Князь. — «Жидъ здѣсь, прикажите справиться,» отвѣчая отецъ мой. Послали разспросить жида, и посланецъ объявилъ, что жидъ точно получилъ двѣсти ударовъ по одной половинѣ тѣла. Эта плохая шутка чрезвычайно поправилась Князю; онъ расхохотался и держался за бока, расхаживая по комнатѣ. Разумѣется, что и всѣ захохотали — и вмѣсто предполагаемой трагедіи, вышла комедія. — «Ахъ, ты проказникъ!» сказалъ Князь: «на тебя и сердиться нельзя; по въ наказаніе ты долженъ пробыть у меня цѣлую недѣлю въ Нѣсвижѣ. А что твой волю?» примолвилъ Князь. — «Вмѣ-

сть со мною такъ испугались вашего гнѣва, что отъ страха разбѣжались!» отвѣчалъ мой отецъ. — «А вмѣсто воловъ, ты поѣдешь со мною завтра ловить медвѣдей.» — Отецъ мой пробылъ у Князя не одну, а двѣ недѣли, получилъ въ подарокъ четыре жеребца; а чтобъ успокоить жида, Князь уступилъ ему на годъ, безвозмездно, всю аренду Слуцка, и тѣмъ кончилось дѣло. Отпуская домой моего отца, Князь взялъ однакожъ съ него слово не трогать жида.

Однажды отецъ мой ѣхалъ въ Минскъ изъ Глуска проселочною дорогою на Житинъ. День былъ знойный, и онъ, отдохнувъ въ полдень въ лѣсу, поздно пріѣхалъ на ночлегъ. Корчма была новая и съ виду обѣщала удобное пристанище, но по осмотрѣ оказалось, что въ конюшнѣ не было ни яслей, ни рѣшетокъ, и все жилье состояло изъ двухъ грязныхъ комнатъ. Корчма принадлежала помѣщику Пузп-

пѣ. — «Жидъ! что стоитъ твоему барину эта корчма?» спросилъ мой отецъ. — «Тысячу золотыхъ,» отвѣчалъ корчмарь. — «Гей! отсчитай сейчасъ тысячу золотыхъ жиду!» сказалъ отецъ своему камердинеру. Жидъ не понималъ, что это значить, и не хотѣлъ брать денегъ, но принужденъ былъ взять, когда отецъ мой прикрикнулъ на него. — «Прибавь еще пятьсотъ золотыхъ,» примолвилъ отецъ, обращаясь къ камердинеру, у котораго хранились ключи отъ шкатулки: «а ты, жидъ, отнеси эти деньги къ своему пану; скажи ему, чтобъ онъ выстроилъ на нихъ корчму поудобнѣе, и между тѣмъ выноси всѣ свои вещи, потому что сейчасъ не будетъ твоей корчмы. Ребята, поджигай корчму съ другаго конца!» сказалъ отецъ мой своимъ людямъ, которые, зная, что надлежало повиноваться безусловно, зажгли немедленно корчму и бросились выносить вещи жиды.

Чрезъ часъ не было корчмы, и только дымилась ея остатки. Отецъ мой расположился бивакомъ, и легъ спать въ коляска, а жидъ побѣжалъ на господскій дворъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ. Чрезъ нѣсколько времени прискакалъ отъ пана Пузины посланецъ, съ письмомъ, въ которомъ сказано было, что онъ не принимаетъ денегъ, но намѣренъ расправиться съ отцемъ моимъ въ уголовномъ судѣ, какъ съ разбойникомъ.—«Съдай коней!» закричалъ мой отецъ, и поскакалъ съ нѣсколькими удалыми стрѣльцами прямо во дворъ къ пану Пузинѣ. Всѣ уже спали въ домѣ, но отецъ мой заставилъ отпереть себѣ двери, угрожая, что зажжетъ домъ. Панъ Пузина выбѣжалъ въ шлафрокъ, и протестовалъ противу насилія; но отецъ мой положилъ на столъ два пистолета, и сказалъ Пузинѣ, что онъ долженъ непременно стрѣляться съ нимъ сію же минуту, чтобъ смыть

обиду, въ противномъ случаѣ, отецъ грозилъ застрѣлить его, какъ медвѣдя. Панъ Пузина не имѣлъ вовсе охоты стрѣляться, и зная характеръ моего отца, старался его успокоить. Прибѣжали дамы, жена и дочери пана Пузины, стали упрашивать отца моего, чтобъ онъ помирился, и отецъ мой сдался, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ панъ Пузина взялъ деньги за свою корчму, выстроилъ новую, удобную, и отказался отъ всѣхъ претензій на моего отца. Все это немедленно написалъ и подписалъ панъ Пузина, и отецъ мой, не взирая на усиленные просьбы Пузины, чтобъ перепочевать въ его домѣ, возвратился на свой бивакъ, къ экипажамъ, и отправляясь утромъ въ путь, подарилъ жиду пятьсотъ золотыхъ, въ вознагражденіе за хлопоты. Жидъ остался очень доволенъ!

Во время пребыванія отца моего въ Варшавѣ, отправился онъ однажды, на

большой лодкѣ на фейерверкѣ. Въ лодкѣ было много разнаго народа, и между прочими двѣ милостивныя дѣвушки, съ пожилою женщиною. Два молодые франта, одѣтые по-Польски, начали приставать къ дѣвицамъ съ пошлыми комплиментами и наконецъ съ дерзкими насмѣшками, и до того оскорбили ихъ, что молодыя дѣвушки заплакали. Отецъ мой былъ на другомъ концѣ лодки, но услышавъ о происходящемъ, закричалъ: «Тотъ безчестенъ, кто оскорбляетъ женщину, кто бы она ни была!» — «А ты что за указъ намъ?» отвѣчалъ одинъ изъ фафароновъ: «сиди смирно, если не хочешь выкупаться въ Вислѣ!» — Отецъ мой какъ тигръ бросился къ дерзкому молодому человѣку, педалъ ему опомниться и схвативъ одною рукою за поясъ, а другою за воротъ, перебросилъ черезъ бортъ, какъ щенку. Гребцы хотѣли помочь утопающему. — «Греби, и впередъ!» закричалъ

отецъ мой, обнаживъ саблю, и гребцы повиновались. Другаго фанфарона отецъ мой заставилъ просить прощенія, на колѣняхъ, у оскорбленныхъ имъ дамъ, угрожая также выбросить за бортъ въ случаѣ сопротивленія. Тотъ безпрекословно повиновался. Но счастію, выброшенный въ воду молодой человѣкъ умѣлъ хорошо плавать. Онъ держался на водѣ нѣсколько минутъ, пока другая лодка не подошла къ нему на помощь. Выброшенный въ Вислу молодой человѣкъ былъ сынъ какого-то важнаго городского чиновника, который подалъ на отца моего жалобу. Завязался уголовный процессъ, кончившійся, однакожъ, въ пользу моего отца, потому что онъ дѣйствовалъ для охраненія беззащитныхъ женщинъ. Иначе и судить было нельзя въ странѣ, гдѣ не было ни какой полиціи.

Бѣдный шляхтичъ пришелъ просить покровительства и защиты у моего отца,

противу богатаго еврея, жившаго въ мѣстечкѣ (кажется въ Уздѣ), принадлежавшемъ Генералу Завишъ, сосѣду нашему въ Перышевѣ и родственнику моей матери. Этотъ богатый еврей купилъ у шляхтича пару лошадей, далъ задатокъ, и уѣхалъ на нихъ въ Вильну, а испортивъ лошадей въ дорогѣ, не хотѣлъ платить условленной суммы, и отослалъ лошадей обратно шляхтичу. Отецъ мой нависалъ письмо къ Генералу Завишъ, прося принудить жида удовлетворить шляхтича, но Завиша отвѣчалъ, что не хочетъ вовсе вмѣшиваться въ это дѣло. Мимо Перышева пролегаетъ дорога, по которой ѣздятъ на ярмарку въ какое-то другое мѣстечко. Отецъ мой велѣлъ сторожить жида, обидѣвшаго шляхтича, остановить на дорогѣ и привести къ себѣ. Но жидъ остался дома, отпущивъ на ярмарку жену. Товаръ высланъ былъ вчередь. Жидовка ѣхала въ бричкѣ, съ дѣть-

ми и прикашикомъ своимъ. Ее остано-
ви стрѣльцы наши на дорогѣ, и привели
къ отцу моему. Она была въ жемчугахъ,
въ турбанъ изъ богатой шали, въ атласъ
и бархатъ. — «Заплати сейчасъ шляхтичу
за лошадей, если не хочешь, чтобъ тебѣ
было худо,» сказалъ мой отецъ. — «Это
не мое дѣло, а моего мужа,» отвѣчала
жидовка. — «Хорошо, пусть же мужъ за-
платитъ, а до тѣхъ поръ ты просидишь у
меня въ свиномъ хлѣву!» Жидовка ду-
мала, что отецъ мой шутитъ, но бѣдную
жидовку въ самомъ дѣлѣ потащили въ
свиной хлѣвъ и заперли, а прикашику
велѣно возвратиться къ хозяину и раз-
сказать видѣнное, объявивъ притомъ, что
жидовка до тѣхъ поръ будетъ въ этомъ
мѣстѣ, пока шляхтичъ не получитъ сво-
ихъ денегъ, а жидъ не возьметъ обратно
лошадей. Дѣтей жидовскихъ отецъ ото-
слалъ въ корчму, и приказалъ содержать
ихъ какъ можно лучше. Къ ночи возвра-

тился прикащикъ съ деньгами, и жидовку выпустили на волю. Вся шляхта изъ селенія (околицы) пришла благодарить моего отца, но Генеральъ Завиша оскорбился, и позвалъ отца моего въ судъ. Дѣло, по аппеляціи, перешло въ Литовскій Трибуналъ, котораго маршаломъ былъ тогда двоюродный братъ отца моего, Павелъ Булгаринъ⁽¹⁰⁾. Разумѣется, маршалъ по родству не судилъ дѣла, въ которомъ со стороны Завиши употреблены были всевозможныя искательства (по Польски *forsy*), чтобъ унижить гордаго противника. Завиша требовалъ не только заключенія отца моего въ тюрьму, за самоуправство, но и вознагражденія жидовъ и издержекъ процесса, что составляло, по его счету, нѣсколько тысячъ червоицевъ. Трибуналъ имѣлъ засѣданіе въ Гроднѣ, куда съѣхалось множество любопытныхъ, чтобъ увидѣть, чѣмъ кончится эта тяжба. Туда же прибыли и депутаты изъ

шляхетскаго селенія, котораго почетный житель былъ причиною процесса. Одинъ изъ этихъ депутатовъ, одаренный отъ природы краснорѣчіемъ, произнесъ предъ Трибуналомъ рѣчь, которая тронула всѣхъ судей. Онъ изобразилъ несчастное положеніе беззащитнаго челоуѣка въ Польшѣ, угнетаемаго не только богатыми паннами, но и жидами; исчислилъ всѣ оскорбленія и обиды, нанесенныя ихъ селенію не только Генераломъ Завишей, но и его слугами, и представилъ безкорыстный поступокъ моего отца въ самомъ блистательномъ видѣ, провозглашая его защитникомъ несчастныхъ и безсильныхъ. По краткомъ разсужденіи, судьи объявили моего отца *безвиннымъ*, и присудили Завишу заплатить ему за тяжобныя издержки три тысячи червонцевъ. Многіе изъ членовъ нашей фамиліи были тогда въ Гроднѣ, и жили всѣ въ самомъ тѣсномъ союзѣ между собою⁽¹¹⁾. Всѣ они

торжествовали побѣду своего родственника обѣдами и балами, на которыхъ Венгерское вино лилось рѣкой. Но для отца моего этого было недостаточно. Объявленіями, прибитыми къ паружнымъ стѣнамъ костеловъ и на перекресткахъ, онъ запросилъ *весь городъ* на полдникъ. Присужденное взысканіе съ Генерала Завиши отецъ мой передалъ какому-то ростовщичку за тысячу червонцевъ, и на эти деньги (а по тогдашней дешевизнѣ это была большая сумма) накупилъ разныхъ наштковъ, нѣсколькихъ быковъ, барановъ, множество домашней птицы и дичи, велѣлъ изжарить и запечь пироговъ и хлѣбовъ, и въ назначенный день уложить на телеги. Дядя мой, Павелъ Булгаринъ, рассказывалъ мнѣ объ этомъ угощеніи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Началось торжественнымъ шествіемъ, или процессіей. Впереди шли музыканты, ка-кихъ только можно было достать въ

Гроднѣ и въ окрестностяхъ, Христіане и жидаы, и раздѣлясь на хоры, играли поочередно. За ними стрѣльцы, въ ливреѣ, ѣхали верхомъ за гербовыми знаменами. Потомъ ѣхали (верхомъ же) отецъ мой, всѣ его родные и друзья, а въ замкѣ тянулись телѣги, украшенныя флагами, съ съѣстными припасами и бочками винограднаго вина, водки, пива и меда. Прощедъ по главнымъ улицамъ, процессія остановилась на площади, и по данному знаку началось угощеніе. Раздавали каждому, что кто хотѣлъ. Народа собралось множество, но все происходило чинно (какъ сказывалъ дядя), пока площадные гости не перепились. Тогда уже разобрали насильно остальное, разбили бочки — и пиръ кончился, какъ водится, дракою. Но отецъ мой не хотѣлъ быть свидѣтелемъ послѣдствій этого угощенія: экипажи его и свита уже отпавлены были въ путь, и онъ, простясь съ друзьями, усккалъ изъ города верхомъ.

Въ послѣдствіи отецъ мой помирился съ Генераломъ Завишей, и отказался отъ полученія присужденныхъ съ него тяжбныхъ издержекъ, заплативъ ростовщику, изъ собственныхъ денегъ, взятую у него сумму.

Вотъ какъ жили и проматывали нѣмніе отцы наши! Теперь посмотримъ, какъ отецъ мой воспитывалъ меня. Это также весьма оригинально.

Отецъ мой весьма часто отлучался изъ дома, любя присутствовать на всѣхъ сеймикахъ, на судахъ, участвовать въ большихъ охотахъ, словомъ бывать вездѣ, гдѣ собиралось много помѣщиковъ. Онъ также навѣщалъ часто стараго Князя Радзивила, который весьма любилъ его общество. Последняя моя болѣзнь отъ испуга возбудила въ отцѣ моемъ мысль *закалить* меня. Ни слезы матушки, ни совѣты докторовъ и друзей не могли смягчить его на этотъ счетъ : не пости-

гаю, какъ я остался живъ, послѣ всѣхъ претерѣнныхъ мною испытаній! Напримѣръ, онъ будилъ меня отъ сна или ружейными выстрѣлами надъ самою моею кроватю, или холодною водою, выливаемою на меня во снѣ. Сказавъ мнѣ однажды, что только бабы и глупцы вѣрятъ въ чертей, колдуновъ, вѣдьмъ и бродящихъ мертвецовъ, онъ посылалъ меня одного въ полночь, зимою и осенью, на гумно, приказывая принести пукъ колосевъ или горсть зерна. Надобно знать, что за нашимъ гумномъ было сельское кладбище, съ ветхою Уніятскою деревянною церковью. Одинъ взглядъ отца заставлялъ меня безмолвно повиноваться. Слезъ онъ терпѣть не могъ, и отговорокъ не слушалъ. Съ перваго раза, когда меня облили въ постелѣ холодною водою, я заболѣлъ лихорадкою, и отъ перваго ружейнаго выстрѣла надъ головою едва не лишился употребленія языка, но въ пол-

года привыкъ ко всему, и съ радостію бѣгалъ въ темную ночь на гумно, забавляясь страхомъ матушки и сестеръ. При этомъ отецъ пріучалъ меня къ самой грубой пицѣ; бралъ съ собою на охоту, на которой мы проводили иногда по нѣсколькимъ дней въ лѣсу, и, будучи только семи лѣтъ отъ роду, я галопировалъ за нимъ на маленькой лошаденкѣ, и даже стрѣлялъ изъ ружья, нарочно для меня сдѣланнаго. Сперва я былъ весьма слабъ и изнѣженъ, бѣлся *всего*, не могъ вынести малѣйшей простуды, и даже кусокъ чернаго хлѣба разстроивалъ мой желудокъ, а послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ Спартапскаго воспитанія, я чрезвычайно укрѣпился; лакомился чернымъ хлѣбомъ съ лукомъ или рѣлькой, предпочиталъ капусту и кашу, изготовляемыя для прислуги, всѣмъ сливочнымъ кашкамъ и бульонамъ, которыми прежде кормили меня, и вмѣсто кофе и чаю, пилъ или ста-

канъ молока, или ключевой холодной воды; бѣгалъ по лужамъ, а на охотъ по болоту, не чувствуя ни какихъ послѣдствій отъ замоченія ногъ. Отецъ мой торжествовалъ, а матушка каждый день боялась за жизнь мою, и со слезами повиновалась ему. Онъ страстно любилъ матушку, но въ волѣ своей былъ непреклоненъ. Хотя эта внезапная переменна въ моемъ физическомъ воспитаніи, не только не повредила мнѣ, а напротивъ послужила въ пользу, я, однако жъ, самъ не слѣдовалъ этой системѣ, да и никому не совѣтую слѣдовать. Гораздо лучше *закаливать* дѣтей *постепенно* и сообразно съ ихъ сложеніемъ. Мы живемъ не въ Спартѣ, и въ наше время *голова важнѣе туловища!*

При мнѣ былъ учитель, который обучалъ меня читать и писать по-Польски, по-Французски, по-Нѣмецки, по-Латыни и первымъ четыремъ правиламъ ариѐме-

тики. Младшая сестра моя, Антонина, обучала меня играть на фортеп'яно и на гитарѣ и пѣть. Наконецъ, въ слѣдующемъ году разразилась гроза надъ нашимъ семействомъ, и оно разбрелось — навсегда!...

IV.

ВНЕЗАПНОЕ И НЕОЖИДАННОЕ БѢДСТВІЕ. — СТРАННОЕ СВАТОВСТВО. — ВЗГЛЯДЪ НА ТОГДАШНЮЮ ПРИРОДУ И СОСТОЯНІЕ ТОГДАШНЕЙ ЛИТВЫ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ. — ЗАВЪЗДЪ, или *expulsia et violentia*. — ИЗГНАННИКИ.

Отецъ мой уѣхалъ, въ Сентябрь 1796 года, въ Вильну по своимъ дѣламъ, кажется, для свиданія съ бывшимъ Польскимъ Генераломъ Вендорфомъ, которому онъ продалъ часть имѣнія своего Грицевичъ. Недѣли черезъ двѣ, матушка получила извѣстіе, что отецъ мой взятъ подъ стражу.

Вотъ что рассказывала мнѣ, въ послѣдствіи, матушка объ этомъ событіи.

Въ Минскѣ былъ адвокатъ Герсдорфъ, родомъ Полякъ, изъ старинныхъ Лифляндскихъ выходцевъ. Онъ участвовалъ въ народномъ возстаніи, и послѣ взятія въ плѣнъ Костюшки, ушелъ въ Турцію, принялъ Магометанскую Вѣру, и получилъ какое-то важное званіе въ Турецкой артиллеріи. Слыхалъ я, будто этотъ ренегатъ былъ въ послѣдствіи трехбунчукнымъ пашею, и что одинъ изъ Литовскихъ уроженцевъ въ Русской службѣ, будучи посланъ парламентаромъ въ Турецкую армію, въ послѣднюю войну при Императорѣ Александрѣ I, явившись къ Пашѣ, удивился, когда онъ, спросивъ его о прозваніи, заговорилъ съ нимъ по Польски, сказавъ, что зналъ его родныхъ, и сталъ спрашивать о старинныхъ своихъ пріятеляхъ въ Литвѣ. Не знаю, правда ли это, но то вѣрно, что Герсдорфъ принялъ Магометанство и былъ въ Турецкой военной службѣ. Этотъ

Герсдорфъ, человекъ необыкновеннаго ума, былъ, по словамъ знавшихъ его, веселаго нрава, пріятнаго обхожденія, и потому былъ принимаемъ съ удовольствіемъ въ лучшихъ обществахъ. Онъ обучался вмѣстѣ съ отцемъ моимъ въ Новогрудскихъ школахъ, и они съ дѣтства подружались. Дружба эта продолжалась и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и Герсдорфъ, предъ отъѣздомъ въ армію къ Костюшкѣ, занялъ нѣсколько сотъ червонцевъ изъ монастырскихъ суммъ какого-то Католическаго монастыря, въ Минскѣ, подъ порукою отца моего. Почитая Герсдорфа погибшимъ, отецъ мой далъ на себя заемное письмо монастырю, и никогда не надѣялся на возвращеніе этихъ денегъ, какъ вдругъ, въ Вильнѣ, явился къ нему Грекъ, пріѣхавшій изъ Константинополя съ товарами (Турецкимъ табакомъ, бакаліями, чубуками, и т. п.), сталъ спрашивать всѣхъ объ

отца моемъ, и узнавъ, что онъ въ Вильнѣ, отдалъ письмо отъ Герсдорфа и должныя деньги. Герсдорфъ въ письмѣ благодарилъ отца моего за поручительство, увѣрялъ въ вѣчной дружбѣ, описывалъ свое положеніе самыми блистательными красками, и просилъ усердно навѣстить его въ Константинополь, въ его гаремъ, говоря, что теперь въ столицѣ Турція много Поляковъ, что важнѣйшіе сановники Порты принимаютъ ихъ очень хорошо, и что они живутъ весело и независимо. Вѣроятно, въ письмѣ Герсдорфа были разсужденія на счетъ тогдашняго политическаго состоянія Европы, выходки противъ Россіи и какіе нибудь намеки на положеніе Польши, потому что нельзя предполагать, чтобъ такой отчаянный патріотъ, какимъ былъ Герсдорфъ, воздержался отъ толковъ о политикѣ, которая въ то время кружила всею головою. Отцу моему надлежало или сжечь письмо

и тѣмъ прекратить всѣ сношенія съ ре-негатомъ, или отдать письмо начальству, объяснивъ дѣло. Но умъ и благоразуміе не одно и то же. Отецъ мой сталъ показывать письмо всѣмъ пріятелямъ, забавлялся на счетъ блаженства, которое, по словамъ Герсдорфа, нашелъ бы въ Константинополѣ, говорилъ въ шутку, что хочетъ навѣстить его въ гаремъ, и т. п. Однажды отецъ мой хотѣлъ кому-то прочесть письмо, и не нашелъ его. Перерылъ всѣ бумаги, искалъ въ своихъ карманахъ, и не отыскавъ подумалъ, что вырощилъ гдѣ нибудь печально, и вовсе объ этомъ не беспокоился.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда отецъ мой былъ гдѣ-то на вечерѣ, камердинеръ его далъ ему знать, что какой-то незнакомый господинъ ожидаетъ его въ квартирѣ, *по весьма важному дѣлу*, и проситъ повидаться съ нимъ немедленно. Возвратясь въ квартиру, отецъ

мой, вмѣсто *одного* незнакомаго, пошелъ нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ, занимающихся укладкою всѣхъ его бумагъ и вещей, и офицера съ командою. На дворѣ разставлены были часовые, и стояли двѣ кибитки съ почтовыми лошадьми. На вопросъ отца моего, что это значитъ, ему отвѣчали, что они ничего не знаютъ, но что получено приказаніе доставить его въ Гродно, со всѣми бумагами. Въ одну кибитку сѣлъ отецъ мой, съ офицеромъ и солдатомъ, а въ другую полицейскій чиновникъ съ двумя солдатами, и помчались во всю конскую прыть. По прибытіи въ Гродно, отца моего помѣстили въ Католическомъ монастырѣ, подъ стражу.

Мѣра эта извиняется тогдашними обстоятельствами. Всѣ дѣла должно вести послѣдовательно (*il faut être conséquent*). Взавъ Польшу, надлежало водворить въ ней порядокъ и спокойствіе, и слѣдова-

тельно должно было лишить безпокойныхъ людей возможности къ возмущенію народа, и быть строгимъ съ тѣми, которые не хотѣли покориться добровольно. Одно проистекаетъ изъ другаго. Въ это время въ Парижѣ, Лондонѣ и въ Константинополѣ было много Польскихъ эмигрантовъ значительныхъ фамилій, старавшихся возбудить Правительства къ войнѣ противу Россіи, и какъ Порты, не смотря на мирный трактатъ, сохраняла вражду къ Россіи за понесенныя потери въ послѣднюю войну, и, побуждаемая другими Дворами, надѣялась загладить побѣдами свое уничиженіе, то Польскіе эмигранты старались раздувать искры этой тайной злобы, и обѣщали взволновать всю Польшу, при первомъ вторженіи Турокъ въ Русскіе предѣлы. Русское Правительство знало обо всѣхъ интригахъ въ Константинополѣ, и наблюдало въ Польшѣ большую осторожность, устра-

няя всѣ сношенія эмигрантовъ съ жителями присоединенныхъ областей. Но помѣщики присоединеннаго края тогда еще не знали подлинно ни законовъ Русскихъ, ни порядка Русскаго, ни обязанности властей и подчиненныхъ, а если и знали кое-что, то не торопились исполнять, привыкнувъ къ прежнему своеволю. Отецъ мой, почитая это письмо ничтожнымъ, полагалъ, что и всѣ должны такъ думать, и былъ, какъ говорится, безъ вины виноватъ. Впрочемъ, и послѣ даже его бы не задержали, еслибъ онъ самъ не навязалъ себѣ бѣды. При допросахъ онъ то шутилъ не кстати, то горячился, и безъ всякой надобности входилъ въ политическія разсужденія. По рѣчамъ сочли его опаснымъ — и упрятали!... Душевно сожалею о несчастіи, постигнувшемъ моего родителя, и готовъ былъ бы собственною кровью искупить его страданія; но, по справедливости и для при-

{ мбра другимъ, не могу оправдывать его тогдашняго поведенія. Надлежало поступать хладнокровно, объяснить дѣло, доказать свою неприкосновенность къ заграничнымъ интригамъ и не пренебрегать властью. Конечно, надобно приять въ соображеніе тогдашня обстоятельство. Съ одной стороны патріоты воспламеняли умы, а съ другой нѣкоторые изъ Поляковъ оскорбляли человѣческое чувство неслыханною низостью! .. Трудно было сохранить хладнокровіе честному и прямодушному человѣку, одаренному пылкимъ характеромъ! Эти пылкіе люди, въ каждомъ потрясеніи гибнутъ первые, гоняясь за правдою и честью, гибнутъ какъ бабочки, принявъ зажженную свѣчу за солнечный свѣтъ... Одинъ возжигаетъ пламя, а тысячи гибнутъ въ немъ. Поздно приходитъ разочарованіе и раскаяніе! При этомъ позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Честный ремесленникъ въ Англии, Самуилъ Бемфордъ (Bamford), бывшій однимъ изъ главныхъ начальниковъ революціонныхъ движеній, обезпокоивавшихъ Англію отъ 1816 до 1821 года, издалъ недавно описаніе важнѣйшихъ своихъ приключеній, подъ названіемъ: *Записки радикала* (Mémoires d'un radical), разборъ которыхъ и извлеченіе изъ нихъ я читалъ въ Revue Britannique, 1845 года. и счелъ кстати, уже при печатаніи моихъ *Воспоминаній*, привести здѣсь правила Бемфорда, внушенныя ему опытностію и благоразуміемъ. Честолюбцы и эгоисты, употребляя Бемфорда какъ орудіе, для достиженія своихъ личныхъ выгодъ, до тѣхъ поръ льстили ему и обнадеживали его помощію, представляя въ будущемъ блистательную участь, пока онъ имъ былъ нуженъ, а потомъ бросили съ презрѣніемъ, какъ выжатый лимонъ. Это общая участь честныхъ людей въ ре-

волюціяхъ! Хорошо еще, что Бемфордъ этимъ отдѣлся. Французская революція рѣзала все честное и благородное. Рассказавъ все низости начальниковъ революціонныхъ партій, Бемфордъ составилъ себѣ слѣдующій политическій катихизисъ, который бы надлежало учить наизусть юношеству, особенно въ западной Европѣ.

«Трудолюбивый и небогатый человекъ не можетъ лучше служить отечеству, какъ исполняя обязанности къ своему семейству, и онъ не въ состояніи оказать болѣе дѣйствительной пользы, какъ приготовляя для отечества достойныхъ гражданъ. Участіе каждаго гражданина въ правленіи есть повиновеніе законамъ и управленіе, съ любовью и добродушіемъ, своимъ семействомъ, которое должно быть его царствомъ. Лучшая и единственная реформа, которою онъ можетъ заняться, это усовершенствованія въ своемъ домашнемъ быту. Самые

полезные митинги (meetings), т. е. народные собранія, суть тѣ, которыя отбываются въ семейномъ кругу, а лучшія рѣчи (speech) тѣ, которыя клонятся къ водворенію спокойствія, мира, любви и снисхожденія къ человѣчеству. Лучшія прошенія (petitions) суть тѣ, которыя возносятся съ сокрушеннымъ сердцемъ къ Царю Небесному, не презирающему гласа смиренія, и тѣ, которыя представляются сильнымъ земли, для исходатайствованія у нихъ, миролюбивымъ путемъ, улучшеній для страждущихъ собратій. Кто хочетъ успѣха, долженъ научиться страдать. Кто хочетъ быть героемъ, долженъ умѣть управлять собою. Кто хочетъ управлять, пусть научится повиноваться» (12).

Сколько людей съ умомъ, съ дарованіями, съ добрымъ сердцемъ были бы спасены отъ гибели, если бъ эти правила укоренены были въ нихъ съ юности!

Матушка, получивъ печальное извѣстіе, немедленно выѣхала въ Минскъ со всѣмъ семействомъ, и явилась къ Генералу Тутолмину, просить совѣта и покровительства. Тутолминъ жаловалъ моего отца, соблазновалъ о его участи, но совѣтовалъ подождать, пока пройдетъ первый жаръ, общая за него вступить и даже писать въ Петербургъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе о смерти Императрицы Екатерины II (скончавшейся 5 Ноября 1796 года) и восшествіи на Престолъ Императора Павла Петровича. Многіе изъ значительнѣйшихъ чиновниковъ и генераловъ Русскихъ уѣхали въ Петербургъ, и въ томъ числѣ Тутолминъ, и матушка рѣшилась подождать его возвращенія въ Минскъ, гдѣ у насъ былъ собственный домъ, или, какъ тогда называли, юрисдикція, т. е. домъ съ мѣстомъ, подчиненные не городской власти, а своей, шляхетской.

Не помню, наканунѣ какого большаго праздника матушка взяла меня въ церковь, къ вечернѣ. Народу была въ церкви бездна, и въ тѣснотѣ меня какъ-то оттерли отъ матушки и вытолкнули за двери. Я обрадовался, что выбрался изъ удушливой тѣсноты, въ которой едва не задохнулся, и вознамѣрился возвратиться домой; но, не зная улицъ, забрелъ въ конецъ города, блуждалъ въ темнотѣ, не встрѣчая ни одной души, и наконецъ, не зная что дѣлать, принялся плакать. Фонарей тогда не было на улицахъ, какъ теперь, и я шелъ наобумъ, попясь въ снѣгу, содрогаясь отъ лая собакъ. Вдругъ, при поворотѣ, вижу вдали огонь. Я побѣжалъ туда изъ всѣхъ силъ, и попалъ на гауптвахту! Часовой вызвалъ унтеръ-офицера, который проводилъ меня въ офицерскую комнату. Я рассказалъ офицеру мое приключеніе, назвалъ мою фамилію, но не умѣлъ назвать улицы,

на которой находился нашъ домъ. Офицеръ совѣтовалъ мнѣ прилечь на скамьѣ, обѣщая на другой день отыскать нашъ домъ и отвѣсть меня къ матери. Нечего было дѣлать, я согласился. Въ это время вошелъ молодой человекъ въ губернскомъ мундирѣ. «Я дежурный чиновникъ губернаторской канцеляріи,» сказалъ онъ офицеру: «и пришелъ просить васъ о смѣнѣ часового у кассы, который заболѣлъ ужаснымъ колотьемъ въ бокахъ, такъ что не можетъ дышать.» Пока офицеръ распорядился, чтобъ выслать людей за больнымъ солдатомъ и очереднаго на смѣну, молодой чиновникъ спросилъ меня, кто я таковъ и что здѣсь дѣлаю. Я рассказалъ ему мое приключеніе. Чиновникъ сказалъ офицеру, что знаетъ нашъ домъ, и взялся отвезть меня немедленно. Мы сѣли въ сани, и чрезъ нѣсколько минутъ я уже находился въ объятіяхъ матери, которая была въ

ужасномъ отчаяніи, воображая, что меня украли жидаы! Тогда еще вѣрили въ Литву, что жидаы употребляютъ Христіанскую кровь для печенія опресноковъ (т. е. мацы) въ праздникъ Пасхи. Можно себя представить, какъ благодарна была матушка чиновнику и какъ его приняла. Было уже около одиннадцати часовъ ночи, и потому гостя не удерживали, но матушка запросила чиновника, на другой день къ обѣду; онъ явился — и съ этого дня сталъ безвыходнымъ нашимъ гостемъ и другомъ семейства, а черезъ четыре мѣсяца женился на старшей сестрѣ моей, Елисаветѣ, которая прожила съ нимъ счастливо лѣтъ тридцать (15). Зять мой въ послѣдствіи называлъ меня, въ шутку, *сватомъ*.

Тутолминъ не возвращался. Матушка однако жъ не была въ бездѣйствіи; она писала письма къ братьямъ своимъ въ Бѣлоруссію, въ Петербургъ къ сыну и ко

всѣмъ, кого только знала ; писала и къ Графу Ферзену. Въ концѣ Февраля, матушка нарочно выѣхала въ деревню, чтобъ не быть на съѣздѣ дворянства, на контрактахъ. Подъѣзжаемъ къ дому, и на крыльцѣ встрѣчаетъ насъ — отецъ мой! Онъ возвратился наканунѣ; въ четыре мѣсяца онъ ужасно перемѣнился: похудѣлъ, постарѣлъ десятью годами и посѣдѣлъ. Всѣ мы расплакались! Съ этой поры отецъ не отпускалъ меня отъ себя ни на минуту. Онъ, какъ дядька, ходилъ за мною, игралъ со мною, и я даже спалъ въ его комнатѣ.... Кажется, онъ предчувствовалъ нашу вѣчную разлуку и мое сиротство. Съ удивленіемъ и горестью замѣтили всѣ въ домѣ, что отецъ мой перемѣнился столько же въ нравственномъ, сколько и въ физическомъ отношеніи. Веселость его исчезла; онъ не шутилъ уже, и не занималъ своего семейства бесѣдою, но былъ молчаливъ и мраченъ, никуда не

выѣзжалъ и никого не принималъ, прячась отъ людей, и если не игралъ со мною, то ходилъ одинъ, съ ружьемъ, вокругъ дома или по опушкѣ лѣса. Матушка втайнѣ плакала, видя такую печальную переменъ въ нравѣ отца моего, и опасалась, чтобъ это не было предвѣстникомъ тяжелой болѣзни. Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, начала развиваться какая-то желчная болѣзнь, которая навела на него меланхолію и привила къ душѣ мизантропію. Матушка сказывала мнѣ, что замѣтила это по одной чертѣ. Пришелъ къ намъ проситься въ службу стрѣлецъ, и привелъ съ собою отличную охотничью собаку; отецъ мой отвѣчалъ: «человѣка не надобно, а собаку купи: собаки не измѣняютъ и не торгуютъ своею породой!»

Съ 7 Марта (въ день Св. Іосифа) начинались, такъ называемые, *контракты* въ Минскѣ. Самое названіе означаетъ, что

*

контракты есть время, назначенное для различныхъ *сдѣлокъ*. Въ это время покупали, продавали и брали въ аренду имѣнія, занимали и отдавали въ займы деньги, платили долги и проценты. Въмѣстѣ съ тѣмъ была тогда же и ярмарка и время увеселеній. Купцы прїѣзжали съ товарами изъ всѣхъ большихъ городовъ и изъ-за границы. Каждый вечеръ бывали театральныя представленія, концерты, частныя и публичныя балы, а кромѣ того богатые помѣщики давали обѣды. Это было дѣловое и веселое время. И теперь существуютъ контракты, но это уже тѣнь прежнихъ; теперь уже знаютъ въ западныхъ губерніяхъ, что такое кредитныя установленія въ Россіи, банки и ломбардъ; но тогда всѣ денежныя обороты происходили въ провинціи: брали деньги у частныхъ лицъ, и отдавали капиталы на проценты въ частныя же руки; слѣдовательно, весьма немногіе помѣ-

щнки не имѣли надобности быть на кон-трактахъ, тѣмъ болѣе, что тутъ заклю-чались условія на поставку въ Ригу хлѣ-ба, корабельнаго лѣса, пеньки, льна, сѣ-мени льнянаго, и т. п. Тогда Англія, Швеція, Голландія и даже Америка вы-возили хлѣбъ, большею частію, изъ Россіи и Польши, и земледѣліе не было за гра-ницей въ такомъ состояніи, какъ теперь. Что тамъ произведено усиліями и нау-кою, то у насъ разсыпала щедрою рукою природа. Всѣ замѣчаютъ, однако жъ, что въ теченіе полувѣка не только климатъ, но даже почва и наружный видъ земли во многихъ странахъ весьма перемѣни-лись, особенно въ Восточной Европѣ, т. е. въ Польшѣ и Россіи. Многія озера, рѣч-ки и ручьи изсякли, большія судоходныя рѣки мельчаютъ, особенно при устьяхъ. Почва истощилась, и лѣса или уже исчез-ли, или исчезаютъ. Человѣкъ долженъ непременно всегда бороться съ природою

или содѣйствовать ей, удерживать воду или спускать ее, углублять рѣки, разводитъ лѣса или очищать ихъ, изсушать болота и удобрять землю, иначе природа въ заселенныхъ мѣстахъ непременно истощится, а съ нею обнищаютъ и люди. Не знаю, какъ теперь, но я еще помню, когда Минская Губернія была богата и плодородна. Пшеница росла въ ростъ челоуѣка, рожь и яровые хлѣба давали всегда обильную жатву. Рѣки и озера изобиловали рыбою; на берегахъ Березины и впадающихъ въ нее рѣчекъ водились бобры (которые теперь вовсе исчезли). Гастрономы, особенно католическіе монахи, лакомились бобровымъ хвостомъ, состоящимъ изъ одного нѣжнаго и хрупкаго жира, но боброваго мяса не употребляли въ пищу. Замѣчательно, что жирный бобровый хвостъ почитался *постною пищею*, какъ будто бобръ рыба! На болотахъ водились, такъ называемыя,

земноводныя черепахи, которыхъ мясо сохраняло запахъ душистыхъ травъ, особенно майрана. Это также была лакомая пища. Дичи была бездна въ обширныхъ лѣсахъ. Кабановъ ловили, за одинъ разъ по нѣскольку десятковъ, западнями; лосей, оленей, дикихъ козъ вездѣ было множество. Пчеловодство процвѣтало, и Бобруйскій Уѣздъ производилъ торговлю медомъ-липцемъ (бѣлымъ) и воскомъ. Дубы отправляли въ Ригу, сосну въ Кременчугъ. Плодовыя деревья не требовали ни какого хожденія за ними, и произращали превосходные плоды. Въ лѣсахъ и на межахъ росли дикія груши и яблоки, изъ которыхъ дѣлали превкусное питье. Сверхъ всего этого, щедрая природа, безъ всякаго воздѣльванія, производила *манну* на болотахъ; она походитъ стеблемъ и колосомъ на просо, только меньше и мельче. Женщины, въ концѣ лѣта, выходили на зарѣ на болото,

пока еще роса держалась на колосьяхъ, и сбивали зерно въ рѣшето ; изъ этого зерна дѣлали крупу, вовсе не похожую вкусомъ на ту крупу, которую нынѣ продаютъ подъ именемъ *манны* ; за настоящую манну дорого платили въ Ригѣ. Собирали также большое количество вольнорастущаго на лугахъ тмина. Даже шпанскія мухи водились во множествѣ, и доставляли доходъ, равно какъ и *червецъ*, или такъ называемая Польская кошениль. И такъ, и безъ рациональнаго хозяйства, встарину было во всемъ изобиліе, и хлѣбъ былъ въ запасъ и у помѣщика и у хорошаго крестьянина. Не даромъ въ Русскомъ народѣ велась поговорка: «въ Польшѣ хлѣба больше.» Посѣтивъ этотъ край въ 1807 году, я уже нашелъ во всемъ большую перемену ; но хорошее осталось въ памяти туземцевъ.

Зимы были постоянны, и весна въ Бо-

бруйскомъ и сосѣднемъ Мозырскомъ Уѣздѣ начиналась рано. Въ полѣ работали въ Мартѣ, а въ Апрельѣ все уже цвѣло. Припоминаю всѣ происшествія, потому что это была послѣдняя весна, проведенная мною въ семействѣ, при отцѣ и матери. Ни какое блаженство въ жизни не вознаградитъ ласкъ родителей! Помню, какъ въ этомъ году, отецъ самъ устраивалъ для меня лубокъ, съ котораго я скатывалъ на траву красныя пасхальныя яйца, въ Свѣтлый Праздникъ! Я жилъ или въ полѣ или въ саду, и былъ вполне счастливъ. Всѣ меня любили, ласкали, нѣжили, какъ обыкновенно бываетъ съ младшимъ въ семьѣ.—Весна обѣщала урожайный годъ.

Въ одно утро, отецъ мой выѣхалъ верхомъ въ поле, вмѣстѣ со мною. Мы ѣхали шагомъ по дорогѣ, какъ вдругъ послышался за рощицей звукъ колокольчика... Отецъ мой быстро поворотилъ коня, и поскакалъ домой, я за нимъ....

Едва мы успѣли слѣзть съ копей и войти въ комнаты, на дворъ нагрянула цѣлая ватага. На тройкѣ подѣхалъ къ крыльцу Засѣдатель, съ своимъ писаремъ и какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ, въ Польскомъ платьѣ; на другой тройкѣ въѣхалъ на дворъ унтеръ-офицеръ и двое солдатъ земской полиціи (она тогда имѣла небольшую команду изъ солдатъ выслужившихъ срокъ); на нѣсколькихъ крестьянскихъ подводахъ прикатили, такъ называемые, понятые, т. е. старосты деревень, съ бляхой на груди. Разумѣется, все семейство наше испугалось, думая, что снова пріѣхали брать подѣ стражу отца моего. Онъ стоялъ неподвижно у окна, и помню, что былъ блѣденъ, какъ полотно. Наконецъ вошелъ въ комнату Засѣдатель, влача за собою огромный, брячущій палашище. За нимъ вошелъ незнакомый намъ шляхтичъ. Засѣдатель, не поклонившись ни-

кому, хотя матушка и сестры прибѣжали къ отцу моему и ухватились за него, спросилъ по-Русски: «кто здѣсь хозяинъ?» — Отецъ рассказывалъ намъ послѣ, что этотъ самый человѣкъ служилъ провентовымъ писаремъ (т. е. по части винокурения и продажи водки) у Князя Карла Радзивила, въ Слуцкѣ, и просился къ нему въ службу. — «Развѣ вы не знаете меня?» отвѣчалъ хладнокровно отецъ мой. Засѣдатель былъ крѣпко навеселѣ. «Я никого не знаю, и знать не хочу,» отвѣчалъ онъ гордо: «а вы должны знать, кто я. Объявляю вамъ, что вы должны сейчасъ выбираться изъ Маковщъ и сдать имѣніе повѣренному папа Дашкевича — и вотъ указъ.» При этомъ онъ одною рукою указалъ на шляхтича, а другою подалъ отцу моему бумагу. Это было предписаніе Земскаго Суда Пижнему Земскому Суду ввести немедленно пана Дашкевича во владѣніе его родовымъ имѣніемъ,

Маковищъ, потому что сумма, за которую оно заложено, уже внесена въ Судъ на контрактахъ, и какъ послѣ трехъ извѣщеній (сомацій) никто не явился для полученія денегъ, то Судъ, на основаніи законовъ, велитъ исполнительной власти возвратитъ вотчиннику его собственность. Тутъ я долженъ пояснить дѣло.

Деньги, данныя пану Дашкевичу подъ залогъ имѣнія, принадлежали исключительно матушкѣ, и закладная сдѣлана была на ея имя. По желанію отца моего, имѣвшаго свое собственное имѣніе и притомъ свои собственные долги, въ закладную внесень былъ особый пунктъ, что панъ Дашкевичъ долженъ выкупить имѣніе *наличными деньгами*, не скупая ни какихъ долговъ (*bez nabycia wlewkow*). Вопреки этому, панъ Дашкевичъ выдалъ отъ себя заемныя письма кредиторамъ отца моего, а его заемныя письма пере-

велъ на свое имя, и съ частью наличныхъ денегъ представилъ въ Судъ, требуя возврата имѣнія. Судъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, пропустилъ важный пунктъ въ закладной, и предписалъ отдать имѣніе вотчиннику, не взирая на протестацію нашего повѣреннаго. Имѣя въ рукахъ рѣшеніе Суда и предписаніе Нижнему Земскому Суду къ исполненію его, панъ Дашкевичъ не обратилъ вниманія на протестъ нашего повѣреннаго и на позывъ въ Судъ, и рѣшился, по старопольскому обычаю, на *шипздъ*, т. е. на изгнаніе насъ насильно изъ имѣнія. Онъ забылъ, что времена переменились, и что Русское Правительство употребляло все усилія, чтобъ истребить прежнее своеволие и прежніе беззаконія. Панъ Дашкевичъ думалъ, что объявленная неприкосновенность прежнихъ правъ и привилегій долженствовала состоять въ сохраненіи всего, что дѣлалось во время Поль-

скаго правленія, правильнѣе *неуправленія*. Ему не мудро было подговорить Засѣдателя, который, кромѣ того, что былъ человѣкъ сомнительной нравственности и придерживался чарочки, жестоко сердился на моего отца. Встрѣтясь въ Глускѣ на улицѣ, при нѣсколькихъ помѣщикахъ, Засѣдатель фамиліарно протянулъ руку моему отцу, какъ старому знакомому, чтобъ поздороваться; но отецъ мой, измѣривъ его взглядомъ, не далъ руки, и сказалъ хладнокровно: «я не танцую на улицѣ!» Теперь Засѣдатель нашелъ случай отмстить за оказанное ему презрѣніе. Да и вообще при началѣ учрежденія Русскаго управленія въ новыхъ областяхъ, Губернаторы, желая угодить помѣщикамъ составленіемъ Земской Полиціи изъ туземцевъ, невольно произвели противное дѣйствіе. Изъ людей порядочныхъ, изъ помѣщиковъ уважаемыхъ, не было охотниковъ къ занятію

полицейскихъ должностей, и потому брали въ Засѣдатели мелкую шляхту, а въ Капитанъ-Исправники выбирали людей большею частію изъ Бѣлоруссіи, уже находившихся въ Русской службѣ. Выборъ рѣдко соответствовалъ ожиданію — и эта часть администраціи не пользовалась тогда уваженіемъ помѣщиковъ.

«Изъ Маковищъ я не выберусь,» сказалъ мой отецъ: «потому что мы подали позывъ пану Дашкевичу о неисполненіи условія, и будемъ ждать рѣшенія высшаго суда.» — «Что вы мнѣ толкуете о вашихъ позывахъ!» сказалъ Засѣдатель: «не выберетесь добровольно, такъ мы выгонимъ насильно!...» Я видѣлъ, что матушка и сестры держали за руки отца моего, и наконецъ матушка повисла у него на шеѣ, и что-то шептала на ухо. Страшно было смотрѣть на моего отца! Посинѣлыя губы его дрожали, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, видно было, что онъ ужас-

но боролся съ собою; наконецъ онъ захохоталъ такимъ смѣхомъ, что я задрожалъ. — «А! Вы хотите выгнать насъ насильно!» сказалъ отецъ мой, прерывающагося голосомъ. — «Непремѣнно, въ силу указа!» возразилъ повѣренный папа Дашкевича. — «И такъ, выгоняйте!» сказалъ отецъ мой. Засѣдатель съ повѣреннымъ вышли изъ комнаты.

«Для васъ только, для вашего спокойствія я перенесу эту обиду!» сказалъ отецъ мой, обращаясь къ матушкѣ и къ сестрамъ. «Но мы не должны уступить добровольно, пусть выгоняютъ насъ силою,» примолвилъ онъ — и въ это время услышали мы ржаніе нашихъ коней, которые бѣгали по двору: ихъ выпустили изъ конюшни. Попятые вытаскивали экипажи изъ сарая. Отецъ мой надѣлъ шапку и плащъ, взялъ ружье и вышелъ на крыльцо, сказавъ матушкѣ и сестрамъ, чтобъ слѣдовали за нимъ, а меня повелъ

съ собою за руку. Вскорѣ явились матушка и сестры въ салопахъ. Засѣдатель кричалъ и бѣсновался возлѣ конюшни, а потомъ со всею своею командою пришелъ къ крыльцу, и сказалъ понятнымъ: «Ступайте въ домъ, и сложите всѣ вещи въ одну комнату, а я запечатаю.» Повѣренный вошелъ въ комнаты вмѣстѣ съ мужиками. Матушка и сестры дрожали отъ страха. Въ комнатахъ слышны были стукъ и ломка мебели, звонъ посуды... «Вы видите, что здѣсь намъ дѣлать нечего — пойдѣмъ!» сказалъ отецъ мой, и мы вышли за ворота. — «Куда же намъ дѣваться, куда приклонить голову!» сказала матушка рыдая. — «Пойдемъ къ пріятелю нашему, пану Струмилю,» отвѣчалъ отецъ мой, сохраняя удивительное, невиданное дотолѣ хладнокровіе.

Панъ Струмило (дядя по матери Генерала С-х--та) держалъ въ арендѣ имѣніе, миляхъ въ двухъ отъ Маковищъ, и

наши семейства были весьма дружны между собою. Мы отправились къ нему пѣшкомъ. Слуги и служанки догнали насъ, и сказали, что они не оставятъ насъ, развѣ ихъ убьютъ на мѣстѣ. Моя нянька съ крикомъ бросилась ко мнѣ, и взявъ на руки обливала слезами. Отецъ приказалъ только двумъ человѣкамъ и нѣсколькимъ служанкамъ слѣдовать за нами, а прочихъ отослалъ въ Глускъ, къ пріятелю, пану Рживовскому, сказавъ, что онъ распорядится послѣ. Отецъ мой шелъ впереди съ ружьемъ на плечѣ, и молчалъ.

Мы прошли съ пять верстѣ, какъ вдругъ за нами поднялась пыль. Бричка въ три лошади мчалась быстро по дорогѣ. Женщины испугались. — «Они хотятъ убить насъ!» воскликнула матушка. Отецъ, не говоря ни слова, только взвелъ курокъ своего ружья и осмотрѣлъ полку. Бричка приближалась, и отецъ мой остано-

вился и велѣлъ всѣмъ стать позади. Наконецъ бричка поравнялась съ нами — въ ней сидѣлъ нашъ корчмарь Иосель!.... Онъ выпрыгнулъ изъ брички, бросился къ ногамъ моихъ родителей, и зарыдалъ. — «Ты добрый человекъ, Иосель!» сказалъ отецъ мой отворотившись, чтобъ не видали слезъ его. Иосель не могъ промолвить слова: онъ рыдалъ, и только знаками показывалъ, чтобъ мы сѣли въ бричку. Мы уѣхали, простившись съ Иоселемъ, и слуга его, также Еврей, погналъ лошадей. Слуги и служанки наши продолжали путь пѣшкомъ.

Можно себѣ представить, какъ удивилось семейство пана Струмилы, когда увидѣло насъ въ этомъ экипажѣ! Выслушавъ разсказъ объ этомъ происшествіи, панъ Струмило благодарилъ отца за довѣренность къ нему, и отвелъ намъ нѣсколько комнатъ. Мы вышли изъ дому передъ обѣдомъ, и семейство пана Стру-

милы уже пообѣдало. Для насъ со-
стригали обѣдъ, за которымъ отецъ мой
былъ такъ спокоенъ, какъ дома. Матуш-
ка и сестры были ужасно разстроены и
почти больны отъ испуга; онъ не при-
касались къ кушанью. Папъ Струмило
не могъ надивиться хладнокровію моего
отца, зная его характеръ — и я слышалъ,
какъ онъ, въ его отсутствіи, говорилъ
матушкѣ, что надобно непременно посо-
вѣтоваться съ докторомъ, потому что
нѣтъ сомнѣнія, что отецъ мой страж-
детъ какою-то необыкновенною болѣз-
нію.... На другой день папъ Струмило
послалъ въ Глускъ за докторомъ, а ме-
жду тѣмъ почти всю ночь онъ провелъ
съ моими родителями въ совѣщаніяхъ.
Въ слѣдствіе общаго совѣта, отецъ мой
написалъ просьбу къ Губернатору и дру-
гую въ Судъ, опираясь на важнѣйшій
пунктъ Польскаго законодательства: Ех-

pulsio et violentia. На другой день вы-
слали парочнаго въ Минскъ, къ нашему
повѣренному.

V.

Старина.—Разсказъ современницы о Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ. — Знаменитый гарнецъ жемчуга. — Переселеніе въ Бѣлоруссію. — Дань благодарности первому учителю — Переселеніе въ Петербургъ.

Не стану описывать подробностей процесса, продолжавшагося слишкомъ двѣнадцать лѣтъ во всѣхъ инстанціяхъ, и кончившагося въ нашу пользу. Это было бы и длинно и для многихъ скучно. Процессъ этотъ надѣлалъ, въ свое время, много шума въ Литвѣ и въ Петербургскомъ юридическомъ мірѣ, и важенъ тѣмъ, что представилъ Сенату совершенно новые вопросы, и произвелъ въ новоприсоеди-

ненныхъ областяхъ благотельное впечатлѣніе, убѣдивъ, что въ Россіи *есть правосудіе*. Этому дотолѣ тамъ не вѣрили, воображая, что судъ и расправа продаются съ молотка! Расскажу только обстоятельства, предшествовавшія важнѣйшему событію въ моей жизни, имѣвшему вліяніе на всю мою участь, а именно: переселенію въ Петербургъ.

Недѣли чрезъ полторы, мы отправились, въ экипажахъ пана Струмилы, въ Минскъ; но прежде заѣхали въ Русиновичи, имѣніе бабушки моего отца (т. е. родной сестры его дѣда, *grand' tante*), пани Онуховской. Эта почтенная дама представляла собою живой историческій памятникъ важнѣйшихъ событій въ краѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняла остатки старопольскихъ обычаевъ первой половины XVIII вѣка. Такіе люди рѣдко встрѣчаются, и я долженъ поговорить о ней.

Бабушка отца моего родилась въ 1697 году, слѣдовательно, въ это время ей было ровно *сто лѣтъ*. Скажу предварительно, что она умерла скоропостижно отъ испуга, въ 1812 году, т. е. ста пятнадцати лѣтъ отъ рожденія, когда партія казаковъ внезапно и съ шумомъ въѣхала ночью въ ея дворъ. Она была необыкновенно высокаго роста, держалась всегда прямо и носила шнуровку до послѣдней минуты, и всю жизнь управляла сама хозяйствомъ, вела переписку, не употребляя очковъ. Во всю жизнь свою она никогда не была до того больна, чтобъ лежать въ постель. Имѣя весьма порядочное состояніе и будучи вдовою Президента Гродскаго (т. е. уголовнаго) Суда, она занимала почетное мѣсто въ обществѣ, но въ теченіе почти сорока лѣтъ только однажды, и то по важному дѣлу, выѣзжала изъ своей деревни, охотно принимая гостей и даже славясь радушіемъ и госте-

примствомъ. Въ домъ ея все устроено было на старинную погу, и многіе ѣздили къ ней нарочно, чтобъ насмотрѣться на старопольскіе обычаи, отъ которыхъ она не отступала ни на волосъ. Она не перемѣняла никогда покроя своей одежды, и одѣвалась такъ, какъ одѣвались Польскія дамы въ началѣ XVIII вѣка, т. е. въ длинную бѣлую кофту (въ обыкновенные дни канфасную, а въ праздники каленкоровую) до колѣнъ, съ фалборками и съ узкими рукавами. Корсажъ состоялъ изъ шнуровки, съ черными лентами накрестъ, какъ въ Швейцарскомъ женскомъ костюмѣ. Бѣлая верхняя исподница до колѣнъ, была обшита фалборками, и между ими одною широкою черною лентою. На головѣ носила она высокій чепецъ, перевязанный широкою черною лентою (въ знакъ вдовства). Черныя башмаки были съ пряжками и высокими красными каблуками. Она всегда имѣ-

ла въ рукахъ высокую трость съ золотымъ набалдашишкомъ, на которомъ вырѣзано было изображеніе Богоматери. При встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ или при какой нибудь опасности, она крестилась и цѣловала это изображеніе. Взглядъ ея былъ серіозный, голосъ громкій и нѣсколько грубый. За нею, въ родѣ вѣстоваго, ходила всегда любимая ея служанка, съ ключами и съ мѣшкомъ, въ которомъ были куски сахара, пряники, мелкія серебряныя деньги для раздачи дѣтямъ слугъ и сиротамъ, воспитываемымъ въ ея домѣ. У нея былъ одинъ только сынъ (давно уже скончавшійся), который извѣстенъ былъ во всей провинціи подъ именемъ *короля*, потому что мать не называла его иначе, какъ *мой король* (*móu królu*). Она баловала своего *короля* до такой степени, что онъ былъ гораздо счастливѣе настоящаго Короля Станислава Августа, хотя и былъ предметомъ шу-

токъ и, такъ сказать, притчей во языцѣхъ въ цѣлой Литвѣ. Мать обходилась съ нимъ до старости какъ съ малолѣтнимъ. Природа дала ему и умъ, и доброе сердце, и вообще онъ былъ любимъ всеми, кто зналъ его близко. Мать не дала ему ни какого воспитанія, опасаясь науками повредить здоровью, и онъ едва зналъ грамотъ. Самоучкой и по слуху онъ игралъ на фортепіанѣ, и даже весьма пріятно, съ чувствомъ и выраженіемъ. За *королемъ* ухаживали безпрестанно нѣсколько лакеевъ и молодыхъ служанокъ, и должны были забавлять его. Для него варили ежедневно болѣе десяти кушаньевъ, въ малыхъ кастрюлькахъ и горшечкахъ, чтобъ угодить его вкусу по внезапному желанію и требованію. Сама мать не употребляла ни какого лекарства, но разстроила здоровье своего *короля*, подчивая его безъ нужды всякаго рода медикаментами, и держа почти круг-

мый годъ въ заперти, чтобъ не подвергнуться простудѣ. Во всѣхъ дѣлахъ женщина умная, она, отъ излишней и дурно постигнутой материнской пѣжности, была причиною и тѣлесной слабости, и умственнаго закоспѣнія единственнаго своего сына, и сдѣлала его даже смѣшнымъ. Когда Король Польскій былъ въ Нѣсвижѣ въ гостяхъ у Князя Карла Радзивилла, то слышался такъ много изъ разсказовъ объ этомъ *короле*, что для шутки велѣлъ представить себѣ, какъ онъ говорилъ, *своего товарища*. Мать послала своего *короля* въ Нѣсвижъ съ родственникомъ, наномъ Горанномъ (отпустивъ его отъ себя въ первый разъ въ жизни); и снарядила такъ великолѣпно, что онъ явился, точно какъ удѣльный принцъ. Польскій Король принялъ его очень милостиво, убѣдившись, что смѣха достоинъ не онъ, а что смѣшна мать его, и онъ смѣшонъ только при ней. Онъ даже

нашелся передъ Королемъ. «Привѣтствую (witam) васъ, какъ равнаго!» сказалъ Король, при первой встрѣчѣ.—«Напяснѣйшій Король,» отвѣчалъ Онуховскій: «по шляхетству мы были равны, и по смерти будемъ равны, а теперь я царствую (króluje) только въ сердцѣ моей матери!» Все удивился этому отвѣту. Но я уже сказалъ, что онъ былъ умнѣе отъ природы, и умъ его былъ только угнетенъ тяжестью материнскихъ предразсудковъ и предубѣжденій.

Прабабушка моя, пани Онуховская, одарена была удивительною, рѣдкою, непостижимою памятью, и помнила не только все происходившее въ ея дѣтствѣ и молодости, но даже и то, что произвело на нее сильное впечатлѣнiе въ теченiе всей жизни. Она была по двѣнадцатому году отъ рожденiя, когда Шведскiй Король Карлъ XII проходилъ съ войскомъ изъ Сморгонь въ Борисовъ, въ 1708 го-

ду (*). Ровно через *сто* лѣтъ послѣ этого событія, когда я былъ у нее въ 1807 году, она рассказывала мнѣ про Карла XII, который нѣсколько дней квартировалъ въ домѣ ея родителей, какъ будто она видѣла его наканунѣ. Вотъ рассказъ ея, хотя и не слово въ слово.

«Когда родители мои узнали, что Шведское войско идетъ въ Россію на Молодечно, они хотѣли выѣхать внутрь края, и выслать всѣ дорогія вещи, потому что имѣніе наше лежало на большой дорогѣ въ Борисовъ, а Шведы были ужасные грабители. Въ манифестахъ Шведы называли себя нашими *пріятелями* и защитниками, а обдирали до послѣдней нитки. Русскіе также называли себя нашими друзьями и защитниками, и тоже не щадили насъ. Наши Поляки,

(*) Этимъ самымъ путемъ проходилъ Наполеонъ, съ своимъ несчастнымъ войскомъ, отъ Березины до Вильны, въ 1812 году.

придерживаясь то партіи Станислава Лещинскаго, то партіи Августа II, т. е. то Шведа, то Москаля, разоряли насъ не хуже чужихъ. Время было тяжелое, и только благость Божія удержала тогда отъ погибели край, открытый для всѣхъ и cadaго, какъ заѣздная корчма! Всѣ наши дорогія вещи уже уложены были на фуры, и мы ждали только извѣстія о приближеніи Шведовъ, чтобъ выѣхать, оставивъ домъ напроизволь судьбы. Пріятель отца моего, панъ Волловичъ, находившійся при Королѣ Шведскомъ, прислалъ нарочнаго съ извѣстіемъ, что въ нашемъ домъ назначена квартира для Карла XII. — «Король, вѣрно, не ограбитъ насъ,» сказалъ мой отецъ, «а напротивъ, защититъ. Зачѣмъ намъ таскаться по чужимъ домамъ: останемся!» Мать моя согласилась, и мы остались. Родители мои приготовили комнаты, велѣли даже обить мебель въ двухъ комна-

тахъ новымъ бархатомъ и адамашкомъ (старинною шелковою тканью, весьма прочною), запаслись лучшими съѣстными припасами и винами, и ждали гостя, хотя и не весьма свокоійно. Наконецъ, намъ дали знать, что Шведы уже приближаются, и къ вечеру пріѣхали къ намъ двадцать четыре человекъ трабантовъ съ офицеромъ, который поставилъ у воротъ двухъ конныхъ часовыхъ, а на воротахъ вывѣсилъ большой желтый флагъ съ Шведскимъ гербомъ, въ знакъ того, что здѣсь королевская квартира. Для трабантовъ офицера отвели комнаты во флигель, но Шведы не хотѣли занять ихъ, и провели ночь среди двора, возлѣ огня, и даже не разсѣдывали лошадей, хотя ночи были еще довольно холодны, потому что это было въ половинѣ Марта, а зима того года была продолжительная. Всю ночь вокругъ дома и по дорогѣ безпрестанно развѣзжали трабанты и подавали сигналами

лы, крича изъ всеї силы, не давая намъ уснуть. Со свѣтомъ потянулось войско Шведское мимо нашего дома, и при видѣ королевскаго знамени били въ барабаны. Полка два пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ конницы остановились за нашимъ гумномъ лагеремъ, а въ самомъ гумнѣ помѣстились офицеры. Матушка, я и двѣ покойныя мои сестры приварядились; отецъ надѣлъ свой парадный кунтушъ, и мы не отходили отъ окна, чтобъ встрѣтить Короля у крыльца. Около полудня въѣхали во дворъ два Шведскіе офицера, а за ними конный солдатъ. «Неужели это адъютанты Шведскаго Короля, такъ бѣдно одѣтые?» замѣтилъ отецъ мой. Офицеры слѣзли съ лошадей и вошли въ переднюю, а потомъ въ залу, окнами въ садъ; ихъ встрѣтилъ маршалекъ нашего дома (мажоръ-домъ), потому что всѣ мы были въ столовой, окнами на дворъ. Маршалекъ доложилъ батюш-

къ, что офицеры спрашиваютъ хозяина дома. Мы все перешли въ залу, приказавъ служанкѣ дать знать, когда Король вѣдетъ въ ворота.—«Вы ли хозяинъ дома?» спросилъ вѣжливо, по-Нѣмецки, офицеръ помоложе другаго. — «Къ вашимъ услугамъ; что вамъ угодно?» отвѣчалъ отецъ. — «Здѣсь королевская квартира: укажите, пожалуйста, комнаты Короля,» примолвилъ офицеръ. — «Весь мой домъ и все, что въ немъ, къ услугамъ Его Величества,» возразилъ мой отецъ.— «Для него довольно и одной комнаты,» отвѣчалъ офицеръ; «а комнаты двѣ прошу я для канцелярїи, для королевскаго министра и для двухъ адъютантовъ.» — «Распоряжайтесь какъ вы знаете — весь домъ мой принадлежитъ Его Величеству!» отвѣчалъ батюшка. «Но позвольте узнать, скороли Король прибудетъ, чтобъ встрѣтить его, какъ подобаетъ, у крыльца?» Офицеръ улыбнулся: «Вы уже его встрѣ-

тили, и гораздо покойнѣе для васъ и для него — я Король!» — Мы остолбенѣли. Отецъ мой хотѣлъ извиниться, но не нашелъ словъ, и только кланяясь провелъ его въ парадныя комнаты. Какъ теперь вижу его передъ собою, этого страшнаго Короля, о которомъ написали столько книгъ! Въ три дня я насмотрѣлась на него въволю. Онъ напугалъ весь свѣтъ, а самъ былъ смиренъ, какъ ягненокъ, скромнъ, какъ монахиня. Онъ былъ довольно высокаго роста, тонокъ и поджаръ. Лице у него было маленькое, совсемъ не соразмѣрное цѣлому туловищу и даже головѣ. Красавцемъ онъ не былъ; нельзя однакожъ сказать, чтобъ онъ былъ дуренъ лицомъ, хотя былъ рябоватъ. За то темноглубые глаза блестяли какъ алмазы. Тогда всѣ, носившіе Нѣмецкое платье, покрывали голову огромными париками, что нашимъ Полякамъ казалось и смѣшно, и неприлично;

но Король Шведскій не посылъ парика. Волосы у него были каштановаго цвѣта (*), легко напудренные, остриженные коротко и взбитые или взъерошенные вверхъ, а съ тыла связанные въ небольшую косу. Онъ казался очень молодымъ (**). Онъ всегда былъ въ синемъ мундирѣ съ желтымъ подбоемъ и краснымъ воротникомъ, въ желтомъ лосиномъ нижнемъ платьѣ и огромныхъ сапожницахъ съ пребольшими шпорами. Палантъ его, лосиные перчатки, доходившія до локтей, сапоги и шпоры были

(*) На многихъ портретахъ и въ кабинетахъ восковыхъ фигуръ, Карла XII изображаютъ *бл-локуровымъ* и небольшого роста. Оставляю въ подлинникѣ рассказъ прабабушки, въ справедливости котораго удостовѣрился, во время путешествія моего въ Швецію. Въ домѣ Графа Брагге я видѣлъ портретъ Карла XII съ каштановыми волосами.

(**) Ему тогда былъ 26-й годъ отъ роду; родился онъ въ 1682 году, въ Юнѣ.

вовсе не по его росту, и мы, дѣвицы, насмѣхались надъ этимъ Голізоовскимъ вооруженіемъ. Шляпу носилъ онъ маленькую, безъ галуна, да и во всемъ его нарядѣ не было на одинъ шелягъ золота или серебра. Родители мои безпрестанно говорили намъ: «Разсматривайте Короля! Это великій мужъ, какъ наши Янъ Собіескій и Стефанъ Батори!» Отецъ мой, не любя Нѣмцевъ, весьма уважалъ Карла XII за то, что онъ выгналъ Короля Августа II изъ Польши, и посадилъ на престолъ шляхтича, Станислава Лещинскаго.

«Черезъ часъ пріѣхали двѣ коляски и двѣ крытыя фуры съ людьми королевскими. Съ этимъ обозомъ прибыли королевскій министръ (*) и другой адъютантъ. Между королевскими людьми былъ

(*) Графъ Пиперь, попавшійся въ плѣнъ въ сраженіи подъ Полтавой.

и переводчикъ, и мать моя чрезъ него стала спрашивать камердинера, какое кушавье Король болѣе любитъ. — «Всякое жареное мясо, свишину и дичь, отвѣчалъ камердинеръ; изъ зелени шиннатъ, а изъ приправъ *петрушку* и *руту*. Свѣжихъ фруктовъ теперь нѣтъ, но если у васъ есть лимоны, положите передъ нимъ на столъ: Король очень любитъ ихъ.» — «А какое вино пьетъ Король?» спросила матушка. — «Ни какого!» отвѣчалъ камердинеръ: «Король не пьетъ даже пива; онъ пьетъ одну воду.» — У насъ всего было въ запасъ; матушка умѣла даже сохранять цѣлый годъ свѣжіе яблоки. — Обѣдъ былъ готовъ въ два часа, и матушка спросила у камердинера, на сколько особъ прикажетъ Король накрывать столъ. Камердинеръ доложилъ Королю, и потомъ объявилъ матушкѣ, что Король будетъ кушать за однимъ столомъ со всѣмъ нашимъ семействомъ.

Это всѣхъ насъ обрадовало, и отецъ сожалѣлъ, что братьевъ моихъ не было дома; они тогда были въ Вильнѣ, въ школѣ. Я не спускала глазъ съ Короля во время стола. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ, и особенно ему понравилась голова дикаго кабана (*la hure*) въ студень. Онъ ѣлъ охотнѣе *жирное*, и вообще употреблялъ много *хлѣба*. Во время обѣда, онъ спрашивалъ батюшку о положеніи края, и сказалъ, между прочимъ, что война скоро кончится, и онъ дастъ средства Королю Станиславу Лещинскому вознаградить Польшу за все, ею претерпѣнное. — Передъ обѣдомъ пріѣхали къ Королю три генерала, которыхъ батюшка упросилъ остаться съ нами откусать, и они также помѣстились за общимъ столомъ. Всѣ Шведы порядочно пили вино, похваляли его, и нисколько не стѣснялись присутствіемъ Короля. Но онъ пилъ одну воду, жевалъ безпрестанно хлѣбъ,

и не обращалъ на другихъ вниманія. Съ нами, т. е. съ женщинами, онъ не промолвилъ ни словечка, и только сказалъ комплиментъ матушкѣ, на счетъ ея хозяйства, когда узналъ, что яблоки изъ нашего сада. На другой день камердинеръ сказалъ матушкѣ, что Король всеѣмъ очень доволенъ, но проситъ, чтобъ за столомъ было не болѣе четырехъ блюдъ, и чтобъ обѣдъ продолжался не больше четверти часа. На ужинѣ Король пилъ стаканъ сладкаго молока, *примѣшавъ въ него соли*, и съѣдалъ большой кусокъ хлѣба. -- Все утро онъ проводилъ за бумагами. Камердинеръ сказалъ намъ, что Король для того только и остановился у насъ на трое сутокъ, чтобъ написать бумаги, которыя съ нарочнымъ должно отослать въ Швецію. После обѣда онъ прогуливался въ саду, по большой аллеѣ, съ своимъ министромъ, а мы разсматривали его изъ бесѣдки. -- Отъѣз-

жая, Король изъ своихъ рукъ подарилъ отцу моему золотую табакерку съ своимъ вензелемъ изъ алмазовъ, и велѣлъ заплатить за все забранное для его людей и лошадей. Отецъ мой обидѣлся этимъ, и сказалъ адъютанту, что онъ шляхтичъ, а не трактирщикъ, и угощаетъ Короля, а не торгуетъ съѣстными припасами и фуражемъ. — Когда мы узнали о несчастіи Карла подъ Полтавой, мы душевно сожалѣли о немъ, хотя и не теряли надежды, что онъ еще поправится, а когда къ намъ пришло извѣстіе о его смерти — мы все плакали!»

«Видала я также и соперника Карла, Московскаго Царя Петра, примолвила прабабушка: «это было въ 1711 году, также въ половинѣ Марта. Въ Слуцкѣ стоялъ Русскій Фельдмаршалъ Шереметевъ (прабабушка называла его *Шереметъ*), и мы пріѣхали со всемъ семействомъ въ Слуцкѣ, чтобъ просить у него

залогн, потому что его казаки и разные дикіе народы, Башкиры и Калмыки, производили страшные грабежи. Въ это время разнеслась вѣсть, что самъ Царь будетъ въ Слуцкѣ, вмѣстѣ съ женою своею, которую тогда *впервые* назвали Царицею. — Въ Польшѣ говорили, что новая Царица родомъ Польская шляхтянка, изъ фамиліи, оставшейся въ Лифляндіи отъ времени Сигизмунда, и въ послѣдствіи обѣднѣвшей. Всѣ наши дамы весьма любопытствовали видѣть Царицу, и подговорили мужей своихъ дать балъ для Царя. Для этого убрали огромную залу на Радзивиловской поясной фабрикѣ. (*) и приготовили великолѣпное угощеніе. Царь прибылъ съ Царицею и своими генералами и офицерами. Онъ

(*) Эта фабрика Польскихъ поясовъ давно уничтожена. Такой разноцвѣтной парчи и не видывалъ нигдѣ, какую выдѣлывали на этой фабрикѣ. Мастеръ былъ родомъ изъ Турціи.

былъ великанъ ростомъ, молодецъ собою и красавецъ, съ черными усами и орлинымъ взглядомъ, только огромный парикъ весьма вредилъ его красотѣ. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, и казался ловокъ и развязенъ. Говорилъ онъ громко, шутилъ и смѣялся. Ему было уже подъ сорокъ лѣтъ, но по лицу онъ казался моложе. Меня весьма удивило, что и у Царя, точно какъ и у его соперника, Карла, лице, по росту, казалось *несообразно* малымъ. Царица была очень недурна собою, съ большими черными глазами и прелестными плечами, бѣлыми какъ снѣгъ. Она была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ малиновымъ бархатнымъ верхомъ, впереди разстегнутымъ и съ шлейфомъ, и вся въ алмазахъ и въ жемчугахъ. Волосы были наудрены, и надъ высокою прическою была маленькая алмазная корона. Она говорила изрядно по-Польски, хотя и примѣшивала Рус-

скія слова, но по-Нѣмецки объяснялась хорошо. Царь Петръ, увидѣвъ меня, подошелъ ко мнѣ, и похваливъ мой ростъ, спросилъ, сколько мнѣ лѣтъ, а потомъ примолвилъ, что если я хочу идти замужъ, то онъ доставитъ мнѣ жениха по моему росту. Потомъ подзвалъ грендерскаго офицера, такого же великана, какъ и онъ самъ, и представилъ его мнѣ. Понимая шутку, я отвѣчала, что напротивъ, я хочу маленькаго мужа. — «Чтобъ держать въ рукахъ. не правда ли?» сказалъ Царь улыбаясь. «Ой, вы, Польки!» Съ этимъ онъ оставилъ меня. — Царь и Царица танцовали польскій и остались ужинать. За столомъ Царь пилъ вино изъ большаго покала, за здравіе Короля Польскаго Августа II и за благоденствіе республики, называя себя другомъ ея, и былъ весьма фамиліяренъ съ Поляками. Наши пили за здоровье Царя, Царицы и Русскаго войска. Одинъ изъ

нашей шляхты, вынивъ порядкомъ, сказать, что если бь онъ дожидь до выборовъ, то далъ бы голосъ на избраніе Царя въ Короли Польскіе, что весьма ему понравилось, и онъ провозгласилъ тость за здоровье Польской шляхты. Потомъ провозглашены были тосты за здоровье дамъ, и наконецъ нашъ знаменитый народный тостъ: *kochajmy sie* (*). — Когда все встали при этомъ, по старинному обычаю, и начали обниматься и цѣловаться, Царь также цѣловался и обнимался со всеми. Разъѣхались по домамъ поздно, и все мужчины уже порядочно навеселъ. Наши Поляки весьма полюбили Царя за его популярность, что именно въ нашемъ народномъ духѣ, и жаловались ему на любимца его, Князя Меншикова, который не отличался безкорыстіемъ, и забралъ все драгоценно-

(*) т. е. будемъ любить другъ друга, или будемъ дружны.

сти даже у Пани Огинской, тетки Пана Огинскаго, самаго сильнаго Царскаго приверженца, воевавшего за него противу Шведовъ. Царь сказалъ, что все зло дѣлается противъ его воли, и что Меншикову не пройдетъ это даромъ, а Пани Огинская получитъ обратно все у нея взятое. — Царь съ Царицею пробыли въ Слуцкѣ пять дней, и я видѣла его ежедневно на улицахъ и въ домъ Пана Хлевинскаго. Безъ большаго парика онъ былъ красавецъ. Онъ узналъ меня при первой встрѣчѣ, послѣ бала, и повторилъ свою шутку, утверждая, что я должна быть непременно его гренадершей, т. е. женою его исполинскаго капитана. Но все же скромный и задумчивый Карлъ мнѣ больше нравился!...»

Хотя Петру Великому и не удалось выдать замужъ моей прабабушки за саженнаго гренадера, но въ домъ ея была настоящая гренадерская субординація.

Она страстно любила вышиваніе по капъ и въ тамбурѣ, и будучи уже не въ состояніи сама работать, находила наслажденіе въ руководствѣ работами, и имѣла въ домѣ своемъ родъ мануфактуры. Болѣе двадцати крѣпостныхъ дѣвушекъ, съ подюжныи спроть и воспитанницъ и нѣсколько бѣдныхъ шляхтяночекъ ежедневно занимались вышиваніемъ ковровъ и обоевъ. Всѣ стѣны и всѣ мебели въ ея домѣ обиты были превосходнѣйшимъ шитьемъ, едва ли уступающимъ Гобеленовымъ обоямъ. Этыхъ ковровъ и обоевъ она никогда не продавала, но не только роднымъ, а даже и значительнымъ людямъ, не по ихъ силѣ, а по ея выбору, и самому Королю Польскому посылала она въ подарокъ свои вздѣлія, которыя высоко цѣнились знатоками. На выписываніе рисунковъ она не жалѣла денегъ. На большихъ стѣнныхъ коврахъ рисунки изображали бит-

вы, охоту; фигуры были въ натуральный ростъ. На старинныхъ массивныхъ мебелихъ, надъ дверьми, надъ окнами и даже на печахъ и на всей домашней посудѣ и утвари были вырѣзаны или нарисованы гербы нашей фамиліи. Въ портретной залѣ была коллекція портретовъ нашихъ предковъ съ XVI вѣка. Словомъ, это былъ въ полномъ смыслѣ домъ историческій, и еслибъ Литва имѣла своего Вальтеръ-Скотта, то Русиновичи и вотчинница этого имѣнія непременно играли бы роли въ историческомъ романѣ.

Обычай въ Русиновичахъ также принадлежали къ исторіи. Русское: *быю челомъ* и Польское: *padam do nog* (т. е. *упадаю къ ногамъ вашимъ*) не суть пустыя выраженія, или одни комплименты. Бездѣ, встарину, бѣдный и слабый бросались къ ногамъ богатаго и сильнаго, и били предъ ними челомъ въ землю, какъ

это и до сихъ поръ ведется на Востокъ и между крестьянами въ Россіи и Польшѣ. И теперь еще, даже у богатыхъ купцевъ и дворянъ Русскихъ, придерживающихся старины, молодая пара, передъ вѣнцемъ, бросается въ ноги родителямъ, и проситъ благословенія. Въ Польшѣ, въ прошломъ вѣкѣ, всѣ родные *въ нисходящей линіи* должны были падать на колѣни предъ старшими родными, и цѣловать ноги родителей. У моей прабабушки, пани Онуховской, этотъ обычай велся до ея смерти. Когда мы пріѣхали къ ней, она сидѣла въ большихъ креслахъ. Мои родители и сестра пали къ ногамъ ея, заставивъ и меня сдѣлать то же, и она протянула ногу, которую мы поцѣловали. Потомъ она приказала намъ встать, и дала объ руки для облобызанія, и уже послѣ этой операціи приподнялась съ кресель, поцѣловала всѣхъ насъ въ лице, благословила и ве-

лѣла родителямъ моимъ сѣсть, а мнѣ и сестрѣ стать возлѣ ея креселъ.

Отецъ мой разсказалъ ей обо всемъ случившемся съ нами, не забывъ и того, что всѣ вещи наши остались въ рукахъ наѣздниковъ, и что мы имѣемъ только то, что на насъ. Прабабушка не сказала въ отвѣтъ ни слова, а только покачала головою. Мы пріѣхали утромъ. — «Ступайте же въ ваши комнаты, и отдохните,» сказала прабабушка: «а я займусь хозяйствомъ.» Любимая ея дѣвка отвела насъ въ назначенныя намъ комнаты, и тотчасъ явился поварь, чтобъ распросить о любимыхъ блюдахъ каждаго изъ насъ. Чрезъ часъ лакеи внесли къ намъ кинны. Тутъ былъ холстъ, батистъ, шелковыя матеріи въ кускахъ, кружева, платки, даже сукно. Не забыты были и ковры. По старопольскому обычаю, все это надлежало имѣть въ запасъ въ порядочномъ домѣ. При каждой покупкѣ земныхъ про-

пзведеній у помѣщика, купецъ, по обычаю, долженъ былъ дарить хозяйку и, кромѣ того, на каждой ярмаркѣ покупались новые товары, хотя безъ нужды, чтобъ только купить что нибудь, и оттого кладовыя въ домахъ были полны. По счастью, во время послѣдней войны, пачальникъ войскъ Русскихъ, человекъ образованный, узнавъ, что моя прабабушка лично знала Петра Великаго, нарочно ѣздилъ къ ней, и изъ уваженія къ памяти великаго мужа, хотѣвшаго сдѣлать ее своею гренадершею, далъ ей залогъ и охранительный листъ, и домъ ея остался неприкосновеннымъ. Любимая служанка прабабушки объявила, что барыня проситъ насъ принять все это *на первый случай*.

Мнѣ ужасно хотѣлось побѣгать въ саду, но отецъ мой сказалъ, что здѣсь нельзя гулять въ саду безъ особаго позволенія хозяйки. Всѣ находившіеся подъ кры-

шею дома должны были сообразоваться съ волею хозяйки ; таковъ былъ старинный обычай ! Пей, ѣшь, спи и прогуливайся не когда хочешь , а когда велятъ ! Каждый былъ въ своемъ домѣ властелиномъ , а въ чужомъ домѣ подданнымъ .

Насъ позвали къ обѣду, и родители мои снова хотѣли повторить обрядъ колынопреклоненія, но прабабушка не допустила до этого ; довольно было и одного раза ! Изъявленіе благодарности моихъ родителей она выслушала хладнокровно, и отвѣчала только пословицею, соответствующею Русской поговоркѣ : «свой своему поневоля другъ.» Всѣ кушанья стояли на столѣ, по старинному обычаю. Обыкновенныя кушанья, для всѣхъ, были въ серебряныхъ крытыхъ блюдахъ, а кромѣ того передъ каждымъ гостемъ и передъ сыномъ прабабушки, *королемъ*, стояли маленькіе красивые гор-

шечки и кастрюльки съ отборнымъ кушаньемъ, по вкусу каждому. Прабабушка сама указала намъ мѣста: по правую руку посадила матушку, по лѣвую своего короля, за матушкою меня и сестру, а возлѣ своего короля отца моего. Далѣе сидѣли панины (т. е. шляхтянки, служащія въ домѣ) и поживальницы или резидентки, коммисаръ, экономя и нѣсколько бѣдныхъ шляхтичей, прїѣхавшихъ съ почтеніемъ или за дѣломъ. Передъ мужчинами стояли кружки съ пивомъ. При концѣ обѣда, лакей поднесъ отцу моему бокаль Венгерскаго вина. За столомъ всѣ молчали и только отвѣчали на вопросы хозяйки. Послѣ обѣда я пошелъ гулять въ садъ, съ королемъ. Онъ хотя уже тогда былъ въ возрастѣ, однако жъ игралъ со мною какъ ребенокъ, и пускалъ воздушный змѣй. Онъ былъ близорукъ, оттого что въ дѣтствѣ его держали въ комнатахъ, закрытыхъ занавѣсами, чтобъ

не испортишь зрѣнія; притомъ онъ сильно занкался.

Пріѣхалъ нашъ адвокатъ изъ Минска, и сказалъ, что при просьбѣ надлежало представить списокъ всеѣмъ вещамъ, оставленнымъ въ Маковицахъ, т. е. всей движимости, съ примѣрною оцѣнкою ея. Родители мои и сестра Антоинна занялись этимъ, и на другой день отъ всеѣхъ представлены были адвокату списки, изъ которыхъ онъ долженъ былъ сдѣлать общій сводъ. Къ общей повѣркѣ списковъ призваны были наши слуги и служанки. Не могу забыть сцены, когда адвокатъ, начавъ читать списокъ, поданный матушкою, вдругъ бросилъ его на столъ съ своими очками, вскочилъ со стула и, отступивъ на шагъ, поднялъ руки съ удивленіемъ, воскликнувъ: «гарнецъ жемчуга!» — «Что это значитъ?» спросилъ батюшка. — «Тутъ написано, что у вашей супруги былъ цѣлый гарнецъ жемчуга,

не въ дѣлѣ, а просто какъ горохъ въ мѣшкѣ!» сказалъ адвокатъ — Отецъ мой посмотрѣлъ съ удивленіемъ на матушку, и сказалъ: «Объ этомъ я ничего не знаю, и теперь впервые слышу!» — «Потому, что я объ этомъ никому не говорила, и хранила этотъ жемчугъ, какъ послѣднюю помощь, въ случаѣ несчастія. Анна!» приговорила матушка, обращаясь къ моей нянькѣ, (самой вѣрной изъ всѣхъ слугъ и ея молочной сестрѣ, т. е. дочери ея кормилицы): «помнишь ли тотъ мѣшокъ, который мы зарывали съ тобою въ землю, ночью, подъ большимъ дубомъ, возлѣ пруда, когда разнеслись вѣсти, что наши снова будутъ воевать съ Русскими?» — «Какъ не помнить, сударыня,» отвѣчала нянька: «вѣдь это было въ третьемъ году; мѣшокъ былъ желтый, сафьянный, точно такой, въ какихъ для барина привозятъ курительный табакъ, а вырыли мы его только нынѣшнею весною.» —

«Это былъ мѣшокъ съ моимъ жемчугомъ, даннымъ мнѣ братьями моими въ приданое, при второмъ моемъ замужствѣ,» сказала матушка. — Адвокатъ покачалъ головою, и возразилъ: «Помните, что въ этомъ вы должны *присягнуть*.» — «Присяга не страшна въ правомъ дѣлѣ; я и братья мои присягнемъ, что у меня былъ *цѣлый гарнецъ жемчуга!*» — «Какъ угодно,» сказалъ адвокатъ, сѣвъ на свое мѣсто. Отецъ мой надѣлъ шапку, и вышелъ на крыльцо, взявъ меня за руку. Онъ смотрѣлъ вверхъ и посвистывалъ, а это означало, что онъ недоволенъ. Онъ не сомнѣвался въ истинѣ показанія матушки, но ему досадно было, что она передъ нимъ скрывала это.

Когда прабабушка узнала объ этомъ *гарницѣ жемчуга*, она ни мало не усомнилась, и сказала: «Если бъ изъ дома Бучинскихъ данъ былъ и цѣлый корецъ жемчуга, то я бы не удивилась, зная, что

этотъ домъ изстари славился богатствомъ и порядкомъ, а что Аня (имя моеи матушки) не сказала объ этомъ моему папу Венедикту, за это похваляю ее. Знаю я хорошо его девизъ: день мой — вѣкъ мой, сегодня жить, а завтра гинть!» — Въ самомъ дѣлѣ, отецъ мой повторялъ это, когда его упрекали въ излишней щедрости и хлѣбосольствѣ.

Проживъ нѣсколько дней въ Русино-вцахъ, мы отправились въ Минскъ. Передъ отъѣздомъ повторились колѣнопреклоненіе, цѣлованіе въ ногу и въ руки и благословенія. Прабабушка дала моеи матери кожаный мѣшечекъ со ста червонцами, завязанный и запечатанный; сестръ подарила десять червонцевъ, а мнѣ одинъ червонецъ, на конфекты. Отца моего она только погладила по головѣ, и сказала: «Живи скромнѣе!» — Когда мы усѣлись въ коляску, отецъ ощупалъ подъ ногами мѣшокъ; онъ приподнял его;

мѣшокъ былъ съ рублями и съ подписью:
«500 рублей.»

Мои родители не могли надивиться щедрости прабабушки: она весьма рѣдко дарила деньгами родныхъ, и подарокъ ея никогда не превышалъ ста злотыхъ Польскихъ. Видя насъ въ несчастномъ положеніи, она отступила отъ своего правила. Семейная гордость восторжествовала надъ всеми чувствами и правилами. Она даже не одобряла смиренія отца моего, и сказала, что надлежало пустить пулю въ лобъ дерзкому, осмѣлившемуся безнокоить шляхтича въ его домъ! Таковы были Польскія женщины встарину. Онѣ поджигали мужей и сыновей своихъ на битвы.

Прибывъ въ Минскъ, матушка подала просьбу, съ приложеніемъ инвентаря оставшихся въ Маковищахъ вещей, и чрезъ недѣлю уѣхала со мною и съ сестрою въ Бѣлоруссію, къ своимъ род-

нымъ, а отецъ мой остался лечиться у доктора Марбурга, въ Минскѣ.

Въ Могилевской Губерніи, въ Оршанскомъ Уѣздѣ, жилъ близкій родственникъ матушки, Викентій Кукевичъ, Маршалъ (Дворянскій Предводитель) Оршанскіи, въ имѣніи своемъ, называемомъ *Высокое* (принадлежащемъ нынѣ Князю Любомирскому). Кукевичъ былъ холостъ и уже болѣе нежели въ среднемъ возрастѣ. Это былъ самый честный и благородный человекъ, какой только можетъ быть между людьми, но имѣлъ нѣкоторыя непостижимыя странности. Онъ любилъ уединеніе, и проводилъ большую часть дня или въ своей комнатѣ, или въ полѣ, въ лѣсу, *въ разговорахъ съ самимъ собою*. Мы нѣсколько разъ смотрѣли съ сестрою въ замочную скважину, чтобъ узнать, чѣмъ онъ занимается. Онъ ходилъ по комнатѣ сперва тихо, потомъ шибко, говорилъ громко, шелкалъ паль-

цами, смѣялся, хохоталъ взявшись за бока, садился, кланялся, шаркалъ, потомъ пѣлъ и наконецъ, уставъ, ложился, а отдохнувъ, являлся въ общество, какъ будто ничего не бывало; былъ чрезвычайно любезенъ, снисходителенъ и вѣжливъ со всѣми. Онъ былъ въ одно время опекуномъ Князей Любомирскихъ и племянницы своей, богатой сироты Куровской, которая и воспитывалась въ его домѣ. Рѣшено было, чтобъ сестра моя и я остались въ домѣ Кукевича, сестра для бесѣды и надзора за родственницею Куровскою, а я для моего воспитанія. Отецъ мой, хотя неохотно, но согласился на это, намѣреваясь пріѣхать къ намъ. Въ домѣ Кукевича проживало цѣлое семейство филолога, занимавшагося воспитаніемъ дѣтей въ домахъ. Онъ назывался Цыхра. Старикъ былъ человекъ ученый и превосходный музыкантъ, права кроткаго, характера веселаго. Сынъ его Лудо-

викъ, немного старѣе меня, былъ въ послѣдствіи знаменитымъ виртуозомъ на гитарѣ. Старшій сынъ преподавалъ уроки исторіи, географіи и ариѳметики. Старикъ Цыхра, человекъ чрезвычайно добрый и ласковый, полюбилъ меня какъ родное дитя, и умѣлъ возбудить во мнѣ, мало сказать охоту, нѣтъ, страсть къ ученію. Подъ его руководствомъ и чтобъ ему нравиться, я оказывалъ удивительные успѣхи въ языкахъ и въ музыкѣ, а исторію и географію полюбилъ до того, что меня надлежало силою отрывать отъ книгъ, географическихъ картъ и глобусовъ. Много, весьма много, чтобъ не сказать *все*, зависитъ отъ учителя, отъ его усердія, отъ его характера и отъ обращенія съ дѣтьми. Глубокая ученость въ учителя не принесетъ пользы, если онъ не обладаетъ искусствомъ передавать своихъ познаній, дѣлать ихъ понятными для дѣтей, и если не умѣетъ при-

вязать къ себѣ дѣтей, не можетъ заставить ихъ полюбить науку, возбудить въ нихъ жажду познаній, представить науку въ занимательномъ видѣ. Хорошихъ учителей весьма мало на свѣтѣ, и оттого такъ мало успѣховъ въ наукахъ, вообще во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Обучаютъ по должности, учатся по-неволѣ, Учитель будто стыдится своего званія, чуждается своихъ занятій, и требуетъ; чтобъ его почитали чиновникомъ; ученики помышляютъ не о наукахъ, а объ экзаменѣ и чиновничествѣ!... Добрый мой Цыхра! Прими и за гробомъ дань моей благодарности. Ты былъ образецъ учителей, учитель, какихъ я мало встрѣчалъ въ жизни!... Боюсь сказать, что вовсе не встрѣчалъ. Все твое честолюбіе, почтенный мой наставникъ, в наслажденіе сосредоточивались въ успѣхахъ, которые дѣлали въ наукахъ и музыкѣ дѣти твои и мы, твои воспитанники....

Между тѣмъ процессъ кипѣлъ въ Минскѣ. — Отецъ мой былъ нелюбимъ многими, изъ такъ называемыхъ, *выскочекъ* (*raguenus*) и новыхъ богачей, составившихъ себѣ состояніе карточной игрою, торговлею совѣсти, грабежемъ народнаго достоянія въ общемъ замѣнательствѣ края, или обкрадываніемъ Польскихъ вельможъ, при управленіи ихъ дѣлами и вотчинами. Особенно оскорбилъ онъ одного новаго богача, на послѣднихъ сеймикахъ (дворянскихъ выборахъ), желавшаго быть дворянскимъ маршаломъ. — «Если вы выкопаете изъ могилы его дѣда, сказалъ отецъ мой шляхтъ: «то на его черепѣ еще найдете *ермолку!*» — Я уже сказывалъ о снятомъ парикѣ. — Нѣкто, разбогатѣвшій въ службѣ Князя Карла Радзивила, игралъ уже важную роль и занималъ какое-то мѣсто въ службѣ. Онъ обошелся слишкомъ фамиліярно съ отцемъ моимъ, въ большомъ обще-

ствѣ, въ присутствіи Губернатора Тутолмина. — «Мы часто видались съ вами въ домѣ Князя Карла Радзивила,» сказалъ свысока, отцу моему, новыи богачъ. — «Правда,» отвѣчалъ отецъ мой: «присматриваясь къ порядку въ домѣ Князя Радзивила, я иногда заглядывалъ и въ кухню, и въ конюшню, и въ лакейскую!» Этого не могъ никогда забыть оскорбленный выскочка! Словомъ, отецъ мой часто говорилъ горькія истины въ глаза, и за чванство наказывалъ жестокими эпиграмами. Теперь все это обрушилось на него, и за него — на матушку! — Процессъ принялъ дурное направленіе, особенно послѣ отъѣзда въ Петербургъ Тутолмина. На его мѣсто назначенъ Губернаторомъ въ Минскъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ К***, человекъ добрый и правосудный, но не знавшій ни Польскаго языка, ни Польскихъ законовъ, ни Польскаго порядка сдѣлокъ. На

первыхъ порахъ онъ невольно долженъ былъ увлечься, какъ говорится, течениемъ, которому новые люди, прильнувшіе къ Правительству, давали направле- ніе. — *Гарнецъ жемчуга*, о которомъ никто не зналъ въ домъ, ни мужъ, ни дѣти, послужилъ предметомъ къ шуткамъ, насмѣшкамъ и наконецъ къ обвиненію ма- тушки въ *кривоприсяжествъ!* Ее от- дали подъ уголовный судъ, и къ дому ея приставили часовыхъ. Примѣръ един- ственный и небывалый съ Польскою дамою!

Лишь только сестра Антонина узнала это, немедленно отправилась къ дядямъ нашимъ, роднымъ братьямъ матушки, Крайчему и Президенту Главнаго Витеб- скаго Суда Бучинскому, и объявила на- мѣреніе свое ѣхать немедленно въ Петер- бургъ, броситься къ ногамъ Государя и просить правосудія. Дяди снабдили ее деньгами, а Кукевичъ вызвался прово-

жать ее. Они немедленно пустились въ дорогу, а я остался въ Высокомъ.

Черезъ два мѣсяца сестра моя прискакала на почтовыхъ въ Минскъ, съ указомъ объ освобожденіи матушки изъ-подъ ареста, и о возвращеніи ей Маковищъ въ закладное владѣніе, до разсмотрѣнія дѣла формою суда. Отецъ мой остался въ деревнѣ, для новаго устройства хозяйства, а матушка съ сестрою пріѣхали въ Высокое, навѣстили дядей, и взявъ меня съ собою, отправились въ Петербургъ, просить удовлетворенія за незаконный арестъ безъ выслушанія свидѣтелей и безъ разсмотрѣнія доказательствъ на счетъ *гарнца жемчуга*, и за несправедливое обвиненіе въ *кривоприсяжествѣ*.

Никогда я такъ не плакалъ и не грустилъ, какъ расставаясь съ учителемъ моимъ Цыхрою. Насильно вырвали меня изъ его объятій и посадили, почти безъ

чувствъ, въ экипажъ. Старикъ также проливалъ слезы. Меня успокоили только обѣщаніемъ, что мы скоро возвратимся въ Высокое, и что я куплю въ городѣ новую трубку для Цыхры. — Родители, особенно матушка, пѣжили и баловали меня, угождая даже моимъ прихотямъ; но Цыхра умѣла занять мой умъ и овладѣть душою. Мнѣ хотѣлось все знать, и я безпрестанно мучилъ его вопросами: это зачѣмъ, это что такое — и старикъ объяснялъ мнѣ съ величайшимъ терпѣніемъ, сообразуясь съ моими лѣтами и понятіями; онъ никогда не показывалъ, что я ему надоедаю моею неотвязчивостью, а напротивъ, чрезъ нѣсколько дней спрашивалъ меня, помню ли я, что онъ мнѣ рассказывалъ и повторялъ объясненіе свое, если замѣчалъ, что я сбивался. Гдѣ вы найдете такого гувернера? Я прежде игралъ игрушками, а съ Цыхрой игралъ наукою, и пристрастился къ этой забавѣ.

Два впечатлѣнія остались въ моей памяти изъ нашего путешествія въ Петербургъ. Въ какомъ-то городишкѣ, кажется въ Суражѣ, гдѣ мы пробыли двое сутокъ, ожидая возвращенія человека, посланнаго съ письмомъ къ какому-то родственнику, квартировалъ полкъ или баталіонъ. Я видѣлъ ученье. На выгонѣ, за самую заставою, выстроены былъ баталіонъ въ одну шеренгу, и дѣлалъ ружьемъ пріемы, по флигельману, который *стоялъ на крышѣ* небольшого сарая или бани. Для флигельмана устроена была платформа изъ досокъ. Полковникъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ фронта въ креслахъ, и курилъ трубку. Нѣсколько офицеровъ стояли возлѣ него, и разговаривали съ нимъ, а Маіоръ командовалъ. Это остатки воинской дисциплины Екатерининскихъ временъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, уже никто не увидитъ. Въ Могилевѣ, гдѣ мы прожили цѣлую

недѣлю, потому что братья матушки пріѣхали къ ней нарочно для свиданія и совѣщанія, одинъ родственникъ повелъ меня въ Іезуитскую школу. Я удивился, увидя усатыхъ школьниковъ. Одного изъ этихъ усачей, профессоръ (какъ называли себя Іезуитскіе учителя) поставилъ на колѣни. Возвратясь домой, я сказалъ матушкѣ: «Если ты отдашь меня къ Іезуитамъ — я убѣгу.» — «Куда?» спросила она. — «Въ Высокое, къ Цыхрь!» — «А если онъ тебя не приметъ?» — «Поїду въ солдаты,» отвѣчалъ я рѣшительно.

Въ Петербургъ мы остановились у Осипа Антоновича Козловскаго, друга нашей фамиліи, бывшаго директоромъ театральной музыки. Онъ жилъ въ домѣ Льва Александровича Нарышкина, на Мойкѣ, противу Новой Голландіи, рядомъ съ домомъ, который занималъ самъ Левъ Александровичъ, гдѣ нынѣ Демидовскій Домъ Трудящихся. Тогда этотъ

домъ былъ храмомъ роскоши, гостепріимства и благотворенія, и какъ будто въ память прежняго благодѣтельнаго хозяина превращенъ въ богоугодное заведеніе! Разумѣется, у тогдашнихъ Русскихъ вельможъ въ домахъ не отдавались квартиры въ наемъ, и Осипъ Антоновичъ жилъ въ домъ Нарышкина безвозмездно, занимая цѣлый этажъ.

VI.

ПЕТЕРБУРГЪ ЗА ПОЛВѢКА ПРЕДЪ СИМЪ — НАРУЖ-
НЫЙ ВИДЪ СТОЛИЦЫ. — ОБЩЕСТВО. — ВЕЛЬМОЖИ
ДВОРА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. —
БЫСТРЫЯ ПЕРЕМѢНЫ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВЪ
ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРО-
ВИЧА. — ПОЛЯКИ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВЫС-
ШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ. — ОПРЕДѢЛЕНИЕ МОЕ ВЪ СУ-
ХОПУТНЫЙ ШЛЯХЕТНЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ.

Со времени кончины Императрицы
Екатерины II, Петербургъ совершен-
не измѣнился, и въ наружномъ своемъ
видѣ, и во внутреннемъ устройствѣ, и въ
зрѣвахъ и въ обычаяхъ. Только нѣкото-
рые памятники зодчества припоминаютъ
прежнее — все прочее *новое* или *возобно-*

вешное. Все великолѣпнѣе города, за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, сосредоточивалось на набережной Невы и въ центрѣ его, въ окрестностяхъ Зимняго Дворца; но и въ этой части города было весьма немного высокихъ домовъ. Почти всѣ каменные дома были или двухъ-этажные или одно-этажные съ подземельемъ, т. е. жильемъ, углубленнымъ въ землю. Только на Невскомъ Проспектѣ, между Полицейскимъ и Анничковымъ мостами, въ двухъ Морскихъ и двухъ Милліонныхъ не было вовсе деревянныхъ домовъ, а во всѣхъ прочихъ улицахъ деревянные дома перемѣшаны были съ каменными, и вообще едва ли только не десятая часть домовъ были каменные. Но и прежніе каменные дома, въ теченіе этого времени, почти всѣ или перестроены, или надстроены, такъ что ихъ нельзя узнать. Многіе прежніе дома, почитавшіеся великолѣпными, вовсе сломаны, и на ихъ мѣ-

ствъ воздвигнуты новыя, огромныя зданія. Теперь на Невскомъ Проспектѣ изъ старыхъ домовъ остались въ прежнемъ видѣ: домъ Васильчикова, гдѣ Англійскій магазинъ (существующій на одномъ мѣстѣ болѣе полувѣка), домъ Косицковаго, у Полицейскаго Моста (бывшій домъ, тогда новый, Князя Куракина), домъ (pallazo) Графовъ Строгоновыхъ, дома Католической Церкви, Гг. Лубье и Меньшиковыхъ и Гостиный Дворъ. Всѣ прочіе дома приняли другой видъ или сломаны. На Италіянскій Улицѣ, противу Михайловской Площади, съ одной стороны (съ правой), были частію каменные, а частію деревянные дома, а съ другой стороны улицы, во всю ея длину, была каменная стѣна (заборъ), ограждавшая дворцовый огородъ, принадлежавшій къ Лѣтнему Саду. На Литейной, во Владимірской, въ Конюшенныхъ, Троицкомъ Переулкѣ, въ Моховой и въ окружаю-

щихъ ихъ улицахъ, равно какъ въ Малой и Средней Мѣщанскихъ, въ Подьяческихъ, на Вознесенскомъ Проспектѣ, Екатерингофскомъ Проспектѣ и прилежащихъ къ нимъ улицахъ, большая часть домовъ были деревянные. Части города, называемыя Московскою, Рождественскою, Коломнею, были почти исключительно обстроены деревянными домами, и большая часть улицъ въ нихъ не имѣла мостовой. Козье-болото, въ Коломнѣ, было настоящее болото, непроходимое и смрадное, покрытое зеленою тиною. Такихъ болотъ было тогда много въ мѣстахъ, нынѣ превосходно застроенныхъ, какъ, напримѣръ, по Лыговкѣ, въ Грязной, на Новыхъ Мѣстахъ и за каретнымъ рядомъ. Еще и до сихъ поръ остались образцы прежнихъ Петербургскихъ домовъ, а именно: на Невскомъ Проспектѣ, за Аничковымъ Мостомъ, по правой сторонѣ (считая отъ Невы). Васильевскій

Островъ только на набережной Невы и по Первой и Кадетской Линіямъ походилъ на столичный городъ, но далѣе застроенъ былъ почти исключительно деревянными домами. Пески, Выборгская и Петербургская Стороны, съ лучшими улицами, походили на плохіе уѣздные городишки, а Ямская была настоящая деревня. Даже Православныхъ Церквей было не много каменныхъ, а великолѣпная одна только, именно Александровская Лавра. Казанскій Соборъ былъ деревянный, низкій, съ высокою деревянною колокольнею, и выкрашенъ желтою краскою. Исакиевскій Соборъ, достроенный въ царствованіе Императора Павла I, представлялъ какую-то мрачную массу, безъ всякой архитектуры. Адмиралтейскій шпиль существовалъ, но башня не была окружена колоннами и статуями, а зданіе Адмиралтейства было низко, не оштукатурено, и не вмѣщало въ

себѣ жилья, а служило единственно для склада кораблестроительныхъ матеріаловъ. Съ трехъ сторонъ Адмиралтейство обнесено было тремя фасадами (въ прямыхъ линіяхъ) землянаго вала и водянымъ рвомъ. Гдѣ нынѣ находится Инженерный Замокъ, тамъ стоялъ деревянный лѣтній дворецъ Императрицы Елисаветы Петровны, и на мѣсть его, Императоръ Павелъ I воздвигнулъ Свое Царское жилище, названное тогда Михайловскимъ Дворцомъ. Этотъ дворецъ какъ бы волшебствомъ возникъ въ годъ, съ небольшимъ, времени. Онъ тогда окруженъ былъ валомъ, вооруженнымъ пушками и водянымъ рвомъ, съ подъемными мостами, и имѣлъ видъ крѣпости. Желѣзныхъ мостовъ вовсе не было; каменные мосты были только на Фонтанкѣ и на Екатерининскомъ Каналѣ, а на Мойкѣ мосты Полицейскій, Синій, Красный и Поцѣлуевъ были деревянные. Нынѣшній

Александринскій Театръ, тогда называвшійся *Малымъ*, не имѣлъ ни какой внѣшней архитектуры: это было низкое и безобразное зданіе, родъ сарая. Большой Театръ былъ безъ портика и гораздо ниже, и походилъ болѣе на магазинъ, чѣмъ на храмъ искусства. Дворцовая Площадь окружена была тогда частными домами, между которыми отличался домъ Кушелева (на мѣстѣ нынѣшняго Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества), выстроенный полукругомъ, отъ углаваго дома бывшаго Вольнаго Экономическаго Общества до нынѣшней арки, тогда не существовавшей. Домъ Кушелева для Петербурга былъ то же, что Пале-Рояль для Парижа, только въ миниатюрѣ. Тутъ были и лавки, и трактиры, и маскарадные залы, и театръ, на которомъ играли Нѣмецкіе актеры. / Гдѣ теперь Ордонавгаузъ и промежутокъ у Пѣвческаго Моста, тутъ были дома музыканта Булана

и Бѣлорусскаго дворянина Древновскаго. Помню эти дома потому, что въ нихъ жили мои знакомые. Тротуаровъ вовсе не было въ городѣ. О пыльномъ чистотѣ не имѣли даже понятія. Многія улицы весною и осенью были почти вовсе непроходимы, на другихъ все лѣто стояли лужи. Въ отдаленныхъ частяхъ города (нынѣ великолѣпныхъ), на улицахъ паслись коровы и расхаживали свиньи. Ночью собаки цѣлыми стаями бродили возлѣ рынковъ, и лай ихъ и вытье раздавались далеко. Отъ оборванныхъ мальчишекъ, игравшихъ въ бабки и въ городки на улицахъ, не было прохода въ центра города, и отъ нихъ надлежало откупаться, чтобъ не быть забрызганнымъ грязью. На поворотѣ съ Невскаго Проспекта во Владимірскую, былъ такъ называемый *Обзорный Рядъ* (перенесенный послѣ къ Каменному Мосту, въ Апраксинъ Переулокъ). Тутъ сидѣли рядами

бабы съ хлѣбомъ, пирогами, жаренымъ и варенымъ мясомъ или рыбою — и весь рабочій народъ толпился тутъ два раза въ сутки. У Синяго Моста стояли толпы людей обоего пола и различнаго возраста, съ дворецкими и прикащиками. Здѣсь пащмали работниковъ, слугъ, служаковъ, и даже покупали въ вѣчное и потомственное владѣніе. Тогда это было позволено, что можно видѣть изъ объявленій въ единственной тогда газетѣ, С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Можно смѣло сказать, что только вокругъ Зимняго Дворца, на Певскомъ Проспектѣ до Аничкова Моста, въ двухъ Морскихъ и въ двухъ Милліонныхъ была Европа ; да же повсюду выглядывала Азія и старинная *предпетровская* Русь, съ своею полудикостью и полуварварствомъ.

Здѣсь мнѣ приходитъ на мысль разговоръ, который я имѣлъ съ однимъ просвѣщеннымъ и ученымъ вельможей (Гра-

фомъ Е. Ф. Канкринымъ) на счетъ Русской Исторіи, лѣтъ за десять предъ симъ. «Если разсудить, то мы, по справедливости, вмѣсто того чтобъ называться *Русскими*, должны прозываться *Петровцами*,» сказалъ Графъ Егоръ Францовичъ.—«Что сдѣлали для насъ *Варяго-Руссы*, въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ Петръ Великій? При *Варяго-Русскихъ* правителяхъ мы были варварами, Азіятцами, и какъ встарину Монголы покорили Россію, такъ въ теченіе времени растерзали бы ее наши Европейскіе сосѣди, если бъ не родился Петръ! Всѣмъ: славою, силою, довольствомъ и просвѣщеніемъ обязаны мы роду Романовыхъ, и изъ благодарности должны были бы перемѣнить наше общеплеменное названіе *Славянъ* на имя творца Имперіи и ея благоденствія. Россія должна называться *Петровіей*, а мы *Петровцами*, или, Имперія — *Романовой*, а мы *Романовцами*.» — Идея

оригинальная, а въ существѣ справедливая! Всевышній, сотворивъ землю, опредѣлилъ на вѣки вѣковъ мѣсто ея во вселенной и ходъ въ небесномъ пространствѣ; Петръ Великій, создавъ Имперію, назначилъ ей мѣсто въ политическомъ мірѣ, и далъ направленіе, по которому ей должно слѣдовать, для достиженія высочайшей степени славы и могущества. Присоединеніе къ Россіи старицыхъ Русскихъ Княжествъ и Литвы, приобрѣтеніе Курляндіи, завоеваніе Тавриды, утвержденіе Русскихъ границъ на Дунаѣ, приобрѣтеніе береговъ Каспійскаго Моря, населеніе Новороссійскихъ степей; каналы, дороги; усиленіе флота и войска — все это есть только исполненіе предначертаній Петровыхъ, слѣдствія направленія, даннаго имъ своею Имперію. Все, что было сдѣлано въ слѣдствіе этого направленія—велико и полезно, все, сдѣланное вопреки его видамъ, упало само собою!

Отъ кончины Петра Великаго (въ 1725 году) до восшествія на престолъ Императора Павла Петровича (въ 1796 году), почти шестьдесятъ восемь лѣтъ сряду, царствовали въ Россіи жепщины. Два Императора Петръ II и Петръ III не занимали престола и четырехъ полныхъ лѣтъ.) Перевороты, бывшіе при утвержденіи власти за Правительницею Анною Леопольдовною, при восшествіи на престолъ Императрицъ: Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II, возносили ихъ приверженцевъ и участниковъ переворота почти надъ обыкновенною сферою подданныхъ, и съ ними возвышались ихъ родные, друзья и прислужники. Всѣ хотѣли управлять по своей волѣ, и изъ видовъ честолюбія и корыстолюбія образовались партіи. Правленіе приняло олигархическія формы.

Въ краткое регентство Правительницы Анны Леопольдовны, въ царствованіе

Императрицъ Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны партіи явно боролись между собою, и, вредя себѣ взаимно, наносили вредъ Государству. (Отъ кончины Петра Великаго до половины царствованія Екатерины II все еще существовала сильная партія, противная быстрому ходу нововведеній, партія, составленная изъ людей, вздыхавшихъ по старинѣ и ненавидѣвшихъ чужеземцевъ. За эти чувствованія Вольнскій заплатилъ жизнью при Аннѣ Иоанновнѣ, по воспоминанію о Бироу въ послѣдствіи еще болѣе укрепило эту ненависть. Императрица Екатерина II, будучи Великою Княгинею, изучила характеръ Двора и Русскаго народа, и привязала къ себѣ сердца изъявленіемъ особенной любви ко всему Русскому, народному. Въ ея царствованіе разцвѣла Русская Словесность, изъ сѣмянъ, посаженныхъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; появились Русскіе

художники. Русскіе ученые, и всѣ первыя мѣста въ Государствѣ были заняты природными Русскими. Русскіе полководцы водили наши войска къ побѣдамъ, Русскіе саповники управляли всѣми частями государственнаго механизма. Всѣ новыя учрежденія и всѣ званія получали Русскія наименованія, извлеченныя изъ духа Русскаго языка. Вездѣ вводимое было однообразное Русское управленіе, и Остзейскія Провинціи и Финляндія, вмѣсто своихъ феодальныхъ, устарѣлыхъ правъ, получили Русскіе законы. Сама Государыня казалась Русскою въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ жизни: одѣвалась по-Русски, говорила всегда народнымъ языкомъ съ Русскими, и даже участвовала своими трудами въ Русской Литературѣ. Все это льстило народному самолюбію, ободряло народъ Русскій, и онъ обожалъ ее и не называлъ иначе, какъ *матушкой*. Это слово было нераздѣльно съ именемъ Го-

сударыни.) Царствованіе ея было, въ полномъ значеніи слова, блистательное и славное! Приобрѣтены новыя и богатая области, во всемъ міръ гремѣли побѣды, одержанныя Русскими, на сушѣ и на морѣ; построены новые города и старые украшены; дано движеніе промышленности и торговлѣ, словомъ, Россія сіяла, какъ солнце, но и это блистательное положеніе не было изъято отъ недостатковъ. Такова участь всѣхъ дѣлъ человѣческихъ! Много еще оставалось довершить, усовершенствовать, исправить.....

Императоръ Павелъ Петровичъ, будучи еще Великимъ Княземъ, видѣлъ это и соболѣзновалъ, а вступивъ на престолъ, оказалъ великое благодѣяніе отечеству водвореніемъ новой дисциплины въ войскѣ, отчетливости въ управленіи казною и строгаго правосудія въ судахъ. Чувство правосудія въ душѣ Императора Павла Петровича преобладало надъ всеми дру-

гимн чувствованіями, и даже одинъ изъ непріязненныхъ Россіи писателей сказалъ о немъ: «Онъ былъ справедливъ даже въ политикѣ!» — Если онъ ошибался, то явно сознавался въ ошибку, и исправлялъ ее по-Царски, но не прощалъ обмана, криводушія, лихоимства, непослушанія. Государь началъ улучшенія съ войска. Всѣ, такъ называемые тогда, *лежни*, т. е. матушкины сынки и бабушкины внучки, *записанные* въ военную службу и получавшіе чины, не выдавъ съ роду своего полка, были исключены изъ службы. Кто хотѣлъ служить, тотъ долженъ былъ явиться въ полкъ и исполнять всѣ предписанія военной дисциплины; нести всѣ обязанности службы, не смотря ни на связи, ни на породу. Это возвысило духъ въ войскѣ. Каждое неправосудіе, каждое отступленіе отъ законовъ и отъ законнаго порядка въ гражданскихъ дѣлахъ, подвергалось не-

медленно наказанію, и каждое своевольное или безотчетное употребленіе казенныхъ денегъ влекло за собою взысканіе и отвѣтственность. Всѣ подданные сдѣлались равными предъ Престоломъ, и ни знатность, ни высокіе чины, ни сильное родство не могли избавить виновнаго отъ наказанія за самоуправство, злоупотребленіе власти и ослушаніе. /Россія быстро встрепенулась, и это движеніе было для нее спасительно въ послѣдствіи./ Не мое дѣло разбирать всѣ подробности царствованія Императора Павла Петровича; но я убѣжденъ въ душѣ, что въ этомъ отношеніи оно было чрезвычайно благотельно, и что /постепенностью невозможно было бы излечить Россіи отъ нѣкоторыхъ ея недуговъ. Въ быстромъ измѣненіи прежняго порядка Императоромъ Павломъ Петровичемъ вижу много добра. Вельможи, сановники, даже дамы, въ прежнія времена, не стыди-

лись дежурить въ передней временщиковъ ихъ любимцевъ, и расточать передъ ними лесть и непростительную снисходительность, перенося терпѣливо грубости или небрежность, а между тѣмъ, не отдавали надлежащей почести тѣмъ, которые имѣли на то полное право, и потому Государь учредилъ новый этикетъ. Прежніе офицеры рѣдко надѣвали мундиръ, и еще рѣже появлялись передъ фронтомъ. Государь приказалъ всѣмъ офицерамъ ежедневно появляться на вновь учрежденныхъ вахтпарадахъ, т. е. на разводъ карауловъ, передъ которымъ было ученье. — Одежда придворныхъ и вообще людей, посѣщавшихъ общества, разоряла цѣлыя семейства множествомъ алмазовъ (на пряжкахъ, пуговицахъ, орденнахъ, ефесахъ шагъ, и т. п.), кружевъ и дорогихъ тканей, выписываемыхъ изъ за границы — и Государь предписалъ для чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ

мундиры, уничтоживъ одежду якобинцевъ и террористовъ, фраки и круглыя шляпы. Самъ Государь не хотѣлъ говорить языкомъ, на которомъ произнесенъ былъ смертный приговоръ несчастному Лудовику XVI и его безвинному семейству, и при Дворѣ перестали говорить по-Французски, а въ слѣдствіе этого исчезли и всѣ Французскія наименованія. На вывѣскахъ, вмѣсто *магазинъ*, написано было: *лавка*. — Развратъ и пьянство обуяли мелкихъ чиновниковъ и вообще среднее сословіе. Цѣлую ночь раздавались въ трактирахъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ пѣсни, звуки музыки и стакановъ и чашекъ и неистовые вопли пирующихъ; слѣдствіемъ этого бывали драки, даже смертоубійства, пожары (при множествѣ деревянныхъ домовъ), и наконецъ употребленіе непозволенныхъ средствъ на пріобрѣтеніе денегъ. Государь приказалъ, чтобъ по пробитіи вечерней

зари, всѣ огни въ частныхъ домахъ были погашены, всѣ трактиры заперты, чтобъ въ трактирахъ не было ни какой карточной игры, и чтобъ женщинъ не впускать вовсе въ трактиры. Азартныя карточные игры, какъ въ публичныхъ заведеніяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ, строжайше были запрещены во всемъ государствѣ. Балы и всякія вечернія семейныя собранія были позволены, но надлежало впередъ давать знать полиціи, чтобъ она могла распорядиться немедленно, въ случаѣ какого-нибудь печальнаго происшествія. — Каждый человекъ имѣетъ свой собственный вкусъ, и то хорошо, что кому правится. Государь одѣлъ войско по образцу войска Фридриха Великаго: въ длинные зеленые мундиры съ отворотами, открытые отъ груди, въ короткое пшнее платье желтаго или бѣлаго цвѣта, въ суконные черные штиблеты, за колѣни, зимою, и бѣлые холщевые лѣ-

томъ. Мушкетеры имѣли шляпы, гренадеры каски (какъ нынѣ Лейбъ-Гвардіи въ Павловскомъ Полку). Офицеры и солдаты должны были пудриться, носить длинныя косы и пукли (прежде пудрились и носили пукли и косы или кошельки одни офицеры). Во фронтѣ офицеры и унтеръ-офицеры вооружены были эспап-тонами (родъ алебардъ). Полки, исключая гвардейскихъ, назывались по именамъ своихъ шефовъ. Кирасиры и драгуны носили куртки, первые бѣлыя, вторые зеленыя, лосиное исподнее платье и шляпы съ бѣлыми султанами. Латы не было. Гусары одѣты были по-Венгерски: гвардейскіе имѣли мѣховыя шапки, армейскіе кивера съ крыломъ, и носили длинныя косы и локоны, висѣвшіе до плечъ по вискамъ.

Дѣла вообще приняли быстрый ходъ. Все исполнялось скоро, безъ малѣйшаго отлагательства, а между тѣмъ и обще-

ство Петербургское, при всеобщемъ преобразованіи, приняло совершенно другой видъ. Многіе изъ вельможъ Двора Императрицы Екатерины II и обогатившіеся дѣльцы уѣхали за границу, или поселились въ деревняхъ и въ Москвѣ. Рядомъ съ старою знатію и съ вельможами, со-злащными Екатериною, водворилась новая знать изъ старыхъ слугъ Государя. — Изъ старинныхъ коренныхъ вельможъ, представителей блистательнаго вѣка и Двора Екатерины II, остались въ прежнемъ положеніи Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Изъ дѣловыхъ людей, возвышенныхъ Императрицею Екатериною въ званіе Государственнаго Сановника, пользовался милостію Государя Графъ Безбородко, а изъ новыхъ, вовсе до того неизвѣстныхъ людей; Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ и Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Графъ Ростопчинъ,

бывшій камергеромъ при Дворѣ Императрицы Екатерины II, и часто дежурившій при Великомъ Князѣ, въ Гатчинѣ, имѣлъ счастье заслужить его благосклонное вниманіе, и также пользовался особенною милостью Государя Императора. Государь Наслѣдникъ Александръ Павловичъ былъ назначенъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ (*) Петербурга.

(*) Царственный Военный Генералъ-Губернаторъ былъ ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ и угнѣтенныхъ, и жилъ только для добра. Бывшій при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ камердинеромъ Геслеръ рассказывалъ мнѣ, въ послѣдствіи, что онъ, подъ своимъ именемъ, занималъ двѣ комнаты въ трактирѣ, имѣвшемъ названіе *Благопристойность* (на Гороховой, на углу, у Каменнаго Моста, въ домѣ, бывшемъ Калмыкова, гдѣ нынѣ зеленныя лавки и Русскій трактиръ). Въ этихъ комнатахъ царственный Военный Генералъ-Губернаторъ назначалъ свиданіе просителямъ, которыхъ не хотѣлъ распрашивать при свидѣтеляхъ, утѣшалъ ихъ, помогалъ имъ и ходатайствовалъ за нихъ. Истинно ангельская душа!

Это мѣсто занимали послѣ Графъ Аракчеевъ, а потомъ Графъ Паленъ. Первымъ Оберъ-Полиціймейстеромъ въ царствованіе Императора Павла былъ Генералъ Архаровъ, знаменитый заведеніемъ въ Москвѣ полицейскаго порядка при Императрицѣ Екатерины II, и очищеніемъ древней столицы отъ множества накопившихся въ ней воровъ и разбойниковъ. — Съ начала дозволено было каждому подавать лично прошеніе Государю. Но неотвязность просителей, заступавшихъ вездѣ дорогу Государю, заставила его отмѣнить это постановленіе, и въ одной комнатѣ Зимняго Дворца устроенъ былъ ящикъ, для принятія прошеній, которыя разсматривались Статсъ-Секретарями, для доклада Государю. Это было первымъ основаніемъ учрежденной въ послѣдствіи Коммисіи Прошеній. Рѣшенія Государя Императора печатались въ Вѣдомостяхъ, чрезъ нѣсколько дней

послѣ подачи просьбы. За несправедливые доносы или жалобы подвергались наказанію просители, а по правдивымъ жалобамъ подвергались наказанію злоупотребители власти и законопреступные судьи. Послѣ отрѣшенія отъ мѣста нѣсколькихъ губернаторовъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, всѣ стали осторожнѣе и внимательнѣе къ дѣламъ. /Прощеніе, поданное сестрою моею, поступило къ Государю чрезъ Статсъ-Секретаря Нелединскаго-Мелецкаго, бывшаго въ послѣдствіи Сенаторомъ, и оставившаго почетную память по себѣ въ Русской Литературѣ, какъ поэта эротическаго, творца прелестныхъ въ свое время Русскихъ пѣсень. Чрезъ него же доставлено было и рѣшеніе Осипу Антоновичу Козловскому, для передачи просительницѣ.

Образъ жизни вельможъ Двора Императрицы Екатерины II теперь принадлежитъ къ области вымысла, къ романамъ

и повѣстямъ! Кто не видалъ, какъ жили Русскіе вельможи, тотъ не повѣритъ! Я уже засталъ это сіяніе на закатѣ, и видѣлъ послѣдніе его лучи. Въ коренномъскомъ вельможѣ было соединеніе всѣхъ утонченностей, всѣхъ общежительныхъ качествъ, весь блескъ ума и остроумія, все благородство манеровъ вѣка Людовика XIV и вся вольность правовъ эпохи Людовика XV; вся щедрость и пышность Польскихъ магнатовъ, и все хлѣбосолецтво, радушіе и благодѣтельность старинныхъ Русскихъ бояръ. Цѣль жизни состояла въ томъ, чтобъ наслаждаться жизнію и доставлять наслажденія, какъ можно большому числу людей, не имѣющихъ къ тому собственныхъ средствъ, и чтобъ среди наслажденій дѣлать какъ возможно болѣе добра, и своею силою поддерживать дарованія и заслугу. Въ домъ Льва Александровича Нарышкина принимаемы были не одніе лица, имѣю-

шіе прїѣзды ко Двору или принадлежащіе къ высшему кругу по праву рожденія или счастливою случайностію. Каждый дворянинъ хорошаго поведенія, каждый заслуженный офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ Л. А. Нарышкину, и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домъ. Литераторовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ музыкантовъ, художниковъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ самъ отыскивалъ, чтобъ украсить ими свое общество. Въ 9 часовъ утра можно было узнать отъ швейцара обѣдаетъ ли Левъ Александровичъ дома, и что будетъ вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія являться къ нему. Но на вечера прїѣзжали только хорошо знакомые въ домъ. Ежедневно столъ накрывался на пятьдесятъ и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по

фамиліи, и всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ. Кто умѣлъ блеснуть остроуміемъ, или при случаѣ выказалъ свой умъ и познанія, тотъ пользовался особенною милостію хозяина, и того онъ уже помнилъ. На вечерахъ была музыка, танцы, *les petits jeux*, т. е. игры общества, но карточной игры вовсе не было. На парадные обѣды и балы были приглашенія, и тогда уже званы были гости только по назначенію хозяина. На этихъ балахъ расточаема была Азіятская роскошь, подчиненная Европейскому вкусу, и званые обѣды удовлетворяли требованіямъ самой причудливой гастрономіи; но въ обыкновенные дни столъ былъ самый простой. Обѣдъ состоялъ изъ шести блюдъ, а ужинъ изъ четырехъ. — Съ первымъ зимнимъ путемъ приходили къ богатымъ людямъ огромные обозы изъ ихъ деревень, съ провизіей: мясомъ, домашними птицами, ветчиною, солони-

ною, масломъ, всякою крупною и мукою, съ медами и наливками—в все это было съѣдаемо и выпиваемо до весны. На обыкновенныхъ обѣдахъ кушанье стряпалось, большею частію, изъ домашней провизіи; на столѣ стояли кувшины съ кислыми щами, пивомъ и медомъ, а вино (обыкновенно францвейпъ или франконское) разливали лакеи, обходя вокругъ стола, два раза во время обѣда. Рѣдкія и дорогія вина подавали только на *парадныхъ* обѣдахъ или на малыхъ *званыхъ*. У Графа Александра Сергѣевича Строгонова было то же, съ тою разницею, что къ столу его имѣли право являться только тѣ, которыхъ онъ именно приглашалъ, и онъ въ этомъ отношеніи былъ разборчивѣе, приглашая только тѣхъ, *разъ навсегда*, которые ему особенно нравились. На дачѣ Льва Александровича Нарышкина, называвшейся *Га, га!* (*) (на Петергофской

(*) Дача эта, находившаяся противу большой дачи

дорогъ) и на дачь Графа А. С. Строгонова (на Выборгской Сторонѣ, за Малой Невкой) въ каждый праздничный день былъ фейерверкъ, играла музыка, и если хозяева были дома, то всѣхъ гуляющихъ угощали чаемъ, фруктами, мороженымъ. На дачь Строгонова даже танцевали въ большомъ павильонѣ не званые гости, а прѣзжіе изъ города повеселиться на дачь—пѣти танцоры привлекали особенное благоволеніе Графа А. С. Строгонова, и были угощаемы. Кромъ того, отъ имени Нарышкина и Графа

Нарышкиныхъ, Левенталя, получила это прозваніе отъ восклицанія Императрицы Екатерины II, удивившейся, что дача построена въ такое короткое время и съ такимъ вкусомъ. Въ ознаменованіе посѣщенія Государыни воздвигнуть былъ передъ Левентальскимъ домомъ памятникъ - мраморная колонна съ вензельнымъ именемъ Императрицы наверху. Не знаю, кому принадлежитъ теперь эта дача, но колонна уже не существуетъ. Тогда на Петергофской дорогѣ были аристократическія лѣтнія жилища, принадлежащія теперь огородникамъ, трактирщикамъ, купцамъ и счастливымъ чиновникамъ.

А. С. Строгонова ежедневно раздавали милостыню убогимъ деньгами и провизіей и пособіе нуждающимся. Множество бѣдныхъ семействъ получали отъ нихъ пенсіоны. Дома Графа А. С. Строгонова и Л. А. Нарышкина вмѣщали въ себѣ рѣдкое собраніе картинъ, богатая библіотека, горы серебряной и золотой посуды, множество драгоценныхъ камней и всякихъ рѣдкостей. Императрица Екатерина II въ шутку часто говорила: «Два чело­вѣка у меня дѣлаютъ все возможное, чтобъ разориться, и никакъ не могутъ!» И точно, и Л. А. Нарышкинъ и Графъ А. С. Строгоновъ оставили послѣ своей смерти огромное состояніе и весьма незначительные долги относительно къ имѣнію, долги, которыхъ итогъ въ наше время не почитался бы даже долгомъ! Никогда я не слыхалъ, чтобъ Л. А. Нарышкинъ пользовался щедротами Государыни, но знаю навѣрное, что Графъ

А. С. Строгоновъ не бралъ никогда ничего, довольствуясь одною царскою милостію.

Съ того времени, какъ Станиславъ Понятовскій (въ послѣдствіи Король Польскій) былъ Посломъ Польской Республики при Россійскомъ Дворѣ, Польская знать и съ нею лучшая шляхта стали посѣщать Петербургъ, и находили отличный пріемъ и при Дворѣ и въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ. Пріѣзжали въ Петербургъ Поляки образованные, богатые, или по крайней мѣрѣ тароватые, путешествовавшіе въ чужихъ краяхъ, видѣвшіе свѣтъ, люди отличные. Въ послѣдствіи, когда политическія партіи, при Королѣ Станиславѣ Понятовскомъ, начали въ чужь искать помощи для пріобрѣтенія первенства и уничтоженія своихъ противниковъ, и когда Императрица Екатерина II стала управлять дѣлами Польши, въ Петербургъ стекались всѣ Польскіе честолюбцы и всѣ интриганты,

для снисканія покровительства и милости Государыни. Пріѣзжали также люди честные и благородные, съ намѣреніемъ склонить Государыню на перемѣну стариннаго Польскаго безтолковаго правленія и введеніе улучшеній, сообразно съ въкомъ. Многіе изъ знатныхъ Поляковъ имѣли Русскіе военныя, гражданскіе и придворныя чины, и уже по званію занимали почетныя мѣста въ обществѣ. Послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Имперіи, нѣкоторые Польскіе вельможи, какъ то: Князь Карлъ Радзивилъ, Михаилъ Огинскій и др., отреклись отъ своихъ имѣній, чтобъ не присягать на вѣрноподадство, а большую часть богатыхъ Бѣлорусскихъ помѣщиковъ Государыня привлекла въ Петербургъ своими милостями, и посредствомъ браковъ старалась укрѣпить соединеніе единоплеменниковъ. Браки Русскихъ съ Польшками, а Поляковъ съ Русскими дѣвицами были особенно покрови-

тельствуемы Государынею. Соллогубъ (Графъ), Князь Любомирскій и Князь Понинскій женились на трехъ дочеряхъ Л. А. Нарышкина. Графъ Віельгорскій женился на Графинѣ Матюшкиной, дочери Графа Михаила Дмитріевича и Княжны Галаршиной, бывшей фрейлины Императрицы Екатерины II. Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ женился на Княжнѣ Маріи Антоновнѣ Четвертинской, Графъ Валеріянъ Александровичъ Зубовъ на Потоцкой (бывшей потомъ въ замужствѣ за Генераль-Адъютантомъ Уваровымъ) и кромѣ того множество генераловъ и высшихъ чиновниковъ и Польскихъ помѣщиковъ (которыхъ именъ не упомяну), вошли въ кровные союзы съ Русскими фамиліями. Родителямъ предоставлено было на волю избирать въ ро-исповѣданіе для ихъ дѣтей, въ той увѣренности, что въ третьемъ поколѣніи дѣти отъ Русскихъ отцевъ или матерей примутъ Православную Вѣру, что и испол-

нилось почти безъ исключеній. Сынъ Графа Соллогуба былъ католикъ, а внукъ его, нынѣшній писатель, уже Православный, равно какъ и Князя Любомирскіе. На первыхъ порахъ, когда умирающая Польша еще имѣла союзницами Францію, Швецію и Турцію, надлежало дѣйствовать осторожно и съ предусмотрительностію, и Императрица Екатерина II старалась составить сильную Русскую партію въ самой Польшѣ, въ чемъ и успѣла совершенно. / По уничтоженіи Польской Республики и присоединеніи къ Россіи, на вѣчныя времена, Литвы и старинныхъ Русскихъ Княжествъ на западъ и югъ Россіи, множество Польскихъ дворянъ, особенно изъ фамилій знатныхъ, но не богатыхъ, бросились въ Петербургъ искать счастья — и все получили мѣста при Дворѣ, въ гвардіи или въ гражданскомъ вѣдомствѣ, съ значительнымъ содержаніемъ. При учрежденіи

Третьяго Департамента въ Сенатъ, для Польскихъ дѣлъ, въкоторыя извѣстные люди изъ Поляковъ получили званіе Сенаторовъ. Однимъ словомъ, Поляковъ ласкали вездѣ, принимали и покровительствовали. Императоръ Павелъ Петровичъ также былъ особенно милостивъ къ Полякамъ. Немедленно по восшествіи на престолъ, Государь далъ свободу всѣмъ Польскимъ узникамъ (*), заключеннымъ въ Петропавловской Крѣпости, и лично объявилъ эту милость Генералу Костюшкѣ. / Главныя лица изъ Поляковъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, были: Илинскій (Графъ),

(*) Нѣмцевичу и Фяшеру, бывшимъ адъютантами Костюшки, Закржевскому, бывшему Президенту Варшавы, Пгнатію Цотоцкому, бывшему Маршалу послѣдняго Сейма, Мостовскому, бывшему каштеляну Раціонжскому, Вавржецкому, Главнокомандующему въ Польшѣ послѣ Костюшки, Сокольниковскому (бывшему послѣ генераломъ), Килинскому, Полковнику Варшавской Народной Гвардіи, Капостасу, и другимъ

бывшій при Наслѣдникѣ Престола безсмыннымъ дежурнымъ камергеромъ, въ Гатчинѣ. Онъ находился въ Петербургѣ во время кончины Императрицы, и отправившись немедленно въ Гатчину, первый поздравилъ Наслѣдника Престола Императоромъ. За усердіе и приверженность, оказанныя при этомъ случаѣ, Иллипскій получилъ отъ Государя нѣсколько тысячъ душъ. Въ послѣдствіи онъ былъ Сенаторомъ. Это былъ чрезвычайно добрый и благородный человѣкъ, весьма набожный, но холодный и нѣсколько надменный съ низшими. Онъ былъ необыкновенно высокаго роста, сухощавъ, держался всегда прямо, и отъ этого казался пеловокъ. Онъ много дѣлалъ добра Полякамъ, и при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, и при Александрѣ Павловичѣ, въ началъ его царствованія. О немъ я буду говорить въ послѣдствіи. Северинъ Осиповичъ Потоцкій (Графъ) остался бѣ-

депъ послѣ отца своего, лишившагося огромнаго состоянія на спекуляціяхъ. Северинъ Осиповичъ прибылъ въ молодыхъ лѣтахъ въ Петербургъ искать счастья, и нашелъ его (*). Съ начала онъ былъ Каммергеромъ, потомъ Сенаторомъ и Почетителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа. — Северинъ Осиповичъ былъ человѣкъ честный и благородный, отличнаго ума и образованія, прилежно занимался

(*) Графъ А. С. Ржевускій рассказывалъ мнѣ, что онъ, возвращаясь домой изъ Петербурга, встрѣтилъ на станціи Графа Северина Потоцкаго, ѣхавшаго въ Петербургъ. {Это было въ началѣ Польской революціи, въ 1793 году. Они были пріятелями, и Ржевускій спросилъ его: зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ? — «Въ Польшѣ у меня ничего не осталось,» отвѣчалъ Потоцкій: «а теперь единственная пора, что человѣкъ съ именемъ можетъ все пріобрѣсть при Русскомъ Дворѣ. Ёду за всѣмъ!» приподвигъ онъ, смѣясь. Графъ Северинъ Осиповичъ служилъ отлично, и пріобрѣлъ отъ Монаршихъ щедротъ значительное состояніе.

всегда дѣлами сенатскими, и возвысилъ Харьковскій Университетъ своимъ управленіемъ. За что только онъ ни брался, исполнялъ усердно и совѣстливо. — Въ частной жизни онъ былъ весьма оригиналенъ. Онъ никогда не заводился домомъ и не принималъ гостей, но жилъ на холостую ногу, въ трактиръ, и вечера проводилъ въ гостяхъ. Лѣтъ двадцать сряду прожилъ онъ на Екатерининскомъ каналѣ, въ домъ Варварина. Въ обществѣ онъ былъ пріятель и остроумецъ, но въ своемъ домѣ капризенъ и брюзга. Онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Северинъ Осиповичъ былъ въ молодости красавцемъ, а подъ старость чрезвычайно худощавъ, но всегда бодръ и свѣжъ. — Графъ Віельгорскій пользовался особенною милостью Императрицы Екатерины и Императора Павла Петровича. Онъ отличался познаніями, тонкостью ума и свѣтскостью. Я только два раза видѣлъ

его. Графъ Адамъ Станиславовичъ Ржевускій (бывшій потомъ Сенаторомъ), принадлежитъ къ числу самыхъ отличныхъ, самыхъ благородныхъ людей (*), которыхъ я зналъ въ жизни. Умный, просвѣщенный, добродушный, честный и благородный во всѣхъ дѣлахъ своихъ, онъ былъ, кромѣ того, чрезвычайно пріятель въ обществѣ, а въ короткой бесѣдѣ увлекателенъ. — Князья Адамъ и Константинъ Чарторійскіе служили въ гвардіи при Императрицѣ Екатеринѣ, и были Каммергерами Двора. Въ началѣ царство-

(*) Изъ трехъ сыновей его, Генрихъ Адамовичъ, историческими и нравоописательными романами приобрѣлъ прозваніе Польскаго Вальтеръ-Скотта. Картины Польскихъ нравовъ XVIII вѣка, подъ заглавіемъ: *Записки Соплицы* по истинѣ *chef d'oeuvre*. Адамъ Адамовичъ служитъ Генералъ-Маіоромъ въ Свитѣ его Императорскаго Величества, а Эрнстъ Адамовичъ исполняетъ обязанности по выборамъ дворянства. Дѣти, достойные отца!

ванія Императора Павла Петровича, Константинъ уѣхалъ къ родителямъ, а Адамъ, будучи Посланникомъ при Сардинскомъ Дворѣ, возвратился въ Петербургъ при восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, и занималъ званіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Князь Понинскій, прекрасный мужчина, особенно когда онъ былъ въ своемъ красномъ Мальтійскомъ мундирѣ; Графъ Соллогубъ, также весьма пріятной наружности и чрезвычайно обходительный и вѣжливый; Князя Любомирскіе, Князя Четвертинскіе, все люди высшаго образованія, ежедневно посѣщали домъ Парышкина. Въ началъ царствованія Императора Александра Павловича, прибылъ въ Петербургъ Михаилъ Огинскій (сперва Графъ, потомъ Князь и Сенаторъ). Онъ былъ въ началъ революціи отчаяннымъ патріотомъ, и участвовалъ въ возстаніи, подъ начальствомъ Костюшки; потомъ

скитался по чужимъ краямъ, тщетно испрашивая вмѣшательства въ дѣла Польскія у Порты, у Англии и Франціи, и удостовѣрясь, что онъ гоняется за привидѣніемъ, обратился къ великодушнѣйшій Императору Александру, который позволилъ ему возвратиться въ отечество. Онъ появился на родинѣ обремененный долгами и безъ гроша денегъ. Огромное имѣніе, сперва конфискованное, было ему возвращено, и по просьбѣ его учреждена коммиссія, для приведенія въ порядокъ дѣлъ его и уплаты долговъ. Милость Государя чрезвычайно тронула его, и онъ былъ, до конца своей жизни, искренно преданъ Императору Александру Павловичу. Огинскій былъ одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей своего времени: остроумный, веселый, полный дарованій. Въ музыкѣ онъ былъ истинный знатокъ, и многія изъ его легкихъ композицій, полныхъ чувства и мелодіи, до сихъ поръ имѣютъ высокое

достоинство. Кто не знает *полонеза* Огинскаго? На счетъ этого полонеза написаны были, въ чужихъ краяхъ, длинныя рассказы, въ которыхъ предполагалось, что полонезъ сочиненъ несчастнымъ, умертвившимъ себя отъ любви къ высокой особѣ! Огинскій зналъ давно О. А. Козловскаго, и любовь къ музыкѣ сдѣлала ихъ друзьями. Огинскій ежедневно бывалъ въ домъ Козловскаго, (*) и весьма часто навѣщалъ Л. А. Нарышкина. Съ Михаиломъ Огинскимъ пріѣхалъ племян-

(*) Здѣсь кстати замѣтить, что едва ли кто писалъ лучше полонезы, какъ оба Огинскіе: Сенаторъ и его дядя, Великій Кухмистръ Литовскій, нѣкогда владѣтель Слоинна, въ которомъ онъ имѣлъ очаровательный дворецъ, и содержалъ огромный оркестръ и Италіянскую Оперу. Рядомъ съ ними стоитъ О. А. Козловскій. Кто не зналъ, въ свое время, его полонеза съ хорами, сочиненнаго на торжество, данное Княземъ Потемкинымъ, въ честь Государыни, въ Таврическомъ Дворцѣ: «Громъ побѣды раздавайся,»

Веселися храбрый Россѣ!» и проч.?

пикъ его, Габріель, молодой человекъ отличной образованности; онъ былъ въ большой дружбѣ съ внукомъ Л. А. Нарышкина, Графомъ Соллогубомъ, отцемъ нынѣшняго писателя. Графъ Соллогубъ (отецъ нынѣшняго) почитался въ свое время первымъ танцоромъ въ обществахъ, игралъ превосходно на домашнемъ театрѣ, пѣлъ очень хорошо, и былъ вообще однимъ изъ блистательнѣйшихъ молодыхъ людей. Прекрасный ха-

Говорили что слова сочинялъ Державинъ. Въ этомъ полонезѣ есть стихи:

«Воды грознаго Дуная

Ужъ въ рукахъ теперь у насъ!

Славься сямъ Екатерина,» и проч.

Эти стихи тогда были только *предсказаніемъ*, потому что *воды грознаго Дуная* попали въ наши руки уже при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, начертавшемъ предѣлы Россіи по устью Дуная. О. А. Козловскій сочинилъ также полонезъ: «*Александръ Елисавета, восхищаете вы насъ!*» и мн. др. Вообще въ его полонезахъ настоящій духъ этого рода музыки.

рактерьъ и доброта душевная еще болѣе возвышали его пріятныя дарованія. (Въ домъ Нарышкина всегда было множество дѣвицъ, родственницъ, воспитанницъ, поживальницъ, и молодежь, въ то время, обходилась между собою свободно, безъ педантства и кокетства. Дѣвицы и молодые люди шутили между собою, дѣлали другъ другу разныя проказы, мистификаціи, чтобъ послѣ поохотать вмѣстѣ, и) меня часто употребляли обѣ стороны, какъ орудіе для своихъ проказъ. Сколько я помню, въ то время только Графъ Илѣинскій и пожилая Княгиня Четвертинская, имѣвшая значеніе при Дворѣ, жили домами и принимали у себя гостей. Прочіе Поляки жили на холостую ногу, исключая, однако жъ, стараго Графа Солдогуба, который часто проводилъ въ столицѣ всю зиму, а иногда и лѣто. (Какъ два драгоценные алмаза въ богатомъ ожерельѣ, блистали въ высшемъ обще-

ствѣ двѣ Польки - красавицы, Марія Антоновна Парышкина и Графиня Зубова (супруга Валеріана Александровича), между множествомъ Русскихъ красавицъ, какъ, напримѣръ, Графиней Вѣрой Николаевной Заводовской, Графиней Самойловой, Графиней Прасковьей Семеновной Потемкиной и другими. Видалъ я въ жизни множество красавицъ, но не видалъ такихъ прелестныхъ женщинъ, какія были Марія Антоновна Парышкина и сестра Наполеона, Элиза. Это безспорно были двѣ первыя красавицы своего вѣка. Но что всего привлекательнѣе было въ Маріи Антоновнѣ — это ея сердечная доброта, которая отражалась и во взорахъ, и въ голосѣ, и въ каждомъ ея пріемѣ. Она дѣлала столько добра, сколько могла, и безирестанно хлопотала за бѣдныхъ и несчастныхъ. Графиня Зубова была небольшого роста, живая, веселая, имѣла въ своемъ характерѣ много

амазонскаго, и отличалась быстрымъ умомъ. — Между мужчинами никто не могъ сравняться съ старикомъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ и его сыновьями, Александромъ и Дмитриемъ Львовичами. Старикъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но держался всегда прямо, одѣвался щегольски, и никогда не казался усталымъ. Онъ почитался первымъ острякомъ при Дворѣ Императрицы Екатерины II, гдѣ въ умѣ не было недостатка, и это остроуміе перешло къ старшему сыну его, Александру Львовичу, котораго острые слова и эпиграмы повторялись и въ Петербургѣ и въ Парижѣ. Оба брата были прекрасные мужчины, истинно аристократическоіи наружности. Съ перваго взгляда видѣнъ былъ вельможа! Родъ Нарышкиныхъ отличался и красотою тѣлесною, и добродушіемъ, и популярностію. У всѣхъ ихъ была какая-то врожденная склонность къ изящ-

ному, и каждый талантъ находилъ у нихъ пріютъ. Въ эгомъ же родѣ былъ и Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, старичекъ небольшого роста, всегда веселый, всегда привѣтливый, охотникъ до шутокъ и острогъ, покровитель всѣхъ дарованій и обожатель всякой красоты. Всѣ они принимали и покровительствовали мою матушку и сестру, которая своимъ музыкальнымъ дарованіемъ, ловкостью и пріятнымъ обхожденіемъ обращала на себя общее вниманіе. Левъ Александровичъ Нарышкинъ, для шутки, убѣдилъ мою матушку одѣть меня по-Польски, въ кунтушъ и жупанъ, и я, не будучи застычивымъ, смѣло расхаживалъ, препоясавшись моею саблею (подаренною мнѣ Графомъ Ферзенемъ), по аристократическимъ гостинымъ, и забавлялъ всѣхъ моимъ дѣтскимъ простодушіемъ и шутками. Иногда меня заставляли играть на гитарѣ и пѣть Польскія пѣ-

сенки.... Я входилъ смѣло къ дамамъ во время ихъ туалета, пересказывалъ имъ, чему меня научали старшіе, смѣшилъ ихъ, и всѣ меня ласкали, дарили игрушками, конфектами. Это было мое счастливое время въ Петербургѣ!...

Графъ Ферзенъ былъ тогда Директоромъ Сухонутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Онъ видывалъ матушку въ обществахъ, и однажды, разговорясь обо мнѣ, посоветовалъ ей отдать меня въ корпусъ, обѣщая все свое покровительство и родительское попеченіе. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, всѣ стали убѣждать матушку послѣдовать совѣту Графа Ферзена, и особенно подѣйствовали на нее слова Графа Северина Осиповича Потоцкаго, которыя мнѣ матушка пересказала въ послѣдствіи, когда я могъ понимать всю ихъ важность. — «Мы вошли въ составъ государства,» сказалъ Графъ Потоцкій, «въ которомъ

всѣ наши фамилійныя заслуги и все наше значеніе, въ прежнемъ нашемъ отечествѣ, исчезнуть! Теперь, на первыхъ порахъ, нѣкоторыхъ изъ насъ возвысили, на основаніи прежняго нашего фамиліаго значенія, но пройдетъ тридцать, сорокъ лѣтъ, полвѣка, и каждый безродный чиновникъ будетъ выше безчиновнаго потомка дигнитарской (*) Польской фамиліи! Если наше дворянство не захочетъ служить и входить въ связи съ Русскими фамиліями посредствомъ браковъ, то оно упадетъ совершенно. Мы должны подражать дворянству Пьемонтскихъ провинцій, которое всегда имѣетъ на службѣ представителей своего усердія и вѣрности къ престолу. Начните! Вы сдѣлаете добро вашему сыну, докажете

(*) Дигнитарскою фамиліею почиталась та, въ которой были члены, облеченные въ высшія придворныя и государственныя званія и кавалеры Бѣлаго Орла. (Dignitaire, dignitarz.)

вашу преданность къ новому отечеству и подадите полезный примѣръ. Какое поприще для вашего сына въ провинціи?...» Это были мудрыя и пророческія рѣчи! Графъ Потоцкій убѣдилъ матушку, и она рѣшилась отдать меня въ корпусъ.

Графъ Ферзенъ взялъ меня къ себѣ, чтобъ пріучить къ будущей кадетской жизни. Онъ приставилъ ко мнѣ, въ родѣ гувернера, Маіора Оде-Сіона (бывшаго въ Польшѣ при Графѣ Игельстромѣ и потомъ Инспекторомъ Классовъ въ Пажескомъ Корпусѣ и Генераль-Маіоромъ), отпускалъ меня въ рекреационное время играть съ кадетами, водилъ смотрѣть военныя экзерциціи и кормилъ конфетами. Мнѣ было очень весело у Графа Ферзена, тѣмъ болѣе, что матушка ежедневно пріѣзжала ко мнѣ, и иногда брала съ собою. Но Графъ Ферзенъ оставилъ корпусъ прежде, нежели были получены изъ провинціи свидѣтельства о мо-

емъ дворянствѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышло отъ Государя разрѣшеніе объ опредѣленіи меня въ кадеты. Меня отвезли въ малолѣтнее отдѣленіе, 15 Ноября, 1798 года.

VI.

Сухопутный Шляхетный Кадетский Корпусъ. —
Малолетное отдѣленіе. — Роты. — Крещеніе
въ Русскую Вѣру. — Мои страданія и освобо-
жденіе. — Офицеры и учителя. — Воспо-
минанія о Графѣ Ангальтѣ. — М. А. Куту-
зовъ, Ф. П. Клингеръ, Графъ М. П. Ламс-
дорфъ, Графъ Платонъ Александровичъ Зу-
бовъ. — Посѣщеніе Корпуса Императоромъ
Павломъ Петровичемъ. — Бывшій Король
Польскій Станиславъ Августъ Понятовскій. —
Смерть Суворова. — Кончина Императора
Павла Петровича. — Его похороны.

До Января 1797 года, Сухопутный
Шляхетный Кадетскій Корпусъ раз-
дѣлялся на пять возрастовъ, по стар-
шинству лѣтъ, считая съ пятого возраста.

Въ четырехъ возрастахъ за поведеніемъ кадетъ смотрѣли офицеры и гувернеры, а въ первомъ возрастѣ гувернантки (или, какъ мы называли, мадамы) и няньки. Только родовые дворяне принимались въ кадеты, для которыхъ при выпускѣ изъ корпуса открыты были все пути государственной службы. Воспитанники не изъ родовыхъ дворянъ, а изъ оберъ-офицерскихъ и священническихъ дѣтей, иностранцевъ, и т. п., поступали въ *гимназисты* (*), которыхъ было по нѣскольку въ каждомъ возрастѣ. Только два стар-

(*) Гимназисты сидѣли отдѣльно въ классахъ и въ столовой залѣ, имѣли особый уголъ въ спальнѣ, и когда весь корпусъ получалъ мундиры, они носили зеленые фраки и того же цвѣта камзолы и нижнее платье. Сперва они имѣли трехъугольныя шляпы, а потомъ картузы. Гимназистовъ выпускали изъ корпуса офицерскими чинами въ статскую службу, а лучшихъ опредѣляли учителями въ средніе и нижніе классы въ кадетскіе корпуса.

шіе возраста имѣли военные мундиры, а прочіе носили Французскіе кафтаны, короткое исподнее платье, чулки и башмаки. Военнымъ экзерциціямъ старшіе кадеты обучались только въ лагерное время.

Графъ Ѳеодоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, родственникъ Императрицы Екатерины II, Генераль - Аншефъ и Генераль - Адъютантъ, не покорилъ для Россіи новыхъ областей, не взялъ приступомъ городовъ, не выигралъ генеральныхъ сраженій, не составилъ великихъ плановъ для государственнаго управленія, но будетъ жить въ Исторіи вмѣстѣ съ героями и великими мужами, пріобрѣвъ себѣ безсмертіе одною чистою любовью къ человечеству! Какой великій урокъ для гражданскихъ обществъ, какое униженіе для честолюбцевъ, эгонстовъ и интригантовъ, какое торжество для добродѣтели! Графъ Ангальтъ управлялъ корпусомъ только семь лѣтъ съ половиною (отъ 8 Ноября

1786 до 24 Мая 1794 года), и въ это короткое время управленія незначительною отраслю администраціи, въ сравненіи съ другими важными частями государственнаго состава, пріобрѣлъ безсмертную славу, между тѣмъ, какъ многіе изъ его современниковъ важныхъ, сильныхъ, могущественныхъ — забыты въ могилѣ! Сколько было кадетъ, столько было сердецъ, любившихъ и чтившихъ его, какъ нѣжцаго отца, какъ благодѣтеля, какъ попечительнаго наставника и друга. Теперь память о дѣлахъ его уже встребилась въ корпусъ, но имя его извѣстно и теперь каждому кадету, и какъ священное преданіе переходитъ отъ одного кадетскаго поколѣнія къ другому.

Я уже не засталъ въ корпусъ порядка, заведеннаго Графомъ Ангальтомъ, но поналъ, такъ сказать, въ разведенный имъ разсадникъ, въ кадетское поколѣніе, котораго болѣе половины еще со слезами

вспоминало о немъ. Почти все кадетскіе офицеры были воспитанники Графа Ангальта или прежніе, образованные имъ гувернеры. Корпусъ, подобно сосуду, въ которомъ хранилось драгоценное благовопіе, еще благоухалъ прежнимъ ароматомъ. Въ рекреационной залѣ еще стояли бюсты великихъ мужей, которыхъ жизнь и подвиги толковалъ Графъ Ангальтъ кадетамъ, возбуждая въ нихъ идеи славы и величія; еще каменная стѣна, вокругъ корпуснаго сада, красовалась эмблематическими изображеніями, поучительными изрѣченіями, афоризмами, нравственными правилами мудрецовъ, и эпохи важнѣйшихъ событій въ міръ были начертаны хронологически, для пособія памяти. Довольно было выучить наизусть все написанное на этой стѣнѣ, чтобъ просвѣтить разумъ и смягчить сердце юноши. Въ корпусномъ саду еще существовала бесѣдка, въ которой кадеты танцевали,

въ праздничные лѣтніе дни. Передъ глазами нашими возвышалось огромное зданіе (jeu de paume), гдѣ, въ присутствіи Графа Ангальта, кадеты упражнялись въ гимнастикѣ. Осталось въ корпусѣ еще нѣсколько знаменитыхъ преподавателей наукъ временъ Ангальтовскихъ (математикъ Фуссъ, физикъ Крафтъ, и проч.), но не было уже отца, благодѣтеля, мудраго Ментора, посвящавшаго кадетамъ всю жизнь свою, все свое время, всѣ способности своей души и разума, не было Графа Ангальта, руководствовавшаго кадетъ къ добру, ободрявшаго прилежныхъ, усовершенствовывшаго лѣнивыхъ, и ласковостью и примѣрами добра возбуждавшаго въ юношахъ чувства чести, благородства и собственного достоинства!

Въ послѣдствіи корпусъ составлялъ баталіонъ изъ четырехъ мушкетерскихъ и одной гренадерской роты, и при баталіонѣ было *малолѣтнее отдѣленіе* (преж-

ній первый возрастъ). Кадеты ротные носили уже мундиры, по общему образцу, и пудрились при парадной формѣ. Малолѣтнее отдѣленіе сохраняло прежніе Французскіе кафтаны (коричневаго цвѣта), а дома малолѣтніе кадеты носили куртки и шаровары. Всѣ новыя учрежденія и преобразованія начались еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, во время Директорства Генераль-Поручика Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова (бывшаго потомъ Свѣтлѣйшимъ Княземъ Смоленскимъ и Фельдмаршаломъ).

Послѣ Графа Ферзена управлялъ временно корпусомъ Генераль - Маіоръ Андреевскій, до Марта 1799 года, а въ это время назначенъ Директоромъ Генераль отъ Инфантеріи Графъ Матвѣй Ивановичъ Ламсдорфъ. При Андреевскомъ и Ламсдорфѣ не было большихъ перемѣнъ, и все оставалось на основаніи порядка, введеннаго М. Л. Кутузовымъ.

Въ малолѣтномъ отдѣленіи не было ничего военнаго : это былъ пансіонъ, управляемый женщинами. Малолѣтное отдѣленіе раздѣлено было на *камеры* (*chambre*), и въ каждой камерѣ была особая надзирательница, а надъ всѣмъ отдѣленіемъ главная инспекторша (*inspectrice*), мадамъ Бартольдъ. Меня отдали къ самой пѣжной, къ самой ласковой, добродушной надзирательницѣ, мадамъ Боньотъ. Графъ Ферзенъ поручилъ меня особенному ея надзору и попеченію, а кромѣ того, моя мать, познакомившись съ нею, приобрѣла ея пріязнь. У мадамъ Боньотъ были двѣ дочери (Елисавета и Александра) и старушка мать, мадамъ Кювиллье, добрыя и ласковыя созданія, и всѣ онѣ меня ласкали и пѣжили. Въ квартирѣ мадамъ Боньотъ были мое фортеціано, гитара, сундукъ съ нотами, книгами и игрушками, и я имѣлъ право въ каждое время (исключая классаго) приходить туда, какъ домой.

Но, не взирая на материнское обхожденіе со мною мадамъ Боньотъ и на ласки ея семейства, мнѣ было весьма тяжело привыкать къ кадетской жизни. — Родители непомѣрно баловали меня, какъ меньшее дитя и единственное отъ втораго брака. Всѣ знакомые, изъ угожденія родителямъ, также ласкали меня; слуги повиновались безпрекословно. Я пользовался полною свободою и въ родительскомъ домѣ, и у Кукевича, а тутъ вдругъ попалъ въ клетку! Надлежало ѣсть, пить, спать, играть и учиться не по охотѣ, а по приказанію, въ пазпаченные часы. — Учители были люди холодные, исполнявшіе свое дѣло механически. Знаешь урокъ — хорошо, не знаешь — на колѣни или на *записку* (*). — Когда

(*) *Запиской* называлась въ корпусѣ отмѣтка учителя о лѣнивыхъ или шалунахъ. Списавъ ихъ имена, учитель передавалъ записку, въ малозѣтномъ отдѣленіи, дежурной надзирательницѣ, а въ ро-

дежурили другія мадамы, а не мадамъ Боцьотъ, то для меня не было ни какого предпочтенія. Напротивъ, меня держали строже, называя *баловнемъ* мадамъ Боцьотъ! Кадеты дразнили меня за то, что я дурно произносилъ по-Русски. Няньки обходились со мною довольно круто. — Я не понималъ всего, что мнѣ толковали по-Русски учителя, слѣдовательно и не могъ успѣвать за другими. Меня стали наказывать. Выведенный изъ терпѣнія привязчивостью кадетъ, я сталъ драться съ самыми дерзкими изъ нихъ; наказанія усилились. Наконецъ, оскорбленный несправедливостью, я сказалъ что-то неврѣятое главной инспекторшѣ; меня пощекотали розгами, и я пришелъ въ отчаяніе! Я лишился сна и аппетита, прятался отъ всѣхъ, плакалъ украдкою днемъ и по ночамъ, тосковалъ и гру-

тахъ дежурному офицеру, и по этой запискѣ кадеты наказывались.

стиль. — Ужасная идея, что родители не любятъ меня, овладѣла мною и мучила меня! Я судилъ по себѣ, и рассуждалъ, что если мнѣ тяжело разставаться съ тѣми, кого я люблю, то и родителямъ моимъ не надлежало разставаться со мною, если бѣ они меня любили. Эти мрачныя мысли сокрушали меня и ожесточали. Я былъ холодець съ матерью и сестрою, и даже не хотѣлъ ѣздить къ нимъ... Наконецъ я не могъ выдержать этой внутренней борьбы — и заболѣлъ. Меня отвели въ госпиталь, надъ которымъ начальствовала мадамъ Штадлеръ. У меня открылась изнурительная лихорадка.

Матушка испугалась. Она каждый день навѣщала меня и просиживала по нѣскольку часовъ у моей кровати. Долго я преодолевалъ себя, и наконецъ высказалъ ей все, что у меня было на душѣ. Матушка пришла въ отчаяніе, и хотѣла взять меня немедленно изъ корпуса; но

сестра и всѣ ея пріятели отсовѣтовали ей это. Матушка старалась всѣми силами убѣдить меня въ своей любви, но сомнѣнія мои не разсѣялись. — Признаю теперь весьма уважительными причины, побудившія матушку отдать меня въ корпусъ, которыхъ я тогда не понималъ; но сознаюсь откровенно, что и теперь не постигаю, какъ родительское сердце можетъ рѣшиться на разлуку съ малолѣтнимъ дитятей, какъ можетъ мать отдать малолѣтнее дитя на чужія руки! Этотъ героизмъ выше моихъ понятій!

Горе развиваетъ разумъ. Въ госпиталѣ я имѣлъ время на размышленіе, и разбирая мое положеніе, разсматривая его со всѣхъ сторонъ, я рѣшился покориться судьбѣ, побѣдить всѣ трудности, сдѣлаться самостоятельнымъ, и жить впередъ безъ чужой помощи. По выходѣ изъ госпиталя, я сталъ день и ночь учиться, чтобъ догнать товарищей, и, при моей

необыкновенной памяти, вскорѣ ихъ перегналъ. Впрочемъ, курсъ наукъ въ нижнихъ классахъ былъ самый ничтожный, и я уже зналъ почти все, чему надлежало учиться. Вся трудность была въ Русскомъ языкѣ, и когда я преодолевалъ ее, то былъ немедленно переведенъ въ первый классъ.

Между тѣмъ, матушкѣ надлежало возвратиться домой, и она простилась со мною, отдавъ для меня деньги на руки мадамъ Боньотъ. — Тяжела была разлука съ матерью, особенно при укоренившейся во мнѣ мысли (впрочемъ вовсе несправедливой), будто меня не любятъ! — Послѣ узналъ я, что меня отдали въ корпусъ не только противу воли, но даже безъ вѣдома моего отца. Это разсказалъ мнѣ вѣрный слуга его, Семенъ. Отецъ пришелъ въ отчаяніе, когда матушка сказала ему, что оставила меня въ Петербургъ, на чужихъ рукахъ. Въ

первый разъ въ жизни онъ заплакалъ и зарыдалъ при людяхъ, требуя, съ воплемъ отчаянія, своего сына! — Разлука со мною имѣла пагубное вліяніе на его уже разстроенное здоровье, и ускорила его кончину: это онъ даже написалъ въ предсмертномъ своемъ письмѣ ко мнѣ. Онъ собирался ѣхать въ Петербургъ, но состояніе здоровья не позволяло ему этого. — Отъ весны до весны онъ жилъ надеждою на свиданіе со мною, пока смерть не разлучила насъ на вѣки! Судьба позволила мнѣ только поплакать на его могилѣ!.....

По одиннадцатому году (въ 1799 году) меня перевели, въ слѣдствіе экзамена, въ гренадерскую роту, которою начальствовалъ Полковникъ Пурпуръ.

Не помню я, чтобъ въ нашемъ корпусѣ былъ хотя одинъ изъ моихъ соотчичей. Кажется, я былъ первый изъ дворянъ повоприсоединенныхъ отъ Поль-

ши провинціи. — Кадеты гренадерской роты (меньшой) дразнили меня *Костюшкой*, разумѣется, не понимая значенія этого прозванія. Не каждое дитя переноситъ равнодушно оскорбленія — и я съ перваго раза далъ сильный отпоръ цѣлой толпѣ. Кадеты вознамѣрились прочить меня. Въ первую Субботу, когда насъ повели въ корпусную баню, они воспользовались краткимъ отсутствіемъ дежурнаго офицера, и по данному знаку однимъ главнымъ шалуномъ, бросились на меня нагого, повалили и понесли на чердакъ, ухвативъ за руки и за ноги, и крича: «крестить *Костюшку* въ Русскую Вѣру!» Видя, что всякое сопротивленіе съ моей стороны бесполезно, я пересталъ сопротивляться, и замолчалъ. Баня была не высокая, и со стороны сада большіе кадеты старшихъ ротъ насыпали снѣжную гору, въ которую они прыгивали съ чердака, распарившись

въ бань. Въ корпусъ, вообще, соблюдалась на дѣль Русская поговорка: «Русскому здорово — Цѣмцу смерть,» и кадетамъ эта экзерциція была не запрещена. Въ эту спѣжную массу кадеты сбросили меня съ чердака! У меня почти захватило духъ, и я едва выкарабкался изъ спѣга. Хотя я и не парился, но былъ въ испаринѣ, отъ внутренняго движенія и отъ борьбы, и едва добрелъ до передбанника, дрожа отъ стужи. Кадеты весьма умно совѣтовали мнѣ итти на полокъ и выпариться, но я, опасаясь новыхъ проказъ, отказался и, схвативъ шайку, грозилъ разгромить голову первому, который приблизится ко мнѣ. Меня оставили въ покоѣ. — Ночью я почувствовалъ сильную головную боль, и къ утру отнесли меня, безъ чувствъ, въ госпиталь. У меня открылась первическая горячка, въ которой я пролежалъ шесть недѣль. Когда я сталъ выздора-

вливать, одинъ добрый фельдшеръ растолковалъ мнѣ, что еслибъ я выпарился передъ скачкомъ въ снѣгъ и послѣ скачка, то не только не былъ бы боленъ, но поздоровѣлъ бы. Возвратясь въ роту изъ госпиталя, я послушался этого совѣта, и добровольно соскочилъ въ снѣгъ, что весьма понравилось кадетамъ. А какъ, кромѣ того, я не пожаловался на насильственный со мною поступокъ, то старые кадеты рѣшили, что я достоинъ быть принятымъ въ ихъ общество, и перестали дразнить меня. Вѣроятно этой *эманципаци* много содѣйствовало и мое упорное сопротивленіе!

Но кадетская дружба не избавила меня отъ бѣдствій, которыя я долженъ былъ претерпѣть въ гренадерской ротѣ! Теперь въ корпусахъ кадеты одѣваются ловко и удобно, и носятъ въ будни зеленныя куртки и сѣрое исподнее платье; по тогда мы носили ежедневно мундиры съ

красными лацканами, застегнутые только на груди, жилеты и короткое нижнее платье палеваго цвѣта, бѣлые чулки и башмаки съ пряжками. Каждое утро надлежало связывать волосы въ косу, заплетать плетешки и взбивать *вержетъ* (*), примазываясь саломъ. Къ парадной формѣ мы надѣвали штиблеты (бѣлые лѣтомъ, черные зимою), препоясывались португеей съ тесакомъ, надѣвали каску, и если надлежало итти на ученье или въ караулъ, то брали суму и ружье. При парадной формѣ надлежало пудриться. Аммуницію, ружья и башмаки чистили для насъ лакеи, и охрили, два раза въ недѣлю, камзолы и нижнее платье (охрой съ меломъ и отрубями); но мы должны были сами причесываться, чистить безчисленное множество пуговицъ, пряжки

(*) Вержетомъ назывались передніе волосы, поднятые вверхъ прическою.

и мундиръ. Полковникъ Пурпуръ строго смотрѣлъ за чистотою, и каждая невычищенная пуговица или пряжка, каждое пятнышко на лацканахъ или на свѣтломъ камзолѣ и нижнемъ платѣ и малѣйшій беспорядокъ въ прическѣ кадета навлекли неизбежное наказаніе. Осматривая кадетъ по утрамъ до отправленія въ классы, Пурпуръ отсылалъ каждаго кадета, у котораго замѣчалъ что либо неисправное въ туалетѣ, въ комнату, называемую умывальною (*). Потомъ вызывалъ кадетовъ по запискамъ учителей и дежурныхъ офицеровъ, и отсылалъ туда же, а наконецъ являлся самъ. Тамъ уже стояла на среднѣ скамья, уголъ былъ заваленъ *свѣжими* розгами, и ждали четыре дюжіе лакея. Не теряя лишнихъ словъ, безъ всякихъ объясненій и увѣщаній, Полковникъ Пурпуръ уго-

(*) Гдѣ кадеты умывались.

щаль всѣхъ собранныхъ тамъ кадетъ насущными розгами, потомъ надѣвалъ шляпу и уходилъ со двора. Никогда не видалъ я его улыбки и не слышалъ, чтобъ онъ похвалилъ кого нибудь, или приласкалъ. Никогда онъ не простилъ ни какой ошибки кадету, и, кромѣ розогъ, не употреблялъ ни какого другаго наказанія. Слезы, просьбы, обѣщанія не обращали на себя ни малѣйшаго его вниманія. Мы называли его *безпардоннымъ!* — Пурпуръ былъ высокаго роста, молодецъ и красавецъ собою, и отличался щегольствомъ въ одеждѣ и прическѣ. Слыхалъ я, что онъ былъ очень пріятель въ обществахъ. Онъ былъ родомъ изъ Грековъ, и настоящая его фамилія не Пурпуръ, а Пурпура. Не знаю, былъ ли онъ сынъ или однофамилецъ Генерала Пурпура, бывшаго Генераль-Директоромъ Корпуса (отъ 1775 до 1784 года).

Я былъ обыкновенною жертвою Пур-

пурова розголюбія, потому что никакъ не могъ справиться со множествомъ пуговиць, крючковъ, петелекъ, пряжекъ, и не умѣлъ сберегать лацкановъ, камзола и нижняго платья отъ чернильныхъ пятнышекъ. Къ большей бѣдѣ, охота къ чтенію превратилась во мнѣ въ непреодолимую страсть. Въ классахъ, вмѣсто того, чтобъ писать въ тетради, по диктовкѣ учителей, я читалъ книги, и вмѣсто того, чтобъ учить наизусть уроки, т. е. краткія и сухія извлеченія изъ науки, я читалъ тѣ книги, изъ которыхъ учителя почерпали свои свѣдѣнія. Въ тетради я вписывалъ только свои имена и числа, и дѣлалъ свои замѣтки, для другихъ непонятныя, и не взирая на то, что я зналъ больше, нежели требовалось въ среднихъ классахъ, я прослылъ *львивымъ*, потому что отвѣчалъ на вопросы учителей *своими словами*, а не повторялъ урока наизусть. Мало

этого. Въ классахъ были перемѣшаны кадеты и изъ другихъ ротъ, и разумѣется, что въ среднихъ классахъ изъ старшихъ ротъ оставались самые лѣнныя. Они также дразнили и задирали меня, что доводило насъ частенько до драки. И такъ, по мнѣнію моихъ наставниковъ, я соединялъ въ себѣ три смертные кадетскіе грѣха (*trois péchés capitaux*). т. е. былъ лѣнивъ, неопрятенъ и шалунъ, а на самомъ дѣлѣ, я любилъ страстно науки, и непрерывно рылся въ книгахъ, какъ червь, ища свѣдѣній; не могъ соблюсти требуемаго порядка въ одеждѣ отъ неумѣнья, и желая мира, по темпераменту не могъ переносить обидъ отъ товарищей. Но кому была нужда изслѣдовать мой темпераментъ, мою натуру, и дать ей направленіе? Кому была надобность знать, что непоумѣрная строгость и дурное обращеніе ожесточаютъ меня, вмѣсто того, чтобъ исправлять, и

что сердце мое жаждетъ ласки и привѣта, какъ слабый цвѣтокъ росы и солнечнаго луча? Я сдѣлался для Пурпура *bête noire*, т. е. чернымъ звѣремъ, какъ говорятъ Французы, и онъ, охотясь безпрестанно на меня, довелъ меня до того, что я почти окаменѣлъ сердцемъ и вознепавидѣлъ все въ мѣрѣ, даже самого себя! Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бѣ Провидѣніе не спасло меня!

Начался экзаменъ. Товарищи мои полагали, что я вѣрно буду примѣрно наказанъ, съ нѣкоторыми другими лѣнливцами, потому что у меня было весьма малое число балловъ. Всѣхъ дурно отмѣченныхъ кадетъ вывели впередъ, и учителя стали экзаменовать насъ, въ присутствіи Директора Корпуса, Графа Ламсдорфа, и заступавшаго мѣсто Инспектора Классовъ, Полковника Федора Ивановича Клингера, ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ. Здѣсь я долженъ

познакомить моихъ читателейъ съ Кли-
геромъ.

Онъ принадлежалъ къ малому числу
тѣхъ гениальныхъ людей, которые въ
последней четверти прошлаго вѣка да-
ли новое направленіе Германской Ли-
тературѣ, усовершенствовали Нѣмецкій
языкъ, преобразовали слогъ, распро-
странили новыя философскія идеи и со-
здали новыя формы. Клигеръ (Friedrich
Maximilian Klinger) родился во Франк-
фуртѣ на Майнѣ, въ 1753 году, въ
одномъ домѣ съ Гёте, съ которымъ онъ
былъ друженъ отъ юности до кончины.
Клигеръ принадлежалъ къ среднему со-
словію (bürgerlicher Stand), которому
Германія обязана своимъ духовнымъ ве-
личіемъ. Отецъ оставилъ его съ матерью
и сестрою въ бѣдности, и Клигеръ не
могъ даже кончить университетскаго кур-
са, а все, что зналъ, изучилъ самъ, ру-
ководствуясь своимъ гениемъ. Онъ на-

чалъ литературное свое поприще въ молодыхъ лѣтахъ, посвятивъ себя театру. Трагедія его *Близнецы* (Zwillinge) произвела удивительный эффектъ въ Германіи, обратила на него общее вниманіе, и дала ему мѣсто между первоклассными писателями. Въ этой трагедіи Клингерь, такъ сказать, разобралъ, по одной, всѣ нѣжнѣйшія жилки сердца человѣческаго, истощилъ всѣ силы фантазіи, и, наводя ужасъ на душу и вмѣстѣ съ тѣмъ сокрушая ее, выставилъ въ обнаженномъ видѣ предрасудки, раздѣляющіе людей и ведущіе ихъ въ пучину бѣдствій. Онъ возвысился до Шекспира, и критика, разумѣется, не пощадила его, между тѣмъ какъ публика присудила ему полное торжество. Нѣсколько подобныхъ сочиненій повлекли за собою толпу подражателей, и этотъ родъ, смѣсь глубокаго чувства съ ѣдкою сатирою, пылкой фантазіи съ нагою существенностью, названъ въ Гер-

маніи *Клингерovyмъ родомъ*. Онъ поселился въ Веймаръ, тогдашнихъ Германскихъ Аѳинахъ, и при всей твердости характера и силъ воли, подчинился, однако жъ, вліянію Гёте, который, паря воображеніемъ въ небесахъ, крѣпко держался земли, для пріобрѣтенія ея благъ. Гёте посовѣтовалъ Клиндеру наложить удила на свое пылкое воображеніе, скрыть подъ спудомъ свѣтскихъ приличій глубокое чувство, не слишкомъ раздражать общества нагою истиною и анатоміей нашихъ бѣдствій, и употребить умъ свой на постепенное просвѣщеніе рода человѣческаго и пріобрѣтеніе собственной независимости и высокаго мѣста въ обществѣ, безъ которыхъ нельзя сильно дѣйствовать на людей. Съ тѣхъ поръ Клиндеръ сдѣлался двойственнымъ: поэтомъ и положительнымъ, матеріальнымъ человѣкомъ, скрылъ и глубокое чувство, и богатство идей въ душѣ своей,

и уже не расточалъ ихъ, а изливалъ по каплямъ. Изъ Веймара Клингеръ отпра-вился въ Петербургъ, искать счастья при Дворѣ Императрицы Екатерины II, кото-рой слава наполняла Европу. Императри-ца вспомнила, что онъ былъ представ-ленъ ей еще въ Германіи, приняла его ласково, и предложила избрать въ Россіи какое нибудь мѣсто, сообразное съ его характеромъ и родомъ занятій. Госуда-рыня чрезвычайно удивилась, когда Клин-геръ избралъ военное поприще. Онъ былъ принятъ прямо офицерскимъ чиномъ, въ 1780 году, и вскорѣ потомъ опредѣленъ чтецомъ къ Его Императорскому Высо-честву Государю Цесаревичу и Наслѣд-нику Престола, Павлу Петровичу. Когда Принцъ Биртембергскій, пріѣхавъ въ Россію, вознамѣрился отправиться въ Тав-риду, чтобъ участвовать въ ея покореніи, Клингеръ былъ причисленъ къ его штабу, и возвратившись въ чинъ Маіо-

ра, опредѣленъ въ Кадетскій Корпусъ. Императоръ Павелъ Петровичъ уважалъ Клингера, и произведя въ Полковники, назначилъ его временнымъ инспекторомъ классовъ. Клингеръ ничего не печаталъ въ Россіи, но въ Германіи постепенно выходили въ свѣтъ его сочиненія, возбуждавшія общее вниманіе. — Лучшія между ими суть романы: *Der Weltmann und der Dichter* (*Свѣтскій чело-вѣкъ и поэтъ*) и *Die Reisen vor der Sündfluth*. (*Предпотопное странствіе*). Но и другіе его романы имѣютъ высокое философическое и литературное достоинство, какъ-то: *Жизнь и дѣянія Фауста и его поѣздка въ адъ* (*Fausts' Leben, Thaten und Höllenfahrt*) *Исторія Джиафара* (*Geschichte Giafars*), *Исторія Рафаэля Аквиллы*, *Восточный Фаустъ*, *Исторія одного Пльмца новаго времени*, и т. п. — Клингеръ никогда не хотѣлъ сообщить ни какихъ біографическихъ о себѣ свѣдѣній, не

взирая на просьбы своихъ друзей, какъ многіе полагаютъ, потому только, чтобъ не упоминать о мѣщанскомъ своемъ происхожденіи, о которомъ онъ старался забыть. Въ этомъ упрекаетъ его, хотя весьма нѣжно, даже другъ его, Гёте, изобразившій характеристику Клингера и духъ его сочиненій самыми блистательными красками. Впрочемъ, Клингеру нечего было опасаться даже полнаго жизнеописанія, потому что онъ былъ нѣжный сынъ, добрый братъ, благодѣтель своего семейства, и во всѣхъ дѣлахъ отличался честностью и прямодушіемъ. На этотъ счетъ я совершенно согласенъ съ Гёте, но что касается до сочиненій Клингера, то нахожу въ нихъ много совершенно противнаго тому, что написалъ Гёте *при жизни автора*. Высокія идеи, проинципальный умъ, сила характеровъ, богатство воображенія, заманчивость повѣствованія и блистательность слога, все это есть у Клин-

гера, но неподдельное чувство и филантропія находятся только въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ юности, когда авторъ еще не помышлялъ о земномъ счастьи, и жилъ душею въ идеальномъ мірѣ. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Клингера преобладаетъ горькая сатира на всѣ общественныя отношенія, обнаруживающая въ авторѣ сильное презрѣніе къ человечеству и холодъ души. Самыя лучшія картины Клингера разрываютъ сердце, и если вызываютъ улыбку, то улыбку горькую, презрительную; философія его не утѣшаетъ, а возбуждаетъ отчаяніе, и только слабыя мѣста въ его сочиненіяхъ, вставленные для соединенія цѣлаго; успокаиваютъ взволнованное чувство и раздраженный умъ читателя. Весьма замѣчательно, что Клингеръ, будучи Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа и Членомъ Коммисіи Училищъ при Министерствѣ Просвѣщенія, самъ предло-

жилъ, чтобъ сочиненія его были запрещены въ Россіи, желая тѣмъ лишить своихъ недоброжелателей средствъ вредить ему. Пользуясь, въ послѣднее время, знакомствомъ Клингера и даже благосклонностію его, я всегда удивлялся необыкновенному его уму, неистощимости его саркасмовъ и эпиграмъ, и въ то же время имѣлъ случай удостовѣриться въ томъ, что я слышалъ еще въ дѣтствѣ, а именно, что онъ не любилъ Россіи и, какъ я замѣтилъ, вовсе не зналъ ея. Послѣ Клингера не осталось ни рода, ни племени, и о немъ можно теперь говорить откровенно. По собственнымъ его словамъ, онъ жилъ *тѣломъ* въ Россіи, а *душею* въ Германіи. Двумъ писателямъ Нѣмецкимъ, Зейме и Музеусу, пріѣзжавшимъ въ Россію искать счастья, онъ совѣтовалъ остаться у насъ, узнавъ, что они не намѣрены отказаться отъ литературы. «Здѣсь надобно имѣть только хо-

рошій желудокъ,» сказалъ Клиггеръ: «а съ хорошею головою поѣзжайте въ Германію!» - Говоря о чловѣчествѣ, онъ отдѣлялъ всегда отъ него Русскихъ, и я самъ слышалъ, какъ онъ однажды сказалъ: die Menschen und die Russen, т. е. люди, и даже Русскіе, и т. п. Клиггеръ почиталъ Русскихъ какою-то отдѣльною породою, выродившеюся изъ Азіятскаго варварства и поверхностности Европейской образованности, и я, споривъ съ нимъ, какъ говорится до слезъ, никакъ не могъ убѣдить его въ томъ, что Русскій народъ способенъ ко всему великому и одаренъ необыкновенными качествами. Клиггеръ хотя весьма хорошо говорилъ по-Французски, но никогда не могъ побѣдить дурака Нѣмецкаго произношенія, а по-Русски, до конца жизни, говорилъ плохо, и не прчиталъ ни одной Русской книги, хотя хорошо понималъ по-Русски. Внутренности Россіи

онъ вовсе не зналъ и никогда не сблизжался съ Русскимъ простымъ народомъ. Онъ судилъ о Россіи по нѣкоторымъ согнившимъ ея членамъ. Будучи самъ однимъ изъ жрецовъ просвѣщенія, онъ никогда не старался подвигать его впередъ въ Россіи, говоря, что болѣе нежели довольно и того, что есть! Въ обществѣ ему пріятномъ и въ дружеской бесѣдѣ, Клиггеръ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, былъ чрезвычайно пріятный и занимательный собесѣдникъ, но съ подчиненными и вообще на службѣ былъ холоденъ, какъ мраморный гость въ Донъ Жуанъ. Клиггеръ былъ высокаго роста, имѣлъ правильныя черты лица и неподвижную физіономію. Ни одна душа въ корпусѣ не видала его улыбки. Онъ былъ строгъ въ наказаніяхъ, и не прощалъ никогда. Съ кадетами онъ никогда не разговаривалъ, и никогда никого не ласкалъ. Онъ только тогда обращался

съ вопросомъ къ кадетамъ, когда хотѣлъ узнать, наказаны ли они, по его требованію. «Вамъ розги дали?» спрашивалъ онъ обыкновенно. — «Дали,» отвѣчалъ кадетъ. — «Вамъ крѣпко дали?» — «Крѣпко!» — «Хорошо!» — Этимъ оканчивалась бесѣда. Одно только могло смягчить Клингера, а именно, когда кадетъ могъ объясняться съ нимъ по-Французски или по-Нѣмецки. Тогда онъ даже выслушивалъ просьбы и жалобы, и тогда можно было удостовѣриться, что если въ сердцѣ его не было отеческой нѣжности къ намъ, то была, по крайней мѣрѣ, справедливость. Я еще буду имѣть случай говорить о Клингерѣ, а теперь обратимся къ экзамену.

Учители, какъ нарочно, спрашивали меня болѣе, нежели другихъ кадетовъ, и я отвѣчалъ удовлетворительно на всѣ вопросы, *своими словами*. Клингеръ заглянулъ въ списокъ, потомъ посмотрѣлъ на

меня, и обратясь къ учителямъ, сказалъ: «Если ваши хорошіе балы поставлены такъ же справедливо, какъ дурные этому кадету, то вы, господа, не останетесь мною довольны!» Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, и велѣлъ мнѣ перевести съ Русскаго языка на Французскій. Только что вышелъ изъ рукъ Цыхры и мадамъ Бопьотъ, и уже понимая хорошо легкія Французскія сочиненія, я перевелъ удовлетворительно.— «Тутъ что-то непонятно!» сказалъ Клиггеръ, обращаясь къ Директору: «этотъ мальчикъ знаетъ все лучше другихъ, а у него самые дурные балы!» Клиггеръ подзвалъ меня къ себѣ, погладилъ по щеку (это была такая рѣдкость, что всѣ присутствовавшіе обратили на меня взоры), и сказалъ по-Французски: «Expliquez - nous, mon garçon, ce que cela signifie? (т. е. объясни намъ, что это значить)? — Слезы невольно брызнули у ме-

ня въ три ручья, и я зарыдалъ. Мое сиротство, мое уничиженіе, немилосердное обхожденіе со мною Пурпура взволновали меня и я высказалъ все, что у меня было на душѣ, отчасти по-Французски, отчасти по-Русски. Учители въ оправданіе говорили, что я не хочу учить *наизусть*, что я *не имѣю тетрадей*, что я *упрямъ*; Пурпуръ объявилъ, что я *неряха* и *повѣса*, но чувство справедливости, однажды пробужденное въ Клингеръ, уже не могло быть ничѣмъ заглушено, и мое чистосердечіе, а можетъ быть и дѣтское краснорѣчіе, отозвались въ душѣ, въ которой подъ ледяною корою таилось чувство! Онъ спросилъ меня, изъ какой я націи, а потомъ велѣлъ мнѣ сѣсть на первую скамью (я сидѣлъ прежде на послѣдней), а самъ подошелъ къ Директору, и сталъ съ нимъ говорить въ полголоса. Графъ Ламсдорфъ подозвалъ къ себѣ Маіора Ранефта, и указывая на меня,

сказалъ ему: «Возьмите къ себѣ въ роту, еще сегодня, этого кадета!» — Экзамень, послѣ этого эпизода, пошелъ своимъ чередомъ, а Клишгеръ, какъ будто гордясь своимъ открытіемъ, всегда велѣлъ спрашивать меня, когда другіе кадеты не отвѣчали на вопросы, и я, по счастію, всегда удовлетворялъ его. Послѣ экзамена Клишгеръ объявилъ учителямъ, что онъ недоволенъ ими....

При выходѣ изъ классовъ, кадеты окружили меня, поздравляли, обнимали, и я былъ въ восторгѣ! Но когда надобно было строиться, чтобъ итти въ столовую, явился Пурпуръ, какъ тѣнь Банко въ Макбетъ, и навелъ на меня ужасъ своимъ взглядомъ. Не говоря ни слова, онъ взялъ меня за руку, и повелъ въ свою любезную *умывальную*, и, на прощаніи, такъ выпоролъ розгами, что меня полумертваго отнесли въ госпиталь!

Я слышалъ послѣ, что Директоръ сдѣлалъ Пурпуру строгій выговоръ и даже погрозилъ отнять роту. Но отъ этого мнѣ было нелегче. Цѣлый мѣсяць пролежалъ я въ госпиталѣ, и отъ раздраженія нервовъ едва не сошелъ съ ума. Мнѣ безпрестанно видѣлся, и во снѣ и на яву, Пурпуръ, и холодный потъ выступалъ на мнѣ!... Я кричалъ во все горло: спасите, помогите! вскакивалъ съ кровати, хотѣлъ бѣжать, и падалъ безъ чувствъ....

Пурпуръ давно умеръ.... Черезъ полгода, кажется, послѣ моего выздоровленія, онъ вышелъ изъ корпуса въ армію—и все забыто! Не могу, однако жъ, умолчать при этомъ случаѣ, что года чрезъ четыре по выходѣ моемъ изъ корпуса, встрѣтивъ въ обществѣ человѣка, похожаго лицомъ на Пурпура, я вдругъ почувствовалъ круженіе головы и спазматическій припадокъ. Теперь уже перестали изучать Миѳологию, и преданіе о Медузинѣ головѣ

пришло въ забвеніе ; но я не забуду этого вымысла, испытавъ смыслъ его на себя !

Блѣдный, худой, изнеможенный явился я къ Маіору Ранефту, въ третью мушкетерскую роту, и узналъ, что я переведенъ изъ втораго средняго класса, чрезъ классъ, въ пятый верхній классъ. Маіоръ Ранефтъ былъ добрый, ласковый человекъ и снисходительный начальникъ, который обращался съ нами, какъ съ дѣтьми, а не какъ съ усатыми гренадерами. Капитанъ Шенетковскій, человекъ скромный, привѣтливый, добродушный, также съ нами былъ болѣе, нежели хорошъ. Всѣ прочіе офицеры, какъ водится, обращались съ нами въ духѣ начальниковъ, и я ожилъ душою и тѣломъ въ благословенной третьей мушкетерской ротѣ ! Учители въ верхнихъ классахъ были люди опытные и снисходительные. Французскому языку обучалъ насъ почтенный

старикъ, умный Иллеръ, который звалъ также весьма хорошо Русскій языкъ, и любилъ говорить стихами или въ римѣ. Два кадета разговаривали между собою; Иллеръ объявилъ имъ наказаніе: «Инглизъ и Томара не поѣдутъ со двора!» Одинъ кадетъ, призванный на кафедру, споткнулся на ступеняхъ; Иллеръ сказалъ: «У тебя глаза не плоски — вѣдь ты видишь, что здѣсь доски!» Это забавляло насъ, проводившихъ по *осьми* часамъ въ сутки въ классахъ. Но еще болѣе развлекалъ насъ, своими фарсами, учитель Нѣмецкаго языка, добрый и любезный Лампе. Онъ также говорилъ съ нами съ примѣсью разныхъ шуточекъ и поговорокъ. Если кадетъ дремалъ въ классѣ, Лампе будилъ его правоученіемъ, на своемъ ломаномъ Русскомъ языкѣ: «отъ соннаго караула храбра дѣла ожидать не возможно!» Однажды, кадетъ Саблинъ громко разговаривалъ въ классѣ. Лампе

предостерегъ его народіей извѣстной Русской пѣсни :

Полно, полно, зблнкъ милый,
По невѣрной тосковать,
Пролетѣлъ твой вѣкъ счастливый, и проч.

Онъ сказалъ :

«Полно, полно, Саблинъ милый,
Тамъ въ углу тебѣ болтать,
Пролетѣлъ твой вѣкъ счастливый,
Будутъ больно, больно драть!»

Но никто такъ не утѣшалъ насъ, не забавлялъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не научалъ такъ пріятно, какъ Гавріилъ Васильевичъ Гераковъ, учитель Исторіи. Добрый, честный, благородный человѣкъ въ полномъ значеніи слова, онъ былъ притомъ величайшій чудакъ. Онъ былъ домашній человѣкъ у Нарышкиныхъ, у Графовъ Воронцовыхъ (*) и у нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ фамилій, вездѣ былъ любимъ,

(*) Онъ даже и скончался въ домѣ Князя Михаила Семеновича Воронцова, гдѣ лѣтъ съ двадцать имѣлъ квартиру, безъ всякой платы.

но имѣя въ себѣ много смѣшнаго, т. е. оригинальнаго, выходящаго изъ общихъ формъ, онъ невольно доставлялъ часто случаи подшучивать надъ собою. Г. В. Гераковъ (правильнѣе Гераки), былъ родомъ изъ Грековъ, воспитывался въ Греческомъ кадетскомъ корпусѣ (уничтоженномъ въ 1796 г.), и всю свою жизнь былъ смертельно влюбленъ въ древнюю Грецію и во всѣхъ прекрасныхъ женщинъ. Гераковъ имѣлъ большое притязаніе на авторство, но оно ему не далось. Маленькая книжечка, изданная имъ подъ заглавіемъ: *Для Добрыхъ*, была раскуплена *добрыми* людьми въ пользу бѣдныхъ, и доставила автору съ полсотни эпиграмъ отъ его друзей. Онъ особенно привязанъ былъ къ Сергѣю Никифоровичу Марину, бывшему потомъ Флигель-Адъютантомъ и Полковникомъ Преображенскаго Полка. С. Н. Маринъ былъ также домашній чловѣкъ въ домѣ Нарышки-

ныхъ, и по уму своему, любезности и остроумію былъ отлично принимаемъ во всѣхъ знатныхъ домахъ. Онъ имѣлъ нѣтъ тическій талантъ, перевелъ стихами *Меропу*, которую съ успѣхомъ давали на Русской сценѣ, но отличался болѣе сатирами и эниграмами, которыя, хотя не появлялись въ печати, но ходили по рукамъ, и были извѣстны во всѣхъ кругахъ общества. Пародія его одной изъ Ломоносовскихъ одъ произвела въ свое время удивительный эффектъ. Гераковъ служилъ Марину оселкомъ, на которомъ онъ острилъ свой умъ. У меня осталось въ памяти нѣсколько стиховъ, сочиненныхъ Маринымъ, на день рожденія Геракова. Авторъ послѣ вступленія, говоритъ :

«Родился и раскричался
 Изъ всѣхъ ребячьихъ сплъ,
 Голосъ въ Тартарѣ раздался,
 Древнихъ Грековъ всполошилъ.
 Взвоновался ихъ души,
 Видѣть всѣ дптя хотять,

Крылья подвязавъ подъ уши,
Быстро на землю летять.»

Послѣ этого описывается, какъ древніе мудрецы Греціи окружили колыбель, и по совѣщаніи между собою, поручили одному изъ своего круга надѣлать новорожденнаго качествами и земными благами, которыя должны сопутствовать ему въ жизни. Вотъ что говоритъ древній Грекъ :

«Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ,
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчный капитанъ!
Будешь — и судьбы гласилъ:
Будешь двухъ аршинъ съ вершкомъ.
И всѣ старцы подтвердили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ!

Все это была сушая правда. Г. В. Герарковъ былъ весьма малаго роста, служилъ весьма долгое время въ капитанскомъ чинѣ, и если не могъ нанять кареты, то ходилъ пѣшкомъ, но не ѣзжалъ никогда

на извозчикахъ. Хотя въ сочиненіяхъ своихъ онъ былъ точно *тиранъ* своихъ читателей, но произвелъ однажды большую пользу, рассказавъ въ одной изъ своихъ брошюркъ о подвигъ флотскаго Капитана Ильина, который, по приказанію Графа Алексѣя Григорьевича Орлова, сжегъ Турецкій флотъ, при Чесмѣ. Въ до того времени думали, что этотъ знаменитый подвигъ совершенъ Англійскимъ офицеромъ въ нашей службѣ, Эльфинг-стопомъ, а иностранцы писали даже, что и самое распоряженіе принадлежитъ Англичанину, Адмиралу Грейгу. Гераковъ доказалъ, что предположеніе Русскаго вождя исполнилъ Русскій офицеръ, и бѣдныя дочери Ильина получили пенсію. Вотъ какъ и малые авторы могутъ быть полезны, если въ нихъ пылаетъ любовь къ добру и къ народной славѣ!

Но если Гераковъ не былъ ни поэтомъ, ни отличнымъ прозаикомъ, ни глубоко-

мысленнымъ историкомъ и археологомъ — то былъ отличнымъ учителемъ Исторіи, умѣлъ возбуждать къ ней любовь въ своихъ ученикахъ, и воспламенять страсть къ славъ, величію и подражанію древнимъ героямъ. Онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова, и рассказывая намъ событія, увлекалъ насъ и заставлялъ невольно слушать. Тетради его имѣли мало достоинства, но изустное изложеніе было превосходное, и мы, чувствуя недостатокъ связи въ его тетрадахъ, чтеніемъ дополняли то, чего у него не было. Гераковъ охотно снабжалъ насъ книгами, а бралъ ихъ вездѣ, гдѣ могъ достать. Онъ часто навѣщалъ насъ внѣ классовъ, и расхаживая по саду, окруженный кадетами, воображалъ себя Платономъ, въ садахъ Академіи. Мы много обязаны Г. В. Геракову за развитіе нашихъ способностей и возбужденіе любви къ наукѣ, которая, по справедливости, называется царскою!

Русскій языкъ, а въ первыхъ трехъ верхнихъ классахъ и Литературу преподавалъ Петръ Семеновичъ Желѣзниковъ (тогда Капитанъ). Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ при Графѣ Ангальтѣ и также однимъ изъ лучшихъ актеровъ корпуснаго театра. П. С. Желѣзниковъ зналъ Русскій языкъ основательно, и притомъ былъ весьма силенъ въ языкахъ Французскомъ, Нѣмецкомъ и Италіянскомъ. Еще будучи кадетомъ, онъ перевелъ Фенелонова *Телемака*. Переводъ поднесенъ былъ Императрицѣ Екатеринѣ II, которая щедро наградила переводчика, приказала напечатать книгу на казенный счетъ, въ пользу автора, и ввести, какъ классную книгу, во всѣ учебныя заведенія. Желѣзниковъ объяснялся чрезвычайно хорошо, и читалъ и декламировалъ превосходно. *Телемакъ* переведенъ имъ стариннымъ, напыщеннымъ слогомъ, но языкъ перевода правильный,

Въ это время уже дѣйствовала новая, Карамзинская школа, и Желѣзниковъ, какъ человекъ умный и со вкусомъ, призналъ ея превосходство и подчинился ея законамъ. Но о языкъ и Литературъ я поговорю въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу только, что кромѣ Н. И. Греча я не зналъ лучшаго преподавателя Русскаго языка, какъ П. С. Желѣзниковъ, въ чемъ согласятся со мною всѣ знавшіе его. Всѣ прочіе мои учителя, хотя и не имѣли такихъ достоинствъ, но были люди добрые, скромные и ласковые. Правда, что никто не приласкалъ меня особенно, хотя я учился изъ всѣхъ силъ, и никто не занимался мною отдѣльно. Я былъ смѣшанъ въ толпѣ, и хотя былъ сирота, но ужъ не животное, которое безпрестанно погоняли! Положеніе мое было весьма сносное.

Я рѣдко ходилъ со двора. Братъ мой былъ въ то время Ротмистромъ въ Конно-

Польскомъ Полку и адъютантомъ при С. Петербургскомъ Генераль-Губернаторъ, Графъ Паленъ. Обязанности службы оставляли ему мало свободного времени. Братъ жилъ въ домъ музыканта Булана, на Дворцовой Площади (*), вмѣстѣ съ Маіоромъ Тираномъ (**), также адъютантомъ Графа Палена. Къ нимъ собирались иногда офицеры гвардіи и молодые люди, между которыми я помню нѣкоторыхъ, особенно Мелиссино (***) , сына Директора 2-го Кадетскаго Корпуса. Я ходилъ также иногда къ нѣкоторымъ Полякамъ, изъ знакомыхъ моимъ родите-

(*) Гдѣ нынѣ проѣздъ на Пѣвческой Мостъ, между Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества и Эрдерциръ-Гаузомъ.

(**) Женившемся потомъ на дочери Демута, содержателя знаменитой гостиницы, которая и понынѣ существуетъ.

(***) Онъ былъ послѣ командиромъ Лубенскаго Гусарскаго Полка.

лямъ и къ Осипу Антоновичу Козловскому.

Внѣ корпуса я нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть бывшаго Польскаго Короля Станислава Августа (Понятовскаго), въ Католической Церкви, на прогулкѣ и однажды на вахтпарадѣ, въ новостроенномъ Михайловскомъ Экзерциргаузѣ. Императрица Екатерина II позволила ему жить въ Гроднѣ, назначивъ по условію, при отрѣченіи отъ престола, 200 тысячъ червонцевъ годовой пенсіи, и уплативъ, вмѣстѣ съ Пруссіей и Австріей, его долги. Императоръ Павелъ Петровичъ пригласилъ его въ Петербургъ, отдалъ ему для жительства Мраморный Дворецъ, и назначилъ къ его Дворцу нѣсколько придворныхъ чиновниковъ, и въ томъ числѣ, для исправленія должности камергера, бывшаго въ Польшѣ Полномочнымъ Посломъ, Графа Штакельберга, который, какъ всѣмъ извѣстно, обходился въ Вар-

шавъ съ Королемъ не весьма почтительно. Объ этомъ тогда много говорили въ Петербургъ, и выхваляли Государя.) Послѣ я былъ коротко знакомъ съ двумя чело-вѣками, весьма близкими къ Королю, Швендровскимъ, бывшимъ при немъ Секретаремъ, и Тремопомъ, исправлявшимъ должность казначея. Они мнѣ рассказывали много о Королѣ, выхваляя его добродушіе и умъ, въ чемъ нѣтъ ни какого сомнѣнія. Король жилъ въ Петербургъ весьма уединенно, занимался чтеніемъ или разговорами съ своими приближенными, и любилъ заводить рѣчь о послѣднихъ событіяхъ, оправдывая себя въ несчастіяхъ, постигшихъ его отечество, и сваливая всю вину на вельможъ и даже на народъ. По моему мнѣнію, и онъ правъ, и тѣ правы, которые обвиняютъ его! Король не могъ перенести равнодушно своего положенія, и тайная тоска съѣдала его. — Онъ искалъ утѣшенія въ Религіи и

даже въ мистицизмъ (мартинизмъ), но не могъ побѣдить предубѣжденій юношескихъ лѣтъ и вліянія Вольтеровой философіи, которой онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ. Воспоминанія земнаго величія терзали его душу! Швендровскій подарилъ мнѣ копію съ альбома Польскаго Короля, т. е. выписки изъ разныхъ сочиненій, на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, въ стихахъ и прозѣ, собственныя его замѣтки и нѣкоторые, нигдѣ не напечатанные стихи и эпиграмы. Въ этомъ альбомѣ изображается характеръ Короля, или правильнѣе, его безхарактерность. Тутъ самое серіозное и важное перемѣшано съ пошлымъ, и высокая мудрость съ цинизмомъ! Этотъ альбомъ понынѣ хранится у меня. Замѣчательна въ немъ статья о всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ алмазахъ и драгоценныхъ камняхъ, съ рисунками, въ настоящую ихъ величину, съ означеніемъ вѣса, цѣны, Дворовъ или

частыхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ. Подъ выписками, писанными рукою Короля, поставленъ его вензель : S. A. R., т. е. Stanislaus Augustus Rex.

Король уже былъ старъ, но въ чертахъ лица его видны были остатки его красоты. Въ церкви я видѣлъ его въ собольей шубѣ, крытой зеленымъ бархатомъ, съ двумя звѣздами на покрывкѣ, а на вахтпарадѣ въ красномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ. Онъ стоялъ въ сторонѣ, безъ шляпы. Когда я впервые увидѣлъ Графа Платона Александровича Зубова, меня удивило сходство его съ Польскимъ Королемъ, хотя Графъ Зубовъ былъ гораздо моложе. Это одинъ очеркъ лица.

Разумѣется, когда Король не могъ раздавать чиновъ, орденовъ и староствъ, прежніе его приверженцы оставили его, но нашлись промышленники, которые не только послѣ отрѣченія его отъ престола, но даже и по его смерти снабжали

охотниковъ патентами на званіе шамбеляновъ (каммергеровъ) его бывшаго Двора и на орденъ Св. Станислава, со звѣздою и лентою чрезъ плечо! Разумѣется, что это дѣлалось безъ вѣдома Короля. Сперва этимъ промысломъ занимался камердинеръ его, а потомъ двое искателей приключеній, изъ бѣдной Польской шляхты, прибывшіе въ Петербургъ искать счастья. Одинъ изъ нихъ былъ пойманъ, уличенъ и посаженъ въ крѣпость, но слѣпой случай перебросилъ его внезапно съ пути въ Сибирь на путь къ счастью, и онъ, подъ покровительствомъ одной знатной дамы, вышелъ въ люди! Тогда это надѣлало много шуму между Поляками. Теперь все забыто! Дѣла давно минувшихъ лѣтъ!

Король Польскій умеръ въ Февралѣ 1798 года, и похороненъ великолѣпно, по царскому церемоціалу. Государь присутствовалъ при погребеніи. Requiem, ком-)

позиціи О. А. Козловскаго, разыгранное въ Католической Церкви, тогда высоко цѣнилось знатоками, и часто повторялось въ духовныхъ концертахъ.

Похороны Короля Польскаго привлекли только толпы любопытныхъ, но были другія похороны, которыя наполнили горестью всѣ сердца. Великій Суворовъ, герой народный, вождь въ полномъ значеніи слова *непобѣдимый*, котораго славою гордится каждый Русскій — скончался въ Петербургъ. Въ Корпусъ слѣдовали за всѣми его побѣдами, за всѣми подвигами въ послѣднюю его Италіянскую кампанію, и намъ съ кафедры провозглашали о чудныхъ дѣлахъ при Требін, при Нови, при переходѣ чрезъ Альпы! Кадеты были воспламенены славою Суворова, и завидовали участи тѣхъ, которые могли умереть съ оружіемъ въ рукахъ, въ глазахъ героя. Мы ожидали, что Суворовъ навѣститъ Корпусъ, что мы

увидимъ нашъ идеалъ, и узнали, что онъ пріѣхалъ больной, изнеможенный, упавшій духомъ. Горестъ была общая... болѣе нежели горестъ, и вѣсть о смерти Суворова встревожила столицу. Плакали и громко жаловались!... Въ день похоронъ, когда печальная колесница проѣзжала по Невскому Проспекту, при многочисленномъ стеченіи народа, Государь пріѣхалъ верхомъ, изъ Михайловскаго Дворца, остановился на углу Садовой, возлѣ Императорской Публичной Библіотеки, и когда гробъ поравнялся съ нимъ, снялъ шляпу и уѣхалъ.

Императоръ Павелъ Петровичъ нѣсколько разъ посѣщалъ Корпусъ, и былъ чрезвычайно ласковъ съ кадетами, особенно съ малолѣтными, позволяя имъ многія вольности въ своемъ присутствіи. — «Чѣмъ ты хочешь быть?» спросилъ Государь одного кадета въ малолѣтнемъ отдѣленіи. — «Гусаромъ!» отвѣчалъ ка-

детъ. — «Хорошо, будешь! А ты чѣмъ хочешь быть?» примолвилъ Государь, обращаясь къ другому малолѣтнему кадету. — «Государемъ!» отвѣчалъ кадетъ, смотря смѣло ему въ глаза. — «Не совѣтую, братъ,» сказалъ Государь, смѣясь: «тяжелое ремесло! Ступай лучше въ гусары!» — «Нѣтъ, я хочу быть государемъ,» повторилъ кадетъ. — «Зачѣмъ?» спросилъ Государь. — «Чтобъ привезть въ Петербургъ папеньку и маменьку.» — «А гдѣ же твой папенька?» — «Онъ служитъ майоромъ (не помню въ какомъ) въ гарнизонѣ!» — «Это мы и безъ того сдѣлаемъ!» сказалъ Государь ласково, потрепавъ по щекѣ кадета, и велѣлъ бывшему съ нимъ Гепераль-Адъютанту записать фамилію и мѣсто служенія отца кадета. Черезъ мѣсяцъ отецъ кадета явился въ Корпусъ къ сыну, и отъ него узналъ о причинѣ милости Государя, который перевелъ его въ Сенатскій Полкъ и ве-

лѣль выдать нѣсколько тысячъ рублей, на подъемъ и обмундировку. Однажды, проходя по нашей гренадерской ротѣ, Государь спросилъ у благообразнаго кадета: «Какъ тебя зовутъ?» — «*Приказный,*» отвѣчалъ кадетъ. — «Я не люблю *приказныхъ,*» возразилъ Государь, «и съ этихъ поръ ты будешь называться»... Государь задумался, и взглянувъ на бывшаго съ нимъ Михаила Никитича Муравьева (*), сказалъ: «ты будешь называться *Муравьевымъ!*» Потомъ, обратясь къ Михаилу Никитичу, Государь примолвилъ: «Прошу извинить меня, Ваше Превосходительство, что я далъ этому кадету вашу фамилію: это послужитъ ему поощреніемъ къ подражанію вамъ, а мнѣ такіе люди, какъ вы, весьма нужны!» М. Н. Муравьевъ низко поклонился Государю, и

(*) Извѣстный Русскій прозаикъ, бывшій при воспитаніи ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей.

чрезъ нѣсколько дней вышелъ Сенатскій
 Указъ о переименованіи Приказныхъ въ
 Муравьевыхъ. Въ другой разъ Государь,
 проходя по галереѣ, уронилъ трость.
 Толпа кадетовъ бросилась поднимать ее,
 нѣкоторые падали, и вырывая трость
 другъ у друга, стали толкаться и чуть
 не драться между собою. Офицеры были
 въ страхъ, не зная какъ приметъ это Го-
 сударь, но онъ былъ чрезвычайно дово-
 левъ. — «Вижу, что вы будете усердно
 служить мнѣ,» сказалъ Государь, поцѣло-
 вавъ того кадета, которому удалось схва-
 тить трость и представить ему, а всему
 Корпусу велѣлъ раздать фрукты и распу-
 стить всѣхъ на три дня со двора.) Въ
 Мартѣ 1800 года, Государь лично объ-
 явилъ Корпусу, что онъ будетъ называтъ-
 ся впредь *Первымъ* Кадетскимъ Корпу-
 сомъ, въ знакъ Царской къ намъ ми-
 лости.

Вскорѣ послѣ перехода моего въ третью

роту и въ верхніе классы, (Графъ Ламсдорфъ назначенъ воспитателемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Павловича (нынѣ благополучно царствующаго Императора) и Михаила Павловича, а на его мѣсто поступилъ Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ (въ Ноябрь 1800 года). Въ Февраль 1801 года, за нѣсколько недѣль до своей кончины, Государь возвысилъ Графа Зубова въ званіе Шефа Корпуса, а Ѳ. И. Клингеръ, произведенный въ Генераль-Маіоры, назначенъ Директоромъ. Но при этихъ перемѣнахъ начальниковъ, въ Корпусъ ничего не перемѣнилось, и все шло старымъ порядкомъ. Мы знали Графа Зубова потому только, что видѣли множество слугъ его, одѣтыхъ богато и распудренныхъ, нагалереяхъ, и что онъ приказывалъ иногда призывать къ себѣ лучшихъ кадетъ и раздавалъ имъ плоды, ко-

торыми всегда были наполнены его комнаты, потому что върилъ, будто испаренія отъ свѣжихъ плодовъ, сохраняютъ свѣжесть лица. Графъ Зубовъ принималъ мало гостей, и самъ рѣдко выѣзжалъ со двора, живя уединенно. Государь, навѣщая Корпусъ, обходился съ нимъ чрезвычайно милостиво.

12 Марта 1801 года, едва пробили утреннюю зорю, вдругъ начали бить сборъ (въ 6 часовъ утра). Дежурный офицеръ вбѣжалъ опрометью въ роту, и закричалъ: «вставать и одѣваться! Не надобно пудриться, берн аммуницію и ружья, и стройся!» Пошла суматоха. Мы никакъ не могли догадаться, что бы это значило, потому что этого никогда не бывало. При полной аммуниціи мы всегда пудрились; на ученье насъ не выводили такъ рано... Едва мы успѣли выстроиться, насъ повели прямо въ Собраничную Залу, и въ то же время принесли знамена (а тогда каж-

дая рота имѣла знамя). Наконецъ явился священникъ, въ полномъ облаченіи, и мы присягнули новому Императору Александру Павловичу! (*) Тутъ только узнали мы, что Государь скончался въ ночи съ 11 на 12-е Марта! Кадеты любили покойнаго Государя, и многіе изъ насъ заплакали. Графа Зубова не было на присягѣ. Послѣ присяги намъ было позволено итти со двора, на двое сутокъ.

Первому Кадетскому Корпусу предоставлена была особая честь содержать караулъ при гробѣ Императора, въ Михайловскомъ Дворцѣ, и занимать первое мѣсто при погребеніи, именно впереди и съ тыла погребальной колесницы, подъ ружьемъ, съ знаменами. Кадеты Второго Кадетскаго Корпуса шли въ черныхъ мантияхъ и распущенныхъ шляпахъ, съ фа-

(*) Тогда кадеты присягали, потому что считались въ службѣ.

келами, вокругъ колесницы. Отъ Михайловскаго Дворца, чрезъ Царицынъ Лугъ Набережною Невы до Зимняго Дворца, черезъ Исакиевскій Мостъ, Кадетскую Линію и чрезъ Тучковъ Мостъ, по Петербургской Сторонѣ, до Петропавловской Крѣпости выстроены были, по обѣимъ сторонамъ улицъ, полки гвардіи и арміи, которыя, по прошествіи погребальной процессіи, слѣдовали по взводно за нею, и выстроились за гласисомъ крѣпости, а только одинъ нашъ Корпусъ вошелъ, подъ ружьемъ, внутрь ея. Церемоніялъ былъ тотъ же, какъ при погребеніи Императора Александра Павловича.

Началась новая эпоха, новая жизнь для всей Россіи, но во внутреннемъ устройствѣ Корпуса весьма мало было переменъ до моего выпуска.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОЯСНЕНІЯ.

(1) Если бъ я писалъ мой *Воспоминанія* не въ Россіи, то не сказалъ бы слова о моемъ происхожденіи; но здѣсь я *долженъ* упомянуть о родѣ моемъ. Клевета, выродившаяся изъ враждующихъ литературныхъ партій, устремляясь на меня безпрерывно, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, въ различныхъ видахъ и образахъ, подобно баснословному Протею, не пощадила даже моего рода. Были эпиграмы и сатиры, въ которыхъ меня изображали какимъ-то безроднымъ скитальцемъ! Не могу удержаться отъ смѣха, когда добрые люди играютъ предо мной роль аристократовъ. Пусть же они узнаютъ, что я принадлежу къ древнему боярскому роду, поселившемуся въ Западной Руси, отъ незапамятныхъ временъ. Предки мои были *старшины*, какъ угодно называйте ихъ) изъ Славянскаго

племенн Булгаръ, и переселились, вѣроятно, въ слѣдствіе внутреннихъ замѣшательствъ края, на *Русь Бѣлую*, т. е. *вольную*, не подлежащую владычеству Монголовъ, гораздо прежде соединенія Литвы съ Польшею. Древнѣйшія извѣстія о нашемъ родѣ сохранились въ фамиліальныхъ преданіяхъ, а потому объ этомъ и говорить нечего. Скажу только, что предки мои, въ древности, назывались «Скандербеками» (по-Польскому пропзношенію Шкандербеками), и что «Булгаринъ» было только прозваніе, для означенія прежняго отечества; что у насъ нѣтъ однофамиліцевъ, но всѣ Булгарины (ихъ теперь весьма немного) принадлежатъ къ одному роду и племени, что всѣ они одной фамиліи и одного герба. Сперва были два гнѣзда наши, въ Волковыскомъ Уѣздѣ, Гродненской Губерніи, и въ Новогрудскомъ Воеводствѣ, а теперь Новогрудская линія кончилась на мнѣ. Въ родѣ нашемъ, за заслуги, были всегда староства, въ послѣднее время староство Яловское (пожалованное, по истеченіи срока, Геральд-Адъютанту Графу Павлу Васильевичу Кутузову), Бакуны и наконецъ амфитеутическое помѣстье Рудавка (близъ Свислочи), долженствующее быть въ родѣ нашемъ, пока онъ будетъ существовать. Этого не давали мелкой шляхтѣ!—Голубыя ленты, со времени учрежденія Бѣлаго Орла, въ родѣ нашемъ, до паденія Польши, не переводились.

лись. Все это извѣстно всѣмъ дворянамъ Западныхъ Губерній; но здѣсь я долженъ привести въ доказательство только печатное и официальное.

Въ весьма важномъ и любопытномъ историческомъ сочиненіи, на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ : *Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego, S. I. powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza, w Lipsku, 1839* (т. е. *Гербарь Польскій, Каспера Несецкаго, Іезуита, умноженный прибавленіями изъ изысканій новѣйшихъ писателей, рукописей и официальныхъ доказательствъ, Іоанномъ Непомукомъ Бобровичемъ, въ Лейпцигѣ, 1839 года*) въ второмъ томѣ, на страницѣ 360 непечатано; «*Bułgarinъ (по-Польски Bułharyn). Ten dom starodawny Kuropatnicki w § 11 o familiach rodowitey Szlachty Polskiej i W. Ks. Lit. w rzedzie nazwisk umieszcza,*» т. е. «Этотъ древній домъ, Куропатницкій (знаменитый Геральдикъ) помѣстилъ въ списокъ родовыхъ дворянъ Польскихъ и Великаго Княжества Литовскаго.» Далѣе Г. Бобровичъ помѣщаетъ имена моихъ предковъ, занимавшихъ званіе пословъ на сеймахъ или другія важныя государственныя должности. Весьма жаль, что Г. Бобровичъ, поставивъ на заглавіи книги, что онъ дополнилъ прежнихъ геральди-

ковъ собственными изысканіями изъ *рукописей* и *официальныхъ актовъ*, упустилъ изъ вида важнѣйшее собраніе *официальныхъ актовъ*, а именно *Метрику Литовскую*, при 3 мѣ Департаментѣ Прав. Сената уцѣлѣвшую, по счастію, отъ истребленія, какъ то случилось съ другими важными собраніями актовъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ Метрикѣ Литовской онъ бы нашелъ документы нашей фамиліи въ началѣ и первой половинѣ XVI вѣка, доказывающіе, что родъ нашъ былъ боярскій, при Дворахъ Князей Литовскихъ, и владѣлъ потомственно, *дѣдично*, помѣстьями. Двѣ такія грамоты, 1543 и 1546 годовъ, помѣщены мною въ № 255 Сѣверной Пчелы, 1843 года, въ доказательство, что всѣ акты въ Литвѣ, въ первой половинѣ XVI вѣка, писались по-Русски, Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, а три грамоты 1511 и 1512 годовъ, выписанныя изъ Метрикъ Литовскихъ изъ книги № 9, актъ 72, 320, книги № 28, стр. 63, сообщены мнѣ недавно и хранятся у меня. Всѣ онѣ служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что предки мои имѣли въ Литвѣ званіе бояръ при Дворѣ Князей Литовскихъ, занимали значительныя мѣста и были дѣдичами многихъ помѣстьевъ. Въ метрикѣ, вытребованной мною, въ 1831 году, изъ Минской Римско-Католической Епархіи, сказано: « Die 28 Junii, anno 1789, ego Casimirus Kamiński Curatus

Uzdensis, baptisavi Infantem filium, nomine Ioannem Thaddeum et Christophorum, natum 24 eiusdem, ex aqua, parentum Nobilium Magnificorum Dominorum Benedicti Szkanderbek de Principibus Bulgarorum Bulharyn, Vexiliferi Mozeriensis et Anielie de domo Buczynska, prima voti Meżenska, coniugum legitimorum etc.»

Далѣ слѣдуетъ поименованіе свидѣтелей. На Латинской метричѣ находится слѣдующая Русская надпись: «Оное свидѣтельство о рожденіи и крещеніи дворянина Ивана, Тааддея, Христофора, сына Венедикта Шкандербекъ изъ Князей Булгарскихъ Булгарина и Анѣли, урожденной Бучинской, въ первомъ замужствѣ Мепжинской, по сличеніи съ подлинными крестоприводными книгами Уздянскаго Костелла оказалось быть съ оными сходнымъ, о чемъ Минская Римско-Католическая Духовная Консисторія за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати свидѣтельствуется. Юня 4 дня 1831 года. Подписано: Officyał Prałat i Kawaler X. P. Rawa. Секретарь Пустановскій.» Княжеское происхожденіе рода нашего осталось въ преданіи, въ подписяхъ на старинныхъ сдѣлкахъ и на надписяхъ въ нѣкоторыхъ церквахъ въ Литвѣ; родъ нашъ вообще не искалъ признанія этого титула на Сеймѣ, будучи въ оппозиціи противу признаванія чужеземныхъ титуловъ.

Послѣ этого позволяю всѣмъ и каждому арпстократиться передо мною! Я же, по-прежнему, остаюсь братомъ каждого честнаго, благороднаго и даровитаго человѣка.

(2) Родъ Бучинскихъ, къ которому принадлежить мать моя, считаетъ въ числѣ предковъ своихъ знаменитаго Канцлера Дмитрія Самозванца, Яна Бучинскаго, вѣрившаго отъ души, что Дмитрій истинный Царевичъ. Я зналъ двухъ моихъ дядей: Предсѣдателя Гражданскаго Губернскаго Суда въ Витебскѣ и Крайчаго (т. е. Кравчаго) Великаго Княжества Литовскаго, Старосту Бабиновецкаго. Третій братъ ихъ, Янъ Бучинскій, Генералъ-Адъютантъ Польскаго Короля Станислава Августа (Понятовскаго), послѣ раздѣленія Польши удалился во Францію, продавъ все свое имѣніе, и умеръ въ Парижѣ. Взятая имъ съ собою значительная сумма денегъ пропала безъ вѣсти. Я видѣлъ только его портретъ, въ бѣломъ кунтушѣ и маляновомъ жупанѣ. Великолѣпный нарядъ! Въ домѣ Крайчаго Бучинскаго я видѣлъ множество драгоценныхъ вещей, оружія, конскихъ приборовъ въ серебрѣ и золотѣ, чапраковъ шптыхъ жемчугомъ и много разной старинной серебряной посуды. Все это досталось роду Бучинскихъ послѣ Канцлера Яна Бучинскаго. Имѣніе и вся движимость перешли къ

послѣднему въ этомъ родѣ Бучинскихъ (герба Стремя), Маіору Русской службы Роху Бучинскому (потомъ Маршалу Оршанскому), который умеръ холостъ, раздавъ имѣніе, разными сдѣлками и обязательствами, своимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, называвшимъ его при жизни папенькой.

(3) Въ сочиненіи моемъ: *Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*, во 2-й части *Исторіи*, на стр. 337 упомянуто, что значительная часть этого имѣнія отдана за поголовщину фамиліи Узловскихъ. Дѣдъ мой, въ спорѣ, убилъ изъ ружья помѣщика Узловскаго, и по Статуту Литовскому долженъ былъ заплатить *виру* (см. Русскую Правду Ярослава), т. е. *поголовщину*. Въ Исторіи я привелъ этотъ примѣръ въ доказательство, что въ Статутъ Литовскій вошло много изъ Русской Правды Ярославовой.

(4) Отецъ мой также находился при войскѣ Костюшки, съ собранною имъ дружиною. Но Костюшко, по старымъ фамильнымъ связямъ и по письмамъ моей матери, не хотѣлъ подвергать его опасностямъ, убѣдясь въ пыкости его характера. Костюшко уговорилъ отца моего принять званіе Военно-Гражданскаго Коммиссара.

(5) Всѣ военные люди знаютъ, что *залога* называется одинъ или нѣсколько солдатъ, оставаемые въ селѣ или усадьбѣ, съ письменнымъ видомъ отъ начальника отряда или даже отъ главнокомандующаго, для предохраненія жителей страны, гдѣ происходитъ война, отъ грабежей и насилій, производимыхъ мародерами. Если нельзя оставить *залогу*, то дается *охранительный листъ*.

(6) Польская панна въ домѣ, это существо, известное въ одной Польшѣ. Панаа обыкновенно бываетъ изъ бѣдныхъ шляхтянокъ и исправляетъ званіе камеръ-юнгферы, компаніонки, даже служанки (только изъ любви къ господамъ своимъ); садится за столъ съ семействомъ хозяина, и обыкновенно служитъ цѣлью его шутокъ на счетъ женскаго пола вообще. Вѣрность и услужливость ихъ удивительныя! Теперь уже переводятся настоящія панны.

(7) Мать моя была въ первомъ замужствѣ за помѣщикомъ Менжинскимъ, и имѣла съ нимъ троихъ дѣтей: сына Іосифа, служившаго сперва въ Конной Гвардіи, потомъ Ротмистромъ въ Конно-Польскомъ Полку и адъютантомъ при Графѣ Паленѣ, и умершаго отставнымъ Маіоромъ Лубенскаго Гусарскаго Полка; дочерей: Елисавету, быв-

шую въ замужствѣ за Ст. Совѣтн. Степаномъ Филимоновичемъ Погоржельскимъ, и Антонину, бывшую въ замужствѣ за Дѣйств. Ст. Совѣтн. Александромъ Михайловичемъ Искрицкимъ. Отецъ мой также имѣлъ дѣтей отъ перваго брака: сына Михаила и дочь Маріану, бывшую въ первомъ замужствѣ за помѣщикомъ Корейвой, а во второмъ за помѣщикомъ Гласко. Отъ втораго брака моихъ родителей остался я одинъ. Всѣ упомянутыя здѣсь лица умерли.

(8) Губернаторомъ назывался въ Польшѣ управитель у богатаго помѣщика или пана, имѣвшаго своихъ надворныхъ солдатъ, а на Украинѣ надворныхъ казаковъ и замокъ, или крѣпостцу. Губернаторъ управлялъ городишкомъ, въ которомъ находился замокъ, и окрестными помѣстьями, и въ случаѣ нашествія непріятеля или междоусобной войны обязанъ былъ защищать замокъ.

(9) На томъ основаніи, что въ Польшѣ и Западныхъ Губерніяхъ находится много мелкой, бѣдной и необразованной шляхты, изъ которыхъ многіе не могли доказать бумагами своего шляхетскаго происхожденія, нынѣ слово *шляхтиць* принимается въ видѣ унижительномъ, и многіе воображаютъ, что *шляхтиць* не то, что дворянинъ, а ниже. — Шляхетство, напротивъ, было

(*высшее званіе* въ Польшѣ, и, отъ Короля до безпомѣстнаго шляхтица, всѣ почитали высочайшимъ блаженствомъ *шляхетское сокровище* (kleypod Szlachetski). Народная поговорка гласить: шляхтиць на огородѣ, равенъ воеводѣ (Szlachcic na ogrodzie, równy woiewodzie). Бѣдный и богатый шляхтиць, князь и его конюшій изъ шляхетскаго рода, были равны въ правахъ.

Каждому, хотя нѣсколько знакомому съ Исторіею бывшей Литвы и Польши, извѣстно, что встарину тамъ не выдавали *дипломовъ* или *грамматъ* на дворянство или *шляхетство*, но что это отличіе, бывъ принадлежностью древнихъ старшинъ Славянскаго Западнаго племени отъ незапамятныхъ временъ, наконецъ, при устройствѣ Монархій, перешло въ наименованіе высшаго сословія. Въ послѣдствіи, чужеземцамъ на Сеймахъ давали права Польскаго шляхетства, и это называлось *индигенатомъ*, и возводили туземцевъ въ шляхетство за отличныя заслуги, что называлось *нобилитаціей*. Протоколы, вмѣщающіе въ себѣ постановленія Сейма, назывались *конституціями*. Весьма многіе историки и понынѣ не умѣютъ объяснить происхожденія слова *шляхтиць*, и думаютъ, что это Нѣмецкое слово: Schlacht-Schütz, т. е. *военный или боевой стрѣлокъ*. Это истолкованіе вовсе несправедливо. При глубокомъ изслѣдованіи исто-

рических псточниковъ Славянскаго и Германскаго племень, по ихъ языку и по древнимъ обычаямъ, можно догадываться, что Германь и Славяне, въ предъисторическую эпоху, или составляли одно родственное племя, или были между собою въ весьма близкихъ сношеніяхъ и всегдашнемъ сосѣдствѣ, по сю и по ту сторону Кавказскихъ Горъ, чрезъ которыя они пришли въ Европу изъ Азіи. Званіе *людиновъ*, существовавшее у Славянъ и у Германцевъ (*Luti*), и званіе *мужей* Славянскихъ, находящееся въ Нѣмецкомъ языкѣ (*Mensch*, а по-Польски *meż*), доказываютъ древность сношеній или обоюдныхъ заимствованій этихъ племенъ. Древніе Славяне раздѣлялись на *роды*, какъ Германь на *Geschlechte*. И такъ, *шляхетство*, есть тоже, что *Geschlecht*: *родъ*, *фамилія*. Въ Польшѣ нельзя было писать офиціально иначе, какъ *урожденному* (*urodzonemu*), по-Латыни *generosus*, такому-то, какъ по-Нѣмецки *Geboren* и *Wohlgeboren*. Это не означаетъ *рожденному отъ жены*, но принадлежащему къ *роду*, т. е. къ *фамиліи* такой-то, по-Латыни *genus*. Людямъ не шляхетскаго происхожденія писали: *славетному* (*slawetnemu*), т. е. извѣстному, приобрѣвшему имя, репутацію, по-Латыни *famatus*. *Дворяниномъ* (*Dworzaniin*) назывался въ Польшѣ и во всей Западной Славянщинѣ *шляхтицъ*, служащій при Дворѣ Королевскомъ

или при Дворѣ Удѣльнаго Князя и вельможи. Важность человѣка зависѣла не отъ мѣста, а отъ происхожденія, *шляхетства*. Слово *дворянинъ*, для означенія человѣка благороднаго происхожденія, въ Россіи утвердилось оттого, что дѣти боярскіе и вообще всѣ люди, владѣвшіе населенными землями, должны были проживать известное время *при Дворѣ Великихъ Князей*, чтобъ быть на лицѣ, готовыми для употребленія на различныя общественныя службы. Въ послѣдствіи и бояре, и всѣ званія благородныя слились вмѣстѣ, подъ общимъ наименованіемъ *дворянства*. И въ Россіи недавно стали выдавать *дипломы* или *грамоты* на дворянство. Встарину, въ Россіи, благородное происхожденіе доказывалось точно такъ же, какъ и въ Польшѣ, службами и владѣніемъ помѣстьями. Въ Польшѣ это было *всегда*, до самаго ея паденія. Только одна шляхта имѣла право владѣть населенными помѣстьями, служить въ земской службѣ и приобрѣтать званія гражданскія и придворныя. Въ Польшѣ, нешляхетскаго рода человѣку совершенно невозможно было владѣть помѣстьемъ, потому что каждый шляхтицъ могъ бы его выгнать, а если бъ не шляхтицъ явился на Сеймики (или выборы въ гражданскія званія и въ послы на Сеймъ), то шляхта изрубила бы его въ куски, на мѣстѣ. Въ воеводствахъ (гу-

берніяхъ) и повѣтахъ (уѣздахъ) хранились шляхетскія книги или списки: палладіумъ шляхетскаго сословія, подъ надзоромъ маршаловъ (то же что Дворянскихъ Предводителей), и горе тому, кто бы дерзнулъ вписать въ книгу недворянина: онъ преданъ былъ бы позору, и изгнанъ или изрубленъ шляхтой. Всѣ лица шляхетскаго происхожденія (*urozdzonye*, *urodzonye*) почитались равными между собою. и Короли Польскіе не имѣли права жаловать шляхту князьями, графами или баронами. Только одни Князья Рюрикова и Гедемінова рода сохраняли княжеское званіе и такихъ родовъ было весьма немного. Сеймы, такъ же какъ и Короли, не давали званій, возвышающихъ одинъ родъ надъ другимъ. При Польскомъ Королѣ Іоаниѣ Казимирѣ (отъ 1649 до 1668 года) постановлено было, чтобъ въ Польшѣ только тѣ роды пользовались княжескимъ достоинствомъ, которымъ оно подтверждено Сеймами до настоящаго времени. Такъ, напримѣръ, фамилія Лиздейко, происходящая отъ первосвященниковъ идолопоклоннической Литвы, принявшая прозваніе Радзивиловъ, приобрѣла Княжество Римской Имперіи, а позже фамилія Сапѣговъ, Любомирскихъ и другіе знатные шляхетскіе роды. Графскаго достоинства въ Польшѣ никогда не бывало. Пзвѣстное число *ключей*, т. е. помѣстьевъ, съ мѣстечкомъ или

городнишкомъ, съ правомъ помѣстнаго суда или *юрисдикціей*, и обязанностью выставлять извѣстное число вооруженныхъ людей на войну, получали названіе *Hrabstwa* и владѣлецъ его до тѣхъ поръ назывался *Hrabiem*, *Hrabia*, *Грабя*, пока владѣль *Грабствомъ*. Но это было отнюдь не почетное званіе, не титулъ, какъ и теперь. Владѣльцы *Грабствъ* подписывались: такой-то «Грабя на томъ-то (назвавъ помѣстье), напримѣръ: Янъ Тышкевичъ, Грабя на Биржахъ. Встарину, при Ягеллахъ, въ Польшѣ была одна только фамилія Мышковскихъ, имѣвшая титулъ Маркграфовъ, полученный отъ Римскаго Императора. Король Сигизмундъ II, будучи самодержавнымъ въ Литвѣ, своемъ родовомъ княжествѣ, далъ графскій титулъ Карлу Ходкевичу, за побѣды надъ Шведами, въ Лифляндіи, и это единственный примѣръ въ Исторіи Польши и Литвы. Актъ этотъ отысканъ недавно въ Литовской Метрицѣ, находящейся при 3-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, ученымъ Правовѣдцемъ, Метрикантомъ Дѣйств. Ст. Совѣтн. Францомъ Семеновичемъ Малевскимъ. Въ послѣднее время, когда графоманія овладѣла Польскою шляхтою, и каждый, въ подражаніе Французскимъ эмигрантамъ, хотѣлъ быть *Comte*, многія старинныя фамиліи просили у иностранныхъ Дворовъ подтвержденія этого титула, на томъ основаніи, что

въ актахъ Князей Мазовецкихъ и другихъ документахъ предки ихъ назывались *Comites*. Значеніе этого слова тогда не изслѣдовано. Оно означаетъ просто *товарища*, т. е. война, въ королевской или княжеской дружинѣ. И теперь настоящее значеніе этого слова сохранилось въ Польскомъ разговорномъ языкѣ: *провести время въ хорошей компаніи* значитъ провести время въ пріятномъ, *дружномъ обществѣ*. При совершенномъ упадкѣ Польши, при Королѣ Станиславѣ Понятовскомъ, Сеймы начали признавать шляхтѣ иностранныя титулы, и множество семействъ приобрѣло Графство въ Австріи, въ Италіи и въ другихъ владѣніяхъ, а нѣкоторые даже безъ всякаго права назвались графами, и удержали этотъ титулъ, когда ихъ называли такимъ образомъ въ офиціальныхъ бумагахъ, безъ всякихъ справокъ. Наконецъ дошло до того, что каждый достаточный Польскій шляхтичъ, внѣ своей родины, назывался Графомъ! Между тѣмъ люди, которые и имѣли право на титулы, не приняли ихъ, и, въ слѣдствіе своихъ политическихъ мнѣній, противились на Сеймахъ ихъ введенію. Весьма многія семейства, ведущія свой родъ болѣе по преданіямъ, нежели по документамъ (а какіе могли быть документы въ Польшѣ, безпрерывно опустошаемой непріятелями! Подписывались: такой-

то, изъ *Князей Русскихъ* или изъ *Князей Литовскихъ*, и т. п.), какъ, наиримѣръ, *Огинскіе*, *Пузины*, *Полубинскіе* и другіе. Кромѣ фамильнаго прозванія, старинныя фамиліи имѣли такъ называемый *придомокъ* (przydomek), что можно перевести: *родозъказаніе*, т. е. указаніе, изъ какого рода или дома происходитъ фамилія. Придомокъ нашей фамиліи: — *Скандербекъ*.

(10) Павелъ Булгаринъ былъ весьма замѣчательное лице въ своей провинціи. Въ древней Польшѣ высшія инстанціи для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ были Трибуналы: Литовскій и Коронный. Коронный Трибуналъ имѣлъ засѣданія свои въ *Піотрковѣ* и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а Литовскій попеременно въ *Вильнѣ*, въ *Гроднѣ* и *Минскѣ*. На рѣшенія Трибунала не было апелляціи, слѣдовательно жизнь, честь и имущество гражданъ ввѣрялось членамъ этого судилища, избираемымъ шляхтой (т. е. дворянствомъ) изъ самыхъ честныхъ и значительныхъ помѣщиковъ. На двадцать пятомъ году отъ рожденія, Павелъ Булгаринъ, имѣя уже званіе Подкоморія Лetichevскаго, былъ избранъ въ Маршалы Литовскаго Трибунала (болѣе нежели въ Предсѣдателя), важнѣйшее по существу званіе, по части Правосудія въ государствѣ. Это было ранѣе *Костюшковскаго* возстанія. Маршалъ

Трибунала имѣлъ почетную гвардію, съ знаменемъ, и пользовался высокими почестями вездѣ, гдѣ проживалъ. Вступивъ въ должность, Павелъ Булгаринъ нашелъ въ Гродненской и Виленской тюрьмахъ много преступниковъ изъ Евреевъ, осужденныхъ на смертную казнь, которая отложена была безсрочно, по слабости двухъ его предшественниковъ. Павелъ Булгаринъ велѣлъ немедленно привести въ исполненіе всѣ прежнія рѣшенія. Еврейскіе кагалы сложили огромныя суммы денегъ, до ста тысячъ червонцевъ, или около милліона двухъ сотъ тысячъ рублей ассигн., по тогдашнему курсу, и предложили эти деньги Павлу Булгарину, чтобъ онъ только не исполнялъ приговора, потому что въ числѣ преступниковъ было нѣсколько весьма богатыхъ и значительныхъ Евреевъ, присужденныхъ на смерть за разныя преступленія, а между прочимъ за подговариваніе Польскихъ солдатъ къ побѣгамъ и доставленіе имъ средствъ къ переходу въ Пруссію, гдѣ ихъ помѣщали въ полкахъ. Это, въ послѣднее время, составляло родъ торговли, и нѣкоторыхъ солдатъ высокаго роста даже насильно перевозили за границу, напоивъ до-пьяна. Павелъ Булгаринъ взялъ деньги и отдалъ ихъ на богоугодныя заведенія, а преступниковъ велѣлъ казнить. Нѣсколько десятковъ ихъ было казнено въ одно время въ Виль-

нѣ и Гроднѣ. Это навело ужасъ на Литовскихъ Евреевъ, и они предали весь родъ Булгариныхъ *хериму*, т. е. проклятію. Въ слѣдствіе *херима* ни одинъ Еврей не смѣлъ служить ни одному Булгарину. Отецъ мой рассказывалъ, что пріѣхавъ около этого времени въ Гродно, онъ позвалъ цирюльника (а цирюльниками тогда во всей Польшѣ были Евреи), и когда онъ началъ брить отца моего, вошелъ къ нему пріятель, и сказалъ: «Здравствуй, Булгаринъ!» Лишь только Еврей услышалъ это названіе, бросилъ бритву на полъ и, оставивъ весь свой снарядъ, убѣжалъ опрометью за двери. Жида схватили на улицѣ, и тогда только узнали о *херимѣ*. Въ послѣдствіи, когда Павелъ Булгаринъ въ весьма важномъ дѣлѣ (а именно въ ложномъ обвиненіи Евреевъ, будто они убиваютъ Христіанскихъ дѣтей, чтобъ имѣть кровь для печенія опрѣсноковъ, или мацы) защитилъ Евреевъ и доказалъ всю несправедливость подобнаго обвиненія, Еврейскіе кагалы сняли *херимъ* съ нашего рода, и даже послали къ Павлу Булгарину депутацію, публично благодарить его за правосудіе. Павелъ Булгаринъ справлялъ отлично свою обязанность Трибунальнаго Маршала, и за это получилъ нѣсколько благодарственныхъ писемъ отъ Великаго Канцлера Литовскаго, Князя Сапѣги, и самого Короля, который надѣлъ на него ленту Бѣлаго Ордена, въ полномъ собраніи Сейма, и далъ дигни-

тарское званіе подконюшаго (т. е. шталмейстера) Великаго Княжества Литовскаго. Все это напечатано въ просьбѣ Павла Булгарина, поданной въ 1817 году, въ Виленскую Гражданскую Палату, во время тяжбы съ Полковникомъ Парчевскимъ. Дѣло это было и въ Правительствующемъ Сенатѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ, слѣдовательно и просьба должна храниться въ архивахъ. У меня сохранилось нѣсколько печатныхъ экземпляровъ. Павелъ Булгаринъ проживалъ по дѣлу своему пять лѣтъ въ Петербургѣ, отъ 1821 до 1826 года, и всѣ тогдашніе мои друзья-литераторы знали его, любили и уважали. Изъ нихъ остался теперь одинъ только Н. И. Гречъ, а насъ иногда собиралось за столомъ болѣе двадцати человѣкъ! Павелъ Булгаринъ былъ человѣкъ умный, благородный, честный въ высшей степени, и имѣлъ самый свѣтлый образъ мыслей. Онъ былъ вторымъ моимъ отцемъ!

(11) Въ древней Польшѣ, гдѣ все зависѣло отъ выборовъ, слѣдовательно отъ числа друзей, всѣ члены одной фамиліи, которая хотѣла имѣть значеніе, держались дружно и составляли родъ Шотландскаго клана, выбирая между собою старшину, которому безусловно повиновались, обязываясь притомъ во всемъ помогать членамъ

своей фамилии и друзьямъ ея. Въ мое время (отъ 1806 до 1811 годѣ) главою нашей фамилии былъ Михаилъ Булгаринъ, Цисарь Земли Волковыской (тоже что Канцлеръ), посолъ на Сеймъ (1773 — 1775), описанномъ Пѣмцевичемъ въ жизни Рейтана, въ Варшавскомъ журналѣ *Сивилла Надвислянская*, гдѣ Михаилъ Булгаринъ превозносится, какъ примѣрный и неустрашимый гражданинъ, и наконецъ былъ членомъ финансовой комиссiи и совѣтникомъ въ Постоянномъ Совѣтѣ (*konsyliarzem rady nieustajacey*) въ 1776 и 1778 годахъ. (См. *Herbarz Bobrowicza*). Теперь эти кланы не существуютъ.

(12) Que l'homme laborieux et pauvre ne peut mieux servir son pays qu'en remplissant bien ses devoirs envers sa famille ; qu'il ne peut pas contribuer d'une manière plus efficace au bien de la patrie, qu'en la dotant d'enfans qui lui seront utiles un jour, et s'il n'est pas marié, en donnant l'exemple d'une bonne conduite. Que sa part dans le gouvernement du pays doit être d'obéir aux lois, et d'administrer avec amour et avec charité son petit ménage, qui doit être son royaume. La meilleure, la seule réforme qu'il puisse opérer, est celle du foyer domestique. Que les meetings les plus profitables pour lui sont ceux

qu'il tient au milieu de sa propre famille; ses meilleurs discours, ceux qui tendent à amener la paix sur la terre, et la bienveillance envers tout le genre humain. Que ses meilleures pétitions sont celles qu'il adresse avec un cœur contrit au roi des cieux, qui ne les méprisera point; et celles qu'il présente aux princes de la terre pour obtenir d'eux par des voies pacifiques des améliorations pour ses frères qui souffrent. Veut-il triompher? qu'il apprenne à souffrir. Veut-il être un héros? qu'il se maîtrise lui-même. Veut-il gouverner? qu'il apprenne à obéir. (*Mémoires d'un radical, Revue Britannique, 5me série, tome 26, Mars, 1845*).

(13) Степанъ Филимоновичъ Погоржельскій, честный, умный и благородный человекъ служилъ при лицѣ знаменитыхъ поэтовъ, бывшихъ Министрами Юстиціи, Державинѣ и Дмитріевѣ, и пользовался ихъ довѣренностью. Онъ много мѣ о нихъ рассказывалъ. По разстроенному на службѣ здоровью, онъ принялъ мѣсто Прокурора въ благорастворенномъ климатѣ, Подольской Губерніи, и тамъ скончался.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАЗДНЕСТВЪ ЕКАТЕРИНИНСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(Изъ Спб. Акад. Вѣдомостей 1776 года, № 104 и 1779 года, № 55).

I.

Описаніе праздника, даннаго Генераль-Прокуроромъ Княземъ Александромъ Алексѣвичемъ Вяземскимъ, 10 Декабря, 1776 года.

Въ половинѣ 6-го часа прибыли Императрица съ Наслѣдникомъ Престола. Играла комедія: *Les folies amougeuses*, въ коей дѣйствующими лицами были: двѣ дочери Генерала Григорія Николаевича Тешлова, Наталія и Марія, Графъ Вахмейстеръ, Князь Александръ Никитичъ Трубецкой, и за болѣзнію Петра Васильевича Мятлева, актеръ Придворнаго Театра Дюге.

По окончаніи спектакля, старшая семилѣтняя дочь Князя Александра Алексѣвича, вышедъ на сцену, говорила рѣчь.

По окончаніи рѣчи представленъ былъ балетъ *Пигмалионъ*, продолжавшійся 10 минутъ; въ немъ, танцовали артисты придворнаго театра Варвара Михайловна и Тимоѳей Бубликовъ. За балетомъ слѣдовала комическая опера: *La Servante maîtresse*, представленная дѣвицами Наталіею и Маріею Тензовыми. Въ оркестрѣ главное участіе принимали: Графъ Бриль, Алексѣй Григорьевичъ Тензовъ, Князь Хованскій и Маіоръ Яворскій. Оркестромъ управлялъ Графъ Штенбокъ, который сочинялъ и музыку къ означеннымъ піесамъ.

Послѣ того былъ балъ. Государыня играла въ карты, а въ 9 часовъ съ четвертью розданы были билеты для ужиннаго стола, поставленнаго слѣдующимъ образомъ:

Посреди осмугольной залы, на кругломъ столѣ возвышался великолѣпный Египетскій обелискъ съ серебрянымъ щитомъ, украшеннымъ лавровыми вѣтвями, съ вензловымъ именемъ Императрицы. Подлѣ пьедестала обелиска изображена была Россія, окруженная трофеями и законами, а на пьедесталѣ была надпись:

Прострите взоръ сюда о вы, Парнасски боги!
 Лучь солнца! воцарись во здѣшніе чертоги;
 Въ нихъ новы алтари въ сей день соружены:
 Се наше Божество, Мать Росскія страны!

Здѣсь каждый сердце Ей и душу посвящаетъ,
Съ Маріей Павла зря всякъ радость ощущаетъ!

По сторонамъ обелпска рѣки : Нева, Волга, Днѣпръ и Донъ представлены были каждая съ своими атрибутами, и испускали изъ урнъ воду, которая падала въ круглый бассейнъ съ 18-ю фонтанами; кругомъ бассейна изображены были четыре времени года : весна, лѣто, осень и зима. Столъ убранъ былъ лентами, гирляндами и букетами изъ драгоцѣннѣйшихъ цвѣтовъ; по сторонамъ еще четыре стола, съ такимъ же изяществомъ убранные. Освѣщеніе комнатъ было великолѣпное. Во время стола играла музыка: четыре оркестра. На дворѣ, по колоннадамъ, на крыльцѣ, въ сѣняхъ и на улицѣ было иллюминировано болѣе 7000 шкальчиковъ и плашекъ. Послѣ танцевъ, продолжавшихся до 11 часовъ вечера, Императрица съ Наслѣдникомъ отправились во Дворецъ.

II.

*Праздникъ у Оберъ-Шталмейстера Высочайшаго
Двора, Льва Александровича Нарышкина.*

26 Іюня 1779 года, по полудни въ 7 часовъ, Императрица прибыла изъ Петербурга на дачу Оберъ-Шталмейстера Л. А. Нарышкина, Ле-

венталь. Во время прогулки Ея Величества по дачѣ, въ полуторѣ верстахъ отъ сей послѣдней, на правой сторонѣ дороги, на лугу, представилась Ея глазамъ Фламандская картина. При семъ зрѣлищѣ Ея Величество, оставивъ экипажи, изволила шествовать пѣшкомъ, по сдѣланной въ лѣвой сторонѣ дорожкѣ, ведущей къ густому и едва проходимому лѣсу. И какъ не представлялось тамъ впереди ни какого слѣда и приготовительнаго вида, то казалось, что надлежало уже назадъ возвратиться; но вдругъ, по знаку хозяина, къ нечаянному удивленію, раздѣлился лѣсъ, и впереди представился прекрасный домикъ, въ которомъ приготовлены были разные фрукты и прохладительные напитки; въ окружности же, среди лѣса, въ разныхъ мѣстахъ, раздавалась на разныхъ инструментахъ пріятная музыка. Ея Величество благоволила принять въ семъ домикѣ отдохновеніе. Въ возвратномъ пути изъ онаго тою же дорожкой, въ лѣвой сторонѣ примѣчена была, сквозь густоту лѣса, нѣкая простая хижина, покрытая соломой, которую Ея Величеству угодно было также видѣть. Въ началѣ въ ней не представилось ничего, кромѣ обитающаго старика, въ простотѣ сельской жизни; но вновь, по знаку хозяина, нечаянно хижина распалась, а за нею явился другой, построенный въ сельскомъ вкусѣ пригожій

домикъ. Ея Величество благоволила и оный видѣть, и пробывъ тамъ немного, возвратилась въ домъ хозяина. Потомъ еще изволила шествовать въ лежащую ко возморью рощу, при входѣ которой, въ лѣвой сторонѣ, на островѣ пруда, явилась пустыня, устроенная въ Китайскомъ вкусѣ изъ мрамора». Въ 10 часовъ съ половиною того же вечера Императрица отправилась въ Петергофъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Первые воспоминанія дѣтства. — Разбойники и освободители. — Вѣрный очеркъ тогдашнихъ Польскихъ нравовъ. — Первое знакомство съ Русскими войнами	1
II. Старинный Польскій дорожный поѣздъ. — Побѣдитель Костюшки Графъ Ферзень. — Первое собственное оружіе. — Жизнь Русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. — Польки. — Испугъ. . .	36
III. Характеристическій очеркъ послѣдней эпохи древней Польши. — Иезуиты. — Шляхетскіе анекдоты. — Попытки Спартанскаго воспитанія	67
IV. Внезапное и неожиданное бѣдствіе. — Странное сватовство. — Взглядъ на тогдашнюю природу и состояніе то-	

гдашней Литвы — Освобождение. — За-
вѣздъ, или *expulsia et violentia*.

Изгнанники 106

V. Старина. — Разсказъ современницы о
Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ. — Зна-
менитый гарниецъ жемчуга. — Пересе-
ление въ Бѣлоруссію. — Дань благо-
дарности первому учителю — Пересе-
ление въ Петербургъ 142

VI. Петербургъ за полвѣка предъ симъ —
Наружный видъ столицы. — Обще-
ство. — Вельможи Двора Императрицы
Екатерины II. — Быстрыя перемѣны
и преобразованія въ Царствованіе Им-
ператора Павла Петровича. — Поляки
въ Петербургскомъ высшемъ обще-
ствѣ. — Опреѣленіе мое въ Сухопут-
ный Шляхетный Кадетскій Корпусъ. 191

VII. Сухопутный Шляхетный Кадетскій
Корпусъ. — Малолѣтнее отдѣленіе. —
Роты. — Крещеніе въ Русскую Вѣру. —
Мои страданія и освобожденіе. — Офи-
церы и учителя. — Воспоминанія о
Графѣ Ангальтѣ. — М. А. Кутузовъ.
Ө. И. Клинггеръ. Графъ М. П. Ламс-
дорфъ. Графъ Платонъ Александро-
вичъ Зубовъ. — Посѣщеніе Корпуса
Императоромъ Павломъ Петрови-

чемъ. — Бывшій Король Польскій Станиславъ Августъ Понятовскій. — Смерть Суворова. — Кончина Импе- ратора Павла Петровича. — Его по- хороны.	243
Поясненія	307
Приложенія	328

Характеристика празднествъ Екатеринин-
скихъ временъ. I. Описаніе праздника,
даннаго Генераль-Прокуроромъ Княземъ
Александромъ Алексѣевичемъ Вязем-
скимъ, 10 Декабря, 1776 года. II. Празд-
никъ у Оберъ-Шталмейстера Высочай-
шаго Двора, Льва Александровича На-
рышкина, 26 Іюня, 1779 года.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
5800 S. UNIVERSITY AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60637
TEL: 773-936-3700
FAX: 773-936-3701
WWW: WWW.CHEM.UCHICAGO.EDU

ВОСПОМІНАНІЯ

ОАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

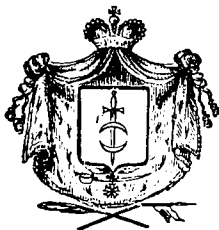
ВОСПОМИНАНІЯ ОАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ОТ РЫВКИ

ИЗЪ ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И
ИСПЫТАННАГО ВЪ ЖИЗНИ.

«Отцы и братіе! еже си гдѣ описалъ или
переписалъ или не дописалъ, чтите, вс-
правдавая Бога для, а не кланте!»

(Послѣсловіе въ Лѣтописи Нестора)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе Д. М. Ольхина.

САНКТЕТЕРБУРГЪ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 1845 года, Октября 6.

Ценсоръ *Никитенко.*

ВОСПОМНЕНИЯ.

I.

Порывъ общаго мнѣнія. — Реакція. — Новая форма и новыя моды. — Перемены въ корпусѣ. — Якорь спасенія или наставникъ, другъ и благодѣтель. — Русская литература въ корпусѣ. — Первый успѣхъ, щедро вознагражденный. — Новая жизнь. — Литературныя идеи. — Корпусныя знакомства. — Баронъ Пванъ Пвановичъ Дибичъ. — Три брата Князя (Ducs) де Броглю. Саша Клипгеръ. — Поэтъ Крюковской. — Пробужденіе страсти къ авторству. — Характеристическія черты Барона П. П. Дибича. — Музыка необходима военному человѣку. — Церковный пѣвчій. — Отчаяніе матери. — Празднованіе столѣтія

Ч. II. I

ПЕТЕРБУРГА. — ПЕРЕМѢНЫ ВЪ КОРПУСѢ. — ЧТО
ВСЕГО БОЛѢЕ СПОСОБСТВОВАЛО НАШЕМУ УМСТВЕН-
НОМУ РАЗВИТІЮ.

Хотя я былъ очень молодъ при всту-
пленіи на престолъ Императора Алексан-
дра Павловича, но впечатлѣнія, произве-
денныя во мнѣ всѣмъ видѣннымъ и слы-
шаннымъ, столь сильно подѣйствовали
на меня, что это великое событіе оста-
лось навсегда свѣжимъ въ моей памяти.
Самому (Тациту не достало бы красокъ
для изображенія той живої картины об-
щаго восторга, который овладѣлъ серд-
цами при вѣсти о воцареніи обожаемаго
Александра! Еще будучи Наслѣдникомъ
Престола, онъ жилъ единственно для
добра, для утѣшенія несчастныхъ и для
покровительства всего высокаго и благо-
роднаго. Скромность его, благодушіе,
въжливость и деликатность въ обхожде-
ніи превозносимы были во всѣхъ сосло-

віяхъ. Всѣмъ было извѣстно, что съ высокими понятіями о правосудіи и государственномъ устройствѣ, онъ любилъ науки, литературу, художества и уважалъ занимающихся ими. Доброта сердца его была неисчерпаема! Въ манифестѣ своемъ о вступленіи на престолъ, юный Императоръ объявилъ, что намѣренъ управлять Россіей: «въ духъ въ Божь почивающей бабки Своей, Императрицы Екатерины II,» — и эти слова, какъ электрическій ударъ, потрясли всѣ сердца! Сенатская Типографія не успѣвала печатать манифеста; онъ былъ въ рукахъ у всѣхъ и каждаго; его читали, перечитывали, лобызали, орошали слезами, и рассылали во внутренность Россіи къ друзьямъ и роднымъ. Знакомые обнимались и цѣловались на улицъ, какъ въ первый день Свѣтлаго Праздника, поздравляя другъ друга съ новымъ Государемъ, котораго обожали прежде, чѣмъ онъ взялъ

въ руки бразды правленія, и на которомъ опочивали всѣ надежды. Во всѣхъ семействахъ провозглашали тосты за его вожделѣнное здравіе; церкви наполнены были молещницами. Народъ толпился на Дворцовой Площади, чтобъ видѣть ангельскій ликъ своего Государя, въ чертахъ котораго живо изображались кротость, милосердіе и человѣколюбіе, которымъ онъ не измѣнилъ до конца своей жизни. Радостныя восклицанія повсюду встрѣчали и сопровождали его. Во всей исторіи рода человѣческаго едва ли есть нѣсколько примѣровъ подобной общей радости, и весьма немногіе государи вступали на престолъ при такихъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, при такихъ обильныхъ надеждахъ!...

Въ короткое время появились измѣненія въ военной формѣ и въ одеждѣ частныхъ лицъ. Помню, какъ теперь, удивленіе наше, когда Поручикъ нашей ро-

ты, Бабинъ, явился безъ пуклей, съ небольшою косою, перевязанною въ полворотника, съ волосами, спущенными на лобъ (называемыми тогда *эсперансами*), въ короткихъ сапогахъ, вмѣсто штиблетъ. Намъ казалось это удивительно хорошо! При отступленіи отъ прежней формы, появилась *военная мода* въ прическѣ, повязкѣ галстука, ношеніи шляпы и шпаги — и первымъ щеголемъ, тогда, по гвардіи, былъ плацъ-маіоръ И. С. Горголин. Во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, малыхъ и великихъ, при быстрой реакціи наступаютъ крайности. Прусская форма времени Фридриха Великаго чрезвычайно не правилась послѣ прежней покойной и удобной формы, составленной для войска Княземъ Потемкинымъ — Таврическимъ, и потому теперь, при новой формѣ, все было преувеличено, какъ будто для того, чтобъ скорѣе забыть прошлое. Вмѣсто чрезвычайно низкихъ офицер-

скихъ шляпъ, введены огромныя, высокія шляпы, съ черными султанами (въ кавалеріи съ бѣлыми); вмѣсто отлогого воротника, лежавшаго на спинѣ, стали носить превысокіе воротники до самыхъ ушей; вмѣсто широкихъ и длинныхъ фалдъ мундировъ, мундиры были короткіе и съ фалдочками въ два пальца. Пале-
вый цвѣтъ нижняго платья замѣненъ бѣлымъ. Пудра и косы не были отмѣнены, но прическа совершенно измѣнилась. Щеголи сбивили волосы на верху головы (тупей), и всю красу поставляли въ вискахъ (*oreilles de chien*), *эсперансахъ* и широкой, короткой косѣ. Черныя галстуки подвязывали высоко. Статскіе стали носить снова круглыя шляпы и Англійскіе фраки, вмѣсто Французскихъ кафтановъ стариннаго покроя. Шелковыя ткани уже не употреблялись для фраковъ. Фраки были съ откиднымъ воротникомъ и клапанами на груди. Первый, появившійся по но-

вой Парижской модъ à l'incroyable, былъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, (*) возвратившійся изъ Парижа немедленно послѣ кончины Императора Павла Петровича, съ депешами отъ Тайнаго Совѣтника Колычева, находившагося тамъ для составленія пунктовъ мирнаго трактата съ Франціею. Народъ бѣгалъ на улицахъ за М. Л. Магницкимъ и любовался его нарядомъ. Онъ имѣлъ, вмѣсто трости, огромную сучковатую палицу (**), называвшуюся въ Парижѣ droit de l'homme; шея его была окутана огромнымъ платкомъ, что называлось *жабо*. При фракахъ статскіе пудрилисъ такъ же, какъ и военные. Показать въ люди безъ пудры означало тогда высшую степень

(*) Бывшій потомъ Попечителемъ Казанскаго Унверситета, человѣкъ, который войдетъ въ Исторію Россіи XIX вѣка.

(**) По особенному случаю эта трость — палица, досталась мнѣ, и хранится у меня.

небреженія и невѣжливости. Надлежало пудриться и направлять прическу нѣсколько разъ въ день, утромъ, къ обѣду и къ вечеру.

Графъ П. А. Зубовъ вышелъ въ отставку и отправился за границу, а О. И. Клинггеръ остался Директоромъ Корпуса, и пробылъ въ этомъ званіи *двадцать* лѣтъ. / Нашъ Главнокомандующій, Его Императорское Высочество Цесаревичъ и Великій Князь Константи́нъ Павловичъ, не имѣлъ времени заниматься корпусомъ въ царствованіе покойнаго Государя, бывъ сперва въ походъ съ Суворовымъ, въ Италію, а послѣ того исполняя фронттовую службу по гвардіи. По возвращеніи царской фамиліи изъ Москвы съ коронаціи, Его Императорское Высочество сталъ весьма часто ѣздить въ Корпусъ, посѣщалъ классы, столовую и производилъ баталіонное ученіе. Число кадетъ отъ 600 дошло до 1000 человекъ, и мы вскорѣ

сравнились съ полками гвардіи по фронтовой службѣ, что неоднократно подтверждено было приказами, за подписью Его Высочества. Шауки шли своимъ чередомъ, подъ надзоромъ Директора, О. И. Клингера, который вовсе не занимался фронтовою службою, и ни разу не командовалъ ни на ученіи, ни на парадѣ. Это исполнялъ обыкновенно старшій Полковникъ или самъ Цесаревичъ.

Перехожу къ важнѣйшей эпохѣ въ моей жизни, имѣвшей вліяніе на всю мою судьбу. По экзамену переведенъ я снова черезъ классъ, именно въ третій верхній, изъ котораго уже выпускали въ офицеры, въ армейскіе полки. По всѣмъ частямъ балы у меня были хорошіе, и потому новые учителя приняли меня отлично. Въ этомъ классѣ уже преподавали Статистику, Физику и Полевую Фортификацію; первую, ученый и добрый Германъ (скончавшійся въ званіи Инспекто-

ра классовъ Смольнаго Монастыря, и оказавшій Русской Статистикѣ большія услуги); вторую, Вольемуть, бывшій адъютантомъ при знаменитомъ Крафтѣ; третью молодой корпусный офицеръ, Поручикъ нашей роты, Александръ Христіановичъ Шмитъ (нынѣ Генераль-Маіоръ въ отставкѣ). Всѣ они преподавали отлично и чрезвычайно занимательно. Статистику читалъ Германъ по-Французски, потому что весьма былъ слабъ въ Русскомъ языкѣ. Желѣзниковъ въ это время сталъ прихварывать, и не могъ заниматься во всѣхъ верхнихъ классахъ, а потому, при сохраненіи всѣхъ окладовъ, ему оставили два первые верхніе класса, а остальные отдали, по указанію Желѣзникова, корпусному офицеру, Поручику четвертой роты, Александру Андреевичу Лантингу.

Съ пріятною наружностью, Лантингъ соединялъ въ себѣ необыкновенную доб-

роту, нѣжность чувствъ и возвышенный умъ. Онъ былъ поэтъ въ душѣ, хотя и не писалъ стиховъ, и этимъ только отличался отъ незабвеннаго друга моего, Александра Сергѣевича Грибоѣдова, съ которымъ Лантингъ былъ схожъ нравственно, какъ двѣ капли воды. Лантингъ и Грибоѣдовъ — это одинъ умъ и одна душа въ двухъ тѣлахъ! Если бъ они знали другъ друга, они были бы друзьями и братьями. Лантингъ даже манерами походилъ на Грибоѣдова. Лантингъ вступилъ въ корпусъ кадетомъ, при Графѣ Ангальтѣ, въ 1788 году. Онъ сказывалъ мнѣ, что родился въ Лемзалѣ (т. е. въ Лифляндіи или въ Рижской Губерніи), но я не могъ отыскать этой фамиліи. Будучи кадетомъ, онъ долженствовалъ происходить изъ родовыхъ дворянъ, какъ мною объяснено выше, слѣдовательно, или фамилія эта пресѣклась, или, быть можетъ, она иностранная дворянская,

признанная въ Россіи. Не справлялся я въ Курляндіи — тамъ еще рождаются люди съ пламенною душою! Лантингъ жилъ сердцемъ въ фантастическомъ мірѣ, въ мірѣ добра, любви и поэзіи, и на землѣ не нашелъ радостей. Онъ всегда страдалъ за другихъ и за себя. Несправедливость и коварство людей проливали лѣдъ въ его сердце, и онъ мучился, не будучи въ состояніи помочь страждущимъ. Онъ любилъ... и ему измѣнили; прильнулся душою къ другу — другъ оказался эгоистомъ! Мрачная меланхолія, какъ черная туча, покрыла его душу.... Онъ искалъ разсѣянія и утѣшенія въ любви дѣтей, порученныхъ ему Промысломъ — и мы, дѣти, не измѣнили ему! Мы любили его при жизни, въ нашихъ дѣтскихъ лѣтахъ; были преданы ему душевно въ лѣтахъ юношескихъ, и помнимъ его составившись! Лантингъ, вскорѣ по выпускѣ моемъ, перешелъ въ адъютанты (въ ка-

пштацкомъ чинѣ) въ Генералу Кноррингу, раненъ тяжело въ первую Турецкую Войну, при Императорѣ Александрѣ, и умеръ отъ ранъ въ Бухарестѣ. Памятникъ его въ сердцахъ его питомцевъ, постигшихъ его духовное величїе!

Русская Словесность разцвѣла при Императорѣ Александрѣ, подъ его благотворнымъ вліяніемъ, на плодоносной почвѣ, воздѣланной Императрицею Екатериною II. Жесткія формы, въ которыхъ былъ сжатъ нашъ богатый и звучный языкъ, сокрушились подъ перомъ Н. М. Карамзина, М. М. Сперанскаго, Василья Сергѣевича Подшивалова, Ивана Ивановича Дмитріева, Михаила Никитича Муравьева, Василя Андреевича Жуковскаго. Вся литературная дѣятельность сосредоточена была тогда въ Москвѣ, подъ сѣнью знаменитаго тогда Университета. Тамъ составлялись законы для языка и слога; тамъ уже издавался *Вѣстникъ*

Европы, Н. М. Карамзинымъ и *Московский Меркурій*, Петромъ Ивановичемъ Макаровымъ. Карамзинъ увлекалъ всѣхъ своимъ языкомъ; Макаровъ предостерегалъ и поучалъ своими сильными и остроумными критиками, устремленными противу безталантныхъ подражателей новизны. Какъ благодѣтельной росы ожидали мы, въ Петербургъ, каждой книжки *Вѣстника Европы*, читали, перечитывали и изучали каждую статью! Блистательные примѣры возбуждали въ насъ охоту къ изученію языка и страсть къ авторству... Наставники наши поощряли насъ и руководствовали....

Удивительно, какъ въ каждой массѣ людей, обязанныхъ жить вмѣстѣ и дѣйствовать по однимъ правиламъ, напримѣръ, въ полкахъ и учебныхъ заведеніяхъ, долго держится духъ, однажды утвердившійся какимъ нибудь необыкновеннымъ событіемъ! Такъ въ Сухопутномъ

Шляхетномъ, а послѣ въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ преобладалъ *духъ литературный* надъ всѣми науками. Въ этомъ корпусѣ, какъ извѣстно, возникла Русская Драматургія. Кадетъ Сумароковъ, современникъ Ломоносова, первый изъ Русскихъ началъ писать трагедіи и комедіи, по образцамъ Французскихъ классическихкихъ писателей, и первые Русскіе актеры были также кадеты. Въ корпусѣ былъ устроенъ театръ (1745 года), существовавшій до Директорства Кутузова, и кадетская труппа играла даже при Дворѣ, въ присутствіи Императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Когда, послѣ того, составлена была Императорская труппа, то набранные въ разныхъ городахъ Россіи актеры жили въ корпусѣ, и брали уроки декламациі у корпусныхъ офицеровъ: Петра Ивановича Мелиссино(*)

(*) Бывшаго потомъ Генераль-Поручикомъ и

и Петра Семеновича Свистунова (*), бывшихъ лучшими актерами кадетской труппы. Балетъ также возникъ въ корпусѣ. Танцевальный учитель Ланде составилъ характеристическіе танцы, которые исполняемы были кадетами, въ костюмахъ, въ присутствіи Высочайшаго Двора, и это поддало мысль къ учрежденію балетной труппы, подъ руководствомъ Ланде. Вниманіе Двора къ Русской Литературѣ, слава Сумарокова и Русскій Театръ въ корпусѣ, утвердили въ кадетахъ любовь къ Русской Словесности и отечественному языку, и эта любовь, поддерживаемая искусными преподавателями, каковы были Яковъ Борисовичъ Княжнинъ и ученикъ его, Петръ Семеновичъ Желъзниц-

Директоромъ 2-го Кадетскаго (прежняго Инженернаго) Корпуса.

(*) Скончавшагося въ чинѣ Дѣйств. Тайнаго Совѣтника, и оказавшаго большія услуги Государству.

ковъ, сдѣлалась какъ бы принадлежно-
стью Корпуса, и переходила отъ одного
кадетскаго поколѣнія къ другому, даже
до моего времени. Кажется, послѣ духъ
этотъ ослабѣлъ, или даже вовсе изсякъ,
когда въ 1812 году и въ послѣдующихъ
годахъ, по надобности въ офицерахъ, вы-
пущены, въ одно время, почти всѣ взрос-
лые и, такъ сказать, унесли съ собою всѣ
преданія. У кадетъ послѣдующей эпохи
уже не осталось ни какихъ воспоминаній
и примѣровъ, кромѣ имени Графа Ангаль-
та! Съ истребленіемъ надписей на стѣ-
нахъ рекреационной залы и на садовой
стѣнѣ, стерлось все прежнее въ памяти
кадетъ, и Клейнгеръ казался какимъ-то
праотцемъ, Сатурномъ Корпуса!

Въ наше время Корпусъ наполнился слу-
хомъ о Графѣ Ангальтѣ. Офицеры и учи-
тели рассказывали намъ о *блаженныхъ*
Ангальтовыхъ временахъ, о театраль-
ныхъ представленіяхъ въ Корпусѣ, о со-

чиненіяхъ кадетовъ, представленныхъ Императрицѣ, и мы еще оживлялись прежнимъ духомъ! Главное правило Графа Ангальта состояло въ томъ, что первый признакъ хорошаго воспитанія есть умѣніе объяснять мысли свои *словомъ* и *перомъ*; что воинъ и гражданскій чиновникъ должны непременно писать правильно на родномъ языкѣ, и даже выражаться щегольски, и знать притомъ основательно хотя одинъ изъ иностранныхъ языковъ, особенно Французскій, тогда уже общепотребительный въ Европѣ. Это самое повторяли намъ офицеры и нѣкоторые учителя, особенно Желъзниковъ и Лантингъ. «Какая польза въ учености, въ познаніяхъ, если человекъ не можетъ употребить ихъ въ дѣло, не умѣя объяснить или передать того, что у него въ головѣ!» говорилъ Лантингъ. «*Безграмотный* тоже, что *глухоньмой*. Чѣмъ живутъ Римъ и Греція? Писателями! — Ка-

гуль, Римникъ важнѣе Оермопилъ и Мараѳонской Битвы, и переходъ Суворова чрезъ Альпы затмѣваетъ славу Аннибала; но подвиги древности кажутся выше, потому что изображены краснорѣчиво. Безбородко, бѣдный армейскій офицеръ, сталъ извѣстенъ Государынь по реляціямъ, которыя онъ сочинялъ, и Безбородко сталъ Графомъ и Канцлеромъ! Не каждому данъ авторскій талантъ, не каждому природа создала поэтомъ; но каждый можетъ и долженъ умѣть излагать мысли свои правильно, ясно, даже краснорѣчиво, и для того надобно изучать языкъ и его грамматику, разбирать писателей, замѣчая въ нихъ хорошее и отвергая дурное, и непрерывно упражняться въ сочиненіяхъ»..... Такъ говорилъ Лантингъ, и упражнялъ насъ въ грамматическихъ и эстетическихъ разборахъ Русскихъ писателей и въ сочиненіяхъ, на заданныя имъ темы. Тѣхъ ка-

детовъ, которые никакъ не могли ничего выдумать, онъ заставляялъ переводить съ Французкаго и съ Пѣмецкаго языковъ, чтобъ приучить ихъ къ слогу.

Однажды, въ какую-то горькую минуту, когда черная мысль промелькнула въ головѣ Лантинга, онъ задалъ мнѣ сочиненіе, взявъ за тему стихи изъ псалма Давидова: *«на рѣкахъ Вавилонскихъ тамо съдохомъ и плакахомъ.»* Я сознался ему, что не заглядывалъ въ псалтырь, и онъ велѣлъ прійти къ нему, на квартиру, за книгой. Взявъ псалтырь я уединился, и сталъ читать заданный мнѣ текстъ. При этомъ долженъ я замѣтить, что изученіе церковнаго и, такъ называемаго, Славянскаго языка въ наше время почиталось *необходимостью* для познанія языка Русскаго, во всей его силѣ, и намъ, съ кафедръ, толковали красоты Св. Писанія и наши древнія летописи. Перечитывая псаломъ, который долженствовалъ слу-

жить мнѣ руководствомъ къ сочиненію, я почувствовалъ, внезапно, какъ будто какое-то сотрясеніе въ сердце.. Мнѣ стало грустно, я заплакалъ! Не было свидѣтелей слезъ моихъ. Въ умѣ и въ душѣ моей ожили воспоминаія дѣтства: представилсь моему воображенію родители, любимые мною слуги, родныя поля и лѣса, и наконецъ мое сиротство, мои страданія безъ всякаго соучастія въ ближнихъ, существованіе безъ любви, безъ ласки... Какъ будто въ лихорадкѣ схватилъ я перо, и сталъ писать... Слезы и чернила лились на бумагу. Исписавъ нѣсколько листовъ, я свернулъ ихъ, и не перечитывая положилъ подъ матрацъ моеи постели. Явившись въ классъ, я представилъ Лантингу ввѣренную мнѣ книгу и мое сочиненіе, и сказалъ: «Простите великодушно, если найдете тутъ ошибки и недописки. Я написалъ сгоряча, и признаюсь, не имѣлъ духа про-

честь... Эта тема слишком тяжела для меня!» Лантингъ сталъ читать просебя, и я не спускалъ съ него глазъ. Я замѣтилъ, что сперва легкій румянецъ выступилъ на его блѣдномъ лицѣ, а потомъ глаза наполнились слезами. Положивъ бумагу мою *въ карманъ* (чего никогда не дѣлалъ онъ прежде), Лантингъ подозвалъ меня къ себѣ, обнялъ, крѣпко прижалъ къ сердцу, поцѣловалъ и сказалъ: «Ты не сирота, пока я въ Корпусъ! Я заступлю тебѣ мѣсто отца, матери и друга!» Онъ велѣлъ мнѣ приходить къ себѣ на квартиру, во всякое время, свободное отъ кадетскихъ обязанностей.

Съ этихъ поръ началась для меня новая жизнь. Сердце мое жаждало ласки, участія, состраданія; умъ требовалъ совѣтовъ и руководства; врожденная благородная гордость (то, что мы называемъ амбиціей), такъ сказать, задушала меня, не встрѣчая ни какого вниманія и удовле-

твореніе всѣмъ моимъ желаніямъ, всѣмъ потребностямъ души и все чего я жаждалъ, нашелъ я въ Лантингъ и нашелъ въ то время, когда уже могъ понимать высокую цѣну всего этого, когда наиболѣе нуждался въ этомъ, когда умъ мой, какъ слабый стебель цвѣтка, требовалъ опоры, и рано развившаяся въ сиротствѣ душа, замирала безъ теплоты и свѣта! О, какъ пламенно любилъ я Лантинга! Я за него далъ бы себя изрѣзать на части, бросился бы въ пламя! Онъ былъ болѣе нежели добръ съ кадетами, былъ, какъ говорится, слабъ, никогда самъ не наказывалъ и не жаловался старшимъ, и оттого часто подвергался непріятностямъ. Тѣхъ кадетъ, за которыхъ Лантингъ получалъ выговоръ, и кадетъ, оскорблявшихъ его неприличными отвѣтами, грубостью, я почиталъ *личными* моими врагами, и, по кадетски, вызывалъ на дуэль, т. е. на драку, не смотря ни на ростъ, ни на си-

лу! Весьма часто меня порядкомъ проучали за это и даже, при побѣдѣ, я часто долженъ былъ подвергаться наказанію; но мнѣ пріятно было страдать за обожяемаго мною частавника, который журилъ меня за мою драчливость, не зная и вовсе не подозрѣвая, что я сражался за него и за него подвергался наказаніямъ! Не боюсь, чтобъ враги мои уличили меня во лжи, если скажу, что *въ теченіе всей моей жизни* я почиталъ, почитаю и буду почитать первою обязанностию вступаться за друга и благодѣтеля... А иначе что же будетъ значить дружба и благодарность? Случалось со мною, что вмѣсто признательности (которой я никогда не требовалъ), по крайней мѣрѣ, вмѣсто сознанія моего самоотверженія, мнѣ платили даже холодною и горькимъ упрекомъ: «*а кто тебя просилъ!*» Тяжело было на сердце, но я не исправился и не исправлюсь. Въ сатирахъ, которыми меня

удостоиваютъ наши Русскіе писатели, меня называли даже *собакою!* Пусть будетъ такъ. Правда, собака бросается на обидѣвшихъ ея господина, и эта собака лучше мудраго эгоиста; а дружба и благодарность должны *господствовать* въ сердцѣ. Дѣти мои, это урокъ для васъ!

Къ Лантингу собиралось много кадетовъ, по знакомству его съ ихъ родственниками. Особенно поручены ему были братья Тагайчиновы (вышедшіе въ Артиллерію), которые имѣли въ его квартирѣ отдѣльную комнату. Тутъ собирались для отдохновенія отъ кадетскаго шума унтеръ-офицеръ Бринкенъ (Курляндецъ), братья Берниковы (вышедшіе Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій Полкъ) и нѣкоторые другіе; но истинно родительское попеченіе Лантингъ имѣлъ обо мнѣ одномъ, давалъ мнѣ книги для прочтенія, и заставлялъ дѣлать разборы, т. е. сообщать ему мое мнѣніе о прочитанномъ, съ отмѣтками

того, что мнѣ правилось или не правилось. Потомъ онъ разсматривалъ мои разборы, подтверждая или опровергая мои мнѣнія риторически, эстетически и философически. Такимъ образомъ прошелъ я съ нимъ Древнюю Исторію, Исторію Греціи и Рима и новыя событія до Французской революціи включительно, прочелъ Путешествіе Анахарсиса по Греціи и Азіи, сочиленіе Бартеlemi и много другихъ книгъ. Кадетамъ верхнихъ классовъ позволялось ходить въ корпусную бібліотеку, и, по рекомендаціи Лантинга, бібліотекаръ нашъ, Г. Фоларъ, позволялъ мнѣ брать книги въ роту. Это было для меня великое блаженство. Я былъ, какъ рыба въ водѣ! При чтеніи я упражнялся въ переводахъ съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ. Начальныя основанія Латинскаго языка я пріобрѣлъ у Цыхры — и Лантингъ, который очень хорошо зналъ Латинскій языкъ (бравъ частные

уроки), занимался со мною, въ свободныя минуты, переводами съ Латинскаго и грамматикой, для собственной забавы, какъ онъ говорилъ тогда. Но главнѣйшую пользу для моего образованія извлекалъ я изъ бесѣдъ его. Тутъ открывались предо мною въ живыхъ картинахъ древнѣй и новѣй міры, съ ихъ духовною жизнію, и чудеса природы въ твореніяхъ Создателя! А будущность — она казалась блистательною зарею, обѣщавшею красный день!

Кромѣ книгъ, служившихъ къ моему образованію, я читалъ — вѣтъ, не читалъ, а *глота*лъ романы и повѣсти, т. е. все, принадлежащее къ Изящной Словесности или беллетристикѣ. Тогда въ модѣ были повѣсти Мармонтеля, Г-жи Жанлисъ, романы Дюкре-Дюмипиля, Г-жи Радклеифъ, и вообще роды *чувствительный* и *ужасный*. Все, что обращало на себя вниманіе публики, было прочитано мною.

Бѣдную Лизу, Наталью Боярскую дочь, Марю Посадницу, Мою исповѣдь, Рыцаря нашего времени и прочія повѣсти и рассказы Карамзина я зналъ почти наизусть. Ни одна живая Лиза не стоила мнѣ въ жизни столько слезъ, сколько я пролилъ по *Бѣдной Лизѣ, Карамзина! Письма Русскаго путешественника* составляли мое наслажденіе. Лантингъ представилъ намъ эти письма, какъ *образецъ* легкаго, живаго разсказа, и какъ доказательство свѣтлаго, безпритязательнаго, здраваго ума автора. Часто говорилъ намъ Лантингъ: «Бюффонъ произнесъ великую истину, сказавъ: *le style — c'est l'homme* (слогъ — это человекъ). Можно научиться писать правильно, такъ что ваше сочиненіе будетъ безъ задоринки, гладко, хоть шаромъ покати, но въ то же время оно можетъ быть холодно, какъ гладкій, прозрачный и блестящій ледъ! Можно, съ усиленіемъ ума, пріобрѣсть механизмъ, но

ни какая наука не можетъ научить, какъ сообщается слогу движеніе, жизнь, одушевленіе, легкость, летучесть.... Все это проистекаетъ изъ ума и изъ души чловѣка.... По слогу, говорилъ Лантингъ, не съ кафедры, а у себя дома: по слогу я узнаю чловѣка! Напыщенность, надутость, афектація, изысканность, тяжесть, растянутасть, водяность, холодность слога, точно такъ же какъ и противоположности его: живость, пламенность, сила, движеніе, естественная простота и ясность, суть вѣрные отпечатки характера автора — зеркало его души!

Совершенная правда. Но къ этому надобно еще прибавить, что какъ характеръ иногда измѣняется въ людяхъ, по обстоятельствамъ (*honores mutant mores*), такъ и слогъ принимаетъ формы естественности или искусственности отъ положенія чловѣка въ обществѣ, если душа не въ силахъ исторгнуть ума изъ оковъ

свѣтскихъ обстоятельствъ. Карамзинъ пока былъ независимымъ литераторомъ, увлеченнымъ природою на это поприще, какъ пчела на лугъ, Карамзинъ былъ простъ, милъ, летучъ, естественъ въ слогъ; когда же онъ, въ званіи Исторіографа, захотѣлъ казаться важнымъ, серьезнымъ, краснорѣчивымъ, по *тогдашнему убѣжденію*, будто бы слогъ долженъ соотвѣтствовать предмету, и по *тогдашнему ученію*, будто въ Словесности должны существовать *различныя слоги* : простой, средній и высокій, Карамзинъ, до седьмаго тома Исторіи Россійскаго Государства, надуть, напыщенъ и неестественъ въ слогъ. Я доказывалъ, въ моемъ *Сѣверномъ Архивѣ* и въ приложеніяхъ къ нему, въ *Литературныхъ Листкахъ*, что въ этихъ томахъ, у Карамзина, всѣ рѣки *глубокія*, всѣ долины *обширныя*, всѣ горы *высокія*, всѣ юноши *прекрасныя*, всѣ старцы *добродѣтельныя*! Есть у Карам-

зина, въ этихъ томахъ даже *молодые юноши!!* Всѣ эти *прилагательныя* набраны для круглости и звучности *періодовъ*, и педанты вѣрили и вѣрятъ, что только тотъ слогъ *образцовый*, который составленъ изъ *періодовъ!!!* Съ VIII тома Исторіи, Карамзинъ снова вошелъ въ свой *натуральный* характеръ, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, слогъ его въ этомъ и послѣдующихъ томахъ естественъ и простъ, какъ душа его, чѣстная и благородная.

Еще въ первыхъ юношескихъ лѣтахъ я не принималъ раздѣленій слога на *простой*, *средній* и *высокій*, и на размѣры его, *сообразно предметамъ*, и осмѣливался даже спорить съ обожаемымъ мною наставникомъ, утверждая всегда, что человекъ долженъ описывать *все*, простое и высокое, по внушенію своего ума и чувства, описывать, какъ ему представляется, не изыскивая словъ и не под-

бирая ихъ умышленно, для эффекта. *Марѳа Посадница*, Карамзина, *Гонзалевъ-Кордуанскій*, Флоріана, *Инки*, Мармонтеля, мнѣ никогда не нравились, потому что они написаны цвѣтистымъ, неестественнымъ слогомъ (*prose poétique* или *prose fleurie*). Нынѣшнія Русскія драмы или трагедіи (не знаю какъ ихъ назвать) мнѣ не нравятся по той же причинѣ. Насъ увѣряютъ, что онѣ писаны *стихами*, пяти-стопными ямбами, а я вижу въ нихъ только напыщенную, раздутую, рубленую или крошеную прозу, въ родѣ *Гонзалва Кордуанскаго* или *Кадма* и *Гармоніи*, Хераскова. Одинъ писатель, впрочемъ талантливый, пошелъ въ наше время еще дальше. Онъ даже отвергъ ритмъ, или размѣръ въ своихъ драмахъ, на заглавіи которыхъ выставлено, что онѣ *писаны стихами!!!* Стихи безъ *мѣры* (ритма) и безъ *риѳмы* — еще хуже, нежели музыка безъ гармоніи! Но въ наше время

все сходитъ съ рукъ! Только В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ умѣли сохранить музыкальность и всѣ красоты гармоніи въ своихъ безриѳменныхъ стихахъ.

У Лантинга я познакомился съ кадетами, двумя Князьями Броглио (Ducs de Broglio) и съ сыномъ Ѳ. И. Клингера, Александромъ, которые ходили къ нему, когда онъ бывалъ дома. Съ меньшимъ Броглио и Сашей Клингеромъ я былъ даже дружепъ. Первые два были эмигранты, юноши, получившіе хорошее первоначальное домашнее образованіе, а Саша Клингеръ, сынъ нашего Директора, былъ ангелъ душою и лицомъ. Сколько пріятныхъ минутъ провели мы вмѣстѣ съ Сашею Клингеромъ и меньшимъ Броглио, мечтая о будущемъ! Саша Клингеръ ввелъ насъ къ своей матери (она была Русская), умной, нѣжной и въ полномъ смыслѣ добродѣтельной дамъ, которая

обожала своего единственного сына, и ласкала насъ, друзей его. Нѣсколько разъ О. И. Клиндеръ заставлялъ насъ у своего сына, котораго онъ также любилъ страстно, и позволялъ намъ играть съ нимъ, изслѣдовавъ чѣмъ мы занимаемся. У Лантинга видывалъ я часто старшаго брата Броглію, уже Поручика въ Преображенскомъ Полку, и Барона Ивана Ивановича Дибича, также офицера (не помню Поручика или Подпоручика) въ Семеновскомъ Полку. Оба они приходили въ Корпусъ чертить планы, подъ руководствомъ нашего учителя, Полковника Черкасова, и учиться Русскому языку на дому у Лантинга. Старшій Князь Броглію убитъ подъ Аустерлицемъ, меньшій Броглію и Саша Клиндеръ (бывшій также офицеромъ Семеновскаго Полка) убиты въ Русскихъ рядахъ, въ Отечественную Войну; Баронъ Дибичъ, въ послѣдствіи Графъ Забалканскій и

Фельдмаршалъ, скончался въ послѣднюю Польскую Войну. Средняго Князя Брогліо я видалъ въ Варшавѣ, при возвращеніи его въ отечество, во Францію, въ 1816 году. Всѣ они были люди отличные, съ умомъ, съ душою, съ дарованіями. Обхожденіе съ этими отличными молодыми людьми имѣло на меня сильное вліяніе. Я видѣлъ живые примѣры хорошаго у Лантинга и дурнаго между нѣкоторыми изъ кадетъ.

Страсть къ авторству непрерывно усиливалась во мнѣ. Это было не желаніе славы и извѣстности, не жажда похвалъ, однимъ словомъ, не напряженіе тщеславія и самолюбія, этихъ мелкихъ несносныхъ страстишекъ, которыя квакаютъ, какъ лягушки въ болотѣ, чтобъ обратить на себя вниманіе, пока аистъ критики не пришибетъ ихъ. Нѣтъ, во мнѣ было непреодолимое влеченіе излить чувства и мысли мои, которыя, такъ сказать, угнетали мой малый умишка и мое юноше-

ское сердце. Начитавшись, наслушавшись и раздумавъ, я пріобрѣталъ свои понятія о многихъ вещахъ, свой взглядъ на предметы, часто не согласные съ тѣмъ, что я читалъ и чему меня учили. Мнѣ хотѣлось изливать все это на бумагу, какъ будто для того, чтобъ очищать въ умѣ и сердцѣ мѣсто для новыхъ впечатлѣній и ощущеній. Я зналъ хорошо, что меня ожидаетъ не слава и награда, а насмѣшки товарищей и непріятности. Школа есть микроскопическій уголокъ свѣта: это гнѣздо, хранящее въ себѣ зародыши тѣхъ страстей и предразсудковъ, которые, вылупившись изъ покрывающей ихъ коры, подобно хищнымъ птицамъ, будутъ страшны разуму и заслугъ или тихимъ ощущеніямъ души. Слово *сочинитель* есть упрекъ или насмѣшка въ животномъ, механическомъ мірѣ. *Сочинитель*, по мнѣнію словесныхъ машинъ, есть человѣкъ ни къ чему не способный,

есть существо только *терпимое* (toléré) въ обществѣ. Одни мужи великіе, одаренные высокимъ разумомъ, постигаютъ пользу и достоинства существа мыслящаго, извлекающаго изъ всего первоначальныя истины, подобно пчелѣ, извлекающей изъ всѣхъ растеній медъ. Но великіе мужи еще рѣже рождаются на свѣтъ, чѣмъ великіе писатели.—Если справедливо, какъ утверждали нѣкоторые физиологи, что головныя нервы, служащія орудіемъ душѣ и разуму, почти то же, что клавиши на фортепіанѣ, то, по несчастію, нервъ или клавишъ сатиры былъ во мнѣ громче другихъ клавишей, и всякая неправда и несправедливость, трогая душу мою, раздавалась громко въ умъ, и звуки эти требовали изліянія. Я уже и тогда чувствовалъ, что это несчастіе! Исторія Сократа была мнѣ хорошо извѣстна, и земля еще наполнилась слухомъ о Французскомъ поэтѣ Жильберѣ, кото-

рый, будучи доведенъ до госпиталя, съ отчаянія подавился ключемъ! Предвидя все то, что испыталъ въ послѣдствіи, я, однакожь, не могъ заглушить въ душѣ вопля природы. И. И. Дмитріевъ сказалъ справедливо :

• Гони натуру въ дверь, она влетитъ въ окно! Между серіозными историческими работами, между упражненіями въ переводахъ и отчетахъ о прочитанномъ, для упражненія разума, я писалъ басни, сатиры, начиналъ поэмы, комедіи, и всѣ эти отрывки расходились по Корпусу... Я прослылъ *сочинителемъ*. Этимъ я, какъ водится, пріобрѣлъ друзей и враговъ. Все это точно такъ же, какъ въ свѣтъ. Нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ товарищей до сихъ поръ сохранили корпусныя мои сочиненія, и еще въ текущемъ 1845 году, Генералъ-Маіоръ Аполлонъ Никифоровичъ Маринъ далъ мнѣ басню моего сочиненія, которая въ то время была

представлена братомъ его, Сергѣемъ Никифоровичемъ, великому Державину, и имъ письменно одобрена. Другіе изъ моихъ товарищей даже сохранили въ памяти нѣкоторые изъ корпусныхъ моихъ стиховъ. Не привожу ничего изъ этихъ дѣтскихъ произведеній... это были только вспышки. Укрѣпившись разумомъ, я понялъ все величіе поэзіи, и отказался отъ стиховъ. Стихотворство то же, что игра на скрипкѣ : кто не можетъ играть такъ, какъ Паганини или Липинскій, тотъ не долженъ играть въ публикѣ. Въ прозѣ мысли, чувства, картины подчиняютъ себѣ слогъ, въ поэзіи слогъ (стихи) опредѣляетъ достоинство произведенія. Россини былъ бы смѣшонъ, если бъ захотѣлъ самъ пѣть передъ публикою то, что прельщало всѣхъ, когда пѣли Малибранъ и Рубини! Проза богатая нива, поэзія — цвѣтущій и плодоносный садъ: и то и другое превосходно, если хорошо воз-

дѣлывается... Но... каждому свое: *suum cuique!*

У Лантинга встрѣчалъ я часто поэта Крюковскаго, прославившагося въ свое время трагедіею: *Пожарскій, или Освобожденная Москва*. Крюковской былъ Подпоручикомъ въ нашемъ Корпусѣ, тихій, скромный, добродушный человекъ, бывшій извѣстнымъ въ Корпусѣ болѣе своею разсѣянностью, нежели поэзіей. Онъ всегда забывалъ, въ какомъ нибудь углу, свою шляпу и перчатки, будучи на дежурствѣ; иногда являлся въ роту безъ шарфа или безъ шпаги, и во фронтѣ дѣлалъ ужасные промахи. Онъ былъ блѣлокурый, пріятной наружности молодой человекъ, и чрезвычайно ласковый въ обхожденіи. Я помню литературный споръ, бывшій однажды въ квартирѣ Лантинга, между Крюковскимъ, старшимъ Брогліо и будущимъ Фельдмаршаломъ, Барономъ Иваномъ Ивановичемъ

чемъ Дибичемъ. Дибичъ утверждалъ, что у Французовъ нѣтъ поэзіи, и что трагедія ихъ скучная, тяжелая, сухая декламація. Крюковской и Броглію сильно защищали Расина, Корнеля, Кребийона и Вольтера, а Дибичъ уничтожалъ ихъ, противопоставляя Шекспира, Лессинга, Гёте и Шиллера, въ которыхъ Крюковской и Броглію, наоборотъ, не признавали ни какого трагическаго достоинства. Лантингъ склонялся на сторону Дибича, но судилъ не такъ рѣзко, отдавая справедливость Французамъ. Дибичъ побѣдилъ, доказавъ, что Крюковской и Броглію вовсе не знаютъ Нѣмцевъ, но не убѣдилъ ихъ; на меня же, безмолвнаго слушателя, этотъ споръ произвелъ удивительное вліяніе. Я сталъ прилежно учиться Нѣмецкому языку, и когда, чрезъ нѣсколько времени, могъ прочесть, съ помощью лексикона и толкованій Лантинга, *Эмилию Галотти*, Лессинга, и Ко-

варство и Любовь, Шиллера, я перенесся въ другой міръ, а когда потомъ увидѣлъ ихъ на Нѣмецкомъ Театрѣ (въ домѣ Графа Кушелева), я склонился совершенно на сторону Нѣмцевъ. Нѣмецкій языкъ показался мнѣ во сто разъ труднѣе Французскаго, во-первыхъ, потому что я раньше сталъ учиться по-Французски, а во-вторыхъ, оттого, что Французскій, такъ называемый, *классическій языкъ*, состоитъ почти исключительно изъ условныхъ фразъ и формъ, когда, напротивъ, каждый Нѣмецъ пишетъ *своимъ языкомъ*, употребляя слова и обороты по произволу, и не стѣсняясь ни какими правилами въ картинахъ и выраженіяхъ. Правда, отъ этого у Нѣмцевъ мало *щегольскихъ* писателей, за то много *сильныхъ*. Музыкальность Нѣмецкаго языка тяжелая, изложеніе часто запутанное, отъ длинныхъ періодовъ (даже и въ прозѣ Шиллера), но мыслей бездна, а въ чувствахъ свѣжесть и сила.

Видя необыкновенно ласковое обхождение со мною Лантинга, гости его иногда удостоивали меня своего вниманія, а Крюковской даже и бесѣды. Лантингъ, по благосклонности своей, нашелъ одно классное мое сочиненіе на заданную тему (описание Кагульскаго сраженія) достойнымъ того, чтобъ показать собравшимся у него пріятелямъ, вѣроятно, для ободренія меня. Дибичъ сказалъ, при этомъ случаѣ, замѣчательныя слова, которыхъ никогда не забуду. «Обработывайте вашъ талантъ, молодой человекъ, (*cultivez votre talent, jeune homme*), и помните, что безъ Квинта-Курція не было бы для насъ Александра Великаго, а безъ Тацита Агриколы!» Во всю свою жизнь, и даже на высотѣ своей славы, Дибичъ всегда уважалъ литераторовъ, обходился съ ними ласково, и оказывалъ имъ услуги, если это отъ него зависѣло, что засвидѣтельствуетъ товарищъ мой, Н. И. Гречъ:

Однажды, Н. И. Гречъ, не зная лично Графа И. И. Дибича, пришелъ къ нему просить о какой-то милости сиротамъ одного заслуженнаго Генерала. Сперва Дибичъ, обремененный дѣлами, принялъ его довольно холодно, и сказалъ, что на это есть формы, но потомъ, спросивъ о его фамиліи, и узнавъ, что предъ нимъ сочинитель *Русской Грамматики*, попросилъ въ кабинетъ, обласкалъ и исполнилъ просьбу. Покойный Графъ И. И. Дибичъ былъ чрезвычайно добръ душою, имѣлъ необыкновенный умъ, глубокія, разнообразныя познанія, и страстно любилъ просвѣщеніе, т. е. науки и литературу. Ему иногда вредила необыкновенная вспыльчивость и какое-то внутреннее пламя, побуждавшее его къ непрерывной дѣятельности. Во время послѣдней Турецкой Войны, прославившей его имя переходомъ чрезъ Балканы, Русскіе прозвали его, въ шутку, *Самоваръ-Паша*, имен-

но отъ этого вѣчнаго кипѣнія. Прозваніе это, ни сколько не оскорбительное, живо изображаетъ его характеръ. Замѣчательно, что это прозваніе не *новое*. Однажды Дибичъ, въ спорѣ съ кроткимъ и тихимъ Брогліо о Семилѣтней Войнѣ, упомянулъ неосторожно о Росбахскомъ Сраженіи, въ которомъ, какъ извѣстно, Французы были разбиты Фридрихомъ II. Брогліо оскорбился и замолчалъ, но въ отсутствіе Дибича изъявилъ свое неудовольствіе передъ Лантингомъ. «Не принимайте этого въ дурную сторону,» сказалъ Лантингъ: «Дибичъ добрѣйшая душа, и не имѣлъ намѣренія васъ оскорбить. Но онъ вѣчно кипитъ, какъ *самоваръ*, и къ нему надобно приближаться осторожно, чтобъ не обжечься брызгами!» Сравненіе Дибича (малорослаго, плотнаго, съ короткою шеей и высокими плечами) съ *самоваромъ*, показалось всѣмъ присутствовавшимъ такъ забавно, что всѣ расхохотались.

лись, а Броглию больше всѣхъ. Послѣ этого, при имени Дибича или при встрѣчѣ съ нимъ, я всегда вспоминалъ эту шутку, и весьма удивился, когда услышалъ повтореніе этого сравненія чрезъ много лѣтъ!

А что случилось съ моею музыкой? Матушка, уѣзжая изъ Петербурга, поручила одному своему знакомому платить за уроки на фортепіанъ, но мнѣ было *невозможно* и *некогда* заниматься этимъ, при переходѣ въ гренадерскую роту. Невозможно было потому, что негдѣ было поставить инструмента, а въ малолѣтнее отдѣленіе, къ мадамъ Боньотъ, нельзя было ходить, когда бы мнѣ захотѣлось; некогда было потому, что для меня важнѣе было справиться съ моими пуговицами и плетешками, чѣмъ съ клавишами и струнами. Фортепіано взялъ знакомецъ матушкинъ, а гитару (въ ящикѣ и подъ ключемъ) я удержалъ и

хранилъ подъ кроватью, но игралъ весьма рѣдко. Когда я познакомился съ Лантингомъ, онъ велѣлъ перенести гитару къ себѣ, сожалѣлъ, что я бросилъ фортепіано, и совѣтовалъ мнѣ упражняться въ музыкѣ, говоря, что для военнаго чело-вѣка познаніе музыки чрезвычайно полезно. «Можетъ случиться, что ты будешь стоять на квартирахъ, въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ, гдѣ не будетъ ни какого общества, ни какого разсѣянія. Нельзя же все читать и писать, и вмѣсто того, чтобъ для разсѣянія играть въ карты или болтать вздоръ, ты найдешь пріятное препровожденіе времени въ музыкѣ, доставляя удовольствіе и себѣ и другимъ. Это можетъ отвлечь тебя отъ дурнаго общества, въ которомъ пріобрѣтаются дурныя привычки и склонности. Я зналъ нѣсколько отличныхъ молодыхъ людей, подававшихъ о себѣ прекрасныя надежды, которые спились

съ круга, ища разсѣянiя въ веселыхъ обществахъ. Да избавить тебя Богъ отъ этого! Учись музыкѣ и рисованiю : эти два искусства доставятъ тебѣ много радостей въ жизни!» Я послушался Лантинга, принялся снова за ноты и гитару, и забавлялъ его и товарищей моими пѣсеньками. Это маловажное обстоятельство привожу по двумъ причинамъ : во-первыхъ, чтобъ повторить молодымъ людямъ совѣтъ Лантинга на счетъ пользы музыки, а во-вторыхъ, что это обстоятельство имѣло довольно важныя послѣдствiя и для меня, и для Корпуса вообще.

Въ Корпусѣ были два хора пѣвчихъ, одинъ изъ кадетъ, а другой изъ корпусныхъ служителей и людей наемныхъ. Тогда пѣвческiе хоры не ограничивались однимъ церковнымъ пѣнiемъ, но пѣвали также во время стола, на вечерахъ и вообще на празднествахъ, кантаты, гимны, стихи на разные случаи, положен-

ные на музыку, Русскія и Малороссійскія пѣсни. У знатныхъ и богатыхъ людей почиталось необходимою содержать оркестръ и хоръ пѣвчихъ. / Теперь это вывелось изъ моды. Въ послѣднее время, превосходный оркестръ былъ у покойнаго В. В. Всеволожскаго, а теперь только Князь Б. Н. Юсуповъ содержитъ музыку. Странствующие Нѣмцы и Богемцы замѣнили домашніе оркестры. — Хоръ корпусныхъ пѣвчихъ (изъ вольныхъ и корпусныхъ служителей) былъ превосходный. Басъ, по имени Бабушкинъ, славился во всемъ Петербургѣ. И точно, голосъ Бабушкина былъ необыкновенный : ревъ Брейтинга передъ нимъ то же, что чириканье стрекозы передъ карканьемъ ворона! Корпусные пѣвчіе, въ праздники, послѣ объѣда, пѣвали въ саду, въ бесѣдкѣ, свѣтскіе гимны и пѣсни. Помню эффектъ, произведенный на меня кантатою, пачинавшеюся куплетомъ :

О судьба!

Исполни ты желанья наши,

Несчастныхъ, жалостныхъ сердець,

О судьба, о судьба!

Бабушкинъ пѣлъ этотъ куплетъ соло своимъ громовымъ голосомъ, и хоръ повторялъ, съ различными варіаціями. Я думалъ тогда о Пурпурь!... Превосходно пѣлъ этотъ хоръ любимую Малоросійскую пѣсню Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина, бывшую въ модѣ во всей Россіи, пока жилъ и властвовалъ Потемкинъ: «*На бережку, у ставка*» — и стихи Державина: «*Краса пирующихъ друзей,*» и т. п. — Не знаю, по чьему желанію и повелѣнію вздумали усовершенствовать кадетскій хоръ, и пригласили знаменитаго Бортиянскаго выбрать голоса и обучать пѣвчихъ. Товарищи уговорили меня вступить въ хоръ, и Бортиянскій нашелъ, что я къ этому способенъ, тѣмъ болѣе, что уже зналъ ноты и важнѣйшія правила вокальной музыки. Я занялъ мѣсто

альта-солиста. Надобно знать, что я до такой степени обрусѣлъ въ Корпусѣ, что ходилъ съ товарищами въ Русскую Православную Церковь, даже учился Православному Катихизису въ классахъ, у Протоіерея Колосова, и былъ однимъ изъ лучшихъ его учениковъ. Въ Корпусѣ была и Нѣмецкая Церковь и католическая каплица (chapelle), но католиковъ было весьма мало, человѣкъ десятокъ, и какъ изъ нихъ оставалось по Воскресеньямъ человѣка три (помню только кадетъ Дрентельна и Эдуарда) то мнѣ скучно было ходить въ эту каплицу и слушать Латинскую обѣдню, безъ пѣвчихъ и безъ музыки. Катихизису учились католики въ квартирѣ патера, жившаго въ Корпусѣ. По-Польски я почти забылъ, и хотя понималъ легкій разговоръ, но самъ не могъ уже объясняться, да и другіе забыли, что я не природный Русакъ. Когда случалось, что меня спрашивали,

изъ какого я племени (иные офицеры и учителя по моей фамиліи полагали, что я родомъ изъ Булгаріи), то я всегда отвѣчалъ, что Русскій. И такъ, я пѣлъ на клиросѣ (или какъ у насъ говорятъ неправильно : на крылосѣ), вовсе не подозревая, чтобъ это могло быть неприличнымъ.

Однажды въ корпусной церкви былъ большой праздникъ : происходила хиротонія Архіерея (*) (не помню, какого по имени). Въ церкви было множество гостей и только лучшіе кадеты, потому что для цѣлаго корпуса не было мѣста. Пѣвчіе были на двухъ клиросахъ. Кадетскій хоръ пѣлъ концертъ, сочиненія Бортиянскаго, подъ его личнымъ регентствомъ, и мнѣ пришлось пѣть соло. И теперь помню и музыку, и слова этого соло:

(*) Въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ говорится : посвященіе или рукоположеніе въ Архіерея.

«Отъ востокъ\ солнца на западъ, хвалю имя Господне!» Бортнянскій выставилъ меня впередъ передъ хоромъ, и я пѣлъ въ полъ-оборота въ публикѣ. Вдругъ въ толпѣ поднялся глухой шумъ.... одной дамѣ сдѣлалось дурно, и ее вывели подъ руки изъ церкви. Я оглянулся.... это была.... моя мать!...

Дрожащимъ голосомъ окончилъ я соло, и сказавъ, что мнѣ дурно (у меня точно закружилась голова) — выбѣжалъ изъ церкви. Для матушки вынесли стулъ изъ ближней квартиры и стаканъ холодной воды.... Она сѣла склонивъ голову на руки сестры моей, Антонины.... Я съ воплемъ бросился въ объятія матери!...

Ей до того стало дурно, что принуждены были перенести ее въ учительскую квартиру, и положить на софу. Явился нашъ Докторъ Зеленскій, со спиртами и ланцетомъ, но обошлось безъ кровопу-

сканія, и матушку привели въ чувство оттираніями. Во все это время я рыдалъ, и надлежало вывести меня изъ комнаты. Часа чрезъ два матушка совершенно оправилась. Мы пошли къ Маіору Ранефту, который отпустилъ меня съ матушкою домой. По счастію случилось, что были два праздничные дня сряду. Это было лѣтомъ, въ половинѣ Августа.

Матушка жила въ Большой Морской, въ домъ Г-жи Байковой (во второмъ замужствѣ Графини Морель), въ *Отель де Гродно*. Когда мы сѣли въ карету, матушка молчала, держала меня за руку, и смотрѣла на меня сквозь слезы. Сестра удивлялась, какъ я выросъ и возмужалъ. Въ самомъ дѣлѣ, вытерпѣвъ все испытанія, я былъ здоровъ и крѣпокъ, не боялся ни жара, ни холода, ни жажды, ни голода, по смыслу присяги Петра Великаго: «какъ храброму и не торопливому солдату надлежитъ.»

Когда мы пріѣхали на квартиру, и матушка совершенно успокоилась послѣ обморока, она начала меня спрашивать, не перемѣнилъ ли я Вѣры. Я отвѣчалъ, что меня никто къ этому не приглашалъ и не повуждалъ, но что я хожу въ Русскую Церковь потому, что мнѣ кажется въ ней лучше, и что готовясь быть Русскимъ офицеромъ, я полагаю, что мнѣ приличнѣе быть Русской Вѣры... Не помню, какіе аргументы представилъ я въ оправданіе моего предпочтенія Русской Вѣры, но матушка объявила мнѣ, что если я не желаю ея смерти, то долженъ ходить въ Католическую Церковь и учиться религіи у Католическаго Священника, прибавивъ, что единственная причина ея обморока была та, что она застала меня въ Русской Церкви, узнавъ объ этомъ въ ротъ, и что при одной мысли о этомъ, она чувствуетъ смерть въ сердцѣ. Пошли слезы, увѣщанія, и наконецъ матушка,

извѣстивъ меня о смерти моего отца, священной памятью родителя заклинала меня сохранить его Вѣру!... Разумѣется, что я повиновался. Смерть отца произвела на меня ужасное впечатлѣніе. Это была первая вѣчная разлука, и притомъ съ нѣжнѣйшимъ и самымъ близкимъ сердцу существомъ. Отъ слезъ я перешелъ къ какому-то онѣмѣнію чувствъ, и недѣли двѣ не могъ ничѣмъ заняться. Лантингъ объявилъ учителямъ причину моего столбняка, и тѣмъ избавилъ меня отъ неизбежныхъ непріятностей. Происшествіе съ матушкою въ корпусной Русской церкви, и рассказы ея въ обществахъ объ ужасѣ, объявшемъ ее, когда она узнала въ церковномъ пѣвчѣмъ своего сына — надѣлалъ шума. Римскіе Католики испугались; Іезуиты ударили тревогу: съ тѣхъ поръ учрежденъ былъ особый классъ, для преподаванія Римско-Католическаго Катихизиса, и Римскимъ Католикамъ прика-

запо было ходить въ свою церковь. Миѣ это не весьма нравилось... но надлежало повиноваться.

Все шло своимъ чередомъ въ Корпусъ, сегодня какъ завтра, завтра какъ сегодня. Послѣ экзамена меня перевели, не взирая на лѣта, во второй верхній классъ и въ пятую роту (*), изъ которыхъ уже выпускали въ офицеры, въ Артиллерію и въ Свиту Его Императорскаго Величества, по квартирмейстерской части (нынѣ Глав-

(*) Первая рота, гренадерская, была самая *меньшая*. Изъ гренадерской роты переводили во вторую роту (которою тогда командовалъ Подполковникъ Никита Васильевичъ Арсеньевъ), и въ третью роту Маіора Ранфта. Изъ третьей роты переводили въ пятую, а изъ второй въ четвертую, которою командовалъ Полковникъ Готовцевъ, а Капитаномъ былъ Михайла Степановичъ Перскій, бывшій потомъ Инспекторомъ Классовъ и Директоромъ Корпуса. Въ послѣдствіи (уже безъ меня) четвертая рота названа первою и гренадерскою. Изъ четвертой и пятой роты выпускали въ офицеры.

ный Штабъ Его Императорскаго Величества). Пятою ротою командовалъ прежній Капитанъ мой, Шепетковскій, произведенный въ Маіоры. Положеніе мое, въ отношеніи моего благосостоянія, ни сколько не перемѣнилось. Шепетковскій былъ такъ же добръ и ласковъ, какъ и Ранефть, и офицеры были люди снисходительные. Во второмъ верхнемъ классѣ я сталъ обучаться долговременной фортификаціи и артиллеріи (съ черченіемъ), ситуациі (сниманію мѣстъ съ натуры), высшей математикѣ, физикѣ, уже въ сляціи ея съ химіей, и вообще всѣмъ наукамъ высшаго курса. Русскую Литературу преподавалъ здѣсь Желѣзниковъ, который принялъ меня весьма хорошо, по особой рекомендаціи Лантинга.

Говоря о Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, нельзя не вспомнить объ Андрѣ Петровичѣ Бобровѣ. Въ мое время онъ былъ простымъ канониромъ, потомъ унтеръ-

офицеромъ Корпусной Полиціи, послѣ того произведенъ въ чиновники 14 класса, а наконецъ сдѣлашъ корпуснымъ экономомъ. Замѣчательное лице Андрей Петровичъ Бобровъ! Это образецъ Русскаго добродушія, Русской смѣтливости, смышленности и умѣнія пройти сквозь огонь и воду не ожегшись и не замочившись. Бобровъ скончался въ чинѣ Статскаго Совѣтника, съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ, любимый и уважаемый и начальниками и подчиненными, а особенно любимый кадетами. Онъ умѣлъ такъ вести дѣло, что, не взирая на удвоившійся комплектъ кадетовъ и на возвышеніе цѣнъ на съѣстные припасы, при равенствѣ расходныхъ суммъ, кадеты во время его экономства имѣли лучшую пищу, нежели тогда, когда на экономствѣ возсѣдали люди высшей породы, а въ послѣдствіи весьма богатые. Офицерское кушанье было таково, что холостякамъ вовсе не нуж-

но было объдать и ужинать въ трактирахъ. Бобровъ чрезвычайно любилъ кадетовъ, съ которыми провелъ всю свою жизнь, и не взирая на проказы съ нимъ, никогда не жаловался на кадетъ, а угождалъ имъ, какъ могъ. У него всегда были въ запасъ булки и пироги для тѣхъ, которые, будучи оставлены безъ объда за шалость, прибѣгали къ его добродушію. Но въ такомъ случаѣ надлежало его убаюкать и обшачать раскаяніе и исправленіе. Притворяясь сердитымъ и непреклоннымъ, Бобровъ оставлялъ пирогъ или булку на столъ, и уходилъ въ другую комнату, крича: «извольте убираться!» Кадетъ бралъ съѣстное, и уходилъ. Это, что называется, *sauvez les apparences!* Нѣкоторымъ бѣднымъ, но отличнымъ кадетамъ Бобровъ помогалъ деньгами при выпускѣ ихъ въ офицеры. Величайшею его радостью, живѣйшимъ наслажденіемъ было, когда воспитан-

никъ Корпуса, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, по выпускѣ, навѣщалъ его, чтобъ сказать ему доброе слово. Проезжая, однажды, мимо Корпуса, не задолго до его кончины, мнѣ вздумалось вернуться къ Боброву — и я, въ качествѣ стараго воспитанника, сказалъ, что прѣхалъ поблагодарить его за попеченіе о моемъ дѣтствѣ, и припомнилъ ему, какъ онъ, бывъ еще полицейскимъ унтеръ-офицеромъ, поймалъ меня ночью на галереѣ съ шутихой, и на обѣщаніе мое отречься навсегда отъ любви моей къ фейерверкамъ, не пожаловался на меня дежурному офицеру, а только отнялъ мои снаряды, и тѣмъ избавилъ меня отъ неизбежнаго наказанія. Бобровъ расплакался, какъ дитя, отъ радости. «Вы помните это, вы не забыли этой мелочи!» говорилъ сквозь слезы добрый старикъ, обнимая и прижимая меня къ сердцу. Потомъ онъ засуетился, вздумалъ уго-

шать меня, хотѣлъ непременно влить въ меня нѣсколько самоваровъ чаю, выдвинулъ цѣлую корзину вина, и я принужденъ былъ силою вырваться отъ него, и бѣжать отъ его радушія не оглядываясь. Ну, ужъ это Русское радушіе! Не одного свело оно въ могилу. Бобровъ не оставилъ послѣ себя состоянія, следовательно, некому воспѣвать и прославлять его. Племянникъ его, бѣдный чиновникъ, добывавшій лишнюю копѣйку дѣланіемъ бумажныхъ коробочекъ, въ службѣ, похоронилъ на свой счетъ дядю, чрезъ руки котораго прошли казенные милліоны! Кладу цвѣтокъ на могилу добраго человѣка.

Когда въ Первомъ Корпусѣ былъ театръ, когда кадеты танцовали на придворныхъ балахъ и отличались на придворныхъ каруселяхъ, тогда весь городъ обращалъ вниманіе на Корпусъ. Когда же онъ ограничился своею внутреннею дѣя-

тельностью, въ городъ почти позабыли о немъ. И вдругъ все заговорили о Корпусъ! Что это такое? Объявлено въ афишахъ и въ газетахъ, что въ Корпусъ будетъ спущенъ *воздушный шаръ*, и что на немъ взлетятъ на воздухъ, кромъ хозяина шара, нѣсколько любителей физическихъ опытовъ. Въ корпусномъ саду, т. е. на плацъ-парадъ, гдѣ бываетъ ученье, стали строить огромный амфитеатръ, привлекавшій множество любопытныхъ. Нѣкто Черни, кажется родомъ Богемецъ, затѣялъ это предпріятіе. Это было время, близкое къ изобрѣтенію *воздухоплаванія* Монгольфьеромъ и къ усовершенствованію его опытами Бланшара. Вся Европа говорила объ этомъ, какъ теперь о желѣзныхъ дорогахъ, и на воздухоплаваніе полагали несбыточные надежды. Предпріятіе Черни взволновало Петербургъ, и еще до окончательной постройки цирка, все первыя мѣста были

разобраны. Это было осенью (кажется 1803 года). Наконецъ насталь день, назначенный для воздушнаго путешествія. Бывшій Полковникомъ въ Лейбъ-Гусарскомъ Полку, Индѣйскій Князь Визапуръ, съ своимъ темнооливковымъ лицомъ (почти чернымъ) и кудрявыми волосами, расхаживаль посреди цирка, между множествомъ гвардейскихъ офицеровъ и первыхъ щеголей столицы, привлекая на себя общее вниманіе. На него смотрѣли съ удивленіемъ и какимъ-то тайнымъ страхомъ. Онъ получилъ позволеніе подняться на воздухъ, вмѣстѣ съ Черни. Между тѣмъ, пока съѣзжалась публика, въ первой аллеѣ сада, примыкающей къ плацъ-параду, наполняли шаръ гасомъ, между четырьмя высокими холстинными щитами, чтобъ скрыть отъ публики шаръ и приготовительныя работы. Вокругъ этого мѣста выстроена была цѣпь кадетовъ съ ружьями. Музыка гремѣла возлѣ богата-

го павильона, устроеннаго для Царской Фамиліи. Вдругъ раздался трескъ!... Это что? Шаръ лопнулъ! закричали въ аллеѣ— и эти слова пронеслись по всему амфитеатру и возбудили сильное негодованіе. Обманщикъ! раздалось въ толпѣ, и множество народа бросилось изъ амфитеатра къ аллеѣ, гдѣ былъ шаръ, и къ кассѣ, гдѣ миловидная дочь Черни, долженствовавшая также подняться на воздухъ, продавала билеты. Тамъ также былъ кадетскій караулъ. Раздраженные зрители хотѣли приколотить Черни, за то, что вмѣсто воздушнаго шара, онъ надулъ публику, а другіе хотѣли только получить обратно свои деньги. Произошелъ ужасный беспорядокъ — шумъ, крикъ, толкотня; но кадеты отстояли, защитили и самого Черни, и дочь его, и кассу, и публика должна была выбратъся изъ сада ни съ чѣмъ. *Finita la comedia!* Полиція объявила, что на другой

день будутъ выдавать деньги за билеты, въ надлежащемъ порядкѣ.

Кадеты показали себя молодцами: сомкнули ряды и прикладами отогнали дерзкихъ. Помню, что болѣе всѣхъ отличился кадетъ Хомутовъ, высокій, красивый парень (бывшій потомъ отличнымъ командиромъ кавалерійскаго полка и, кажется, генераломъ), въ защитѣ миловидной дочери Черни, которую охранялъ также и Князь Визапуръ. Не знаю, что случилось съ Черни. Говорили, что онъ былъ посаженъ въ тюрьму, и будто открылось по слѣдствію, что онъ нарочно такъ устроилъ дѣло, чтобъ шаръ лопнулъ; но вѣрно то, что онъ не возвратилъ и десятой части собранныхъ имъ денегъ. Многіе богатые люди вовсе не посылали за деньгами; другіе послали и, не добившись толку, посмѣялись и забыли; прочіе посердились, побранили Нѣмца, и замолчали. Худо то, что Черни несправед-

ливо разглашалъ, будто часть кассы его разграбили, когда никто не прикоснулся къ ней. Черни умеръ въ Петербургъ, по миловидная дочь его скоро утѣшилась отъ всѣхъ случившихся съ нею горестей. Она долго шеголяла по Петербургу, подъ покровительствомъ добрыхъ людей, сострадающихъ несчастной красотѣ.

Послѣ этого прѣѣхалъ въ Петербургъ извѣстный воздухоплаватель Гарнерень, и также возвѣстилъ, что взлетитъ на воздухъ изъ корпуснаго сада. Онъ исполнилъ дѣло свое мастерски, безъ дальнѣйшихъ приготовленій, безъ постройки цирка. Удивительное зрѣлище *воздушный шаръ!* Истинная характеристика нравственной природы человѣка! Гарнерень поднимался на воздухъ, кажется, три раза. Въ одномъ воздухоплаваніи соупотствовала ему жена его; въ другомъ взлеталъ съ нимъ помощникъ его, мусье Александръ, красивый, видный мужчина,

удивительной смѣлости и расторопности. На огромной высотѣ онъ завернулся въ сѣть парашюта, и выпрыгнулъ изъ лодки. Сердца зрителей вздрогнули. Нѣсколько времени онъ, въ паденіи, вертѣлся какъ брошенный камень; многимъ дамамъ сдѣлалось дурно, всѣ ожидали несчастной развязки, и вдругъ парашютъ распустился, и понесся медленно на землю. Раздались рукоплесканія, крики ура — и парашютъ опустился на корпусномъ дворѣ, однакожь не безъ опасности, потому что, въ самомъ углу, едва не зацѣпился концемъ о кровлю. Мусье Александръ, ступивъ на землю, вышутался ловко изъ сѣти парашюта, подпрыгнулъ, щелкнулъ пальцами, и воскликнулъ: «на этотъ разъ спасенъ!»

Съ Гарнерепемъ въ третій разъ поднимался на воздухъ Генераль Л-въ, человекъ любезный въ обществѣ, *bon vivant*, всѣмъ тогда извѣстный въ Петербургѣ.

На этотъ счетъ ходили тогда по городу, нельзя сказать стихи, а рюмовапная шутка :

Генералъ Л-въ
 Взлетѣлъ до облаковъ,
 Просить боговъ,
 Объ уплатѣ долговъ.
 На землю возвратился,
 Ни съ кѣмъ не расплатился!

Этой шуткой и правда дошла до Императора Александра, и Онъ, посмѣявшись, велѣлъ заплатить долги Генерала Л-ва, приказавъ ему сказать, что это послѣднія деньги, которыя посыпались на него съ неба!

Изъ внѣшнихъ событій, имѣвшихъ вліяніе на Корпусъ, припомню только празднованіе (въ 1803 году) *столѣтія* отъ основанія Петербурга. Мы участвовали только въ общемъ парадѣ войскъ, вокругъ монумента Петра Великаго, на Исакіевской Площади, в слушали молебствіе подъ открытымъ небомъ. Нашъ

Корпусъ, уже одѣтый по новой формѣ, въ киверахъ и короткихъ мундирахъ, стоялъ возлѣ самаго монумента, на *первомъ* мѣстѣ. Это было впервые, что Корпусъ былъ въ парадѣ вмѣстѣ съ полками гвардіи и арміи, и до моего выпуска въ другой разъ это не повторялось. Изъ нововведеній по фронтовой части помнятся мнѣ два. У насъ прежде не было музыки, а были только *кларнетисты*, (*) въ каждой ротѣ по одному. Когда роты учились отдѣльно, одинъ кларнетистъ игралъ извѣстный *Дессаускій маршъ*, Фридриха Великаго, а при баталіонномъ ученьѣ кларнетисты играли вмѣстѣ. При Императорѣ Александрѣ Павловичѣ въ полкахъ заведена музыка, и Цесаревичъ доставилъ это удовольствіе Корпусу. Въ

(*) Такъ было во всѣхъ Нѣмецкихъ войскахъ, и теперь, въ обыкновенномъ разговорномъ Нѣмецкомъ языкѣ и въ Шведскомъ, полковые музыканты называются *кларнетистами*.

это же время кадетовъ стали обучать стрѣльбѣ холостыми зарядами. Прежде того мы знали только ружейные приемы, но не умѣли заряжать ружья порохомъ. По учебной части введено важное улучшение. М. С. Перскій, человекъ отлично образованный, произведенъ, по новому положенію, изъ Капитановъ въ Подполковники, и назначенъ Инспекторомъ Классовъ. По его представленію, при первомъ верхнемъ классѣ учреждено было отдѣленіе, въ особой комнатѣ, для чертежной и вообще для занятія высшими военными науками и математикой. Туда поступали лучшіе ученики. { Классъ этотъ назывался Офицерскимъ Отдѣленіемъ. Цесаревичъ В. К. Константинъ Павловичъ доставилъ еще два благодаренія Корнусу. По его представительству стали выпускать изъ корпуса въ гвардію, офицерскими чинами, и недостаточнымъ кадетамъ, выпускаемымъ въ артиллерію и

въ армію, назначено денежное пособіе на обмундировку.

Но самый важный нравственный переворотъ въ Корпусѣ, т. е. между кадетами, которые хотѣли что либо знать, произвело изданіе П. С. Желѣзниковымъ классной книги (*Lesebuch*), подъ заглавіемъ: *Сокращенная Библіотека* (въ 4 частяхъ). Это избранныя мѣста и отрывки (имѣющіе полный смыслъ) изъ лучшихъ Русскихъ писателей (въ стихахъ и прозѣ), изъ древнихъ классиковъ и знаменитѣйшихъ Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ старыхъ и новыхъ писателей, въ отличныхъ переводахъ. Желѣзниковъ извлекъ, такъ сказать, эссенцію изъ древней и новой философіи, съ примѣненіями къ обязанностямъ гражданина и воина, выбралъ самыя плодovitыя зерна, для посѣва ихъ въ умъ и сердце юношества. Различные отрывки въ этой книгѣ заставляли насъ размышлять,

взоцрять собственный разумъ и искать въ полныхъ сочиненіяхъ продолженія и окончанія *предложеній*, поправившихся намъ въ отрывкахъ. Кроме того, въ *Сокращенной Библиотекѣ* мы находили образцы слога и языка, примѣры систематическаго изложенія мыслей и примѣры гражданскаго и военнаго краснорѣчія. Книга эта была для насъ путеводительною звѣздою на мрачномъ горизонтѣ, и сильно содѣйствовала умственному нашему развитію и водворенію любви къ просвѣщенію.

II.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВА-
ВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. — ПЕРВЕНСТВО
ЛЮБЕЗНОСТИ И БАРСТВА ВЪ РОДѢ НАРЫШКИ-
НЫХЪ. — НЕПОДВИЖНЫЯ ЗВѢЗДЫ НА ГОРИЗОНТѢ
ОБЩЕСТВА. — БЛАГОДѢТЕЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВЕН-
НЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ И ВЫСОКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ. —
СТРАСТЬ КЪ УВЕСЕЛЕНІЯМЪ. — ТЕАТРЫ. — МУЗЫ-
КАЛЬНОЕ СОБРАНІЕ. — МАСКАРАДЫ ФЕЛЬЕТА. —
ЗАГОРОДНЫЯ ПРАЗДНИКИ И ПЛЮШКИ. — ДЕЩЕ-
ВИЗНА. — ГРАФЪ ВАЛИЦКІЙ И СЛУХИ О ЕГО ПРИ-
КЛЮЧЕНІЯХЪ. — ВОЛОКИТСТВО ЗА ФОРТУНОЮ. —
ПАРИЖСКІЯ РАЗБОЙНИКИ. — ОРИГИНАЛЫ, ИЛИ
ЭКСЦЕНТРИКИ. — ПОЛЬСКІЙ ЦАНЪ И ВЕНГЕРСКІЙ
МАГНАТЪ. — *Va-banque!* — ГОРДОСТЬ ПРОТИВУ
ГОРДОСТИ, ИЛИ ПРЕТЕНДЕНТЪ КОРОНЫ ПОЛЬ-
СКОЙ. — ХАРАКТЕРИСТИКА МИРАБО И ЛАФАЙЕТА.

ОБРАЗЕЦЪ СВѢТСКАГО ЧЕЛОВѢКА. — ВЫПУСКЪ ИЗЪ
КОРПУСА. — ЦѢНЫ ТОГДАШНЕЙ ОБМУНДИРОВКИ.

Каждое Воскресеніе и во всѣ праздничные дни матушка брала меня со двора, и я снова заглянулъ въ свѣтъ, который не существовалъ для меня за корпусными стѣнами. Я уже былъ не ребенокъ, и могъ многое понимать; однако жъ, многое видѣнное и слышанное тогда, сдѣлалось для меня яснымъ уже въ послѣдствіи, когда я могъ разсуждать основательно и сравнивать.

Все приняло другой видъ, и самая жизнь Петербургскаго общества измѣнилась со вступленія на престолъ Императора Александра. Блистательная звѣзда Двора Императрицы Екатерины II закатилась: Левъ Александровичъ Нарышкинъ уже лежалъ въ могилѣ. Поступивъ ко Двору въ первой молодости, при Императрицѣ Елиса-

ветъ Петровиъ, онъ, по знатности своего рода, по богатству, по уму и характеру занималъ всегда почетное мѣсто, и сохраняя всегда милость царствующимъ особѣ, пользовался даже особенною довѣренностію Императора Петра III, и дожилъ до глубокой старости, сохранивъ всю свою любезность и весь преданія утонченности придворныхъ обычаевъ. Я слышалъ отъ близкихъ къ нему людей много весьма любопытнаго изъ разсказовъ Л. А. Нарышкина о прошлыхъ временахъ. Онъ сопровождалъ Императора Петра III въ Шлиссельбургскую Крѣпость, для свиданія съ бывшимъ въ колыбели Императоромъ Іоанномъ Антоновичемъ, видѣлъ его и слышалъ его рѣчи. Л. А. Нарышкинъ говорилъ, что Іоаниъ Антоновичъ былъ красавецъ, имѣлъ прекрасные голубые глаза съ черными рѣсницами и бѣлокурые волосы, стриженные въ кружокъ, по-Русски. Природный

умъ отзывался въ его словахъ. Бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, и зная лично всѣхъ людей, игравшихъ первую роль въ государствѣ, Л. А. Нарышкинъ помнилъ множество анекдотовъ, которые въ концѣ своей жизни рассказывалъ своимъ приближеннымъ. Жаль, что все это пропало для исторіи! Даже Князь Потемкинъ-Таврическій не былъ гордъ передъ Л. А. Нарышкинымъ, и, напротивъ, искалъ его пріязни, потому что онъ былъ истиннымъ патриархомъ и коноводомъ высшего общества столицы, которое, при всей своей уклончивости, поражало иногда выскочекъ стрѣлами эпиграмъ. Послѣ смерти Л. А. Нарышкина не было, такъ сказать, главы въ обществѣ, но сыновья его сохранили принадлежащее имъ первенство, потому что никто не могъ подражать Нарышкинской манерѣ. Были имъ равные родомъ и

вышіе богатствомъ, но никто не умѣлъ быть въ такой степени *бариномъ* (*grand seigneur*), какъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ и сыновья его, Александръ Львовичъ и Дмитрій Львовичъ, никто не могъ съ необыкновенною простотою въ обхожденіи соединить такой благородный тонъ и самую фамилярностью внушать къ себѣ уваженіе, какъ Нарышкины. Александръ Львовичъ жилъ открыто: домъ его называли *Дѣшамъ*. Тутъ собиралось все умное и талантливое въ столицѣ, а между ими умъ хозяина разсыпался ежедневно искрами, которыя иногда больно обжигали глупую гордость и неумѣстное чванство, но большею частію возбуждали веселость. Дмитрій Львовичъ, мужъ первой красавицы въ столицѣ, изобиловавшей красавицами, жилъ также *бариномъ*, но въ другомъ родѣ. Балы его и праздники имѣли болѣе офиціальности и менѣе той благородной

свободы, которая составляет всю прелесть общества. Дмитрій Александровичъ приглашалъ гостей, а у Александра Львовича домъ всегда былъ полонъ друзей и приверженцевъ. Домъ Князя Алексея Борисовича Куракина приманивалъ къ себѣ необыкновенною любезностію хозяйки, Княгини Натальи Ивановны. Въ домъ Графа Александра Сергѣевича Строгонова, невестка его, Графиня Софья Владиміровна, привлекала общество своимъ искреннимъ радушіемъ. Словомъ, въ Петербургскомъ обществѣ были, такъ сказать, неподвижныя звѣзды, солнца, къ которымъ каждому образованному дворянину или таланту можно было пристать въ спутники, т. е. были древнія фамиліи, исполняющія законы гостепріимства по древнимъ обычаямъ. Новые вельможи хотѣли, но не умѣли подражать Русскому барству. Выскочки всегда боялись унизиться или скомпромитировать-

ся, допуская свободу въ своемъ обществѣ, а вѣчный этикетъ пораждаеть скуку. Вообще, едва ли Петербургское общество было когда либо въ такой сильной степени расположено къ веселой и открытой жизни, какъ въ началѣ царствованія Императора Александра. Всѣ сердца наполнены были какою-то сладостною надеждою, какими-то радостными ожиданіями, и каждый день, порождая какое нибудь новое добро, освѣжалъ душу, воспаменялъ сильнѣе любовь къ благодушному Государю и привлекалъ къ наслажденію жизнию.

Россія жаждала мира съ Англіей, безъ которой не могла обойтись тогда ни привозная, ни отпускная Русская торговля—и съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра Павловича, коммерческія и политическія сношенія Россіи съ Франціею и Англіею возобновились, въ ожиданіи заключенія трактата, долженство-

вавшаго утвердить всеобщій, прочный миръ въ Европѣ. Множество знатныхъ иностранцевъ прїѣзжали въ Петербургъ, единственно съ тою цѣлю, чтобъ увидѣть Государя, на котораго вся монархическая Европа полагала свои надежды, прославляя всѣ новыя мѣры юнаго Императора.) Права и преимущества Русскаго Дворянства (дарованныя въ 1785 году) снова были подтверждены, и произвели общій восторгъ. Тайная Экспедиція уничтожена. Не только всѣ ссылочные не за уголовныя преступленія, но даже и многіе преступники, не закоренѣлые, а вовлеченные въ преступленіе страстями, прощены, и назначена ревизія для всѣхъ вообще ссылочныхъ, между которыми найдены безвинные. Задолжавшимъ въ казну, по несчастнымъ обстоятельствамъ, прощены долги. Благодѣтельное Городовое Положеніе снова введено въ силу, и возобновлены въ городахъ Думы, Маги-

страты и Управы Благочинія. Иностранцамъ позволено снова въѣзжать въ Россію и жить въ ней свободно, а Русскимъ по произволу выѣзжать въ чужіе края. Духовенство, даже въ уголовныхъ преступленіяхъ, избавлено отъ тѣлеснаго наказанія: Уничтожены не только пытка, но и всякое истязаніе при допросахъ, даже въ уголовныхъ дѣлахъ, и конфискація имѣнія преступниковъ. Дозволено купечеству, мѣщанству и крестьянскому сословію пріобрѣтать земли въ вѣчное владѣніе, и учреждено сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ позволеніемъ увольнять цѣлыя помѣстья. Учреждены Университеты, Педагогическій Институтъ, Гимназіи и приходскія училища. Обращено особенное вниманіе на основаніе порядка въ государственныхъ финансахъ, на поощреніе земледѣлія, торговли и промышленности. Учреждены, на прочныхъ правилахъ, Американская

и Бѣломорская Компанія, и выслано первое путешествіе вокругъ Свѣта, подъ начальствомъ Крузенштерна. Войско получило новое преобразование, на основаніи введенной Императоромъ Павломъ Петровичемъ дисциплины, смягченной правильнымъ теченіемъ службы... и все это исполнилось въ три года, отъ 12-го Марта 1801 до 1804 года!...

Государю было всего двадцать семь лѣтъ отъ рожденія. Онъ былъ и добръ, и прекрасенъ, и среди важныхъ государственныхъ занятій снисходилъ къ желанію обожавшихъ Его подданныхъ, и посѣщалъ и частныя и публичныя собранія. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, Французская революція нагнала мрачныя облака на всѣ Европейскіе Дворы, и политическія событія, тревожа умы, не располагали къ веселію. Мѣры предосторожности отразились и на частныхъ обществахъ, и вездѣ какъ-то

пріутихли. Наконецъ, сильная рука геніяльнаго Наполеона Бонапарте, провозглашеннаго пожизненнымъ Консуломъ, оковала гидру Французской Революціи. Во Франціи возстановлены религія и гражданскій порядокъ, и всѣ Европейскія Державы трактовали въ Аміенъ о заключеніи общаго и прочнаго мира. Ни какихъ опасностей не предвидѣлось ни внутри, ни извнѣ; ожившая торговля разсыпала деньги; вездѣ было довольство, и люди, какъ будто послѣ болѣзни, спѣшили наслаждаться жизнию!

Въ Петербургъ были превосходныя театральныя труппы: Русская, Французская, Нѣмецкая, Италіянская Опера, въ которое время даже Польская труппа, подъ управленіемъ антрепренера Кажинскаго (отца отличнаго музыканта и композитора, Виктора Кажинскаго, нынѣ проживающаго, въ Петербургѣ), и наконецъ, знаменитая балетная труппа. На

Русской сценѣ давали трагедіи, комедіи, водевили и оперы; на Французской также трагедіи, комедіи, водевили и комическія оперы; на Нѣмецкой сценѣ — трагедіи и комедіи. Италіянская Опера была отличная. Примадонна Манджолетти, теноры Пасква и Ронкони, буффо Непчини и Замбони почитались *первыми* въ Европѣ. Нашъ трагикъ Яковлевъ и трагическая актриса Катерина Семеновна Семенова, комики: Бобровъ, Рыкаловъ, Воробьевъ, пѣвцы Самойловъ и Гуляевъ, пѣвица Саудунова и множество прелестныхъ актрисъ были бы отличными и въ самомъ Парижѣ. Фелись-Андріе была первою пѣвицею во Французской Оперѣ. Въ балетѣ мы имѣли перваго Европейскаго танцора Дюпора, знаменитаго Огюста, балетмейстера Дидло и нашихъ танцовщицъ, не уступавшихъ Таліони: Евгенію Ивановну Колосову, чудную красавицу Данилову (умершую, какъ говорили

тогда, отъ любви къ невѣрному Дюпору), Иконину и потомъ Истомину. Словомъ, въ отношеніи изящества, Петербургъ не уступалъ Парижу, и, что всего важнѣе, Директоромъ Театровъ былъ знатный баринъ, умный, образованный, ласковый, привѣтливый Александръ Львовичъ Нарышкинъ! Въ нынѣшнемъ домѣ Коси-ковскаго (у Полицейскаго Моста) было *Музыкальное Собраніе*, котораго членами были самъ Государь и всѣ Высокія Особы Августѣйшаго Семейства, а за ними, разумѣется, и вся знать. Тутъ бывали концерты и блистательные балы. Въ домѣ Графа Куселева, Французъ Фельетъ, въ огромныхъ залахъ, давалъ маскарады, которые также посѣщаемы были всѣмъ высшимъ сословіемъ. Всѣ знатные и богатые люди имѣли собственныя шлюпки или катера, богато изукрашенные: въ хорошую погоду Нева была ими покрыта, и воздухъ оглашался Русскими

пѣснями, прекрасно исполняемыми удалыми гребцами. Каждый хорошій лѣтній вечеръ былъ праздникомъ для всего города, и толпы горожанъ расходились по барскимъ дачамъ, на которыхъ веселились любимцы фортуны.

Дешевизна была удивительная! Тогда вся молодежь лучшихъ фамилій и всѣ гвардейскіе офицеры ходили въ партеръ (гдѣ нынѣ кресла), и за входъ платили *одинъ рубль мѣдью*. Было только нѣсколько первыхъ рядовъ креселъ, и кресла стоили два рубля съ половиною мѣдью. За входъ въ маскарадъ платили рубль мѣдью. Отличный обѣдъ, съ пивомъ, можно было имѣть у Френцеля (на Невскомъ Проспектѣ, рядомъ съ домомъ Строгонова) и въ трактиръ *Мысль Доброй Надежды* (гдѣ Физіонотипъ, въ Большой Морской), за пятьдесятъ копѣекъ мѣдью. За два и за три рубля мѣдью можно было имѣть обѣдъ гастрономическій, съ виномъ и

дессертомъ, у Юге (въ Демутовомъ Трактирѣ), Тардифа (въ Hôtel de l'Europe, на углу Невскаго Проспекта, въ нынѣшнемъ домѣ Грѣфа, а потомъ въ домѣ Кушелева) и у Фельета, содержателя маскаратовъ. Помню, что въ маскарадѣ за жаренаго рябчика платили по 25 и 30 копѣекъ мѣдью, за бутылку шампанскаго по два рубля! Фунтъ кофе стоилъ въ лавкахъ сорокъ копѣекъ, фунтъ сахара полтина мѣдью. Обыкновенное хорошее столовое вино продавали по сорока копѣекъ и по полтинѣ. Французскихъ и Англійскихъ товаровъ была бездна, и они продавались втрое дешевле, чѣмъ нынѣ продаются Московскія *кустарныя* произведенія съ *казовымъ концемъ*, т. е. *напоказъ* плохое, а внутри вовсе негодное!

Въ это время, между 1804 и 1806 годомъ, появился въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ человекъ, способство-

вавшій миъ узнать лучшее общество, чело-
вѣкъ необыкновенный во всѣхъ отноше-
ніяхъ, и до сихъ поръ оставшійся нераз-
гаданнымъ. О немъ я долженъ упомя-
нуть, какъ о явленіи весьма рѣдкомъ.

Въ наше время, когда гражданское
общество, бывъ взволновано, какъ мо-
ре, вошло въ прежнее свое ложе и
сверхъ того подчинилось аргусовымъ
взглядамъ книгопечатанія, уже не мо-
жетъ быть подобнаго явленія: мы теперь
или все знаемъ, или хотимъ все знать, и
если не можемъ проникнуть истины, то
лжемъ и клеветемъ, чтобъ только пока-
заться всезнающими. Тогда люди были
снисходительнѣе и безпечнѣе: спѣшили
жить, такъ сказать, бѣжали впередъ, и
рѣдко оглядывались; каждый заботился
о своемъ спокойствіи и наслажденіи, не
безпокая никого, и общество не соста-
вляло Индѣйской касты, недоступной
неодноплеменнику. Дворянство всѣхъ

странъ признавало всѣхъ своихъ сочленовъ равными. Очерки границъ на географическихъ картахъ часто измѣнялись, и старинные члены государства не смѣли пренебрегать *новыми* соотчичами и даже чужеземцами, находя въ нихъ всѣ условія хорошаго общества. Но, обратимся къ человѣку, который могъ бы быть героемъ весьма занимательнаго романа, если бы жизнь его была вполне извѣстна.

Валицкій, Польскій шляхтичъ хорошей старинной, но объединившей фамиліи, воспитывался въ Могилевѣ, на счетъ дяди моего (старшаго брата моей матери), Крайчаго (т. е. кравчаго) Литовскаго, Бучинскаго, будучи родственникомъ (не знаю въ какой степени) фамиліи Бучинскихъ, и оказавъ необыкновенныя способности въ наукахъ, обладалъ необыкновеннымъ природнымъ умомъ. По окончаніи воспитанія, дядя мой, по тогдашнему обычаю, подарилъ Валицкому

бричку, четыре лошади, саблю, ружье, пару пистолетовъ; далъ кучера и мальчика для прислуги; снабдилъ постелью, бѣльемъ и нѣсколькими парами платья, и вручивъ сто червонцевъ и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ въ Вильну и Варшаву, отправилъ молодаго человѣка въ путь, какъ говорится, куда глаза глядятъ, на всѣ четыре стороны. Такъ велось въ старинной Польшѣ. Бѣдные дворяне, родственники или чужіе, воспитывались на счетъ богатыхъ, и потомъ, съ подобнымъ приданымъ, отправляемы были въ свѣтъ, для исканія счастья, или, какъ говорили Поляки : *на волокитство за фортуной* (*w umizgi do fortuny*). У нѣкоторыхъ старыхъ Поляковъ былъ еще обычай, передъ отправленіемъ въ свѣтъ своихъ питомцевъ, растянуть ихъ на коврѣ, въ гостиной, т. е. въ лучшей комнатѣ своего дома, и влупить сто ударовъ плетью (*sto bicznow*), ни за что, ни

про что, безъ всякой вины, единственно для внушенія осторожности и притушенія гордости! Но съ Валицкимъ этого не сдѣлало. Получивъ благословеніе и благіе совѣты, онъ отправился въ путь, не задолго до присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи. Ему было тогда лѣтъ осмнадцать отъ рожденія. Съ этихъ поръ онъ пропалъ безъ вѣсти, исчезъ какъ камень, брошенный въ воду, и появился въ Варшавѣ, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія изъ Польши, въ началѣ Польской Революціи, Графомъ и богатѣйшимъ человекомъ. Графство купилъ Валицкій въ какомъ-то Италіянскомъ владѣніи, и Король Польскій призналъ его въ этомъ достоинствѣ, слѣдовательно, онъ былъ *не самозванецъ*, какъ нѣкоторые утверждали. Король, за пожертвованіе значительныхъ суммъ въ пользу учебныхъ заведеній, наградилъ его орденомъ Св. Станислава первой степени. Мало того,

что онъ былъ Графомъ и милліонщикомъ, онъ находился въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ значительнѣйшими фамиліями въ Италіи, Франціи, Англіи и Германіи, и его хорошо принимали при многихъ Дворахъ. Рѣчь, тонъ, манеры, образъ жизни, все обнаруживало въ Валицкомъ человѣка, привыкшаго къ высшему обществу, а жилъ онъ, какъ настоящій герцогъ времянь Людовика XIV. Всѣ терялись въ догадкахъ на счетъ пріобрѣтенія Валицкимъ богатства, и всѣ старались пріобрѣсть его дружбу или благосклонность, потому что обѣды его были знамениты во всей Европѣ, щедрость изумительная, обхожденіе самое пріятное, вкусъ во всемъ изящный, краснорѣчіе увлекательное и правъ самый веселый и уживчивый. Онъ былъ всю жизнь холостъ, но принималъ и дамское общество, избирая для каждаго бала новую хозяйку изъ высшаго общества. Въ

домъ у Валицкаго играли въ карты, и онъ игралъ превосходно во всѣ игры, выигрывалъ большія суммы, но и проигрывалъ иногда, и игралъ чисто, честно и пріятно, былъ, какъ говорится, beau joueur, что тогда почиталось важнымъ качествомъ въ свѣтскомъ человѣкѣ. Общее мнѣніе утверждало, что Валицкій составилъ себѣ богатство игрою, но гдѣ и какъ — этого никто не зналъ навѣрное. Мнѣ рассказывали, что нѣсколько разъ знаменитые шулеры, т. е. фальшивые игроки, составляли противу него заговоры, чтобъ обыграть его *на-вѣрную*, и всегда платили за это дорого!

Contre coquin, coquin et demi, говаривалъ Валицкій, и очищалъ до конѣйки шулеровъ, наказывая ихъ за дерзкое покушеніе. Иногда онъ возвращалъ деньги нѣкоторымъ шулерамъ, если они ему нравились, а чаще отдавалъ выигранное на бѣдныхъ, не желая пользоваться, по

его словамъ, *штуками*, употребляемыми для наказанія непріятелей!

Не знаю, былъ ли таковъ Валицкій *всегда*, т. е. когда былъ бѣденъ; въ последнее время, т. е. когда онъ выступилъ на свѣтское поприще богачемъ, общее мнѣніе утверждало, что онъ игралъ честно, но чрезвычайно искусно и *счастливо*, и каждый, почитавшій себя хорошимъ игрокомъ, смѣло садился съ нимъ за карточный столъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ послѣ возвращенія Валицкаго въ отечество, даже зависть не могла бросить тѣни на его поведеніе, а репутація его оставалась неприкосновенною. Клевета истощала весь свой ядъ на неизвѣстный, тайный періодъ жизни Валицкаго: вѣрнаго не было ничего.

Говорятъ, что онъ уже въ глубокой старости, поселившись въ Вильнѣ, открылъ всѣ тайны своей жизни Генералу Коссаковскому, съ которымъ жилъ въ

тѣсной дружбѣ. Но эти тайны погребены вмѣстѣ съ обоими друзьями въ могилѣ! Нѣкоторыя *данныя*, однакожъ, остались въ памяти людей, и доискиваясь математически *неизвѣстнаго*, по нѣсколькимъ *извѣстнымъ*, кое-что открыто. Были люди, которые видывали Валицкаго въ различныя эпохи и въ разныхъ краяхъ, и онъ самъ никогда не запирался, когда ему говорили правду, не объясняя, однако жъ, подробностей, и не распространяясь въ разсказахъ. Напримѣръ, Валицкаго спросили: «Правда ли, что Князь Фр. Сап. встрѣтилъ васъ въ крайней бѣдности, въ Галиціи?» — «Правда, отвѣчалъ Валицкій: я былъ безъ куска хлѣба и безъ гроша денегъ, и Князь сдѣлалъ мнѣ добро, котораго я никогда не забуду.» — «Какъ это было?» На этотъ вопросъ Валицкій уже не отвѣчалъ, а отдѣлывался обыкновенными фразами: это для васъ не интересно, а для меня скучно, и т. п.

Вѣрно то, что Валицкій имѣлъ съ молодости страсть и необыкновенныя способности къ карточной игрѣ, а какъ тогда *всѣ и вездѣ* играли, и азардныя игры были не запрещены, то во всѣхъ трактирахъ и кофейняхъ, въ большихъ и малыхъ городахъ, метали банкъ и штось, и повсюду были цѣлыя шайки игроковъ, которые развѣзжали по ярмаркамъ, какъ купцы съ товарами, плелись за войскомъ, какъ маркитанты, имѣли въ городахъ свои открытыя залы, и не стыдились своего ремесла. Еще я помню, въ Вильнѣ, такъ называемую, *Серебряную Залу*, въ домѣ Генеральши Фитингофъ, и въ Варшавѣ (когда послѣ Парижскаго мира была тамъ главная квартира Князя Барклая де Толли, до провозглашенія Царства Польскаго) залу Г-жи Нейманъ (Pani Neumannowej), въ Hôtel de Hambourg, гдѣ *каждый вечеръ* метали банкъ и играли въ штось, на нѣсколькихъ столахъ, и гдѣ

были *въ оборотъ* сотни тысячъ рублей! Многие полагали даже, что публичная игра, хотя и противна правиламъ порядка и правственности, однакожь не производитъ столько бѣдствій, какъ игра тайная, въ которой нѣсколько шулеровъ, сговорившись, просто грабятъ неопытныхъ или страстныхъ игроковъ. На публичной игрѣ трудно обманывать, потому что одни шулеры наблюдаютъ за другими, и тотчасъ воспользуются случаемъ, узнавъ средства обмана. Валицкій, пустившись въ свѣтъ искать счастья, сталъ играть въ карты, выигрывалъ, проигрывалъ, и наконецъ доигрался до того, что въ Лембергѣ остался совершенно на мели, и, какъ говорили, долженъ былъ, ради насущнаго хлѣба, опредѣлиться въ маркеры въ трактиръ. Въ то время между богатыми и знатными людьми было весьма много людей оригинальныхъ, или, какъ нынѣ говорятъ, *эксцен-*

трическихъ, т. е. людей, которые жили особою жизнью, вопреки своему рождению и состоянію, искали повсюду приключеній, и бóльшую часть жизни проводили въ странствіяхъ, вькогнито, мѣшаясь со всѣми сословіями, посѣщая мѣста самыя низкія, и находя единственное наслажденіе въ сильныхъ ощущеніяхъ, въ внезапностяхъ, въ необыкновенныхъ событіяхъ, подвергаясь даже опасностямъ. Таковъ былъ и Князь Фр. Сап., принадлежавшій по рождению и богатству къ разряду первыхъ Польскихъ пановъ. Въ первой своей молодости онъ уже былъ Главнымъ Начальникомъ Артиллеріи Литовской (Генераломъ отъ Артиллеріи), получивъ это важное званіе не заслугою, потому что онъ вовсе не служилъ, а милостію Короля, желавшаго склонить сильную партію его фамиліи на свою сторону. Отецъ Князя Фр. Сап. былъ Канцлеромъ. Во время всеобщаго

возстапія въ Польшѣ, подъ начальствомъ Костюшки, Князь Фр. Сап. объявилъ, что онъ чувствуетъ себя неспособнымъ къ такому высокому званію, предложилъ Костюшкѣ выбрать достойнаго въ Генералы Артиллеріи, и самъ поступилъ въ Капитаны. Этотъ поступокъ обнаруживаетъ характеръ Князя Фр. Сап. Я зналъ его лично въ Парижѣ, и бывалъ у него въ домъ въ Вильнѣ и въ имѣніи его, въ Гродненской Губерніи. Это былъ чловѣкъ необыкновеннаго просвѣщенія и образованности, умный, острый, милый, любезный въ обхожденіи, безъ малѣйшей гордости, простодушный и добрый — но чудакъ! Онъ терпѣть не могъ всякой выставки богатства и всякаго этикета, рѣдко, только проѣздомъ, жила въ своемъ великолѣпномъ помѣстьѣ, и безпрестанно странствовалъ по Европѣ, съ однимъ камердинеромъ и запасомъ банкирскихъ векселей въ карманѣ, посѣщая игорные

домы и всѣ самыя сокровенныя мѣста въ большихъ городахъ. Кажется, будто Евгений Сю съ него списалъ типъ характера своего Князя Родольфа, въ *Парижскихъ Тайнахъ!* И точно, Князь Фр. Сап. въ теченіе своей жизни сдѣлалъ много тайнаго добра, спасъ многихъ несчастныхъ отъ гибели, въ безднѣ разврата, и даже многихъ отвлекъ отъ преступленій. Вотъ примѣръ, какимъ опасностямъ подвергался онъ, удовлетворяя страсти своей къ приключеніямъ. Это слышалъ я отъ него. Въ одно изъ своихъ путешествій во Францію, онъ, въ дилижансѣ, познакомился съ Французомъ, весьма пріятной наружности, хорошаго тона и отличнаго образованія. Пріѣхавъ въ Парижъ, они разстались, но, по какому-то особенному случаю, Князь весьма часто встрѣчалъ своего спутника, то въ трактирахъ, за обѣдомъ, то на прогулкахъ, то въ театрѣ, и встрѣтись, иногда проводилъ съ нимъ

цѣлый день, находя удовольствіе въ его бесѣдѣ. Ни тотъ, ни другой не спрашивали другъ друга о мѣстѣ жительства, хотя и знали одинъ другаго по фамиліи. Французъ называлъ себя графомъ старинной аристократіи. Однажды, когда Князь возвратился вечеромъ домой, чтобъ переодѣться въ театръ, онъ нашелъ записку отъ своего прежняго спутника, въ которой онъ просилъ Князя заѣхать къ нему на четверть часа, по *весьма важному дѣлу*, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства, увѣдомляя, что онъ нездоровъ, и по этому не можетъ самъ явиться, надѣясь впрочемъ, что Князь, по благородству характера, не откажетъ ему въ этомъ. Князь думалъ, что вѣрно важное дѣло состоитъ въ денежномъ пособіи, какъ это неразъ уже съ нимъ случилось, и взявъ съ собою нѣсколько сотъ франковъ, отправился немедленно по адресу. Князь засталъ своего знакома

въ шлафрокъ, въ комнату, убранной со вкусомъ. Въ передней были два лакея. Попросивъ Князя съестъ, пріятель сказалъ ему безъ обиняковъ, съ веселою улыбкою: «Я уже давно волочусь за вами, любезный Князь, и наконецъ достигнулъ своей цѣли! Вы богаты, а я бѣденъ. Мнѣ извѣстно, что у васъ въ шкатулкѣ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, и вы должны сей часъ же написать къ вашему камердинеру, чтобъ онъ отдалъ ее моему посланному, въ противномъ случаѣ, вы не выйдете отсюда живымъ»... При этомъ онъ позвонилъ, и изъ передней вбѣжали два лакея, а изъ другой комнаты два человека ужасной физіономіи, съ пистолетами и кинжалами. Сопротивляться было невозможно, и Князь, при своей неустрашимости и своемъ хладнокровіи, безпрекословно исполнилъ требованіе разбойниковъ. Одинъ изъ нихъ немедленно отправился въ квартиру Князя, а между тѣмъ

спутникъ Князя продолжалъ съ нимъ разговоръ.—«Это, конечно, не вѣжливо,» сказалъ онъ: «но вѣдь эта сумма не разоритъ васъ въ конецъ, а намъ дастъ средство ускользнуть въ Америку, отъ неспознаго здѣшняго правосудія, которое не даетъ намъ покоя! Я знаю васъ, Князь, еще съ послѣдняго вашего пребыванія въ Парижѣ,» продолжалъ онъ: «и тогда еще хотѣлъ *попросить васъ по-дѣлиться* со мною вашимъ достаткомъ, но не успѣлъ, и долженъ былъ удалиться изъ Парижа, отъ здѣшней неотвязной полиціи. Вы не повѣрите, какъ я обрадовался, встрѣтивъ васъ снова въ Парижѣ, и когда узналъ, что вы отправляетесь въ Седанъ, для осмотра суконной фабрики Барона Нефлиса, поспѣшилъ туда передъ вами, чтобъ имѣть удовольствіе познакомиться съ вами на обратномъ пути!...»—«Но не ужели вы, съ вашимъ образованіемъ, не могли избрать

лучшаго и безопаснѣйшаго средства къ существованію?» возразилъ Князь. «Я охотно помогъ бы вамъ въ этомъ»... — «Вы и дѣлаете это теперь,» отвѣчалъ, смѣясь, разбойникъ. «Я уже пробовалъ различныя средства къ пріобрѣтенію состоянія, но они миѣ не удавались, и вотъ теперь я уже связанъ, и не могу разстаться съ моими любезными товарищами,» примолвилъ разбойникъ, указывая на своихъ сообщниковъ. «Впрочемъ,» примолвилъ онъ: «ремесло хотя опасное, но прибыльное, какъ вы сами видите! Люди мы не злые, и не убьемъ васъ, потому что вы добровольно покорились, а чрезъ часъ насъ уже не будетъ въ Парижъ»... Пока они разговаривали такимъ образомъ, явился посланный и привезъ шкапулку. — «Браво!» воскликнулъ главный мошенникъ, и обратясь къ Князю, сказалъ: «Вы сдѣлали для насъ много, и теперь должны довершить доброе дѣло.

Мы васъ свяжемъ, такъ осторожно, однако жъ, чтобъ вамъ не было больно, уложимъ въ постель, завяжемъ ротъ, чтобъ вы не кричали и уйдемъ, а чрезъ восемь часовъ, оставшійся здѣсь пріятель уведомитъ вашего камердинера, чтобъ онъ освободилъ васъ. Хотя это *нѣсколько непріятно*, но все же лучше, чѣмъ быть заръзаннымъ!». . . . Вдругъ послышался у дверей стукъ. . . . Главный разбойникъ выглянулъ въ переднюю, и закричавъ: «*pous sommes trahis!*» (намъ измѣнили), бросился стремглавъ въ другую комнату, а товарищи его за нимъ. Въ комнату вбѣжалъ камердинеръ Князя съ пистолетами, а съ нимъ цѣлая толпа вооруженныхъ полицейскихъ служителей. Полицейскій комиссаръ, узнавъ отъ хозяина дома, что въ эту квартиру ведутъ двѣ лѣстницы, поставилъ караулъ у заднихъ дверей, и эти пять человѣкъ разбойниковъ, бѣглыхъ каторжниковъ, которыхъ

давно искала полиція, попалась въ западню! Ихъ обезоружили, перевязали, а Князю отдали шкатулку, посовѣтовавъ быть осторожнѣе въ знакомствахъ.

Вотъ какимъ образомъ Князь избавился отъ опасности и сохранилъ деньги. Камердинеръ его, Французъ, получивъ записку Князя объ отдачѣ шкатулки въ чужія руки, тотчасъ догадался, что тутъ скрывается какое нибудь злоумышленіе. Сперва онъ намѣревался задержать посланнаго, но опасался, чтобъ изъ этого не вышло чего нибудь дурнаго, потому что Князь писалъ, чтобъ прислать шкатулку *немедленно*, безъ всякихъ распросовъ. Онъ отдалъ шкатулку, но съ лонлакеемъ послѣдовалъ за посланнымъ. Они бѣжали за фіакромъ, пока не нашли на улицѣ другаго наемнаго экипажа. Доѣхавъ до дому, гдѣ происходила эта трагическая сцена, камердинеръ велѣлъ лонлакею узнать, по какой лѣстницѣ по-

сланный понесетъ шкатулку, а самъ по-скакалъ къ полицейскому комиссару. По особенному счастью, у комиссара была въ это время собрана полицейская команда, съ которою онъ намѣревался отправиться для обыска одного магазина, гдѣ хранилась контрабанда, и помощь Князю послѣла въ самую пору. Но это происшествіе вовсе не отучило Князя отъ исканія приключеній, и онъ даже говорилъ, что это одно изъ самыхъ *пріятныхъ воспоминаній въ его жизни!* «Вы не можете себѣ представить,» сказалъ онъ намъ: «какое блаженство чувствовалъ я, освободясь изъ этого разбойничьяго гнѣзда! Такихъ минутъ нельзя купить за милліоны! Во-первыхъ, деньги, находившіяся въ шкатулкѣ, казались мнѣ выигранными; во-вторыхъ, я почувствовалъ цѣлу жизни, бывъ на волосъ отъ смерти; а въ-третьихъ, я приобрѣлъ друга, въ моемъ вѣрномъ камердинерѣ.»

Князь, пересчитавъ деньги, которыя у него были въ шкатулкѣ, принудилъ камердинера взять вексель на эту сумму, и выплатилъ ее ему по возвращеніи въ отечество.

Таковъ былъ человекъ, который встрѣтилъ Валицкаго въ должности маркера, въ Лембергѣ. Разговорившись съ нимъ наединѣ, и узнавъ кто онъ, Князь, зная Бучинскихъ, потому что самъ имѣлъ огромныя помѣстья въ Бѣлоруссіи, предложилъ Валицкому свою помощь, и взялъ его съ собою въ Вѣну, въ качествѣ компаніона. Князь уѣхалъ изъ Вѣны въ Польшу, по дѣламъ, а Валицкій остался. Страсть къ игрѣ Князь не почиталъ порокомъ, потому что она обладала имъ самимъ въ сильной степени, и потому полюбивъ Валицкаго, онъ далъ ему денегъ, чтобъ, какъ говорятъ игроки, *разыгратъ*ся.

Въ какомъ-то закоулочномъ трактирѣ,

въ Вѣнѣ, Валицкій, въ складкѣ съ нѣсколькими товарищами, мелкими игроками, металъ банкъ. Было уже за-полночь. Счастіе благопріятствовало банкиру, и карманы понтерсѣть уже опустѣли. Компания намѣревалась закрыть банкъ, какъ вдругъ вошелъ въ комнату высокій, сухощавый, пожилой человекъ, съ длинными усами, въ Венгерской мѣховой шапкѣ, закутанный въ широкій Венгерскій плащъ. Онъ смотрѣлъ пристально на игру, и вдругъ взялъ со стола карту, подвинулъ къ банку, и сказалъ: *ва банкъ* (*va-banque!* т. е. на весь банкъ). Товарищи Валицкаго смутились, но онъ ободрилъ ихъ, и сказалъ, что будетъ метать — «Извольте прежде пересчитать деньги, и положите на столъ соотвѣтственную сумму,» сказалъ одинъ изъ участниковъ банка. Требованіе было справедливое, но Венгерець не соглашался, и даже сказалъ, что съ нимъ нѣтъ денегъ, но если

они *честные люди*, то должны вѣрить ему на-слово. Товарищи Валицкаго не соглашались, но онъ, взглянувъ пристально на Венгерца, вычиталъ въ его физиономіи какое-то благородство и величіе, и сказалъ товарищамъ: «Отложите банкъ въ сторону, я одинъ отвѣчаю этому господину *на слово*, если онъ вызываетъ меня *на честь!*» — «Вотъ это я люблю!» сказалъ Венгерецъ: «Мечите!» — Валицкій сталъ метать, и убилъ карту. Сосчитали деньги, всего было около пятисотъ червонцевъ.—«Теперь не угодно ли вамъ пожаловать со мною, для полученія денегъ,» сказалъ Венгерецъ.—«Какъ угодно,» отвѣчалъ Валицкій. Товарищи хотѣли сопровождать его, но Венгерецъ не соглашался, приглашая одного Валицкаго; онъ и въ этомъ уступилъ Венгерцу, не взирая на представленія своихъ пріятелей. Они пошли по Вѣнскимъ улицамъ, и Венгерецъ остановился у великолѣнна-

го дома, позвонилъ, и швейцаръ, въ ли-
врей, отперъ дверь и съ изъявленіемъ ува-
женія постороился. Венгерець повелъ
Валицкаго, чрезъ рядъ великолѣпныхъ
комнатъ, въ кабинетъ, предшествуемый
двумя лакеями со свѣчами. — «Извольте
садиться,» сказалъ Венгерець. Валицкій
сѣлъ. — «Кто вы таковы?» спросилъ Вен-
герець. — «Претендентъ Короны Поль-
ской!» отвѣчалъ находчивый Валицкій,
догадавшись, что имѣетъ дѣло съ оригина-
ломъ. — «По какому праву?» возразилъ
Венгерець. — «По праву рожденія,» отвѣ-
чалъ Валицкій: «Я природный Польскій
шляхтичъ по фамиліи Валицкій, а вамъ
извѣстно, что каждый Польскій шлях-
тичъ можетъ быть избранъ въ Короли!»
Венгерець улыбнулся. — «И такъ, имѣю
честь рекомендоваться,» сказалъ онъ: «я
Князь Э., магнатъ Венгерскій. Вамъ,
какъ претенденту короны Польской, а
мнѣ, какъ магнату Венгерскому, не слѣ-

довало бы посѣщать такія мѣста, какъ то, въ которомъ мы встрѣтились... но я дѣлаю это, иногда, для разсѣянія»...— «А я, по пуждѣ,» возразилъ Валицкій, и рассказалъ ему всю свою исторію. Откровенность, умъ и образованность молодаго человѣка поправились магнату, который почиталъ обязанностью отплатить ему за оказанную довѣренность. Отсчитавъ деньги, магнатъ простился съ повымъ своимъ знакомцемъ, взявъ его адресъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, вѣроятно послѣ справки въ полиціи или у Польскаго Посланника, магнатъ пригласилъ Валицкаго къ себѣ обѣдать, и представилъ своимъ родственникамъ и аристократіи, какъ своего пріятеля, которому онъ *обязанъ*, и въ судьбѣ котораго онъ принимаетъ самое искреннее участіе. Валицкій такъ умѣлъ вести себя, что спискалъ общую благосклонность, и сталъ домашнимъ въ семействѣ магната, который

полюбилъ его до того, что не могъ безъ него обойтись. Чрезъ нѣсколько времени магнату надлежало ѣхать въ Парижъ съ какими-то дипломатическими порученіями. Онъ взялъ Валицкаго съ собою, и ввелъ его во всѣ дома, въ которые самъ былъ приглашаемъ, и между прочими къ Княгинѣ Полиньякъ, любимицѣ Королевы Маріи Антуанеты.—Все это рассказывалъ мнѣ Французъ Деронъ, бывшій при Валицкомъ много лѣтъ сряду довѣреннымъ управителемъ дома. Съ этихъ поръ прекращаются всѣ подробности о Валицкомъ. Извѣстно только, что онъ удостоился чести быть представленнымъ къ Французскому Двору, бывалъ на вечерахъ у Королевы, былъ хорошо принимаемъ во всѣхъ первыхъ Парижскихъ домахъ, и въ это время завелъ дружескія связи со многими знатными иностранцами, посѣщавшими Парижъ, и съ членами дипломатическаго корпуса. Онъ путеше-

ствовавъ по Италиі, по Англіи, изъѣз-
дилъ всю Германію, en grand seigneur,
баринѣмъ, и возвратился въ Парижъ въ
началъ Французской революціи. Слы-
шалъ я, что онъ даже имѣлъ случай ока-
зать много услугъ Королевской Фамиліи,
бывшей, при возвращеніи его въ Парижъ,
въ несчастномъ положеніи, и пользовал-
ся особенною довѣренностью Королевы
Маріи Антуанеты. Валицкій никогда не
вмѣшивался въ политику, и весьма рѣдко
разговаривалъ о ней; но очевидно бы-
ло, что онъ былъ аристократъ въ душѣ
и монархистъ по убѣжденію. Находясь
въ Парижѣ, во время революціи, онъ
зналъ многихъ изъ главныхъ ея участни-
ковъ, и я самъ слышалъ, какъ онъ, го-
воря однажды о Мирабо, сказалъ: *mau-
vais plaisant et mauvais joueur* (т. е.
плохой шутникъ и дурной игрокъ). Онъ
искренно сожалѣлъ о испровергнутомъ
старинномъ порядкѣ вещей во Франціи,

и вообще ненавидѣлъ революціонеровъ. Когда передъ нимъ сказали однажды, что Лафайетъ могъ бы спасти престолъ и монархію, онъ съ жаромъ воскликнулъ: «Никогда! Я знаю очень хорошо Лафайета,» примолвилъ онъ: «онъ честный человекъ, но слабъ характеромъ, и въ этомъ совершенно сходенъ съ Костюшкой, съ тою разницею, что Костюшко простодушенъ и искрененъ, а Лафайетъ тщеславенъ, какъ кокетка!»

Возвратясь въ отечество графомъ, Валицкій купилъ нѣсколько тысячъ душъ въ Гродненской и Виленской Губерніяхъ, и между прочимъ богатое помѣстье Іезіоры, подъ Гродномъ. Онъ проживалъ то въ Гроднѣ, то въ Вильнѣ, а по восшествіи на престолъ Императора Александра переѣхалъ на житье въ Петербургъ, гдѣ имѣлъ много знакомствъ по прежнимъ связямъ за границей. Онъ сперва занималъ весь нижній этажъ (rez-de-

chaussée) въ домъ Графини Браницкой, (нынѣ Князя Юсупова, на Мойкѣ), а потомъ купилъ собственный домъ (въ Большой Морской, на углу Почтамтскаго Переулка, нынѣ домъ Г-на Порда), потому только, что прежняя его квартира была не на солнцѣ. Комнаты Графа Валицкаго меблированы были съ величайшимъ вкусомъ и великолѣпнѣмъ. По возвращеніи Крузенштерна изъ путешествія вокругъ Свѣта, привезенные товары на корабляхъ *Надеждѣ* и *Невѣ* продавались съ аукціона въ Правленіи Россійско-Американской Компаніи (бывшей тогда въ Гороховой, между Садовою и Семеновскимъ Мостомъ), и вся знать съѣзжалась туда ежедневно, покупать или любоваться произведеніями Китая и Японіи. Графъ Валицкій купилъ лучшія вещи: Китайскіе шелковые обои на нѣсколько большихъ комнатъ, множество Китайскихъ и Японскихъ вазъ и разныхъ фарфоровыхъ вещей, которыми

были уставлены корнизы сперва въ его квартирѣ, а потомъ въ его домѣ. Кромѣ того, онъ имѣлъ богатое собраніе картинъ лучшихъ мастеровъ. Но что составляло истинное богатство, это множество драгоценныхъ камней и различныхъ галантерейныхъ вещей, которыя находились въ ящикахъ, за стекломъ, въ его кабинетѣ. Коллекція его золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ почиталась, по справедливости, первою въ Европѣ, и между ими находились извѣстныя въ цѣломъ свѣтѣ двѣнадцать эмальированныхъ табакерокъ, съ живописью знаменитаго Петито. Эти табакерки, какъ всѣмъ извѣстно, принадлежали Французскому Королю: о нихъ было много толковъ, но извѣстно, что въ революцію множество королевскихъ драгоценностей перешли въ частныя руки. Нѣскольکو столовыхъ сервизовъ Графа Валицкаго изумляли богатствомъ и изяще-

ствомъ, и къ золотому сервизу, въ коралловыхъ черепкахъ пожей и вилокъ, вставлены были драгоценные каменья. Между рѣдкостями Графа Валицкаго извѣстенъ цѣлому свѣту его сафиръ, измѣнявшій свой цвѣтъ послѣ захожденія солнца, и послужившій Г-жѣ Жанлисъ предметомъ къ написанію повѣсти. А кто исчислитъ коллекцію его шалей, богатѣйшихъ кружевъ, и т. п.! Хотя бы Графъ Валицкій и не былъ такъ любезенъ, то самое любопытство заставляло бы навѣщать его, чтобъ видѣть его рѣдкости. И потому неудивительно, что все Петербургское высшее общество навѣщало его, и что его вездѣ охотно принимали. Всѣ, знавшіе Петербургъ въ эту эпоху, вѣрно помнятъ Графа Валицкаго. Едва ли можно было найти столь пріятнаго и занимательнаго человѣка въ бесѣдѣ, какъ онъ. Знавъ всѣхъ важнѣйшихъ людей въ Европѣ, и бывъ свидѣтелемъ

необыкновенныхъ событій, онъ имѣлъ въ запасъ множество анекдотовъ и происшествій, которые рассказывалъ чрезвычайно мило, умѣя придавать даже серьезнымъ дѣламъ лакъ сатиры. Дамамъ онъ рассказывалъ о Версали, о Трианонѣ и праздникахъ Маріи Антуанеты, о жизни Парижскаго общества предъ революціей, и т. п. Графъ Валицкій обладалъ, кромѣ того, двумя весьма важными качествами, которыя въ свѣтѣ имѣютъ силу волшебныхъ талисмановъ, а именно: онъ умѣлъ отлично угощать, по всѣмъ правиламъ изящной роскоши и утонченности, и умѣлъ кстати дарить. Люди, которые съ роду не брали ни отъ кого и ни какихъ подарковъ, иногда не могли отказаться отъ подарка Графа Валицкаго. Изящный вкусъ его служилъ образцемъ для самыхъ образованныхъ людей, и они съ нимъ совѣщались при мебелировкѣ дома, при устройствѣ праздника или бала.

При этихъ свѣтскихъ добродѣтеляхъ, Графъ Валицкій былъ чрезвычайно благотворителемъ. Онъ любилъ помогать несчастнымъ, и сыпалъ деньги во всѣ Богоугодныя заведенія. Виленскому Университету подарилъ онъ богатѣйшую коллекцію рѣдкихъ камней и минераловъ, которая носила прозваніе *Коллекціи Валицкаго*; она нынѣ находится она въ Университетѣ Св. Владиміра, въ Кіевѣ. Кроме того, онъ устроилъ, въ Вильнѣ, фондъ для осьми бѣдныхъ воспитанниковъ, т. е. купилъ домъ, въ которомъ эти воспитанники жили, на полномъ его содержаніи, и имѣли надзирателя. Такой человекъ уже не принадлежитъ къ толпѣ!.....

При различныхъ догадкахъ объ источникахъ богатства Графа Валицкаго, мнѣ кажется, я болѣе другихъ приближусь къ истинѣ, если скажу, что онъ приобрѣлъ богатство торговлей драгоцѣн-

ными каменьями (bijouterie), картинами, антиками, и т. п. Бывая у него въ домѣ во всякое время дня, зная всѣхъ его домашнихъ и присматриваясь къ ходу дѣлъ, я убѣдился въ этомъ. Всѣ Петербургскіе ювелиры, особенно Г. Дюваль, бывали у него весьма часто по утрамъ, и то приносили вещи, то брали изъ ящичковъ Графа Валицкаго. Трестонъ, о которомъ я говорилъ выше, занимался у него этимъ дѣломъ, и велъ переписку съ Парижемъ, Лондономъ, Амстердамомъ и другими богатыми городами, даже съ Константинополемъ. Чрезъ тогдашняго банкира Барона Раля переводились за границу и получались оттуда огромныя суммы денегъ. Все обнаруживало торговлю, которую Графъ Валицкій велъ чрезъ другихъ, велъ секретно, потому что въ то время въ общество охотнѣе принимали хорошаго карточного игрока и умнаго искателя приключеній (aventurier), чѣмъ купца.

Тогда было правиломъ, что для дворянина перо и шпага, а для купца аршинъ и вѣсы, — и два сословія сходились только офиціально. Тогда аристократія почитала для себя унизительнымъ подряды, торги, откупы, спекуляціи, и порядочное дворянство подражало ему. Теперь, во Франціи, *денежная аристократія* взяла перевѣсъ надъ порою, и разбогатѣвшіе лавочники затерли потомковъ крестовыхъ рыцарей и дѣтей Наполеоновскихъ героев! Франціи всегда подражаетъ Сѣверная Европа, и теперь, у насъ, дворянство не только не стыдится торговли, напротивъ, люди гордятся оборотами, спекуляціями, подрядами и откупами, какъ предки наши гордились воинскими или гражданскими подвигами. Полезно ли всеобщее водвореніе торговаго духа во всѣхъ сословіяхъ общества? Это важный вопросъ, предстоящій разрѣшенію моралистовъ. Встарину, во многихъ го-

сударствахъ дворянинъ лишался правъ своихъ, если занимался какимъ нибудь *ремесломъ*. Развѣ *ремесло*, доставляющее честное пропитаніе, (ниже торговли? Все это странности ума *человѣческаго*, *bigarrures de l'esprit humain*, которыя пріобрѣтаютъ важность отъ духа времени. Если разобрать дѣло основательно, то трудолюбивому ремесленнику удобнѣе сохранить чистоту правовъ, нежели торговцу, потому что барыши увлекаютъ *человѣка далеко, далеко!*) Но съ духомъ времени нельзя воевать.—Графъ Валицкій въ наше время могъ бы явно торговать алмазами, и за это еще болѣе былъ бы уважаемъ въ свѣтъ, а тогда онъ соглашался на то, чтобъ люди вѣрили, будто онъ пріобрѣлъ состояніе игрою, чтобъ только скрыть свою торговлю.

Еще будучи кадетомъ, я видѣлъ въ домѣ Графа Валицкаго почти всѣхъ тогдашнихъ значительныхъ людей, или людей,

имѣвшихъ весь въ обществѣ. Въ моей дѣтской простотѣ, я думалъ тогда, что подѣ каждымъ напудреннымъ тупеемъ скрывается палата ума, и что подѣ каждою звѣздою на груди живетъ высокое чувство. Съ напряженіемъ ума, слушалъ я ихъ рѣчи, досадовалъ иногда, что не могъ отыскать въ нихъ премудрости, и приписывалъ это моей глупости! Въ послѣдствіи узналъ я смыслъ Французской пословицы: *l'habit ne fait pas le moine*, и Русской поговорки: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ, т. е. узналъ, что не все то золото, что блеститъ, — и разочаровался.

Матушка моя уѣхала домой, выигравъ процессъ; сестра вышла замужъ и осталась въ Петербургѣ, а я былъ произведенъ въ офицеры, 11 Октября 1806 года. Я готовилъ себя въ Свиту Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части, по Его Императорскому Высочеству

Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, нашему Главнокомандующему и Инспектору всей Кавалерии, угодно было взять меня въ Уланскій имени Его Высочества Полкъ.. Его Высочество зналъ меня еще въ Корпусъ, удостоивалъ часто ласковымъ словомъ или шуткою, и потомъ, (во всю жизнь свою, обходился со мною отечески, хотя я иногда, по молодости и вътрюности, заслуживалъ его справедливый гнѣвъ. /Даже на смертномъ одрѣ вспомнилъ Онъ обо мнѣ! (1). Мнѣ не слѣдуетъ судить о долговременной и полезной службѣ Престолу и Отечеству столь Высокаго современнаго лица; но долгъ совѣсти принуждаетъ меня сказать, что /у Его Высочества было добрейшее сердце, что душа Его чуждалась всякой скрытности, всякой лжи и обмана, и что Онъ былъ вовсе не злопамятенъ. Гнѣвъ Его проходилъ мгновенно, если Онъ не встрѣчалъ хитро-

стей и заирательства и видѣлъ искреннее сознаніе. Всѣ служившіе подъ Его начальствомъ любили Его и сохранили къ Нему привязанность. Онъ благодѣтельствовалъ всѣмъ, и дѣлился своимъ достояніемъ съ нуждающимися. Мало этого: когда Его просили, Онъ входилъ даже въ домашнія дѣла, хлопоталъ въ тяжбахъ своихъ подчиненныхъ, мирилъ ихъ съ родственниками, даже принималъ на себя сватовство. Онъ требовалъ отъ насъ только ревностнаго исполненія службы и откровенности. Лжецовъ Онъ презиралъ.

Какая разница въ тогдашнихъ цѣнахъ съ нынѣшними! За уланскій мундиръ съ шитьемъ и широкими лампасами краснаго, т. е. самага дорогаго сукна на панталоны, я заплатилъ только *сорокъ* рублей ассигнаціями, тогдашнему знаменитому военному портному Зеленкову (бывшему потомъ подрядчикомъ и откупщи-

комъ, и оставившему послѣ смерти миллионы). Тогда въ Россіи были только четыре полка, одѣтые въ уланскую форму: нашъ, Конно-Польскій, Конно-Литовскій и Конно-Татарскій; но названіе Улановъ носили только мы. Эполетъ вовсе не было въ Русской арміи, и мы одни носили ихъ. Въ магазинахъ не продавали ни уланскихъ шапокъ, ни эполетъ, ни витишкетовъ. Шапки дѣлали въ полку, а прочія вещи на казенной фабрикѣ. Уланская шапка, съ широкимъ галуномъ, эполеты и витишкеты стоили мнѣ вмѣстѣ сорокъ пять рублей. Лядунка сто двадцать рублей, шарфъ шестьдесятъ рублей ассигнаціями. Замѣтьте, что тогда ни въ гвардіи, ни въ арміи не употребляли ни мишуры, ни плаке; все было чистое серебро и золото. О мишурѣ мы не имѣли понятія.) Но относительно къ этимъ вещамъ, другія мало измѣнились въ цѣнѣ. Сѣдло со всѣмъ приборомъ стоило, у знаменитаго

тогда съдѣльника Косова, сто двадцать пять рублей, а за полусапожки со шпорами, первому тогдашнему сапожнику Брейтигаму (кажется тестю пыпышняго Пеля) платили мы пятнадцать рублей ассигнаціями. При шапкахъ послали мы высокіе бѣлые султаны изъ перьевъ, и лучшіе были Берлинскіе. За хорошій султанъ надлежало заплатить шестьдесятъ рублей ассигнаціями; необыкновенно высоко, въ сравненіи съ другими цѣнами. Тогда вообще употребляли Англійское привозное сукно, и лучшее стоило отъ семи до девяти рублей аршинъ. За лошадь заплатилъ я товарищу моему, Корнету Прушинскому, триста рублей ассигнаціями. За такую лошадь я далъ бы теперь охотно двѣ тысячи рублей!

Я имѣлъ обширный кругъ знакомства при выпускѣ моемъ въ офицеры, но вступилъ въ свѣтъ въ такую эпоху, что не могъ поддерживать свѣтскихъ связей.

Въ наше время, военному человѣку некогда было отличать на паркетѣ, подъ звуки очаровательной музыки, въ кругу избранныхъ красавицъ: мы должны были проводить юность нашу на ратномъ полѣ, въ бивачномъ дымѣ, подъ свистомъ пуль и шипѣніемъ ядеръ, и ждать ежеминутно объятій—смерти. Чудная эпоха, которая не скоро повторится на землѣ, эпоха истинно мифологическая! Битвы Титановъ, общій переворотъ на Земномъ Шарѣ, паденіе и возстаніе Царствъ, столкновеніе цѣлыхъ народовъ, ряды героевъ въ ихъ челѣ — все это мы видѣли, и участвовали въ великихъ событіяхъ, какъ капля воды въ волнахъ разъяреннаго моря. Молодость наша прошла въ тяжкихъ трудахъ, въ великихъ опасностяхъ, и мы рано возмужали. Пролетитъ еще нѣсколько лѣтъ, и много великихъ дѣлъ, совершившихся на нашихъ глазахъ, уже не будутъ имѣть очевидныхъ свидѣтелей,

перейдутъ въ преданія, и многіе юноши съ пламенною душею станутъ намъ завидовать! (Намъ некогда было, въ юности, наслаждаться, по каплямъ, пріятностями свѣтской утонченности, а въ краткіе промежутки, между кровавыми битвами и изпурительными походами, мы на лету ловили свѣтскія радости, и тѣмъ выше цѣнили ихъ!... Закаленные въ боевыхъ трудахъ и свыкшіеся съ опасностями, всѣ наши современники сохранили до позднихъ лѣтъ и крѣпость тѣла, и энергію души.) Воины Александра и Наполеона, какъ некогда сподвижники Энея и Агамемнона, обращаютъ на себя вниманіе *умныхъ людей* новаго поколѣнія! Говорю не о себѣ — я нуль въ этомъ счетѣ, но указываю на людей, и пышъ достойно подвижающихся на поприщѣ службы, или оставившихъ по себѣ незабвенную память!... О многихъ изъ нихъ я вспомню теперь...

III.

Духъ военной молодежи. — Молодечество и удалство. — Образчикъ тогдашней разгульной жизни. — Гвардейская пѣхота и конница. — Флотъ. — Молодецкая жизнь и погнѣбель Лейтенантовъ Давыдова и Хвостова. — Геркулесъ-Лукинъ. — Примѣры дружбы и самоотверженія. — Избавленіе Головнина изъ Японскаго плѣна. — Уланскій Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича Полкъ. — Начало полка. — Бѣглый взглядъ на политическое состояніе Европы, предшествовавшее войнѣ 1805 г. — Дюрокъ въ Петербургъ. — Общее уваженіе къ нему. — Начало военныхъ дѣйствій. — Уничтоженіе Австрійской арміи. — Знаменитая ретирода Кутузова изъ-подъ Кремса до Вишау. — Русская армія при Ольмюцѣ. — При-

ХОДЪ ГВАРДИИ. — АУСТЕРЛИЦКОЕ СРАЖЕНИЕ. —
 Уланскій Его Высочества Полкъ въ сраже-
 нии подъ Аустерлицемъ. — Причина успѣха
 Французовъ. — Послѣдствія Аустерлицкой
 Побѣды. — Пресбургскій Миръ. — Твердость
 Императора Александра. — Новая война 1806 г.
 — Пруссія устремляется противу Франци.

«Гдѣ друзья мнѣ вѣдѣть,
 Гдѣ гусары (или уланы) коренные?» и т. п.

Д. В. Давыдовъ.

Все перешло въ преданіе! Ни слѣда,
 ни эха прежнихъ лѣтъ! Кажется, будто
 два столѣтія отдѣляютъ насъ отъ той эпо-
 хи, въ которую я вступилъ въ военную
 службу. Образецъ Русскихъ гусаровъ,
 первый Русскій партизанъ въ Отечествен-
 ную Войну, поэтъ - воинъ Денисъ Ва-
 сильевичъ Давыдовъ списалъ съ натуры
 кавалерійскую жизнь своего времени:

«Я люблю кровавый бой;

Я рожденъ для службы Царской!

Сабля, водка, конь гусарской,
 Съ вами вѣкъ мой золотой!
 Я люблю кровавый бой,
 Я рожденъ для службы Царской!» (*)

Такъ, въ самомъ дѣлѣ, думали девять
 десятыхъ офицеровъ легкой кавалеріи, въ
 началѣ нынѣшняго столѣтія!

Прошу моихъ читателей замѣтить, что
 этими словами я вовсе не намѣренъ хва-
 лить старину, или приглашать юношество
 къ возобновленію прошлаго; напротивъ,
 все улучшается и совершенствуется, и

(*) См. *Стихотворенія Дениса Давыдова*, Москва,
 1832 года. Но лучшее въ этомъ родѣ не напе-
 чатано и осталось въ памяти старыхъ воиновъ.
 Кто не знаетъ, напримѣръ, этихъ стиховъ:

«Гусары, братцы, удалцы,
 Рубаки, — чортъ мою взялъ душу!
 Я съ вами, братцы, молодцы,
 Я съ вами чорта не потрушу!
 Лишь только дайте мнѣ стаканъ,
 Позвольте выпить по порядку,
 Тогда, лаханка — оксанъ!
 Француза по щекѣ, какъ . . . и проч.

встарину много было такого, что забавно только въ разсказъ, а дурно на дѣлѣ. Но я обязанъ разсказать, что было!...

Характеръ, духъ и тонъ военной молодежи и даже пожилыхъ кавалерійскихъ офицеровъ составляли *молодечество*, или *удальство*. «*Послѣдняя копылка ребромъ,*» и «*жизнь копылка—голова ничего,*» эти поговорки старинной Русской удали были нашимъ девизомъ и руководствомъ въ жизни. И въ войнѣ и въ мирѣ мы искали опасностей, чтобъ отличиться безстрашіемъ и удалствомъ. Попировать, подражаться на сабляхъ, побушевать, гдѣ бы не слѣдовало, это входило въ составъ нашей военной жизни, въ мирное время. Молодые кавалерійскіе офицеры были то же (и сами того не зная), что Нѣмецкіе бурши, (*) и такъ же вели вѣчную вой-

(*) Буршъ — лихой Нѣмецкій студентъ, повѣса и забіяка.

ну съ *рябчиками* (*), какъ бурши съ *филистерами* (**). Эта военно-кавалерійская молодежь не хотѣла покоряться ни какой власти, кромѣ своей полковой, и непрерывно противодѣйствовала Земской и Городской Полиціи, фланкируя противу ихъ чиновниковъ. Буянство хотя и подвергалось наказанію, но не почиталось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ, условныхъ границъ. Стрѣлялись чрезвычайно рѣдко, только за кровавыя обиды, за дѣла чести; но рубились за всякую мелочь, за что нынѣ и не поморщатся. Послѣ такихъ дуэлей наступала обыкно-

(*) Такъ, встарину, кавалеристы называли статскихъ или неслужащихъ, какъ говорятъ теперь: *фрачниковъ*.

(**) Нѣмецкіе студенты называютъ *филистерами* всѣхъ неприналежащихъ къ званію студентскому. Слово *филистеръ* происходитъ отъ *Филистимлянъ*, т. е. народа проклятаго, преданнаго въ жертву народу избранному.

венно мировая, потомъ пиръ и дружба. Тогда бы не каждый рѣшился мурлыкать вамъ въ ухо, во время пѣвiя какой нибудь знаменитой пѣвицы, хлопать или шикать въ театрѣ, на перекоръ общему мнѣнiю, наступать на ноги безъ извиненiя, говорить на вашъ счетъ дерзости, хоть не прямо въ лице, клеветать заочно и распространять клевету намеками. Тогда бы два десятка молодцевъ вступились за прiятеля и товарища, и наказали бы дерзкаго и подлаго клеветника. Корпусъ офицеровъ въ полку—это была одна семья, родные братья: все у насъ было общее — и деньги, и время, и наслажденiя, и непрiятности, и опасности.

Но отъ офицера требовалось, чтобъ онъ зналъ хорошо службу и исполнялъ ее рачительно. Краеугольными камнями службы, на которыхъ утвержденъ былъ порядокъ и все благоустройство полка, были эскадронные командиры и ротми-

стры, люди уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, а иногда и пожилые, опытные, посвятившіе жизнь службѣ, изъ любви къ ней. Большая часть эскадронныхъ командировъ и ротмистровъ были Суворовскіе воины, уже крещеные въ пороховомъ дыму. Они обходились съ нами, какъ обходятся добрые родители съ дѣтьми-повѣсами, но добрыми малыми, прощали намъ наши шалости, когда это были лишь вспышки молодости, и требовали только исполненія обязанностей службы, храбрости въ дѣлѣ и сохраненія чести мундира. Офицеръ, который бы измѣнилъ своему слову, или обманулъ кого бы то ни было и какъ бы ни было, не могъ быть терпимъ въ полку. Правда, мы дѣлали долги, но не смѣли обмануть ни ремесленника, ни купца, ни трактирщика. Въ крайности офицеры складывались, и уплачивали долгъ товарища, который въ свою очередь выплачивалъ имъ, въ усло-

вѣнные сроки. Офицерская честь высоко цѣнилась, хотя эта честь имѣла свое особенное, условное значеніе.

Гвардія тогда была малочисленна, и состояла изъ пѣхотныхъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, одного баталіона Егерей и кавалерійскихъ полковъ: Кавалергардскаго, Лейбъ - Гвардіи Коннаго, Гусарскаго (каждый полкъ въ пять дѣйствующихъ эскадроновъ, съ шестымъ запаснымъ эскадрономъ) и Казачьяго, въ два эскадрона; Гвардейская Артиллерія состояла изъ одного баталіона въ четыре роты. Къ Гвардейскому Корпусу принадлежали Лейбъ-Гренадерскій Полкъ и нашъ, Уланскій Его Высочества.

Солдаты въ гвардіи все были необыкновенно высокаго роста и вообще прекрасной наружности. Не трудно было выбрать изъ всей арміи взрослыхъ и красивыхъ людей, для составленія нѣсколь-

кихъ полковъ гвардіи. Въ Кавалергардскомъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ Полкахъ былъ особый тонъ и духъ. Этотъ корпусъ офицеровъ составлялъ, такъ сказать, постоянную фалангу высшего общества, непремѣнныхъ танцоровъ, между тѣмъ, какъ офицеры другихъ полковъ навѣщали общество только по временамъ, наѣздами. Въ этихъ трехъ полкахъ господствовали придворные обычаи, и общій языкъ былъ Французскій, когда, напротивъ, въ другихъ полкахъ, между удавою молодежью, хотя и знавшею Французскій языкъ, почиталось неприличіемъ говорить между собою иначе, какъ по-Русски. По-Французски позволялось говорить только съ иностранцами, съ вельможами, съ придворными и съ дамами, которыя всегда были и есть Француженки, въ слѣдствіе первоначальнаго ихъ воспитанія. Офицеровъ, которые употребляли всегда Французскій языкъ вмѣ-

сто отечественнаго, и старались отличать-
ся свѣтскою ловкостію и утопченностію
обычаевъ, у насъ называли *хрипунами*,
оттого, что они старались подражать
Парижанамъ въ произношеніи буквы *г*
(*grasseyer*). Конногвардейскій Полкъ
былъ, такъ сказать, нейтральнымъ, со-
блюдая смѣшанные обычаи; но Лейбъ-
Гусары, Измайловцы и Лейбъ-Егеря слѣ-
довали, по большей части, господствующе-
му духу удалства, и жили по-армей-
ски. О Лейбъ-Казакахъ и говорить не-
чего: въ нихъ молодечество было въ кро-
ви. Генералъ Малютинъ, командовавшій
Измайловскимъ Полкомъ, отличался въ
Петербургѣ стариннымъ Русскимъ хлѣ-
босольствомъ, молодечествомъ и удал-
ствомъ. Въ Измайловскомъ Полку были
лучшіе пѣсенники и плясуны, и какъ
тогда былъ обычай держать собственные
катера, то Малютинскій катеръ былъ
знаменитъ въ Петербургѣ своимъ рос-

кошнымъ убранствомъ и удалыми гребцами-пѣсенниками. Вотъ образчикъ тогдашней жизни. / Осенью, 1806 года, въ пять часовъ по полудни, отправился я въ Измайловскія Казармы, чтобъ навѣстить, по обѣщанію, Поручика Бибикова. На половинѣ Вознесенскаго Проспекта услышалъ я звуки Русской пѣсни и музыки. У Измайловскаго Моста я нашелъ такія густыя толпы народа, что долженъ былъ слѣзть съ дрожекъ и пробираться пѣшкомъ. Что же я тутъ увидѣлъ! Возлѣ моста, на Фонтанкѣ, стоялъ катеръ Генерала Малютина. Онъ сидѣлъ въ немъ съ дамами и нѣсколькими мужчинами, а на мосту находились полковые пѣсенники и музыканты, и почти всѣ офицеры Измайловскаго Полка, въ шипеляхъ (*) и фуражкахъ, съ трубками въ зубахъ. Хоры пѣсенниковъ, т. е. гребцы и полковой

(*) Тогда не было мундирныхъ сертуковъ.

хоръ, то смѣнялись, то пѣли вмѣстѣ, а музыканты играли въ промежутки. Шампанское лилось рѣкой въ пивные стаканы, и громогласное *ура!* раздавалось подъ открытымъ небомъ. Въ самое это время, Государь Императоръ подѣхалъ, на дрожкахъ, съ набережной Фонтанки, шаговъ за пятьдесятъ отъ толпы народа, и спросилъ у полицейскаго офицера: «Что это значитъ?»—«Генералъ Малютинъ гулять изволитъ!» отвѣчалъ полицейскій офицеръ, и Государь Императоръ приказалъ поворотить лошадь, и удалился.) Тогда это вовсе не казалось страннымъ, необыкновеннымъ или неприличнымъ. Другія времена, другіе нравы! Разумѣется, меня схватили подъ руки и заставили вмѣстѣ пировать. Часовъ въ восемь вечера, въ темнотѣ, почти всѣ мы отправились на катерахъ, украшенныхъ разноцвѣтными фонарями, на Крестовскій Островъ, съ пѣсенниками и музы-

кою, гдѣ, на дачѣ, занимаемой Генераломъ Малютинымъ только для прогулокъ, приготовленъ былъ ужинъ. Мы возвратились домой утромъ.

Жаль мнѣ, когда я подумаю, какъ доставалось отъ нашихъ молодыхъ повѣсѣ бѣднымъ Нѣмецкимъ биргерамъ и ремесленникамъ, которые тогда любили веселиться съ своими семействами въ трактирахъ на Крестовскомъ Острову, въ Екатерингофѣ и на Красномъ Кабачкѣ. Молодые офицеры ѣздили туда, какъ на охоту. Начиналось тѣмъ, что заставляли дюжихъ маменекъ и тетушекъ вальсировать до упаду, потомъ спивали муженьковъ, наконецъ затягивали хоромъ извѣстную Нѣмецкую пѣсню: *Freu't euch des Lebens*, упираясь на слова *Pflücke die Rose*, и наступало волокитство, оканчивавшееся обыкновенно баталіей. Загородные разъѣзды содержались тогда Лейбъ-Козаками, братьями улановъ. Кутили всю

ночь, а въ 9 часовъ утра всѣ являлись къ разводу, кто въ Петербургъ, кто въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Царскомъ Селѣ, въ Гатчинѣ, и какъ будто ничего не бывало! Черезъ нѣсколько дней приходили въ полки жалобы, и виновные тотчасъ сознавались, по первому спросу, кто былъ тамъ-то. Дгать было стыдно. На полковыхъ гаунтвахтахъ всегда было тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ, особенно въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и въ Мраморномъ Дворцѣ.

Слава Богу, что всего этого теперь нѣтъ, и что это перешло въ преданіе! Долженъ, однако жъ, я сознаться, что никогда и нигдѣ не видалъ я такой дружбы, какъ между тогдашними молодыми офицерами Гвардейскаго Корпуса, и никогда не встрѣчалъ такъ много добрыхъ ребятъ, благородныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образованныхъ молодыхъ людей. Жили не только весело, но и безтолково; любими

однако жъ и чтеніе, и театръ, и умную бесѣду. Не знаю какъ, но на все было время, и служба шла своимъ порядкомъ. Во флотъ было еще болѣе удалства. Кто не слышалъ о Капитанѣ Лукинѣ и его геркулесовской силѣ? На счетъ Лукина носились самыя несбыточныя анекдоты, которые хотя бы въ существѣ были и несправедливы, но рисуютъ духъ времени. Чему вѣрили и что рассказывали, то и правилось. Говорили, что во время пребыванія Лукина въ Англіи, одинъ Англичанинъ заспорилъ съ нимъ на счетъ смѣлости и рѣшительности обоихъ народовъ, утверждая, что Русскій никогда не рѣшится на то, на что покусится Англичанинъ. — «Попробуй,» сказалъ Лукинъ. — «Вотъ, на примѣръ, ты не смѣешь отрѣзать у меня носа!» возразилъ Англичанинъ. «Почему же нѣтъ, если ты захочешь,» отвѣчалъ Лукинъ. — «На, рѣжь!» воскликнулъ Англичанинъ, въ энтузіас-

мъ. Лукинъ прехладнокровно взялъ ножъ со стола, отръзалъ у Англичанина конецъ носа, и положилъ на тарелку. Сказывали, что Англичанинъ, старый и отчаянный морякъ, не только не разсердился за это на Лукина, но подружился съ нимъ, и вылечившись, прѣзжалъ навѣстить друга своего, въ Кронштадтъ.—Лукину предложили въ Англии кулачный поединокъ (to box). Въмѣсто одного, онъ вызвалъ вдругъ лучшихъ четырехъ боксеровъ, и каждого изъ нихъ, по очереди, перекинулъ чрезъ свою голову, ухвативъ за поясъ.—Бывъ высланъ на берегъ въ городъ Ширнесъ, для приѣма такелажа, съ двадцатью матросами, Лукинъ вмѣшался въ споръ Англійскихъ моряковъ съ ихъ канонирами, и наконецъ объявилъ войну обѣимъ партіямъ, и въ кулачномъ бою, съ своими двадцатью удалцами, прогналъ всѣхъ. Въ городъ заперли лавки, жители спрятались въ домахъ, и Лукинъ,

праздную побѣду, возвратился на корабль съ пѣснями. Подобныхъ анекдотовъ о Лукинѣ было множество; но при своемъ удалствѣ и гульбѣ онъ былъ добрейшій человекъ. Лукинъ командовалъ кораблемъ во флотѣ Сенявина, и бросаясь на нѣсколько Турецкихъ кораблей, погибъ геройскою смертію. Покойный Государь Императоръ Александръ Павловичъ облагодѣтельствовалъ семейство Лукина, по просьбѣ извѣстнаго всей Россіи и Европы лейбъ-кучера Ильи, который прежде принадлежалъ Лукину и питалъ къ нему всегдашнюю привязанность. Вся гвардія и армія знала о дружбѣ и походахъ Лейтенантовъ Давыдова и Хвостова, Русскихъ Ореста и Пилада, которые и жили и страдали вмѣстѣ, и дрались отчаянно, и вмѣстѣ погибли. Флотскіе Лейтенанты Хвостовъ и Давыдовъ служили въ Американской Компаніи, командуя ея судами. Извѣстно, что съ Крузенштерномъ,

отправившимся на первое плаваніе Русскихъ вокругъ Свѣта, посланъ былъ Камергеръ Резановъ, въ званіи Посла, для заключенія торговыхъ трактатовъ съ Китаемъ и Японією. Русскихъ не только не приняли въ Японіи, но и оскорбили отказомъ. Находясь въ Петропавловскомъ Портѣ, на обратномъ пути, Резановъ за столомъ сказалъ, что Русская честь требуетъ, чтобъ отмститъ варварамъ. Въ числѣ гостей были Хвостовъ и Давыдовъ. «Дайте только позволеніе,» возразилъ Хвостовъ: «а я заставлю Японцевъ раскаяться!» Въ порывѣ гнѣва Резановъ написалъ нѣсколько строкъ, въ видѣ *позволенія*, и отдалъ Хвостову, который немедленно отправился, съ другомъ своимъ Давыдовымъ, на свой бригъ, и велѣлъ собираться къ походу. На другое утро, когда первый пылъ досады прошелъ, Резановъ хотѣлъ взять обратно данное имъ *позволеніе* отмститъ Японцамъ, но

уже было поздно. Хвостовъ не соглашался возвратить бумаги, и немедленно отплылъ въ Японію. Съ однимъ бригомъ, слабо вооруженнымъ, онъ надѣлалъ столько хлопотъ Японцамъ, что все ихъ государство пришло въ движеніе. Хвостовъ и Давыдовъ брали ихъ суда, дѣлали высадки на берегъ, жгли города и селенія, и только за недостаткомъ боевыхъ припасовъ возвратились въ Петропавловскій Портъ, съ богатѣйшею добычею. Въ Петропавловскомъ Портѣ начальствовалъ тогда извѣстный всему флоту Капитанъ 1-го Ранга Бухаринъ, кончившій самымъ несчастнымъ образомъ свое служебное поприще. Тогда въ Сибири, Богъ вѣсть, что дѣлалось! Бухаринъ посадилъ подъ крѣпкій караулъ Хвостова и Давыдова и овладѣлъ, всѣмъ грузомъ. Хвостовъ и Давыдовъ ушли изъ тюрьмы, и пѣшкомъ пробрались черезъ всю Сибирь, не показываясь въ городахъ и слѣдуя про-

селочными дорогами. Они встрѣтились въ Сибирскихъ пустыняхъ съ извѣстнымъ въ то время разбойникомъ, начальствовавшимъ толною бѣглецовъ. Присутствіе духа и молодечество Хвостова и Давыдова поправились разбойнику, и онъ помогъ имъ пробраться въ Россію. Когда всѣ почитали Хвостова и Давыдова погибшими, они внезапно появились въ Петербургѣ. Разумѣется, что ихъ отдали подъ судъ; но Государь Императоръ, по благодати своей, предоставилъ имъ средство загладить проступокъ, и послалъ ихъ на гребной флотъ, въ Финляндію, которую тогда покоряли Русскія войска. Хвостовъ и Давыдовъ вскорѣ прославились отчаяннымъ мужествомъ и блистательными подвигами. Имена ихъ были извѣстны въ Финляндской арміи. Въ одномъ морскомъ сраженіи, ядромъ пробило подводную часть канонирской лодки, на которой находился Хвостовъ. Онъ

мгновенно сорвалъ съ себя мундиръ, и заткнулъ имъ дыру. Главнокомандующій Графъ Буксгевденъ привезъ обоихъ друзей въ главную квартиру, и въ награду за ихъ подвиги велѣлъ отдать гаунтвахтѣ генеральскую почесть. Государь Императоръ, по окончаніи Финляндской войны, простилъ Хвостова и Давыдова, и они возвратились въ Петербургъ. Вдругъ оба они пропали безъ вѣсти, а какъ въ это же время Американскій купеческій бригъ прошелъ безъ осмотра, при сильномъ вѣтрѣ, мимо брандвахты, за Кронштадтомъ, и не заявилъ бумагъ, то многіе, зная безпокойный духъ Хвостова и Давыдова, полагали, что они, по страсти къ приключеніямъ, ушли въ Америку. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что шкиперъ Американскаго брига былъ пріятель Хвостова и Давыдова, оказавшихъ ему услугу въ Ситхѣ. Наряжена была комиссія для изслѣдованія дѣла, но она

ничего не открыла. Два года прошли въ неизвѣстности о судьбѣ нашихъ храбрыхъ моряковъ, а на третій годъ прибылъ въ Петербургъ тотъ же самый Американскій шкиперъ. Онъ объяснилъ дѣло. За день до отъѣзда его изъ Петербурга въ Кронштадтъ, Хвостовъ и Давыдовъ обѣдали у него, на Васильевскомъ Острову. Они пропировали долго за полночь, и возвращались, когда уже начали разводять Исакіевскій Мостъ. Только одинъ плашкоутъ былъ выдвинутъ на половину. — «Воротимся!» сказалъ Американскій шкиперъ, провожавшій ихъ. — «Русскіе не отступаютъ!» возразилъ Хвостовъ: «впередъ! ура!» Хвостовъ и Давыдовъ хотѣли перепрыгнуть чрезъ пространство, казавшееся небольшимъ, въ темнотѣ, упали въ воду и поминай, какъ звали! Опасаясь задержки, шкиперъ тогда промолчалъ, а люди, разводившіе мостъ, также боялись отвѣтственности, и несчаст-

ный случай остался тайной. Замѣчательно, что тѣлъ не выброшено нигдѣ на берегъ.

Я зналъ хорошо и Хвостова и Давыдова, и въ Финляндскую войну, и въ Петербургъ. Умные, образованные, прекрасные офицеры, но пылкіе и неукротимые молодые люди, поставлявшіе всѣ наслажденія въ жизни въ томъ, чтобъ играть жизнию!

Можетъ ли быть что трогательнѣе дружбы П. И. Рикорда (нынѣ Адмирала) и В. М. Головнина (умершаго въ чинѣ Контръ - Адмирала)! Когда Головнинъ былъ задержанъ въ Японіи, Рикордъ рѣшился или умереть, или освободить друга своего изъ плѣна варваровъ, и успѣлъ въ своемъ предпріятіи (*). Геройскій

(*) Головнинъ, въ чинѣ Лейтенанта, командовалъ шлюпомъ *Діана*, и совершилъ на немъ плаваніе вокругъ Свѣта. Рикордъ, также Лейтенантъ, находился подъ его начальствомъ. По выступленіи

духъ одушевлялъ флотъ нашъ, и всѣ тогдашніе офицеры, которые только имѣли случай отличиться чѣмъ нибудь, составили себѣ имя! — Уланы жили въ большой дружбѣ съ флотскими, и часто съѣзжались или въ Стрѣльнѣ, или въ Кронштадтѣ. Вся армія одушевлена была тѣмъ же духомъ молодечества, и во всѣхъ полкахъ были еще Суворовскіе офицеры и солдаты, покорившіе съ нимъ Польшу и

въ море Діаны, открылась война съ Англіей, и Діану хотѣли задержать на Мысѣ Доброй Надежды. Но Головинну удалось уйти. Это избавленіе принадлежитъ къ блистательнымъ подвигамъ нашего Флота. Прибывъ въ Камчатку, Головиннѣ долженъ былъ ожидать мира съ Англією, для возвращенія въ Европу, и чтобъ не терять напрасно времени, занялся описаніемъ и измѣреніемъ Курильскихъ Острововъ, и по содѣйствию зашелъ на Японскій Островъ Кунаширъ. Японскіе начальники притворились пріязненными, и пригласили Головинна къ обѣду. Лишь только онъ вошелъ въ ставку губернатора, Головинна и бывшихъ съ нимъ Русскихъ окружили, связа-

прославившіе Русское имя въ Италіи. Славное было войско, и скажу, по справедливости, что Уланскій Его Высочества Цесаревича Константина Павловича Полкъ былъ однимъ изъ лучшихъ полковъ по устройству и выбору людей, и по тогдашнему духу времени превосходилъ другіе полки въ молодечествѣ. — Страшно было задѣть улана!

ли, повлекли въ городъ, и посадили въ тюрьму. Это была месть за подвиги Хвостова и Давыдова. Головиннъ провелъ три года въ тяжелой неволѣ, пока наконецъ другу его, П. П. Рикорду, не удалось спасти его. Все это описано въ Путешествіи П. П. Рикорда. Прилагаю отрывки изъ письма Головина къ Рикорду изъ плѣна. Это сообщилъ мнѣ почтенный и многолюбимый мною П. П. Рикордъ. Головинну запрещено было писать въ тюрьмѣ. Онъ предложилъ написать Русскую Грамматику для Японцевъ, и ему дали бумагу и чернила. Чтобъ скрыть отъ шпиона, находившагося съ нимъ въ тюрьмѣ, что онъ пишетъ письма, Головиннъ на каждомъ листикѣ надписывалъ части рѣчи: *имя, мѣстоименіе*, ит. д. См. прилож. № 2.

Разскажу какимъ образомъ возникли уланы въ Русскомъ войскѣ. Прежде не было уланскихъ полковъ. Послѣ покоренія и раздѣленія Польши, Императоръ Павелъ Петровичъ, чтобъ дать приличное занятіе множеству Польской шляхты, поручилъ Генералу Домбровскому (*) устроить Конно-Польскій Полкъ, на правахъ и преимуществахъ прежней Польской службы. Полкъ не получалъ рекрутъ, но формировался и комплектовался вольноопредѣляющимися, на вербункахъ. Шляхта образовала переднюю шеренгу, и каждый солдатъ изъ шляхты назывался *товарищемъ*. Вторую шеренгу составляли вольноопредѣляющіеся, не доказавшіе шляхетскаго происхожденія, и назывались *шеренговыми*. Служили по *капитуляціи*, т. е. вступали въ службу на шесть, на девять и на двѣнадцать лѣтъ.

(*) Не тому Домбровскому, который командовалъ Польскими легіонами во Франціи.

Унтеръ-офицеры изъ *товарищей* назывались *наместниками*, и производились на вакансіи въ офицеры. Они были одѣты, какъ старинные Польскіе уланы Пинской Бригады, носили длинныя синія куртки, съ малиновыми отворотами, синіе шаровары съ такими же лампасами, уланскія шапки, въ родъ стоячихъ конфедератокъ, и запускали волосы до половины шеи, à la Kosciuszko. Послѣ, по тому же образцу, сформированы были, вербунками, Конно-Литовскій и Конно-Татарскій Полки. Всѣ эти три полка были отличные и по выправкѣ, и по устройству, и по храбрости. Они вооружены были карабинами и пиками съ флюгеромъ, какъ уланы; но имени уланъ не существовало.

Въ началѣ 1805 года предположено было сформировать нѣсколько новыхъ кавалерійскихъ полковъ. и Генералу Барону Винценгероде, пользовавшемуся

особеннымъ благоволеніемъ Государя Императора, поручено было формирова- ніе Одесскаго Гусарскаго Полка. Въ это же самое время къ Австрійской миссіи въ Петербургъ прибылъ Австрійскій уланскій, офицеръ Графъ Пальфи, родомъ Венгерець, молодець и красавецъ, сложенный, какъ Аполлонъ Бельведерскій. Уланскій мундиръ въ обтяжку сидѣлъ на немъ неподобно, и всѣ дамы и мужчины заглядывались на прекраснаго Улана. Уланскій Австрійскій мундиръ былъ усовершенствованный старинный Польскій уланскій парядъ, съ тою разницею, что куртка съ тыла была сшита колетомъ, и не имѣла на бокахъ отворотовъ, что она и панталоны были узкія, въ обтяжку, и шапка была красивой формы, какъ пышнія уланскія шапки, а при шапкѣ былъ султанъ. Его Императорскому Высочеству Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу,

носившему званіе Инспектора всей Кавалеріи , чрезвычайно поправился этотъ мундиръ, и онъ испросилъ у Государя Императора соизволенія на сформированіе уланскаго полка. Государь Императоръ, согласясь на это, отдалъ ему Одесскій Гусарскій, еще не сформированный полкъ, назвавъ полкъ именемъ Цесаревича. Полкъ состоялъ въ инспекціи (*) Генерала Боуера, любимца Его Высочества, и Боуеру немедленно поручено было выбрать людей изъ другихъ кавалерійскихъ полковъ и дополнить лучшими рекрутами. Штабъ-квартира полка назначена въ мѣстечкѣ Махновкѣ, въ Кіевской Губерніи.

Баронъ Винценгероде былъ употребленъ по дипломатической части, и Его Высочество избралъ въ командиры сво-

(*) Тогда вся Русская армія, кавалерія и пѣхота, въ мирное время раздѣлена была на инспекціи.

его полка одного изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ Русской Арміи, Шефа знаменитаго Тверскаго Драгунскаго Полка, Генераль-Маіора Барона Егора Ивановича Меллера - Закомельскаго (5). Его Высочество съ пламенною любовію занялся формированіемъ полка своего имени, и по нѣскольку разъ въ годъ ѣздилъ въ Махновку, а между тѣмъ изъ Петербурга высланы были толпы разныхъ ремесленниковъ, а нѣкоторые выписаны были даже изъ Австріи, для обмундированія полка. Обученіе людей и выѣзка лошадей производились успѣшно. Его Высочество находился въ непрерывной и постоянной перепискѣ съ Генераломъ Меллеромъ - Закомельскимъ, и занимался всѣми подробностями, по части устройства полка. Случайно сохранилась у меня часть этой переписки, доказывающей и заботливость Его Высочества о полкѣ, и необыкновенное познаніе служ-

бы, и прямодушіе Его, и довѣренность къ Генералу Меллеру - Закомельскому. Ъздовыя Его Высочества безпрестанно разъѣзжали между Петербургомъ и Махновкою, и привозили то офицерскія вещи, то деньги въ полкъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ къ Генералу Меллеру-Закомельскому, Его Высочество самъ назначилъ всѣхъ эскадронныхъ командировъ полка (*). Атаманъ Войска Донскаго, Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, далъ въ полкъ лучшихъ Донскихъ лошадей, а недостающее число куплено было Маю-

(*) Полковника Графа Андрея Ивановича Гудовича (сына Фельдмаршала) Командиромъ Лейбъ-Эскадрона; командирами другихъ эскадроновъ: Маіора Мезенцова, Полковника Перича, Полковника Графа Мантейфеля, Полковника Будаева, Полковника Бибикова, Полковника Чаликова и Маіора Раутенфельда. Ротмистры Лореръ (Александръ Ивановичъ), Ганнеманъ и Десимонъ назначены были командовать эскадронами: командирскимъ, Полковниковъ Чаликова и Графа Ман-

ромъ Сталинскимъ. Впрочемъ, Донскія лошади, какъ онѣ ни хороши, оказались неспособными, для регулярной конницы. Уланское сѣдло, съ полнымъ выюкомъ и пистолетами, для Донской лошади слишкомъ тяжело, и она никогда не можетъ привыкнуть къ мундштуку. Во время атакъ часто случалось, что Донскія лошади заносили улановъ въ средину непріятеля.

Въ началъ весны 1804 года полкъ былъ уже сформированъ, и Его Высочество вытребовалъ въ Петербургъ пятерыхъ офицеровъ и пятерыхъ унтеръ-офицеровъ (преимущественно изъ дворянъ), для усовершенствованія ихъ въ кавалерійской службѣ. Здѣсь я долженъ припомнить, что армейскіе полки легкой кавалеріи состояли тогда изъ десяти дѣйствующихъ и одиннадцатаго запаснаго эскадрона, и что полкъ раздѣлялся на два баталіона. Въ гвардіи всѣ полки легкой и тяжелой конницы были въ пять эскадроновъ дѣйствующихъ, съ шестымъ запаснымъ эскадрономъ.

бъ, подъ личнымъ надзоромъ Его Высочества. Выбрали изъ полка самыхъ молодцевъ. Изъ нихъ помню я Штабсъ-Ротмистра Вунча и Поручика Фаца, съ которымъ я былъ очень друженъ въ послѣдствіи. На вахтъ-парадахъ взоры всѣхъ обращены были на уланъ, и народъ толпился вокругъ ихъ на улицахъ. Его Высочество возилъ ихъ въ частные дома, которые Онъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ, и уланскій мундиръ вошелъ въ моду. Его Высочество былъ чрезвычайно доволенъ, и писалъ къ Генералу Меллеру-Закомельскому, отъ 19 Марта 1804 года: «Messieurs les officiers de mon régiment sont arrivés il y a de cela une semaine, ainsi que les sous-officiers. Il sont bien bons, beaux et zélés pour le service, etc., т. е. Господа офицеры и унтеръ-офицеры моего полка прибыли сюда за педьюлю предъ симъ; они добрые ребята, молодцы и усердны къ службѣ», и проч. Было

множество охотниковъ въ уланы, и много гвардейскихъ офицеровъ просили о переводѣ ихъ въ Полкъ Его Высочества; но онъ всѣмъ отказывалъ, чтобъ (говоря нашимъ военнымъ языкомъ) не посадить старшихъ другимъ на голову.

Въ гвардіи и арміи офицеры и солдаты были тогда проникнуты какимъ-то необыкновеннымъ воинскимъ духомъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали войны, которая при тогдашнихъ обстоятельствахъ могла каждый день вспыхнуть. Съ самаго восшествія на престолъ Императора Александра Павловича, *политическій горизонтъ былъ покрытъ тучами*, по обыкновенному газетному выраженію. Тогда во всѣхъ Петербургскихъ обществахъ толковали о политикѣ, и даже мы, мелкіе корнеты, рассуждали о дѣлахъ! Это было въ духъ времени. Существовали двѣ партіи: мирная и военная. Одни хотѣли нейтралитета и мира съ Франціею, дру-

желали союза съ Англіею и войны съ Франціею. Для поясненія дѣла я долженъ припомнить тогдашнее положеніе дѣлъ въ Европейскомъ политическомъ мірѣ.

• При восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, Россія, хотя и была уже въ мирныхъ сношеніяхъ съ Франціею, но мирный трактатъ еще не былъ заключенъ. Императоръ Павелъ Петровичъ вооружился противу Французской Республики, съ великодушною цѣлью возстановленія законныхъ престоловъ не только въ Италіи, но и въ самой Франціи, и возвращенія Голландіи прежней ея самостоятельности. Но убѣдившись, что Австрія намѣревается завоевать Италію для себя, не принявъ плана Суворова къ вторженію въ южную Францію, и оставивъ Корсакова въ Швейцаріи, и что Англичане, завладѣвъ Голландскимъ флотомъ, всю тяжесть войны сложили на Русскихъ, Императоръ Па-

вель Петровичъ отозвалъ Суворова изъ Италіи и Генерала Германа изъ Голландіи, и оставшия нейтральнымъ въ отношеніи къ Австріи, объявилъ войну Англіи. Съ Франціею начались переговоры о мирѣ, коего главными условіями должны были быть возстановленіе престоловъ Королей Сардинскаго и Неаполитанскаго. Въ этой цѣли Императоръ Павелъ Петровичъ выслалъ Оберъ-Егермейстера Василя Ивановича Левашева въ Италію, гдѣ, послѣ блистательнаго окончанія войны, Французы распорядились какъ дома, и куда съѣхались дипломаты разныхъ странъ для трактованія о мирѣ. Наполеонъ, пріобрѣвъ уже особенное благоволеніе Императора Павла Петровича, возвращеніемъ безъ размѣна Русскихъ плѣнныхъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ на счетъ Французской Республики, еще болѣе привязалъ къ себѣ Императора блистательнымъ пріемомъ, оказан-

нымъ Василю Ивановичу Левашеву вездѣ, гдѣ находились Французскія войска, хотя онъ и не носилъ званія посла. Василии Ивановичъ Левашевъ, хотя и не бывалъ прежде дипломатомъ, но былъ человекъ умный, благородный, съ отличною манерою, и зналъ свѣтъ и людей. Онъ очаровалъ Мюрата, начальствовавшего Французскими войсками въ Италіи. Города были иллюминированы въ честь довѣреннаго лица Русскаго Императора; при занимаемыхъ имъ домахъ ставили почетные караулы, съ знаменемъ, и въ честь его давали народныя празднества. При заключеніи мирныхъ условій (6/18 Февраля 1801), подписанныхъ Мюратомъ, существованіе Королевства Неаполитанскаго, въ угожденіе Императору Павлу Петровичу, обезпечено. На счетъ другихъ требованій производились съ Франціею переговоры въ Парижѣ, Тайнымъ Совѣтникомъ Кольчевымъ, и хотя

требованія Россіи встрѣчали много препятствій, однако жъ переговоры не прерывались до самой кончины Государя.

Въ это время, Первый Консулъ Французской Республики пользовался почти всеобщемою любовію и, по крайней мѣрѣ, всеобщимъ уваженіемъ въ Европѣ. Будучи только полководцемъ, онъ не могъ отвѣтствовать за политику Франціи, и изъ тягостныхъ для Европы войнъ ему досталась въ удѣлъ только слава. Ниспровергнувъ безтолковую Директорію и принявъ бразды правленія, Наполеонъ началъ дѣйствовать въ духъ общаго Европейскаго порядка, и приглашалъ всѣ Европейскія Державы къ миру. Презрѣніе его къ революціонерамъ, ненависть къ буйнымъ правиламъ революціи и его аристократическій духъ, которымъ онъ руководствовался во всѣхъ своихъ нововведеніяхъ, стараніе его ввести во Франціи порядокъ, и сношенія съ Римскимъ

Престоломъ о возстановленіи Христіанской Религіи — все это привлекало къ нему сердца государей и народовъ, въ надеждъ, что онъ прекратитъ политическую горячку Франціи, ввергнувшую всю Европу въ крайнюю опасность. Наполеонъ Бонапарте былъ тогда всемірнымъ героемъ. Его портреты и эстампы, изображающіе его военные подвиги, продавались во всѣхъ городахъ Европы и украшали стѣны гостиныхъ всѣхъ образованныхъ людей. Тогда была дамская мода носить на груди силуэты любимыхъ особъ, и во всѣхъ столицахъ, даже и въ Петербургъ, многія дамы носили силуэты Перваго Консула Франціи. — Императоръ Александръ Павловичъ раздѣлялъ общее уваженіе къ Первому Консулу, котораго главныя выгоды тогдашняго положенія основывались на миръ съ Россіею. Безъ этого Наполеонъ никогда не могъ надѣяться на заключеніе выгоднаго мира съ Англіей.

Для поздравленія Государя съ восшествіемъ на престолъ, а главное, для вывѣданія образа мыслей Государя на счетъ Европейской политики, Первый Консулъ выслалъ въ Петербургъ перваго своего любимца, адъютанта Дюрока, бывшаго потомъ Герцогомъ Фріульскимъ и Великимъ Маршаломъ (то же что Министромъ) Двора Императорскаго. Я хорошо помню эту эпоху. Появленіе Дюрока въ Петербургъ произвело удивительный эффектъ. Только и разговоровъ было что о немъ! Видѣли ли вы Дюрока? говорили ли съ Дюрокомъ? это были общіе вопросы. /Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ привозилъ Дюрока къ намъ въ Корпусъ, и дѣлалъ передъ нимъ баталіонное ученіе, и Дюрокъ разговаривалъ со многими кадетами, знавшими Французскій языкъ, спрашивалъ о наукахъ, и вообще былъ чрезвычайно доволенъ Корпусомъ. Дюрокъ былъ прекрасный муж-

чина, чрезвычайно стройный, и одъвался щегольски. Волосы у него были темнаго цвѣта, стриженные ровно на всей головѣ, и курчавые. Онъ не пудрился. Впервые увидѣли мы человѣка въ военномъ мундирѣ безъ косы и безъ пудры. Его прическа вошла въ моду между дамами, и называлась à la Dugos. Ему было тогда только двадцать девять лѣтъ отъ роду, (онъ родился въ 1772 году), но онъ уже былъ опытенъ въ дѣлахъ, будучи довѣреннымъ лицомъ геніяльнаго человѣка. Дюрокъ обладалъ необыкновеннымъ природнымъ умомъ, былъ краснорѣчивъ, но воздерживался въ рѣчахъ, чуждаясь всякаго фанфаронства, былъ чрезвычайно любезенъ въ обращеніи и ловокъ. Онъ находился при Наполеонѣ во всѣхъ сраженіяхъ въ Германіи, Италіи и Египтѣ, и вездѣ отличался необыкновеннымъ мужествомъ. Лучи славы Маренго, Аркола и Пирамидъ отражались на Дюрокъ и онъ казался чѣмъ-

то необыкновеннымъ, по близкимъ связямъ съ гениальнымъ человекомъ. Дюрокъ и въ Петербургъ, и въ Берлинъ, куда онъ также посылаеъ былъ съ дипломатическими порученіями, снискалъ отличный пріемъ и при Дворъ, и въ высшемъ кругу общества, и пріобрълъ уваженіе къ своему характеру.

Дюрокъ нашелъ въ Императоръ Александръ Павловичъ самую мирную расположенія. Государь, для утвержденія прочнаго трактата, рѣшился отступить отъ многихъ требованій своего родителя, отказался отъ обладанія островомъ Мальтою, отъ очищенія Египта Французами, настаивалъ только на сохраненіи въ цѣлости владѣній союзниковъ своихъ, Королей Неаполитанскаго и Сардинскаго, и о вознагражденіи Нѣмецкихъ Князей за лишеніе ихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна, и даже, въ угодность Первому Консулу, отозвалъ Г. Колычева изъ Па-

рижа, на гордость котораго онъ жаловался. Посломъ назначенъ въ Парижъ Графъ Марковъ. Но Дюррокъ не могъ убѣдить Государя обратиться къ системѣ морскаго нейтралитета Сѣверныхъ Державъ, объявленнаго Императрицею Екатериною, и Императоръ Александръ, во время переговоровъ о мирномъ трактатѣ съ Франціею, подписаннымъ Графомъ Марковымъ въ Парижѣ, $\frac{8}{20}$ Окт. 1801 года, заключилъ конвенцію съ Англіею, $\frac{8}{17}$ Юля 1801, на основаніи прежнихъ договоровъ. Такимъ образомъ хотя Россія и была со всѣми въ мирѣ, но не могла надѣяться на прочность его въ Европѣ до окончанія войны Франціи съ Англіею. Въ Аміенѣ происходили переговоры о всеобщемъ успокоеніи Европы, и наконецъ заключенъ знаменитый Аміенскій трактатъ, $\frac{1}{13}$ Марта 1802 года, который, не удовлетворивъ никого вполне, вмѣщаль въ главнѣйшихъ статьяхъ своихъ

съмена раздора. При исполненіи условій трактата, Франція и Англія, толкуя каждую статью по-своему, не могли согласиться, и послѣ долгихъ споровъ, война снова вспыхнула между ими, въ началѣ Мая 1803 года. Первый Консуль, намѣреваясь нанести рѣшительный ударъ Англіи, собирався къ высадкѣ въ сердце ея, и учредилъ лагерь при Булони, гдѣ были собраны лучшія его войска, а между тѣмъ занялъ берега Италіи, Голландіи, и ввелъ войска въ Ганноверъ, принадлежавшій Англіи, предложивъ Императору Александру посредничество между Франціей и Англіей. Оно однако жъ, не имѣло ни какого успѣха, тѣмъ болѣе, что Императоръ Александръ, (отказываясь великодушно отъ всѣхъ личныхъ выгодъ и даже отъ Мальты, которую Франція предлагала сама Россіи, требовалъ только обезпеченія независимости Европейскихъ Государей и прекращенія

вмѣшательства Франціи въ ихъ дѣла, и на этомъ основаніи настаивалъ, чтобъ Франція вывела войска изъ Неаполя и Ганновера, и признала нейтралитетъ Сѣверной Германіи. Первый Консулъ не соглашался на это, и между Франціей и Россіей настала холодность, которая превратилась въ непріязнь со стороны Франціи, отъ гордыхъ поступковъ Русскаго Посла въ Парижъ, Графа Маркова, который поставлялъ себѣ въ удовольствіе униженіе Перваго Консула и всѣхъ властей Французской Республики.) Тщетно Императоръ Александръ приглашалъ Австрію и Пруссію соединиться, для возстановленія разрушеннаго равновѣсія въ Европѣ хищною политикою Франціи и неограниченнымъ честолюбіемъ ея правителя; онѣ отговаривались и избѣгали войны, когда, напротивъ, въ Россіи, партія, желавшая войны, превозмогла. Между тѣмъ, происшествія быстро смѣнялись Пасильствен-

ная смерть Герцога Ангенскаго, захваченнаго въ чужихъ владѣніяхъ, ужаснула всю Европу, и возбудила общее негодованіе. Принятіе Наполеономъ титула Императора Французовъ и Короля Италіи, и самовластный тонъ съ слабыми сосѣдями открыли Европѣ будущія намѣренія счастливаго завоевателя. При Россійскомъ Дворѣ даже паложень былъ трауръ по Герцогу, и Повѣренный нашъ, Статскій Совѣтникъ Убри, представилъ Французскому Правительству сильную ноту. Императоръ Александръ не признавалъ Наполеона въ званіи Императора и Короля, и въ половинѣ 1804 года, Русское Посольство оставило Парижъ, а Французское Петербургъ, и съ обѣихъ сторонъ приготавлились къ войнѣ, не зная еще гдѣ и какъ она откроется. Наконецъ, Императору Александру удалось убѣдить Австрію къ вооруженію, а Пруссію къ обѣщанію охранять Сѣверную Германію отъ

вторженія Французскихъ войскъ, и въ крайности даже пристать къ союзу. Неаполь и Швеція присоединились искренно къ Императору Александру. Съ Англіею Императоръ Александръ заключилъ тѣсный союзъ. Россія обязывалась выставить 180,000 войска, а Англія дѣйствовать на морѣ и въ десантахъ, согласясь платить вспомогательныя деньги (subsides) всѣмъ государствамъ, которыя пристанутъ къ союзу противу Франціи. Въ такомъ положеніи находились дѣла Европы предъ начатіемъ знаменитой войны 1805 года, въ которую Императоръ Александръ впервые обнажилъ мечъ, долженствовавшій сокрушить невпданное дотолѣ могущество, и освободить Европу отъ диктаторства завоевателя.

Если въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ и между высокими государственными сановниками были различныя мнѣнія на счетъ мира или войны съ Фран-

цією, то въ Русскомъ войскѣ и во всемъ Русскомъ народѣ былъ одинъ голосъ — за войной. Суворовъ доказалъ, что можно побѣждать непобѣдимыхъ, и неудачи наши въ Швейцаріи и Голландіи, происшедшія отъ неискренности нашихъ союзниковъ, требовали возмездія. Русское войско кипѣло желаніемъ перевѣдаться съ Французами, и множество молодыхъ людей вступали въ службу, въ новоформировавшіеся или преобразуемые полки. Ежедневно ждали повелѣнія выступить за границу. Всѣ готовились къ войнѣ.

Генераль-Адъютантъ Баронъ Винценгероде былъ посланъ въ Вѣну, съ проектомъ операціоннаго плана. По расчету Австрійскаго Двора, союзники должны были выставить противу Франціи болѣе полумилліона войска, кромѣ резервовъ, на трехъ главныхъ пунктахъ, а именно: въ Сѣверной и Южной Германіи, въ верхней Италіи и въ Неаполѣ.

Лѣто 1805 года прошло въ вооруженіяхъ и приготовленіяхъ къ войнѣ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Германскими Владѣтельными Князьями, которыхъ хотѣли присоединить къ союзу противу Франціи. Баварскій Курфирстъ подавалъ надежду на согласіе съ союзниками, и Австрійская армія, въ Сентябрѣ, перешла чрезъ Иннъ, вступила въ Баварію и успѣшила занять Ульмъ. Въ Россіи былъ изданъ манифестъ о войнѣ, и войска стояли на границѣ. Въ Августѣ, Генералъ Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ выступилъ, чрезъ Радзивиловъ, за границу, съ корпусомъ изъ 46,405 человекъ, для совокупныхъ дѣйствій съ Австрійцами. Жребій былъ брошенъ!

Но союзники имѣли полмилліона людей на бумагѣ, а Наполеонъ дѣйствительно повелѣвалъ арміею въ шестьсотъ тысячъ человекъ, на разныхъ пунктахъ.

Предусмотрительный во всемъ, онъ приготавлился дѣятельно къ войнѣ, пока шли переговоры о мирѣ. Усиливъ войска свои въ Тироль и въ Италиі, и имѣя уже собранную армію въ Булонскомъ лагерѣ, Наполеонъ, при первомъ извѣстіи о вступленіи Австрійцевъ въ Баварію, двинулся быстро противу ихъ, въ Сентябрѣ перешелъ Рейнъ и Дунай, разбилъ отдѣльные корпуса, обложилъ Ульмъ, и принудилъ Генерала Макка сдаться, съ 28,000 войска. Кутузовъ стоялъ, въ это время, на Баварской границѣ, въ Браунау, ожидая подкрѣпленій и распоряженій къ вступленію на боевую линію, когда получилъ извѣстіе о сдачѣ Ульма, и прежде чѣмъ Русскіе встрѣтились съ Французами, главная Австрійская армія почти не существовала: она была разбита отдѣльно въ Италиі, въ Тироль и въ южной Германіи, и изъ ста тысячъ Австрійцевъ, дѣйствовавшихъ противу самого Напо-

леона, шестьдесятъ тысячъ человекъ, съ множествомъ генераловъ, были уже въ плъну, и двести пушекъ Австрійскихъ уже находились во власти Французовъ! Что оставалось дѣлать Кутузову? У него, съ Австрійскими отрядами, было всего до 50,000 человекъ, и Австрійскіе генералы побуждали его двинуться впередъ; но благоразумный и дальновидный Кутузовъ не хотѣлъ отваживать слабыя силы свои противу превосходнаго числомъ и ободреннаго побѣдами непріятеля, и началъ знаменитое свое отступление, которое столь же славно въ Военной Исторіи, какъ отступление 10,000 Грековъ, съ Ксенофонтомъ.

Отступление Кутузова отъ Кремса до Вишау, гдѣ онъ соединился съ корпусомъ Графа Буксгевдена, т. е. отъ 17 Октября до 8 Ноября, есть, по моему мнѣнію, самая блистательная кампанія Кутузова, точно такъ же, какъ Ватерлоо-

ская Кампанія, не взирая на неудачное ея окончаніе, есть блистательнѣйшая изъ кампаній Наполеона. Хотя, по силѣ обстоятельствъ, Русскіе должны были отступить послѣ сраженія подъ Кремсомъ, но побѣда принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, Русскимъ. Сражаясь; такъ сказать, на каждомъ шагу, съ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, предводимымъ лучшими полководцами нашего времени, избѣгая обходовъ и опасности быть окруженнымъ и отрѣзаннымъ, Кутузовъ въ этомъ славномъ отступленіи возвысилъ честь Русскаго имени, и принудилъ даже непріятелей отдать первенство Русскому солдату предъ всеми другими войнами. И то правда, что Кутузовъ имѣлъ необыкновенныхъ помощниковъ: Князь Багратионъ и Милорадовичъ командовали его пѣхотою, Князь Витгенштейнъ - конницею, а Ермоловъ (въ чинѣ Подполковника) Артиллеріею. Что за люди!

Побѣду при Кремсѣ торжествовали въ Петербургѣ и во всей Россіи. Она возвысила духъ войска и народа. Вѣроятно, что на основаніи этого славнаго отступленія Кутузова рѣшились на продолженіе борьбы съ Наполеономъ, не взирая на то, что Австрія уже предлагала ему миръ, и что онъ, занявъ Вѣну, по справедливости, торжествовалъ свои побѣды надъ Австрійцами въ ихъ столицѣ.

Между тѣмъ, пока Кутузовъ отступалъ отъ Браунау, Русская и Австрійская арміи сосредоточивались у Ольмюца, куда прибыли Императоръ Александръ и Императоръ Францъ. Русскихъ было 68,500 человекъ, Австрійцевъ 14,000, по показанію Генерала Данилевскаго. Въ этомъ составѣ была и Русская Гвардія, въ числѣ 8,500 человекъ, подъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича. Ожидали приближенія Эрцъ-Герцога Карла съ 30,000

человѣкъ изъ Тироля и Русскихъ ко-
лоннъ Эссена и Беннингсена, и надѣя-
лись на Пруссію, которая съ Саксоніею и
Герцогствомъ Веймарскимъ долженство-
вала выставить до 250,000 войска Плацъ
кампаніи былъ превосходный, и Напо-
леонъ долженствовалъ, по всемъ сообра-
женіямъ, уступить сѣль. Главнокоман-
дующимъ назначенъ Кутузовъ, Дежур-
нымъ Генераломъ Генералъ-Адъютантъ
Князь Петръ Михайловичъ Волконскій
(нынѣ Министръ Императорскаго Дво-
ра), Генералъ-Квартирмейстеромъ Ав-
стрійскій Генералъ Вейротеръ.

Я не пишу Исторіи Войны 1805 года, и
не намѣренъ описывать Аустерлицкаго
Сраженія, которое уже прекрасно и спра-
ведливо изображено Генералъ-Лейтенан-
томъ Александромъ Ивановичемъ Михай-
ловскимъ - Данилевскимъ; но расскажу
только то, что знаю о бывшей семьѣ мо-
ей, т. е. объ Уланскомъ Его Высочества

Полку, о послѣдствіяхъ сраженія, и передамъ тогдашнее общее мнѣніе.

Сорокъ лѣтъ, почти полвѣка, Аустерлицское Сраженіе было въ Россіи закрыто какою-то мрачною завѣсою! Всѣ знали правду, и никто ничего не говорилъ, пока нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ не разрѣшилъ Генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину. Уже ли полагали, что стыдно сознаться въ томъ, что мы были разбиты! Да развѣ былъ и есть хотя одинъ народъ въ мірѣ, который бы не проигрывалъ сраженій? Развѣ Римляне скрывали свои неудачи? Развѣ мы разбиты были отъ недостатка храбрости? Нѣтъ, самъ Наполеонъ отдалъ намъ справедливость! Въ военной присягѣ, составленной Петромъ Великимъ, воинъ обязывается: «поступать въ полѣ, обозѣ и на караулѣ, водою и сухимъ путемъ, какъ храброму и не торопливому солдату надлежитъ.»—

Вотъ, гдѣ наша ошибка! Мы проиграли сраженіе отъ *торопливости*. А. И. Михайловскій - Данилевскій говоритъ, что Государь былъ молодъ и окруженъ молодыми людьми, жаждавшими битвы. Надѣясь на наше мужество, мы слишкомъ опрометчиво бросились въ борьбу съ опытнымъ и искуснымъ полководцемъ. Главная ошибка, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что Австрійцамъ не надлежало начинать военныхъ дѣйствій до соединенія всѣхъ силъ своихъ съ силами Россіи. Если бъ до сдачи Ульма и всѣхъ потерь Австрійской арміи, имѣвшихъ пагубное вліяніе и на общее мнѣніе въ Германіи, и на политику Германскихъ Государствъ, Австрія и Россія выдвинули всѣ свои силы внутрь Германіи, то, вѣроятно, что не только Германскія Государства втораго разряда, но и самая Пруссія пристали бы къ союзу, и тогда-то надлежало начать военныя дѣйствія очищеніемъ Германіи

и Италиі отъ Французовъ, и уже на берегахъ Рейна трактовать о мирѣ, налагая условія Франціи. Вся эта война 1805 года представляетъ только желаніе сразиться съ Наполеономъ, какъ возможно скорѣе! Когда Русская сила собралась у Ольмюца, Австрійская армія уже почти не существовала, и всѣ ея военныя запасы, вмѣстѣ съ столицею, находились въ рукахъ Наполеона. Страхъ, наведенный на всю Германію Наполеоновскими побѣдами, удерживалъ всѣхъ отъ вмѣшательства въ дѣло, проигранное въ самомъ началѣ, и къ тому же, репутація Австрійскаго войска много пострадала. На однихъ Русскихъ мало надѣялись, а Русскіе, по несчастію, были слишкомъ самонадѣяны. Старикъ Кутузовъ, какъ видно изъ разсказа А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, не высказалъ всего, что бы надлежало сказать въ такомъ важномъ дѣлѣ, и противу убѣжденія повелѣть войска на бой съ непріателемъ.

Наполеонъ не хотѣлъ драться съ Русскими, и нѣсколько разъ предлагалъ миръ; но требованія союзниковъ были таковы, что Наполеону надлежало въ одно мгновеніе лишиться всѣхъ плодовъ своихъ побѣдъ. Немедленно по прибытіи Императора Александра въ Ольмюцъ, Наполеонъ прислалъ своего адъютанта Савари, поздравить Государя съ пріѣздомъ, и предложилъ миръ, и даже передъ самымъ начатіемъ движенія союзной арміи повторилъ предложенія, и просилъ личнаго свиданія съ Государемъ на аванпостахъ. Наполеону во всемъ отказали, и его миролюбивыя предложенія приняты были за сознаніе въ невозможности противостоятъ Русскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Наполеона, въ случаѣ проиграннаго сраженія, въ отдаленіи отъ всѣхъ своихъ вспомогательныхъ средствъ, было опасное. Государь послалъ къ Наполеону Генералъ-Адъютанта Князя Дол-

горукова, требовать немедленнаго выступленія изъ Германіи, и Князь раздражилъ его смѣлыми рѣчами и слишкомъ вольнымъ обращеніемъ. — «И такъ, будемъ драться!» сказалъ Наполеонъ Князю Долгорукову, который, не отвѣчая ни слова, сѣлъ на лошадь, и ускакалъ. Рѣшено съ обѣихъ сторонъ кончить споръ оружіемъ.

7. Все писатели, говорившіе объ Аустерлицкомъ Сраженіи, приписываютъ успешность въ битвѣ и уклоненіе наше отъ мира Князю Долгорукову, пользовавшемуся особенною благосклонностію Государя. Миѣ кажется, что Князь Долгоруковъ былъ только представителемъ общаго мнѣнія. Горячность его къ борьбѣ съ Наполеономъ раздѣляла съ нимъ не только вся Русская армія, но и вся Россія. Въ солдатахъ и въ офицерахъ былъ одинъ духъ, и нельзя было драться съ бѣльшимъ ожесточеніемъ и мужествомъ, какъ дрались Русскіе подъ Ау-

стерлицемъ. Французы также дрались отчаянно, но при равенствѣ силъ (по А. И. Данилевскому, у Французовъ было около 90, а у союзниковъ 80 тысячъ человекъ (*) подъ ружьемъ), перевѣсъ опыта, соображеній и увѣренности въ гени полководца былъ на сторонѣ Французовъ, а это и при меньшемъ числѣ доставляетъ побѣду.

Въ Русской главной квартирѣ были увѣ-

(*) Нѣкоторые Французскіе писатели утверждаютъ, что у Наполеона подъ Аустерлицемъ было только 42,000 человекъ. См. *Histoire des batailles, siéges et combats des Français, depuis 1792 jusqu'en 1815, par une société de militaires et de gens de lettres, et publiée par Pierre Blanchard. Paris 1818.* Обыкновенно число войска въ рассказахъ о битвахъ или уменьшается, или увеличивается по обстоятельствамъ, и вѣрить всему нельзя. Биньонъ (см. *Histoire de France depuis le 18 Brumaire jusqu'à la paix de Tilsit (1799—1807)*), говоритъ что у Наполеона было подъ Аустерлицемъ 65,000 человекъ. Кому вѣрить?

репы, что Наполеонъ намѣренъ ускользнуть отъ сраженія. Только одинъ опытный Кутузовъ молчалъ и былъ мраченъ, видя всеобщую самонадѣянность и торпливость, и зная геніи Наполеона.

Наконецъ насталъ достопамятный въ Исторіи день $\frac{20 \text{ Октяб}}{2 \text{ Декабр}}$ 1805 года! Въ 8 часовъ утра Русскіе двинулись къ нападенію на Французовъ, по составленной с вечера диспозиціи. Наполеонъ стоялъ на курганѣ, и смотрѣлъ на движенія Русскихъ. При немъ были Дюрокъ, Бертъе, Мюрать, Ланцъ и Сультъ. Изъ всѣхъ ихъ одинъ только Сультъ остался въ живыхъ! Видя, что Русскіе исполняютъ движеніе, которое онъ предвидѣлъ, а именно: тянутся на правый флангъ Французской арміи, Наполеонъ не могъ скрыть своей радости, и воскликнулъ: «Повались въ мои руки!» (Ils sont à moi!) Маршалы поскакали къ своимъ мѣстамъ. Началась битва.

Не взирая на позднее время года, солнце взошло во всей красе своей и во всем своем величии. До смерти своей Наполеонъ не могъ забыть этого солнца, и даже передъ Бородинскимъ сраженіемъ сказалъ: «voilà le soleil d'Austerlitz!» Вотъ О Аустерлицское солнце! Притворялся ли Наполеонъ суевѣрнымъ, или въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ предзнаменованіямъ, но всемъ извѣстно, что онъ часто говорилъ о *своей звѣздѣ*. Прекрасный восходъ солнца въ день Аустерлицской битвы, онъ почелъ счастливымъ предзнаменованіемъ, и старался внушить это своимъ воинамъ. Къ тому же, это былъ день годовщины коронаціи Наполеона. Обожавшіе его солдаты еще съ вечера торжествовали этотъ день, и когда онъ проѣзжалъ по бивакамъ, зажгли соломѣ по всей линіи, вмѣсто иллюминаціи, оглашая воздухъ кликами: *vive l'Empereur!* Весело пошли Французы въ битву, ободренные своимъ

геніяльнымъ вождемъ , предсказывавшимъ имъ побѣду. Въ прокламаціи къ войску, наканунѣ сраженія, Наполеонъ даже открылъ всему войску планъ сраженія. («Когда Русскіе двинутся, чтобъ обойти мое правое крыло, они обнажатъ свой флангъ,» и проч. (Pendant que les Russes marcheront pour tourner ma droite, ils me prêteront leur flanc, etc.)). Какимъ образомъ Наполеонъ зналъ, что Русскіе начнутъ сраженіе съ атаки праваго его фланга? Ужели по соображенію мѣстностей? Быть можетъ! Тогда впрочемъ усилились слухи, что Наполеонъ зналъ нашу диспозицію. Если это правда, то ужъ вѣрно онъ узналъ это не отъ Русскихъ! Много было толковъ, но ничего не открылось въ теченіе сорока лѣтъ, и должно вѣрить, что Наполеонъ расположилъ свое войско на позиціи такимъ образомъ, что по правиламъ стратегіи надлежало атаковать его съ праваго фланга. Вѣдь геніи

больше всего берутъ тѣмъ, что сбиваютъ съ толку людей методическихъ отступленіемъ отъ правилъ. Какъ бы то ни было, но Наполеонъ, осмотрѣвшій лично всѣ мѣста, гдѣ долженствовало быть сраженіе, и распорядившись прежде, имѣя отличнѣйшихъ исполнителей въ своихъ маршалахъ и генералахъ, восторжествовалъ надъ нашею неопытностью и нашимъ пылкимъ мужествомъ, отдавъ намъ, однако жъ, полную справедливость. Въ изгнаніи, на островъ Св. Елены, Наполеонъ, говоря объ Аустерлицѣ, сказалъ: «Le succès à la guerre tient tellement au coup d'oeil et au moment, que la bataille d'Austerlitz, gagnée si complètement, eût été perdue si j'eusse attaqué six heures plus tôt. Les Russes s'y montrèrent des troupes excellentes, etc., т. е. (Успѣхъ въ войнѣ до такой степени зависитъ отъ одного взгляда (глазомѣра полководца) и отъ одной минуты, что я бы проигралъ

Аустерлицское сраженіе, если бь атаковалъ шестью часами прежде. Русскіе доказали, что они превосходные воины» и пр. (См. *Mémoires de Ste Hélène*, Т. 2, стр. 210). Биньонъ (см. *Histoire de France*, etc., стр. 470), основываясь на мнѣніи Французскихъ Маршаловъ, говоритъ: «Ainsi, il n'y avait plus, du côté de l'ennemi, une armée unique, agissant dans un seul système et dont les parties se soutinrent entr'elles. C'étaient trois armées différentes, isolées, ayant les Français en tête et sur leur flanc, et ne pouvant plus opposer qu'une bravoure sans calcul, qu'une résistance locale et sans ensemble. Du côté des Français, au contraire, tout était lié, tout marchait d'accord et s'entr'aidait pour le résultat commun.» т. е. «Такимъ образомъ со стороны непріятеля (т. е. Русскихъ и Австрійцевъ) не было соединенной арміи, дѣйствующей по одной системѣ, которой части поддер-

живали бы другъ друга. Тутъ были три различныя непріятельскія арміи, разоб-
щенныя, имѣвшія Французовъ въ головѣ
и на флангъ, могшія только дѣйствовать
личною храбростью, безъ всякаго расче-
та, и сопротивляться мѣстно, безъ общей
цѣли; со стороны Французовъ, напро-
тивъ, все было связано между собою, все
двигалось въ согласіи, и все помогало
одно другому для общаго послѣдствія.»—
Это самое слышалъ я, въ 1811 году, изъ
устъ знаменитаго Маршала Сюшета, уча-
ствовавшаго въ Аустерлицкомъ сраже-
ніи: «Русскимъ надлежало фланговымъ
движеніемъ заставить Наполеона пере-
мѣнить позицію, и тогда уже начать сра-
женіе, а если бъ имъ это не удалось, въ
такомъ случаѣ должно было дѣйствовать
сжато, и не отдѣлять вовсе кавалеріи отъ
пѣхоты, но дѣйствовать ими такимъ
образомъ, чтобъ онѣ подкрѣпляли другъ
друга.» Кто-то спросилъ маршала, ка-

кая же была бы цѣль фланговаго движенія, еслибъ Наполеонъ, воспользовавшись этимъ, вовсе уклонился отъ сраженія, и обратился къ своимъ резервамъ и сикурсамъ? — «Или соединеніе съ Эрцъ-Герцогомъ Карломъ въ Венгріи, или съ Пруссакими,» отвѣчалъ маршалъ: «и во всякомъ случаѣ преимущество было бы на сторонѣ союзниковъ.» Предоставляю стратегикамъ обсудить это мнѣніе.

Уланскій Его Высочества Полкъ находился въ отрядѣ Австрійскаго Генерала Князя Лихтенштейна. Пока отрядъ успѣлъ пробраться на мѣсто, назначенное ему по диспозиціи — мѣсто это было уже занято Французами, которые, вытѣснивъ Русскихъ изъ деревни Блазовиць, открыли сильный пушечный огонь по Русской Гвардіи, не понавшей также на назначенное ей мѣсто, и выслали противу нея стрѣлковъ. Въ эту минуту прибылъ, на рысяхъ, отрядъ Князя Лихтен-

штейна, и примкнулъ къ лѣвому флангу Гвардіи. Его Императорское Высочество Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ прискакалъ къ Уланскому Его Высочества Полку, въ бѣломъ колетѣ и каскѣ Лейбъ-Гвардіи Коннаго Полка, поздоровался съ солдатами, обнялъ и поцѣловалъ Генерала, Егора Ивановича Меллера-Закомельскаго, и, обратясь къ фронту, сказалъ: «Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!» — «Ради умереть!» воскликнули все въ одинъ голосъ — и сдержали слово.

Сраженіе кипѣло въ Русскомъ центрѣ и на правомъ флангѣ. Французы подвигались впередъ. Стрѣлки Русской Гвардіи, остановившейся на высотахъ деревень Блазовица и Круга, перестрѣливались съ Французскими застрѣльщиками дивизіи Генерала Риго, и передъ Русскою Гвардіею двигалась Французская кавалерійская колонна, состоявшая изъ трехъ

полковъ конныхъ егерей и гусарь, поддерживаемая слѣва пѣхотою Маршала Бернадота, а справа пѣхотою Маршала Ланна. Этою колонною командовалъ Генералъ Келлерманъ. За Французскою конницею выстроены были нѣсколько баталіоновъ легкой пѣхоты, съ артиллеріею. Князь Лихтенштейнъ рѣшился удержать напоръ Французовъ на Русскую Гвардію, и даже отбросить ихъ. Рѣшена кавалерійская атака, и Уланскій Его Высочества Полкъ первый бросился на Французскую кавалерію.

Съ крикомъ *ура!* стремглавъ понесся Уланскій Его Высочества Полкъ за генераломъ своимъ и офицерами, которые скакали передъ фронтомъ. Французская кавалерія, хотя и превосходная числомъ, обратилась въ тылъ, проскакала чрезъ интервалы, между баталіонами пѣхоты, и построилась за пушками. Уланы бросились на пѣхоту, и, не взирая на же-

стокій ружейный огонь, пробилсь чрезъ нее. Французская пѣхота бросилась бѣгомъ направо и налѣво, и выстроилась, а артиллерія, стоявшая за пѣхотою, встрѣтила улапъ картечью. И это не удержало геройскаго порыва полка! Улапы смѣло поскакали на пушки, и стали рубить Французскихъ артиллеристовъ. Дошло до ручной схватки. Ротмистра Гаппемана, замахнувшася саблею на одного изъ нихъ и нагнувшася, другой артиллеристъ сбиль съ лошади ударомъ башика въ голову. Нѣкоторые улапы даже соскакивали съ лошадей, и съ саблею въ рукъ бросались на артиллеристовъ. Ожесточеніе равнялось мужеству. Но при атакѣ пѣхоты и при картечныхъ выстрѣлахъ, сжатый фронтъ Уланскаго Полка разстроился, и улапы сражались или по-одиначкѣ, или малыми толпами, а кромѣ того, (Донскія лошади, неспособныя вовсе къ мундштуку, закусивъ

удила, занесли множество уланъ въ средину непріятелей. Видя, что уланы уже не могут опереться фронтомъ, Келлерманъ бросился на нихъ съ тремя отличнѣйшими полками Французской конницы — и уланы должны были обратиться въ тылъ. Тутъ приняла ихъ съ обѣихъ фланговъ ружейнымъ огнемъ та самая пѣхота, чрезъ которую они прежде проскакали, и Уланскій Полкъ совершенно разстроился. — *Ils péchèrent, dans cette affaire par excès de courage et par défaut de connaissance dans l'art militaire,* » т. е.

они погрѣшили въ этомъ дѣлѣ отъ избытка храбрости / и отъ незнанія военнаго ремесла (т. е. отъ неопытности), говорятъ Французскіе писатели. (*) Совершенная правда! Вся бѣда, не только Уланскаго Его Высочества Полка, но и всей

(*) См. *Histoire des batailles, sièges et combats, etc.* Т. III, page 317.

арміи, произошла отъ избытка храбрости и неопытности!

Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, въ своей Исторіи Войны 1805 года, показываетъ, что въ Уланскомъ Его Высочества Полку изъ строя выбыло плѣнными и убитыми 400 человекъ рядовыхъ, 16 офицеровъ и Командиръ полка, Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, раненый и взятый въ плѣнъ. Полкъ имѣлъ болѣе 1000 человекъ, но послѣ этой атаки едва двѣсти человекъ примкнули къ корпусу Князя Багратиона. Прочіе разсѣялись въ разныя стороны, бывъ отрѣзанными и не зная, гдѣ соединиться. Генералъ Меллеръ-Закомельскій оказалъ чудеса храбрости, и, быть можетъ, спасъ бы полкъ, еслибъ не былъ раненъ въ самую критическую минуту. Пуля ударила ему въ грудь, и скользнула по Владимірскому кресту. Ударъ лишилъ его дыханія, и въ это время на него на-

скакали Французскіе гусары, и стали рубить. Нѣсколько уланскихъ офицеровъ защищали его до послѣдней крайности, и вмѣстѣ съ нимъ были взяты въ плѣнъ.

Генераль А. И. Михайловскій-Данилевскій превосходно и вѣрно описалъ несчастное отступленіе послѣ Аустерлицкаго сраженія, и ужасную картину, когда, послѣ обрушенія моста на рѣкѣ Литавѣ и по тѣснотѣ узкой плотины, между озерами, Русская пѣхота, кавалерія и артиллерія бросились на замерзшее озеро, надеясь сократить путь. (Страшно ревѣли Французскія орудія; ядра прыгали рикошетами между Русскими воинами, и вдругъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, раздались вопли отчаянія.... Ледъ на озерѣ началъ проламываться и проваливаться во многихъ мѣстахъ; пѣшіе и конные воины, пушки и зарядные ящики погружались въ воду, а между тѣмъ канонада со стороны Французовъ усиливалась, и

надъ утопавшими стали трескаться гранаты и ядра, пришибая спасавшихся. Со всѣхъ сторонъ смерть, подъ ногами и надъ головою! Эта участь постигла корпусъ неустрашимаго Дохтурова. Въ общемъ смятеніи раздавались голоса офицеровъ: «Спасай пушки! береги ружья!»— и солдаты слушали офицеровъ, помогали на мелкихъ мѣстахъ вытаскивать орудія, и всѣ вышедшіе на берегъ солдаты сохранили ружья, и выстроились немедленно въ колонну. Французы замѣтили эту удивительную черту Русской дисциплины, и отдали справедливость рѣдкой храбрости Русскаго солдата! Всѣ Французскіе военные историки говорятъ объ этомъ съ удивленіемъ.

Я уже сказывалъ, что Русскіе офицеры носили тогда огромнѣйшія шляпы съ султаномъ и съ широкою петлицею. Это было причиною смерти многихъ храбрыхъ офицеровъ Русскихъ. Въ Русскихъ

рядахъ даже слышно было, какъ Французскіе офицеры кричали своимъ застрѣльщикамъ: «tirez aux chapeaux! т. е. стрѣляй въ шляпы!» и отличные Французскіе стрѣлки прицѣливались, какъ въ мишень, въ колоссальную шляпу. Не всѣ офицеры были перебиты, но почти всѣ шляпы были по нѣскольку разъ прострѣлены.

Кто не знаетъ такъ называемой *тактики Суворова*, т. е. его наставленія войнамъ, читаннаго передъ фронтомъ войску, находившемуся подъ командою Суворова? Въ этой тактикѣ непобѣдимый полководецъ запрещаетъ солдатамъ грабить въ непріятельской землѣ, но говоритъ: «взялъ городъ, взялъ лагерь — все ваше!» Тогда былъ обычай, что взятый съ боя городъ отдавался на грабежъ. Еслибъ только брали пожитки... по тутъ и жизнь, и болѣе еще — честь отдавалась на произволъ разсвирѣпѣлаго солдата!

Въ Русскомъ войскѣ это называлось: «поднять на Царя.» Императоръ Александръ приобрѣлъ неопровергаемое право на безсмертіе въ вѣкахъ и на благословіе народовъ уничтоженіемъ этого правила. Однако жъ, однажды въ жизни, въ первый и послѣдній разъ, самъ Императоръ Александръ прибѣгнулъ къ этому средству. На другой день послѣ Аустерлицкаго сраженія, Государь увидѣлъ нѣсколько гвардейскихъ баталіоновъ и толпы армейскихъ солдатъ почти безъ огней, лежавшихъ на мокрой землѣ, голодныхъ, усталыхъ, измученныхъ... Верстахъ въ двухъ была деревенька, но въ ней нельзя было занять квартиръ и достать помощи обыкновенными средствами. Надлежало отступать.... Императоръ Александръ, тронутый положеніемъ своихъ воиновъ, позволилъ имъ взять все съѣстное изъ деревни. — «Ребята, *поднимай на Царя!*» раздался голосъ флигель-адъютанта — и

солдаты устремились въ деревню, и выбрали все, что можно было взять, и что было даже не нужно, только для потѣхи. Государь записалъ названіе этой деревни, и послѣ вознаградилъ вдесятеро за все взятое. Послѣ этого случая, *поднимай на Царя* — исчезло въ Русскомъ войскѣ, которое во всѣхъ походахъ, даже при штурмахъ, было всегда образцемъ военной дисциплины и порядка.

Послѣ несчастной ретиреды и перемирія, Уланскій Его Высочества Полкъ собрался въ Краковъ, въ числѣ 500 человекъ, и въ Россію повелъ его Полковникъ Чаликовъ. На пути и при распределеніи полковъ по квартирамъ, прибыло въ полкъ еще до полутора ста, оставшихся въ госпиталяхъ или спѣшенныхъ уланъ, примкнувшихъ къ пѣхотнымъ полкамъ и отдельнымъ командамъ. Штабъ-квартира Уланскаго Полка назначена въ имѣніи Его Высочества, *Стрѣль-*

ной Мысль, а помѣщеніе въ Стрѣльной, въ Петергофѣ и въ Петербургѣ. Прибывъ на мѣсто своего назначенія послѣ Аустерлицкаго сраженія, полкъ началъ комплектоваться офицерами и солдатами, и полковымъ командиромъ назначенъ Полковникъ Чаликовъ. Приобрѣвъ славу храбраго полка, Уланскій Его Высочества Полкъ удостоился получить серебряныя трубы за отличіе. Его Высочество самъ занялся устройствомъ, преобразованіемъ и обученіемъ полка. Нѣсколько прежнихъ офицеровъ, переведены въ другіе кавалерійскіе полки, и на мѣсто ихъ выбраны Его Высочествомъ новыя. Къ этому числу принадлежалъ и я. Служба была не легкая, потому что подлежало и обучать солдатъ, и смотрѣть за выѣздкою лошадей, и Его Высочество самъ входилъ во всѣ подробности.

По возвращеніи Гвардейскаго Корпуса

изъ-подъ Аустерлица въ Петербургъ, вся столица встрѣчала его. Единственный трофей этого сраженія, въ которомъ Русскіе дрались съ истинно геройскимъ мужествомъ, принадлежалъ Гвардіи. (Передъ Л. Г. Коннымъ Полкомъ везли Французское знамя, отнятое Полковникомъ Оленинымъ у 4-го Французскаго Пѣхотнаго Полка, въ который онъ врубился съ двумя эскадронами.) Вообще въ этомъ несчастномъ сраженіи гвардейская кавалерія чрезвычайно отличилась. Кавалергарды, Конная Гвардія и Лейбъ-Казачи отчаянными атаками спасли гвардейскую пѣхоту, но за то Кавалергардскій Полкъ былъ истребленъ почти на половину.

Вѣсть объ Аустерлицкомъ сраженіи быстро промчалась по всей Европѣ, и произвела горестное впечатлѣніе во всѣхъ народахъ, надъ которыми тяготѣло или которымъ угрожало могущество Фран-

ціи и самовластіе Наполеона. Особенно въ Англіи общее мнѣніе, имѣя сильнаго двигателя въ свободѣ книгопечатанія, сильно возстало противу Министерства знаменитаго Питта, который всю власть свою, всѣ свои способности и всѣ огромныя средства употреблялъ на поддержаніе войны съ Франціею и на побужденіе къ войнѣ сильныхъ сухопутныхъ Европейскихъ Державъ, предлагая каждому врагу Франціи и Наполеона денежную помощь. Не думаю, чтобъ личная ненависть къ Наполеону (какъ писали тогда во Французскихъ журналахъ) заставляла Питта поступать такимъ образомъ. Гораздо вѣроятнѣе, что въ немъ дѣйствовало убѣжденіе, что правительство, возникшее изъ кровавой революціи, на обломкахъ законнаго престола, не можетъ представить достаточнаго ручательства за спокойствіе Европы, за уваженіе монархическихъ началъ, въ

чужь, и за твердость правительства внутри Франціи. Питтъ, какъ глубокой политикъ, не могъ дѣйствовать по побужденію страстей, но слѣдовалъ единственно системъ, хладнокровно обдуманной и взвѣшенной на вѣсахъ разума, хотя онъ и употреблялъ иногда средства, не одобряемая строгою нравственностью. Онъ былъ убѣжденъ, что / хотя Наполеонъ и старался утвердить новую свою Имперію на монархическихъ правилахъ, но будучи самъ въ существѣ воинемъ и завоевателемъ, онъ только военною славою и военнымъ величіемъ можетъ держаться на высотѣ; что только громомъ побѣдъ онъ въ состояніи заглушить вопли революціонныхъ страстей, и только штыками можетъ удержать ихъ порывы. Питтъ совѣтовалъ до тѣхъ поръ продолжать борьбу, всеми возможными средствами, пока во Франціи не утвердится сильнаго и миролюбиваго правительства, хотя бы

на новыхъ демократическихъ началахъ. (*) Предвидѣнія Пятта сбылись, но самъ онъ не выдержалъ, и, въ борьбѣ съ общимъ мнѣніемъ, умеръ послѣ Аустерлицскаго сраженія. Противники его, особенно знаменитый Фоксъ, говорили, что

(*) Французскіе писатели, напротивъ, утверждаютъ, что Пяттъ руководствовался только ненавистью къ Франціи, и имѣлъ одну цѣль — вредить ей. Даже умный Биньонъ (въ своей *Histoire de France, etc.*, на стр. 528) говоритъ: *Ce système, tant préconisé, de M. Pitt, il faut le répéter pour la dernière fois, ne se composait que de l'idée la plus simple: abattre, ruiner la France, ne voir de grandeur possible pour l'Angleterre que dans la misère et l'humiliation de la France, voilà M. Pitt sous le rapport de la pensée politique.* То есть, система Пятта, столь выхваляемая, скажемъ въ послѣдній разъ, заключалась въ самой простой идеѣ — унижить, разорить Францію и почитать единственное средство къ величію Англіи въ униженіи и бѣдствіи Франціи — вотъ основная мысль политики Пятта. « При всемъ моемъ уваженіи къ уму, познаниямъ и дипломатическимъ дарованіямъ Бинь-

Питтъ «убить Аустерлицскимъ ядромъ,» поразившимъ его прямо въ сердце. (*)

Англія чрезвычайно страдала отъ войны, и хотя слава ея флота возрасла побѣдами надъ флотами Французовъ и ихъ союзниковъ, и хотя она забрала почти всѣ ихъ колоніи, но эти выгоды, долженствовавшія принести великія послѣдствія въ будущемъ, въ настоящемъ нанесли большой ущербъ торговлѣ и промышленности. Національный долгъ возросъ до баснословныхъ цифръ! Рабочій

она, я не раздѣляю на этотъ счетъ его мнѣнія, хотя и не одобряю всѣхъ поступковъ Питта, особенно его сношеній съ заговорщиками и интригантами. Почтенный Г. Биньонъ слишкомъ увлекается народнымъ чувствомъ. Надобно быть справедливымъ и съ непріателемъ.

(*) Послѣднія слова Питта, на смертномъ одрѣ, были: «Oh! what times! oh! my country! т. е. о, какія времена! о, мое отечество!» См. Memoirs of the Lady Hester Stanhope, as related by herself, in conversation with her physician.

классъ въ Англіи совершенно объднѣлъ. Общее мнѣніе требовало мира — и новое министерство Фокса склонялось къ нему, но не могло заключить его на тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ Наполеонъ не отступалъ, особенно послѣ Аустерлица. — Ожесточеніе обѣихъ народовъ дошло до высшей степени, и со стороны Англіи вся ненависть сосредоточилась на Наполеонѣ. Англичанѣ распложили различныя оскорбительныя выдумки на счетъ Наполеона, и притомъ почти на всѣхъ языкахъ, чтобъ посѣять во всѣхъ народахъ ненависть и презрѣніе къ главѣ Французскаго Правительства. — Множество этихъ пасквилей переведено на Русскій языкъ, и, въ свое время, все это съ жадностью было прочтано. Съ этихъ-то поръ утвердилась у тогдашнихъ молодыхъ людей ненависть къ Наполеону, которая, укоренившись съ лѣтами, останется въ нихъ до гроба! Многіе изъ мо-

ихъ искреннихъ пріятелей въ Россіи до сихъ поръ воображаютъ себѣ Наполеона такимъ, какъ описывали его Англійскіе пасквилисты, страшнымъ чудовищемъ, въ родъ минотавра!

Я не раздѣлялъ и не раздѣляю этого несправедливаго мнѣнія о Наполеонѣ. — Съ дѣтства привыкъ я отдавать справедливость великимъ мужамъ и талантамъ, независимо отъ личныхъ моихъ выгодъ и побужденій сердца. — Такой-то человекъ можетъ быть непримиримымъ врагомъ моимъ, и быть отличнымъ писателемъ, генераломъ или чиновникомъ. Большая часть враговъ не знаятъ другъ друга, а еслибъ узнали, то подружились бы. Клевета, какъ ядъ, отравляетъ жизнь! Великіе мужи древней Греціи и Рима были ужасны непріятелямъ своего отечества, и если враги Греціи и Рима проклинали ихъ, то не могли повредить ихъ славы. — Кто желаетъ славы, вели-

чія и могущества собственному отечеству, тотъ по неволѣ долженъ созидать ихъ на счетъ другихъ народовъ. Такъ созданъ свѣтъ! Наполеонъ велъ честно свои войны, выводилъ войско въ чистое поле, и дрался. — Честолюбіе его и властолюбіе, конечно, выходили иногда за предѣлы, но этимъ онъ доказалъ, что и величайшій геній есть человѣкъ, и что человѣкъ не можетъ быть безъ слабостей и недостатковъ. Наставникъ мой Лантингъ былъ сильнымъ приверженцемъ Наполеона, разумѣется, не желая ему успѣховъ въ столкновеніяхъ въ Россіи, и душевно жаждая мира съ Наполеоновскою Франціею. Мы съ Лантингомъ восхищались Первымъ Консуломъ, и хотя досадовали, когда онъ принялъ императорское званіе, но извиняли его обстоятельствами. Съ наслажденіемъ читали мы прокламаціи Наполеона къ его войску. Это совершенство военного красно-

рѣчія! Не много такихъ полководцевъ, какъ Наполеонъ и Суворовъ, которые бы, подобно имъ, умѣли двигать сердца-ми своихъ подчиненныхъ, каждый въ духъ своего народа. Наполеонъ и Суворовъ знали, что не воспламенивъ чело-вѣка, не тропувъ его за сердце, нельзя ожи-дать отъ него великихъ дѣлъ! Переберите всю исторію чело-вѣчества, вы удосто-вѣритесь, что всѣ великіе мужи дѣйство-вали на народъ нравственно (moralement), обращаясь къ сердцу и разуму. Чувство обязанности охлаждается въ противностяхъ и страдаціяхъ—энтузіасмъ побѣждаетъ всѣ трудности. Вообще я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ патріотизмъ въ ненависти непріятеля и въ оскорбленіи его бранью и клеветою. Можно уважать непріятеля и сражаться съ нимъ до послѣдней капли кро-ви, за честь и благо своего отечества; и что можетъ быть славнѣе, какъ сражать-

ся съ врагомъ, достойнымъ уваженія, и побѣдить героевъ! Сознаюсь откровенно, что съ первыхъ лѣтъ моеѳ юности я почиталъ Наполеона великимъ мужемъ, не вѣрилъ, по инстинкту, вымышляемымъ на него клеветамъ, и когда увидѣлъ собственными глазами Францію, созданную имъ изъ революціоннаго хаоса, когда наслушался разсказовъ очевидцевъ о томъ, что было во Франціи до Наполеона и даже до революціи, тогда убѣдился, что въ Наполеонѣ были два генія: военный и правительственный, или административный, которые весьма рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ въ одномъ человѣкѣ. Объ этомъ я буду имѣть случай поговорить подробно.

Послѣдствія Аустерлицкаго сраженія были чрезвычайно важны, и совершенно переменяли положеніе Европы. Пресбургскій миръ начертанъ окровавленнымъ мечемъ побѣдителя! Наполеонъ до-

вольствовался только денежною контрибуціею, для раздачи своему войску, и въ первый разъ послѣ революціи Франція заключила миръ съ побѣжденнымъ непріателемъ, не приобрѣтая областей. Но Австрія все же лишилась до двухъ милліоновъ осьми сотъ тысячъ подданныхъ, населявшихъ прекрасныя страны южной Германіи и Италіи, которыя отданы были Курфирстамъ Баварскому и Виртембергскому, принявшимъ титулъ королевскій, и Великому Герцогу Баденскому, союзникамъ Наполеона. Владѣнія Австріи въ Италіи, съ Венеціей, присоединены къ новому Италіянскому Королевству. Императоръ Германскій лишился прежняго титула, и сталъ называться Императоромъ Австрійскимъ. Король Неаполитанскій лишенъ всѣхъ своихъ владѣній, и удаленъ въ Сицилію, подъ покровительство Англіи. Пруссія, хотя и не союзной съ Франціею, но не участвовавшей въ войнѣ,

предоставлено занять принадлежавшій Англии Ганноверъ. Замѣчательно, что когда Прусскій Министръ Гаугвицъ, отправленный изъ Берлина къ Наполеону до полученія извѣстія объ Аустерлицскомъ сраженіи, съ самыми жесткими предложеніями, явился къ побѣдителю въ Бринцъ, и не считая нужнымъ объяснять настоящей причины своего посольства, поздравлялъ его съ побѣдою, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, Наполеонъ отвѣчалъ: «Это такое привѣтствіе, котораго назначеніе (или адресъ) перемѣнено счастіемъ!» (*C'est un compliment, dont la fortune a changé l'adresse!*)

Не требовалось много предвидѣнія и высокихъ соображеній въ политикѣ, чтобъ постигнуть, что всѣ трактаты, заключенные первоклассными Европейскими Державами съ Наполеономъ, послѣ Аустерлицскаго сраженія, не прочны, и что возстановленный миръ на твердой землѣ

есть только перемиріе. Жестокое наказаніе Австріи и страшный для Европы перевѣсъ силы Франціи, заставляли каждое помышлять о средствахъ къ утвержденію равновѣсія въ Европѣ, для общаго спокойствія и безопасности, и эта великая идея, чуждая всѣхъ корыстныхъ видовъ, родившись въ умѣ Императора Александра, руководила имъ постоянно, къ предназначенной цѣли, до которой онъ достигнулъ въ теченіе десяти лѣтъ, дѣйствуя съ величайшимъ самоотверженіемъ и не страшась ни какихъ опасностей. Наполеонъ напелъ достойнаго себѣ соперника въ Императорѣ Александрѣ, съ тою между ими разницею, что Императоръ Александръ зналъ съ кѣмъ имѣеть дѣло, а Наполеонъ, при всей своей геніяльности, не постигнулъ Александра, и былъ въ совершенномъ заблужденіи на его счетъ!

Императоръ Александръ не выслалъ

въ Парижъ полномочнаго Посла для заключенія мирнаго трактата, какъ желалъ того Наполеонъ. Статскому Сов. Убри (Oubril), посланному будто бы для размына плѣнныхъ, поручено было войти въ сношенія съ Французскимъ Правительствомъ по этому предмету. Г. Убри подписалъ въ Парижъ мирный договоръ (8/20 Юля 1806), и когда Наполеонъ торжествовалъ, что Россія соглашается на лишеніе Неаполитанскаго Короля престола и всѣ предложенія Франціи, и напечаталъ трактатъ въ Монитеръ — Императоръ Александръ не утвердилъ трактата! Это былъ ударъ прямо въ сердце Наполеона! Къ довершенію его горести и досады, во Франкфуртскомъ журналѣ, бывшемъ тогда органомъ нашей политики, напечатана статья, въ которой было сказано, что посланный въ Парижъ Русскимъ Правительствомъ для заключенія мирнаго трактата, отдалился отъ своей

инструкціи, и дѣйствовалъ въ духъ совершенно противоположномъ, и что Россійскій Императоръ готовъ возобновить сношенія о мирномъ трактатѣ, котораго бы основанія согласовались съ его достоинствомъ. Эта журнальная статья была бомба, пущенная въ политическій мръ! Статью перепечатали въ Швецкихъ и Англійскихъ журналахъ, и Европа съ восторгомъ узнала, что Аустерлицское сраженіе не покорило ее совершенно волю Франціи, и что еще есть благодѣтельный геній, пекущійся о ея независимости. Имя Императора Александра проносилось вездѣ съ благоговѣніемъ, вездѣ выставляли его портреты, и всѣхъ Русскихъ принимали отличнымъ образомъ за границей. Однако жъ, Наполеонъ, желая мира, чтобъ утвердить могущество Франціи и свое собственное на прочныхъ основаніяхъ, скрылъ свое неудовольствіе, и дипломатическія сношенія

объ утвержденіи Европейскаго мира продолжались въ Парижѣ. Императоръ Александръ повторилъ, съ тѣю же твердостью и настойчивостію, прежнія свои требованія, какъ будто не бывало Аустерлицскаго сраженія. Онъ снова объявилъ, что Французы должны выступить изъ Германіи, не соглашался на лишеніе престола Неаполитанскаго Короля, и требовалъ даже, чтобъ Наполеонъ не присоединялъ Далмаціи къ Французской Имперіи. Кромѣ того, Императоръ Александръ не соглашался вывести Русскихъ войскъ изъ Бокка ди Катаро, пока Французы останутся въ Германіи. Эти условія были тѣ же, что предъ Аустерлицскимъ сраженіемъ. Наполеонъ казался уступчивымъ, отдавалъ Россіи Корфу, соглашался даже рѣшить умѣреннѣе Неаполитанскій вопросъ, и требовалъ только, чтобъ Россія не вмѣшивалась въ дѣла Германіи и Западной Европы, и содѣй-

ствовала къ заключенію мира съ Англіею. Императоръ Александръ оставался непоколебимымъ, и старался тѣснѣе сблизиться съ Пруссіей, для которой учрежденія Рейнскаго Союза и власть Наполеона въ Германіи были достаточною причиною къ сопротивленію его видамъ. Пруссія была на военной ногѣ, имѣла многочисленное войско, несмѣтные запасы военныхъ потребностей и крѣпости въ отличномъ состояніи. Россія вооружалась и комплектовала войско. По смерти начальника Англійскаго Кабинета Фокса, Англійское Министерство склонялось болѣе къ войнѣ, нежели къ миру съ Франціею — и наконецъ, трактации между Англіею и Франціей вовсе прекратились. Каждую минуту ожидали взрыва, и только не знали еще, съ которой стороны начнется война. Наконецъ, 2-го Октября 1806 года, Пруссія внезапно издала манифестъ о войнѣ съ Франціею, и въ то же

время стотысячная Прусская армія вошла въ Саксонію, и, соединившись съ двадцатью тысячами войска Курфирста Саксонскаго, начала наступательныя движенія къ Рейну. Вся Европа удивилась этой внезапной рѣшительности Пруссіи. Пламя вспыхнуло!

IV.

ХАРАКТЕРЪ И ТЕМПЕРАМЕНТЪ.—НѢМЦЫ И ФРАНЦУЗЫ.—ПОРЫВЫ ВЫСШАГО ОБЩЕСТВА ВЪ БЕРЛИНѢ КЪ ВОЙНѢ.—ПОЛОЖЕНІЕ ПРУССІИ И ФРАНЦІИ.—ХАРАКТЕРИСТИКА ПРУССКАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО, ГЕРЦОГА ФЕРДИНАНДА БРАУНШВЕЙГСКАГО — ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.—ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ВЪ ЕВРОПѢ.—ЗАСЛУГИ ПРУССІИ ВЪ ЭТОМЪ ОТНОШЕНІИ.—ТАКТИКА ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.—ПРУССКОЕ ВОЙСКО ВЪ 1806 ГОДУ.—ТАКТИКА НАПОЛЕОНА.—ДУХЪ ФРАНЦУЗСКАГО ВОЙСКА.—ДОСТОПАМЯТНЫЯ СЛОВА НАПОЛЕОНА НА ВЫЗОВЪ ПРУССІИ.—НАЧАЛО ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.—УСПѢХИ ФРАНЦУЗОВЪ.—СМЕРТЬ ПРИНЦА ПРУССКАГО ЛУДОВИКА.—ИСКУССТВО НАПОЛЕОНА И ОШИБКИ ГЕРЦОГА БРАУНШВЕЙГСКАГО.—СВЕРШЕННОЕ ПОРАЖЕНІЕ И УНИЧТОЖЕНІЕ ПРУССКОЙ АРМІИ ПРИ ІЕНѢ И

АУЭРШТАДТЪ.—СВИДѢТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦЕВЪ.—
 РѢчь Наполеона предъ войскомъ.—Уныніе
 и разстройство Прусской арміи.—Сдача крѣ-
 постей.—Вступленіе Наполеона въ Берлинъ.
 —Впечатленіе, произведенное въ Россіи не-
 счастьемъ Пруссіи.—Императоръ Александръ
 объявляетъ войну Франціи.—Рекрутскій на-
 боръ.—Миліція.—Воспламененіе умовъ въ
 Россіи.—Патріотическія чувства.—Двѣ Рус-
 скія арміи и двѣ войны въ одно время, съ
 Франціею и Турціею.—Формированіе бата-
 лиона Императорской Миліціи.—Тогдашніе
 Петергофъ и Стрѣльна.—Офицерская жизнь
 въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ.—Русскій Театръ
 и трагедія Озерова.—Патріотическая траге-
 дія *Димитрій Донской*. — Характеристика
 Озерова и трагическаго актера Яковлева.

Весьма несправедливо и даже безраз-
 судно поступаетъ тотъ, кто какія чибудь
 дурныя качества приписываетъ *цѣлому*
 народу. Народъ не порода звѣрей, не волки
 и не лисицы, чтобъ быть подвластнымъ

какомунибудь особенному природному инстинкту. Образъ правленія, метода воспитанія, политическія событія, устройство гражданскаго общества и географическое положеніе страны имѣютъ вліяніе на характеръ цѣлаго народа, меньше или болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Съ перемѣною этихъ условій измѣняется и характеръ народа, всегда однако жъ подчиняясь темпераменту. Не надобно никогда смѣшивать *характера* съ *темпераментомъ*. Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ объясненіе словъ *характера* и *температора* въ нашихъ лексиконахъ! Одни ихъ смѣшиваютъ, другіе говорятъ такой вздоръ, что уши вянутъ! Характеръ есть, такъ сказать, *нравственное сложеніе чловѣка* (*constitution morale*), образованное волею, убѣжденіемъ, разумомъ, образованностію, а темпераментъ физическое сложеніе (*constitution physique*), механическое устройство чловѣка, сооруженное

одною природою. Иногда характеръ подчиняетъ себѣ темпераментъ, а иногда самъ ему подчиняется. Движеніе крови болѣе или менѣе быстрое, гибкость мускуловъ, сила пищеварительныхъ органовъ и бóльшая или меньшая дѣятельность нервной системы, составляютъ различіе темпераментовъ. Климатъ и пища играютъ первыя роли въ темпераментъ; умъ и воспитаніе господствуютъ въ характеръ. Мы вообще называемъ Французовъ *вптрянымъ* и *веселымъ* народомъ, а Нѣмцевъ народомъ *честнымъ* и *основательнымъ*, но *холоднымъ*. Живость Французовъ и ихъ воспріимчивость суть послѣдствія ихъ легкаго, пріятнаго климата и ихъ пищи. Французскій превосходный супъ (*pot au feu*), ихъ пряныя приправы, трюфели, чеснокъ и наконецъ вино способствуютъ этой живости, когда, напротивъ, и самый климатъ Германіи, здоровый, но слишкомъ однообразный,

иногда угрюмый, грубая, тяжелая Нѣмецкая пища и неумѣренное употребленіе пива, способствуютъ къ сгущенію крови и какой-то неподвижной холодности. Нѣмецъ выходитъ изъ себя тогда только, когда жестоко разсерженъ, а Французъ бѣснуется и въ гнѣвъ и въ радости. Нѣмецкая пословицная (proverbial) честность началась только со времени реформации, и поддерживается тихою, рациональною Нѣмецкою набожностью. Въ Средніе Вѣки Германія была разбойничье гнѣздо, и самая ужасная безправственность окружала рыцарскіе замки и католическіе монастыри. Время измѣнило характеръ народа, не измѣнивъ его темперамента.

Въ Сѣверной Германіи, т. е. въ Пруссіи, народный характеръ сильно измѣнился въ царствованіе Фридриха Великаго. Блистательныя его побѣды, въ Семилѣтнюю Войну, надъ господствовав-

шимъ тогда народомъ въ Германіи, Австрійцами, разбитіе Французовъ при Росбахъ, успѣхи надъ Русскими при Кунерсдорфъ и Цорндорфъ, и скорое, блистательное возвышеніе Пруссіи изъ незначительной державы на степень первокласснаго Европейскаго Государства, давали Пруссакамъ права на гордость. Но отъ гордости, даже сираведливой, одинъ только шагъ къ высокомерію, тикеславію и фанфаронству. Прусское юношество, взлелѣянное воспоминаніями славной эпохи Фридриха Великаго, сохранившее преданія о чудныхъ подвигахъ мужества отцевъ и дѣдовъ своихъ, присвоило себѣ ихъ славу, думая, что получило въ наслѣдство и ихъ качества, и переступило за предѣлы позволенной народной гордости. Съ негодованіемъ говорили въ Пруссіи о неудачахъ Австрійцевъ противу Французовъ, умалчивая однако жъ о несчастномъ походѣ во Францію въ 1792

году, и чрезвычайно легко судили о компаниі 1805 года и несчастномъ Аустерлицкомъ сраженіи, вѣря, что этого никогда не могло бы случиться съ Пруссаками. Въ Пруссіи также существовали, какъ и въ Россіи, двѣ партіи, мирная и военная. Король, весьма благоразумно склонялся на сторону мирной партіи, желая выждать, пока обстоятельства не укажутъ ему пути, по которому должно слѣдовать, и опасаясь рисковать тогдашнимъ выгоднымъ положеніемъ Пруссіи, къ которой Франція чрезвычайно ласкалась и общала большія выгоды, требуя одного нейтралитета. Но партія, желавшая войны, имѣя приверженцевъ даже въ Королевскомъ Семействѣ, была гораздо сильнѣе партіи мирной. Женскій полъ, какъ водится, раздѣлялъ мнѣніе юнаго поколѣнія, и наконецъ въ народѣ составилось убѣжденіе, что Пруссія должна непременно вступить за честь

Европы и Германіи, прогнать Французовъ за Рейнь и заключить ихъ въ прежнихъ предѣлахъ Франціи, не дозволяя вмѣшиваться въ дѣла Европы. Съ Россіей уже заключенъ былъ тайный союзъ, подъ названіемъ Потсдамской Конвенціи; Австрія обѣщала присоединиться къ союзникамъ, какъ только позволятъ стѣсненныя ея обстоятельства; Англія явно приглашала всѣхъ къ возстанію противу Франціи. Курфюрсты Гессенскій и Саксонскій и Герцогъ Веймарскій отдавали войска свои въ распоряженіе Пруссіи, а другіе владѣльцы Германскіе обѣщали присоединиться при первомъ успѣхѣ Пруссіи. Надежды были огромныя и блистательныя, и предвѣщали успѣхъ въ войнѣ. И точно, надлежало надѣяться успѣховъ, если бѣ война начата была во-время и съ расчетомъ. Но партія, желавшая войны, воспламененная какимъ-то дивнымъ энтузіазмомъ, отвергала всякое замедленіе и

горя петерпѣніемъ сразиться, требовала немедленно начать войну, чтобъ не дать Французскимъ войскамъ поправиться и укомплектоваться послѣ блистательной, но трудной Аустерлицкой кампаніи, которая и Французамъ стоила не дешево. Слава Наполеона и Французскихъ войскъ, такъ сказать, разила взоры Прусскаго юношества, и оскорбляла его самолюбіе, заслоняя славу Семилѣтней Войны. Весь Прусскій Дворъ, исключая благоразумнаго Короля, былъ на сторонѣ приверженцевъ войны... Наконецъ Король уступилъ совѣтамъ и просьбамъ партіи, которая выдавала свое собственное мнѣніе за общее, и вызвалъ на бой Наполеона!...

Главнoкомандующимъ Прусскою арміею назначенъ былъ Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій (Braunschweig-Lüneburg). Имя Брауншвейгское озарено было военною славою въ XVIII вѣкѣ.

Фердинандъ, Герцогъ Брауншвейгскій, былъ въ числѣ отличнѣйшихъ генераловъ Фридриха Великаго въ Семилѣтнюю Войну, и избранный Англійскимъ Королемъ Георгомъ II, для начальствованія Англо - Ганноверскою арміею, онъ нѣсколько разъ жестоко билъ Французовъ, одержалъ знаменитыя побѣды подъ Кревельтомъ въ 1758 году, подъ Минденомъ въ 1759 году, и выгналъ ихъ изъ Герцогства Гессенскаго въ 1763 году. Но онъ скончался въ 1792 году, имѣя болѣе семидесяти лѣтъ отъ рожденія, и слава его озарила племянника его, также Фердинанда, котораго многіе смѣшивали съ дядей. Назначенный, въ 1806 году, Главнокомандующимъ Прусскою арміею, Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій былъ въ это время семидесяти одного года отъ рожденія (род. 1735 г.). Онъ также спискалъ блистательное имя въ Семилѣтнюю Войну (отъ 1756 до 1763), въ первой своей

молодости, но не какъ полководецъ, а какъ храбрый и пылкій офицеръ. Въ первый разъ пачальствовалъ онъ, на правахъ главнокомандующаго, отдѣльнымъ тридцатитысячнымъ Прусскимъ корпусомъ, въ 1787 году, при усмирении Голландіи, возставшей противу своего Штатгудера, зятя Короля Прусскаго. Голландію покорилъ Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, такъ сказать, нѣсколькими выстрѣлами. Въ 1792 году, во время самаго сильнаго разгара Французской революціи, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзной Австрійско-Прусской арміи, которая долженствовала въ самой Франціи дѣйствовать для спасенія несчастнаго Лудовика XVI, но былъ разбитъ при Вальми, Французскимъ Генераломъ Келлерманомъ (получившимъ въ послѣдствіи званіе Герцога Вальмійскаго, Duc de Valmy), и заключивъ конвенцію съ республикой, возвратился въ Герма-

нію. Военная репутація Герцога Фердинанда чрезвычайно пострадала послѣ этой кампаніи, и онъ даже вышелъ въ отставку изъ Прусской службы. Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій былъ человекъ отлично образованный, свѣтскій, одаренный краснорѣчіемъ, человекъ храбрый и знавшій подробно тактику Фридриха Великаго, но самъ онъ не имѣлъ дарованій полководца, хотя и обучался военному ремеслу, на практикѣ, у перваго вождя своего времени, и участвовалъ въ великихъ подвигахъ. Не всякому таланту дается творческая сила!

Незадолго до войны, Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій пріѣзжалъ въ Петербургъ, для дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ совѣщаній, и я нѣсколько разъ видѣлъ его. Онъ былъ низкаго роста и сухощавый. Лице его до такой степени покрыто было морщинами, что казалось мозаикой. Носъ у него былъ

длинный, губы небольшія, глаза живые, и вообще онъ былъ быстръ въ движеніяхъ, по своимъ лѣтамъ. Онъ былъ въ мундирѣ точно такого покроя, какой былъ въ Русской арміи, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, съ тою разницею, что мундиръ былъ сняго цвѣта. Въ Петербургѣ тогда поговаривали, будто Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій вступаетъ въ Русскую службу, въ званіи Генералиссимуса, и что ему будетъ поручено предводительство Русскихъ войскъ противу Французовъ. Не знаю, было ли это въ проектѣ, но таковъ былъ слухъ. Герцогъ Брауншвейгскій посѣщалъ все наши военно-учебныя заведенія, Военную Коллегію, Комиссаріатъ, Арсеналь, бывалъ на парадахъ войскъ, и входилъ во все подробности высшаго управленія. Быть можетъ, это самое подало поводъ къ слухамъ.

Военное искусство до Тридцатилѣтней

Войны въ Европѣ находилось въ плохомъ положеніи. Въ каждомъ войскѣ сперва десятую, потомъ пятую и четвертую часть составляла конница. Шведы, подъ предводительствомъ Густава Адольфа и Карла XII, первые доказали преимущество пѣхоты и силу штыковъ (изобрѣтенныхъ въ Байоннѣ, во Франціи, въ половинѣ XVII вѣка) въ сомкнутой линіи. Но при устройствѣ пѣхоты, во всей Европѣ обращали болѣе вниманія на цѣлое, обучали построеніямъ, перемѣнамъ фронта и движеніямъ въ массѣ, и пренебрегали частностями. Отъ солдата требовалось только, чтобъ онъ умѣлъ стрѣлять, держаться линіи и дѣйствовать совокупно въ рядахъ. Солдаты были неуклюжи и неповоротливы; одѣвались какъ кто умѣлъ, и только цвѣтъ одежды отличалъ солдата отъ крестьянина или горожанина. Покрой былъ почти тотъ же, какъ и въ гражданской одеждѣ. Изъ всѣхъ Европейскихъ

Державъ Пруссія первая завела въ войскъ своемъ дисциплину и такъ называемую выправку, еще въ началѣ XVIII столѣтія (съ 1714 года), и военные люди изъ всѣхъ государствъ пріѣзжали въ Берлинъ любоваться гвардіею Прусскаго Короля Фридриха Вильгельма I (*das grosse Leibregiment*), состоявшей почти изъ великановъ, одѣтыхъ однообразно и выправленныхъ до совершенства. Ружейные пріемы, для пріученія солдатъ владѣть ловко ружьемъ, заряжаніе ружья на двѣнадцать темновъ, залпы плутонами, ротами, баталіонами и цѣлыми полками, по одному слову, батальный огонь, маршировка тихимъ шагомъ, построенія скорымъ шагомъ и быстрыя перемѣны фронта и линій, все это было доведено въ Прусскомъ войскѣ до совершенства, а кромѣ того учреждена единообразная служба во всей арміи; заведены вахтпарады, правильные

караулы, строгая подчиненность. Словомъ, Прусская армія сдѣлалась образцовою для всей Европы, и всѣ государства брали съ нея примѣръ. Король Фридрихъ Великій, который въ молодости своей насмѣхался надъ этимъ, считая выправку мелочностью, вступивъ на престолъ убѣдился въ превосходствѣ выправленнаго солдата предъ неуклюжимъ воиномъ, усилилъ все начатое, и оставленное ему родителемъ его семидесятипяти тысячное войско умножилъ до двухъ сотъ тысячъ (въ 1789 году). Фридрихъ Великій былъ творецъ новаго военнаго искусства, основаннаго на *маневрированіи*. Это искусство состояло въ томъ, чтобъ движеніями своего войска оставлять непріятеля въ невѣдѣніи на счетъ своихъ намѣреній, заставлять его перемѣнять позиціи, атаковать тамъ, гдѣ непріятель не ожидаетъ, и отступать тѣми путями, о которыхъ онъ не предпола-

гаеть. Война была почти то же, что игра въ шахматы, и воевать можно было на маломъ пространствѣ, имѣя въ крѣпостяхъ запасы. Въ самомъ сраженіи искусное маневрированіе, т. е. движеніе массами, доставляло хорошо обученному войску выгоды предъ превосходнымъ числомъ и храбрымъ непріателемъ. Обстоятельства заставили Фридриха Великаго изобрѣсти, такъ называемую, *малую войну*, т. е. войну партизанскую. Онъ первый почувствовалъ важность хорошо обученной конницы для поддержанія пѣхоты и артиллеріи, и изобрѣлъ *конную артиллерію*. Семилѣтняя Война доказала превосходство его военнаго искусства и пользы отъ арміи, хорошо обученной и выправленной. Предводительствуемая искусными полководцами, Прусская армія торжествовала надъ двойнымъ и даже тройнымъ числомъ непріателя. Храбрые Венгерцы, отчаянные Пандуры, Кроаты

и Словаки, которыми славилось Австрійское войско, должны были уступать Пруссакамъ, предводительствуемымъ Фридрихомъ Великимъ и генералами его школы. Французы, пользовавшіеся всегда военною славою, особенно при Лудовикѣ XIV, были непрерывно биты Пруссаками и ихъ союзниками, Ганноверцами и Брауншвейгцами, въ Семилѣтнюю Войну. Сраженіе при Росбахѣ было какъ бы народнымъ пятномъ въ Военной Исторіи Франціи. Въ этомъ знаменитомъ сраженіи (6/12 Ноября, 1757 года), Фридрихъ Великій, съ 22,000 Пруссаковъ, разбилъ и обратилъ въ бѣгство 60,000 союзниковъ, большею частію Французовъ. Сраженіе продолжалось не болѣе полутора часа, и съ Прусской стороны въ дѣйствиіи была только одна кошица, подѣ начальствомъ знаменитаго Генерала Зейдлица, и семь баталіоновъ пѣхоты. Французы лишились выбывшими изъ фронта 10,000 че-

ловѣкъ (изъ которыхъ 7,000 сдались въ плѣнъ на полѣ сраженія), 63 пушки и 25 знамени, и вся Французская армія разбѣжалась. У Пруссаковъ убито до ста человѣкъ и до 500 ранено. Эта блистательная побѣда, въ числѣ многихъ другихъ, одержанныхъ Пруссаками надъ Французами, генералами Фридриха Великаго, особенно Герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, совершенно уронила военную репутацію Французовъ. Въ Германіи распѣвали пѣсни на счетъ ихъ трусости и привычки бѣгать съ поля сраженія, воткнувъ ружье въ землю. Особенно въ Пруссіи сильно утвердилось мнѣніе на счетъ малодушія Французовъ, и съ ними вообще обходились съ какимъ-то презрѣніемъ. Внуки героевъ Семилѣтней Войны, будучи свидѣтелями успѣховъ Французовъ въ революціонную войну, приписывали ихъ побѣды или ошибкамъ, или трусости непріятели, горя нетерпѣ-

пиемъ повторить Росбахское торжество. Неудачу похода въ 1792 году во Францію, Пруссаки приписывали слабому содѣйствию Австрійцевъ и болѣзнямъ, открывшимся въ Прусской арміи, что отчасти было и справедливо.

Но время все измѣняетъ. Не тѣ уже были Пруссаки, и не тѣ Французы, каковыми они были въ Семилѣтнюю Войну! Въ Прусскомъ войскѣ сохранились и прежняя отличная выправка, и прежнее искусство въ маневрированіи, но въ чель войска не было военного генія, который бы, подобно Фридриху Великому и его знаменитымъ ученикамъ, умѣлъ пользоваться этимъ искусствомъ, а въ войскѣ не было надлежащей дисциплины и военного духа. Прусское войско, во время продолжительнаго мира, отвыкло отъ военныхъ трудовъ, и изнѣжилось, какъ войско Аннибала въ Капуэ. Полки стояли всегда на однѣхъ безземельныхъ квар-

тирахъ, и пользуясь всеми удобствами жизни, привязаны были къ ея выгодамъ. Армейскіе офицеры, безъ производства, старѣли въ однихъ чинахъ, и живя на одномъ мѣстѣ занимались болѣе хозяйствомъ, нежели военными помыслами. Армейскіе штабъ-офицеры и капитаны большею частію были люди пожилые и даже старые. Именемъ *Прусскаго Маіора*, означали въ то время, въ шутку, стараго, дороднаго пузана! Солдаты занимались ремеслами или полевыми работами. Въ пѣхотѣ большая часть офицеровъ и солдатъ были жепаты. Полки имѣли огромные обозы, и выступали съ квартиръ съ полнымъ хозяйствомъ, съ жепами и дѣтьми. Мы сами видѣли, въ 1807 году, Прусскіе отряды, за которыми тянулись ряды фуръ, втрое длиннѣе войска. На этихъ фурахъ солдатки везли постели, кухонные снаряды и даже живыхъ куръ, гусей, и т. п. Русскіе солдаты называли

Пруссаковъ, въ насмѣшку: *кукуреки*, т. е. пѣтухами. Въ Прусской конницѣ, также отлично обученной и выправленной, было болѣе порядка и дисциплины; но какъ большая часть солдатъ въ конныхъ и пѣхотныхъ полкахъ были люди вербованные не въ одной Пруссіи, а изъ разныхъ Нѣмецкихъ владѣній и изъ Славянскихъ племенъ, то войско не было одушевлено тѣмъ патріотизмомъ и тою народною гордостію, которая возвышаютъ душу и заставляютъ предпочитать смерть униженію отечества. Весьма многіе изъ солдатъ, завербованныхъ обманомъ (какъ то случилось и съ нашимъ знаменитымъ Ломоносовымъ), даже радовались побѣдамъ Французовъ; это я самъ слышалъ отъ Прусскихъ солдатъ. Въ арміи было нѣсколько генераловъ Семилѣтней Войны, какъ, на примѣръ, Моллендорфъ, Калькрейтъ и другіе, но они уже устарѣли и слабо сохранили преданія великой науки

побѣждать. Съ виду эта армія была безподобная, и сверху кипѣло и пѣнилось, какъ шампанское вино — но въ цѣломъ не было силы и крѣпости, а на днѣ были дрожжи.

Энтузіасмъ кипѣлъ только при Дворѣ, въ высшемъ обществѣ и между гвардейскими офицерами. Прусскіе гвардейскіе офицеры, въ противоположность армейскимъ, были большею частію люди молодые, изъ аристократическихъ фамилій не только Пруссіи, но всей протестантской Германіи и даже изъ владѣтельныхъ домовъ. Военный духъ, оживлявшій эту блистательную молодежь, принимали за духъ всего войска, а мнѣніе аристократическихъ салоновъ за мнѣніе народное. Въ этомъ состояла важная ошибка! Энтузіасмъ въ военной молодежи дошелъ до высшей степени, и наконецъ превратился въ несносное фанфаронство. Передъ окнами Французскаго Посла, въ Берлинѣ,

молодые офицеры острили свои сабли и шпаги, подъ звуки знаменитаго Дессаускаго марша, играннаго во время Росбахской Битвы. Ежедневно бросали въ домъ Посланника карикатуры и энграммы на счетъ Французовъ и Наполеона. На театрахъ и въ журналахъ повторялись ежедневно самыя жестокия выходки противу Французовъ и Наполеона, и болѣе всѣхъ отличался своею неустрашимостью и запальчивостью знаменитый Коцебу, издававшій тогда въ Берлинѣ журналъ: *der Freimüthige*. Никто не помышлялъ о томъ, что и Пруссія и Европа уже не тѣ, что были при Фридрихъ Великомъ.

Французы, народъ воинственный отъ природы, удобовоспламенимый, легко забывающій величайшія бѣдствія и неудачи, въ эту эпоху былъ точно такой, каковъ надобенъ былъ величайшему военному генію, какой только былъ на землѣ послѣ Цесаря и Александра Вели-

каго, Наполеону, для чудныхъ его подвиговъ. Революціонныя войны, въ которыхъ надлежало побѣдить или умереть, умереть на полѣ битвы или на эшафотѣ, образовали превосходныхъ солдатъ, отличнѣйшихъ офицеровъ и искусныхъ полководцевъ. Наполеонъ, сообразуясь съ вѣкомъ и обстоятельствами, совершенно пересоздалъ военное искусство, положивъ ей основаніемъ Суворовскія правила: *быстроту и натискъ*. Онъ усилилъ артиллерію и, такъ сказать, соединилъ конницу съ пѣхотою, заставляя ихъ всегда дѣйствовать, опираясь одна на другую или подкрѣпляя другъ друга. Умѣя пользоваться мѣстоположеніемъ, въ слѣдствіе особеннаго дара природы, надѣляющей великихъ полководцевъ превосходнымъ глазомѣромъ и быстротою соображеній въ самомъ пылу сраженія, Наполеонъ дѣйствовалъ всегда сжатыми массами, колоннами, не растягивая своей

боевой линіи и стараясь всегда имѣть подъ рукою всю свою силу. Воспользовавшись изобрѣтеніемъ Фридриха Великаго, Наполеонъ довелъ до совершенства конную артиллерію въ своемъ войскѣ и ввелъ *застрѣльщиковъ* (*tirailleurs*), впервые появившихся въ Америкаускую Войну за независимость колоній, въ 1775 году, въ войскѣ Вашингтона. Американскіе застрѣльщики набираемы были изъ людей, занимавшихся охотою въ лѣсахъ и степяхъ Америки, и составляли главную силу войска Соединенныхъ Северо-Американскихъ Штатовъ. Наполеонъ набиралъ своихъ волтижеровъ (такъ назывались стрѣлковыя роты во Французскомъ войскѣ) изъ самыхъ ловкихъ рекрутъ изъ лѣсныхъ и горныхъ странъ Франціи, и приказывая ихъ непрерывно обучать стрѣльбѣ, награждая искуснѣйшихъ, держалъ вообще всѣхъ ихъ въ почетъ. Своими волтижерами На-

полеонъ прикрывалъ обыкновенно движеніе своихъ массъ, какъ громоуносною тучею, подкрѣпляя стрѣлковыя цѣпи конницею въ полѣ и колоннами легкой пѣхоты въ мѣстахъ, гдѣ конница не могла дѣйствовать. Все перемѣнилось во Французскомъ войскѣ со времени Росбахской Битвы, и люди, и вооруженіе, и тактика, и духъ войска и народа - и Французы, которые прежде, подъ предводительствомъ своихъ маркизовъ бѣгали отъ непріятеля, теперь, съ полною увѣренностью въ побѣдѣ, отважно шли навстрѣчу смерти за своими народными героями! — Слава побѣдъ, блистательныя завоеванія, гений полководца, многочисленность войска и убѣжденіе въ собственномъ достоинствѣ, внушенное почти невѣроятными успѣхами, все это давало Французамъ значительный перевѣсъ надъ другими народами въ эту эпоху. Французское войско, согрѣтое

прокламаціями Наполеона, выступило въ походъ противъ Пруссаковъ съ ожесточеніемъ и жаждою мести, усиливавшими его мужество, а Пруссаки, кажется, не знали или не хотѣли знать всего этого, и толковали только о Росбахъ! Они думали встрѣтиться снова съ Французскими маркизами и съ ихъ поварами и парикмахерами, какъ изображали Французское войско въ карикатурахъ, которыя Англичане, вмѣсто военной помощи, высылали въ Пруссію кинами изъ Лондона! (*)

Прокламація Пруссіи о войнѣ съ Франціею, содержащая въ себѣ косвенный упрекъ въ убійствѣ Герцога Ангенскаго, весьма разгнѣвала Наполеона. Письмо

(*) Секретарь Короля Прусскаго Ломбаръ (Lombart) написалъ въ своихъ Запискахъ: «A Londres on n'eut pas sacrifié une hutte de nègres pour sauver des couronnes.» Т. е. Въ Лондонѣ не пожертвовали бы хижиною негра для спасенія царскихъ вѣнцовъ.

къ нему Короля Пруссаго, на двадцати страницахъ, въ которомъ рѣшительно требовалось, чтобъ Наполеонъ отрекся отъ плодовъ всѣхъ своихъ побѣдъ и вывелъ войско изъ Германіи — оскорбило его гордость. Последняго и рѣшительнаго отвѣта отъ Наполеона требовали на 8/20 Октября, съ поясненіемъ, что этотъ отвѣтъ должно доставить въ главную квартиру Короля Пруссаго.

Наполеонъ получилъ письмо Короля Пруссаго въ Бамбергъ. Скрывъ свою досаду, онъ обратился къ начальнику своего главнаго штаба Бертье, (Князю Невшательскому), и сказалъ: «Намъ (*) назначаютъ срокъ поединка на 8-е Октяб-

(*) *Maréchal! on nous donne un rendez-vous d'honneur pour le 8; jamais un Français n'y a manqué; mais, comme on dit qu'il y a une belle reine qui veut être témoin des combats, soyons courtois, et marchons, sans nous coucher, pour la Saxe.* Биньонъ, стр. 588.

бря. Никогда Французъ не уклонялся отъ честной раздѣлки. Но какъ слышно, что одна прекрасная Королева желаетъ быть свидѣтельницею битвѣ, будемъ въжливы, и пойдемъ немедленно, безъ отдыха, въ Саксонію!» Французская армія, бывшая уже на походѣ, двинулась ускоренными маршами навстрѣчу Пруссакамъ.

Наполеонъ, по своему обычаю, передъ рѣшительною минутою, еще предложилъ миръ, и подавивъ свое огорченіе, написалъ письмо къ Королю Прусскому, и приглашая къ союзу, предоставляя ему не только Ганноверъ, но и полное вліяніе въ Сѣверной Германіи. Письмо это было послано съ адъютантомъ Наполеона Монтескио, котораго умышленно удержали на Прусскихъ аванпостахъ, и до того медлили, что Король получилъ письмо уже по началу военныхъ дѣйствій.

Герцогу Фердинанду Брауншвейгскому было предоставлено составить планъ

военныхъ дѣйствій. Въ началъ Сентября былъ сочиненъ одинъ планъ, въ концѣ Сентября другой — и оба оказались непригодными, потому что Пруссаки наступательными движеніями къ Франконіи не только не удерживали Французовъ, но открывали имъ путь въ сердце Саксоніи, въ Дрезденъ, Лейпцигъ и Наумбургъ, гдѣ собраны были огромные запасы продовольствія и военныхъ снарядовъ Прусской арміи и союзниковъ; третій планъ принятъ по обстоятельствамъ, въ слѣдствіе движеній Французскихъ войскъ. Два первые плана были наступательные, — и Наполеонъ своимъ внезапнымъ и быстрымъ движеніемъ заставилъ Герцога Брауншвейгскаго избрать планъ оборонительный, который надлежало выполнять почти въ виду непріятеля. Въмѣсто того, чтобъ, перейдя Турингскій Лѣсъ, первымъ начать военныя дѣйствія, Пруссаки, удостоверяясь только 10 Октября, что Напо-

леопъ самъ дѣйствуетъ наступательно, остановились. Главная армія, при которой находился самъ Король и Герцогъ Брауншвейгскій, сосредоточилась у Эрфурта; корпусъ Генерала Рюхеля остановился въ Готъ; корпусъ Князя Гогенлоэ близъ Гохдорфа, и резервъ, подъ начальствомъ Принца Евгенія Виртембергскаго, въ Галле.

Французская армія шла впередъ. Правое крыло составляли корпуса Маршаловъ Сульта и Нея; центръ — корпуса Маршаловъ Даву и Бернадота, Императорская Гвардія, подъ начальствомъ Маршала Бессіера и резервная кавалерія Мюрата. Левое крыло образовали корпуса Ланна и Ожеро.

8-го Октября (въ слѣдствіе словъ Наполеона, сказанныхъ въ Бамбергѣ) впервые раздались выстрѣлы. Мюратъ, являсь на берегахъ рѣки Саалы, противу Саальбурга, заставилъ Пруссаковъ ретироваться. 9-го Октября, Сультъ вступилъ въ Готъ и за-

владѣль огромными магазинами, не давъ Пруссакамъ времени ни спасти ихъ, ни истребить; того же числа, Бернадотъ атаковалъ городъ Шлейцъ, разбивъ Пруссакаго Генерала Тауенцина, командовавшаго девяти - тысячнымъ отрядомъ, принудилъ къ отступленію, взявъ у него нѣсколько пушекъ, казенныхъ ящиковъ и фуръ. Маршалъ Ланнъ, 10 числа, встрѣтилъ авангардъ Князя Гогенлоэ при Сальфельдѣ, подѣ начальствомъ Принца Лудовика Фердинанда Пруссакаго. Завязалось жаркое дѣло. Принцъ Лудовикъ, двоюродный братъ Короля Пруссакаго, молодой человекъ, исполненный блистательныхъ дарованій, страстный къ военной славѣ, уже отличившійся мужествомъ въ кампанію 1792 года, и получившій честную рану, сражаясь въ переднихъ рядахъ, былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ войны. Красавецъ и молодецъ собою, краснорѣчивый и увлекательный въ об-

щество, неустрашимый на поле битвы — онъ былъ обожаема войскомъ и народомъ, и имѣя сильное вліяніе на умы, воспламенялъ ихъ жаждою славы. Не зная, что Шлейцъ уже занятъ Французами, Принцъ Лудовикъ почелъ обязанностью защищать Саальфельдъ до послѣдней крайности, чтобъ спасти огромные магазины. Послѣ двухъ-часовой канонады, дивизія Генерала Сюшета ударила въ штыки на Прусскую пѣхоту, и смявъ ее, отбросила въ лѣсъ и загнала въ болота. Французскіе гусары, въ то же время, бросились на Прусскую и Саксонскую конницу, которою лично начальствовалъ Принцъ Лудовикъ: Пруссаки и Саксонцы не устояли. Въ преслѣдованіи, Французскій гусарскій унтеръ-офицеръ Генде (Guindé) наскочилъ на Принца Лудовика, и не зная его, замахнулся саблею, крича: «Сдайся, полковникъ — или убью!» — Принцъ отвѣчалъ ему сабельнымъ ударомъ. При-

пужденный защищаться, Французскій гусарь отпарировалъ ударъ, и произилъ юнаго героя.... онъ упалъ мертвый съ лошади... Смерть Принца посъяла ужасъ въ сердцахъ Пруссаконъ, и они обратились въ бѣгство, лишившись 800 человекъ убитыми, 1200 человекъ пленными, тридцати трехъ пушекъ и, такъ сказать, лучшаго украшенія Двора и войска — Принца Лудовика!

Эти двѣ первыя неудачи при встрѣчѣ съ Французами навели уныніе на Прусское войско, и возбуждали въ нихъ недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ и къ искусству ихъ генераловъ. Кромѣ того, лишеніе магазиновъ на первой операціонной линіи водворило недостатокъ и почти голодъ въ арміи, принужденной быстро отступить послѣ столь блистательныхъ предсказаній.

Прусское войско раздѣлено было на двѣ арміи. Одною, при которой находил-

ся самъ Король, начальствовалъ главнокомандующій, Герцогъ Брауншвейгскій; другою престарѣлый Фельдмаршалъ Моллендорфъ — два воина Семилѣтней Войны, ученики Фридриха Великаго. Но Моллендорфъ начальствовалъ болѣе для вида, а войскомъ распоряжалъ Князь Гогенлоэ. Одна армія, при которой находился Король, сосредоточивалась при Веймарѣ, другая при Іенѣ. Князь Гогенлоэ предлагалъ: или соединить обѣ арміи, для выдержанія генеральнаго сраженія, или отступить вмѣстѣ къ Эльбѣ. Но его не послушали, и сдѣлали большую ошибку. Распоряженіемъ Герцога Брауншвейгскаго, Прусское войско, имѣвшее сто тысячъ пѣхоты подъ ружьемъ, двадцать тысячъ отличной конницы и болѣе 400 орудій, было растянута на пространство двадцати верстъ!...

Наполеонъ въ эту кампанію раскрылъ всю силу своего военнаго генія. Пере-

двигая, какъ шахматы, свои корпуса, предводимые опытными и знающими военное дѣло маршалами, оиъ фланговыми движеніями довелъ Прусскую армію до того, что она, въ противность всѣмъ прежнимъ планамъ и расчетамъ, должна была переменить фронтъ, и въ день сраженія, 14/26 Октября, очутилась тыломъ къ Рейну, къ которому прежде шла фронтомъ, а Французы стояли тыломъ къ Эльбѣ и къ Рейну лицомъ!

Наполеонъ былъ сильнѣе Пруссаковъ, имѣя въ строю, по малой мѣрѣ, 150,000 человѣкъ, закаленныхъ въ бояхъ воиновъ. Самъ оиъ, съ отборнымъ войскомъ (въ составъ котораго входила его непобѣдимая фаланга: гвардія), устремился къ Галле, противу Князя Гогенлоэ, а противу Герцога Брауншвейгскаго, къ Веймару, выслалъ корпуса Даву и Бернадота. По странному недоразумѣнію, Бернадотъ, ссылаясь на изустныя приказанія Напо-

леона, не хотѣлъ содѣйствовать Маршалу Даву, предоставивъ ему опасности и славу побѣды!

Не мое дѣло описывать подробности несчастнаго для Пруссіи дня, $14/26$ Октября, въ который произошли двѣ кровопролитныя битвы, подъ Іеной и при Ауэрштадтѣ, близъ Веймара. Всѣ мы читали объ этомъ, а кромѣ того я слышалъ рассказы очевидцевъ, Маршала Сюшета и одного изъ лучшихъ Прусскихъ офицеровъ, любимца знаменитаго Блюхера, Маіора Коломба, начальствовавшаго Прусскимъ партизанскимъ отрядомъ, въ 1813 и 1814 годахъ. Маршалъ Сюшетъ отдавалъ полную справедливость Пруссакамъ, а Коломбъ превозносилъ Французовъ. Оба были только справедливы. Такъ поступаютъ честные воины! Они никогда не унижаютъ, вопреки истинѣ, своихъ непріятелей. Коломбъ говорилъ, что Французы были въ какомъ-то востор-

женномъ состояніи: кидались съ воплями на Прусскіе ряды, и защищались отчаянно въ отступленіи. При всемъ превосходствѣ своей конницы, Пруссаки не могли врубиться ни въ одно Французское каре. Наполеонъ, зная духъ Французскаго солдата, открылъ войску, передъ сраженіемъ, свои предположенія (какъ было подъ Аустерлицемъ), для водворенія въ солдатахъ увѣренности въ побѣдѣ и разсѣянія всѣхъ впечатлѣній, произведенныхъ разсказами о превосходствѣ Прусской конницы. Онъ сказалъ передъ фронтомъ: «Прусская армія отрѣзана, какъ за годъ предъ симъ была армія Генерала Мака, въ Ульмѣ. Пруссаки будутъ драться для того только, чтобъ очистить себѣ путь къ отступленію. Корпусъ Французскихъ войскъ, который дастъ ей пробиться, подвергнется вѣчному безчестію! Что же касается до этой превосходной конницы, которую столько прославляютъ,

противопоставьте ей сомкнутые карен и штыки.» Въ отвѣтъ на эту рѣчь Французскіе солдаты кричали, какъ изступленные: «впередъ! впередъ!» и бросились въ сраженіе, какъ на пиръ. Весьма замѣчательна привычка Наполеона, обращаться всегда къ солдатамъ передъ сраженіемъ, и говорить имъ о своихъ видахъ и предположеніяхъ, какъ въ совѣщаніяхъ съ генералами! Но онъ испыталъ, какое дѣйствіе производитъ эта довѣренность въ солдатахъ Французскихъ, которые обожали его, и вѣрили, что подъ его начальствомъ они непобѣдимы.

Пруссаки дрались отлично. Генералы, офицеры и солдаты шли мужественно на смерть, и употребляли все усилія къ одержанію побѣды. Примѣръ Короля и Принцевъ королевской крови одушевлялъ всѣхъ; но ни какія усилія не могли спасти ихъ отъ пораженія. Когда Герцогъ Брауншвейгскій былъ убитъ, Фельдмар-

шалъ Моллендорфъ, Принцъ Гейнрихъ Прусскій и множество другихъ генераловъ и офицеровъ были переранены или убиты -- объ Прусскія арміи дрогнули и въ безпорядкѣ оставили поле сраженія. Въ этотъ день Прусская армія потеряла 20 тысячъ убитыми, 30,000 плѣнными, 300 пушекъ и 60 знаменъ; но, что всего важнѣе, Прусское войско упало духомъ, и, почитая все погибшимъ, разбрелось. Гдѣ только собирались отряды, они были разбиваемы Французами, преслѣдующими ихъ по пятамъ. Резервъ Прусской арміи разбитъ совершенно при Галле, Бернадотомъ; (Князь Гогенлоэ съ Герцогомъ Мекленбургскимъ капитулировали въ Пренцлау, съ 16,000 пѣхоты, шестью полками конницы и 64 орудіями. Остатки арміи, съ Фельдмаршаломъ Калькрейтомъ, настигнутые Маршаломъ Сультомъ, претерпѣвъ пораженіе, спаслись въ горахъ Гарца. Только Блюхеръ, съ четырь-

мя или пятью тысячами копницы, увб-
ривъ преслѣдующаго его Генерала Клей-
на, что заключено перемиріе, прошелъ
невредимо сквозь Французское войско,
намѣреваясь пробиться до Любека и на
судахъ уйти въ Англію, но и онъ дол-
женъ былъ наконецъ сдаться. Словомъ,
Прусская армія была совершенно уни-
чтожена. (Крѣпости, снабженныя всеѣмъ
нужнымъ къ сильной защитѣ, сдавались
одна послѣ другой, безъ выстрѣла, при
приближеніи Французовъ, и нѣкоторые
коменданты высылали нарочныхъ съ
ключами крѣпости, для отысканія Фран-
цузскихъ войскъ, чтобъ предупредить
аттаку добровольною сдачею! Магдебургъ
сдался 8 Ноября, имѣя 30,000 гарнизо-
на, отдавашагося въ плѣнъ. Въ Гаммельнѣ
также 9,000 гарнизона сдались безъ вы-
стрѣла. Кюстринъ, Штеттинъ, Шпандау
безъ боя поддались Французамъ, и На-
полеонъ съ торжествомъ вступилъ въ

Берлинъ, 25 Октября, кончивъ кампанію въ семь недѣль, / уничтоженіемъ войска и покореніемъ большей части государства, поставленнаго въ первый разрядъ Европейскихъ Державъ успѣхами и славою *Семилѣтней Войны*. Дѣла чудныя и почти неимовѣрныя!

Письмо Наполеона съ предложеніемъ мира, писанное въ Бамбергъ, Король Прусскій прочелъ на другой день несчастной битвы, и на основаніи его / послалъ къ нему просить о заключеніи перемирія. Наполеонъ отказалъ въ этомъ, и объявилъ, что намѣренъ вполне воспользоваться плодами побѣды. Изъ-за Одера, Король Прусскій предложилъ миръ Наполеону, но онъ отвѣчалъ, что Пруссія не можетъ приобрѣсть мира иначе, какъ большими пожертвованіями. Королю ничего не оставалось дѣлать, какъ искать спасенія по близости Русской границы, и онъ поселился, со всѣмъ се-

мействомъ своимъ, въ Кенигсбергъ. До начатія кампаніи, Король Прусскій имѣлъ до 200,000 войска, со всѣми гарнизонами — а теперь между Вислою и Нѣманомъ, т. е. за чертою, занимаемою Французами, у него было не болѣе 20,000 разныхъ командъ. Вся надежда была на Россію и на великодушіе Императора Александра!

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ вышелъ я въ офицеры! Въ Петербургѣ сперва не хотѣли вѣрить въ такое быстрое разрушеніе всѣхъ силъ Прусской Монархіи; но когда это непостижимое событіе подтвердилось, все пришло въ движеніе, и вся Россія начала вооружаться

16 Ноября изданъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Французами. 30 Ноября обнародованъ манифестъ объ учрежденіи милиціи. Всѣ отставные офицеры приглашались въ службу, въ западныхъ гу-

берніяхъ, и на югъ открыты вербунки, для формировація конныхъ полковъ изъ охотниковъ. Пущено въ свѣтъ родъ объявленія, безъ подписи, для воспламененія народа противу нарушителя общаго спокойствія, Наполеона Бонапарте, котораго не шадимъ, разбирая всю жизнь его съ того времени, какъ онъ защищалъ въ Парижѣ Директорію противу разъяренной черни. Объявленіе было напечатано Славянскими буквами, и прибито къ стѣнамъ церквей и повсюду, гдѣ собирается народъ. Этотъ современный актъ чрезвычайно любопытенъ и рѣдокъ. Я удержалъ въ памяти нѣсколько выраженій. Начинался онъ словами: «Неистовый врагъ Наполеонъ Бонапарте, уподобившася сатанъ!» Упрекали Наполеона въ томъ, что онъ въ Парижѣ «совершалъ беззаконія съ непотребницами, а потомъ поклонялся имъ, какъ божеству.» Намекъ на праздники богини *Разума*, которые,

впрочемъ, какъ теперь извѣстно, были не по душѣ Наполеону Бонапарту! Упрекали его въ томъ, яко бы онъ въ Египтѣ поклонялся Магомету, и наконецъ, представивъ его какимъ-то Картушемъ, объявляли, что онъ идетъ на Россію, и приглашали ополчиться за Домъ Пресвятыя Богородицы и за Царя Православнаго. Это объявленіе было написано искусно, въ духъ простаго народа — и было предшественницей знаменитыхъ прокламацій и бесѣдъ Графа Ростопчина съ Московскимъ народонаселеніемъ, въ 1812 году. Всѣ Русскіе полки комплектовались, и въ разныхъ мѣстахъ учреждались депо, для приѣма и обученія рекрутъ. Милиція также быстро устраивалась.

Двѣ арміи были въ Россіи на ногахъ. Одна, подъ начальствомъ осьмидесятилѣтняго Фельдмаршала Графа Каменскаго, въ составъ которой входили корпуса Генераловъ Бенцингсена и Графа Буксгев-

дена, поспѣшала къ Вислѣ, на помощь Пруссіи и для удержанія движенія Французскихъ войскъ къ предѣламъ Россіи; другая армія, подъ начальствомъ Генерала Михельсона, вторгнулась въ Молдавію (въ началѣ Ноября), потому что Порта, побуждаемая къ войнѣ Французскимъ Посломъ въ Константинополь, Генераломъ Себастіани, нарушила договоры смѣною Господарей Молдавскаго и Валахскаго, и отказалась отъ всякихъ объясненій съ Россіею. Очевидно было, что Турція намѣревается начать войну; надлежало предупредить непріятеля, и 11 Ноября Генералъ Михельсонъ вступилъ въ Яссы. — И такъ, Россія принуждена была вести двѣ войны въ одно время: со всемогущимъ повелителемъ Франціи, который смирилъ Австрію и уничтожилъ Пруссію, самовластно повелѣвалъ въ Европѣ, и съ Турціею, которая могла дѣйствовать всѣми своими силами противъ

раздѣленныхъ силъ Россіи. — Императоръ Александръ съ удивительною твердостью и необыкновенною рѣшительностію вступилъ въ эту борьбу, чтобъ сохранить честь и славу Богомъ ввѣреннаго Ему царства, которое предокъ его Петръ Великій ввелъ въ семью Европейскихъ Государствъ. Если бѣ Россія осталась тогда спокойною зрительницею всѣхъ присвоеній Франціи и уступила Турціи — то лишилась бы, навсегда, вліянія своего въ Европѣ, которая на одну ее полагала надежду своего избавленія. Вооруженіемъ Россіи произведено самое благотворное дѣйствіе въ умахъ: имъ доказали, что одно проигранное сраженіе не можетъ лишить ее всѣхъ силъ и средствъ къ опору. — Трудное время было для Россіи — но и блистательное! Россія обожала своего Государя, Государь полагался твердо на свой храбрый и преданный ему народъ. Этотъ сердечный

союзъ былъ точно трогателенъ! — Все пришло въ движеніе по слову царскому: всѣ охотно ставили людей въ милицію, жертвовали на ея обмундировку и содержаніе, и кто только могъ, вступалъ въ военную службу.

Въ Стрѣльной Мызѣ, гдѣ была штабъ-квартира Уланскаго Его Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича Полка, формировался тогда баталіонъ Императорской Милиціи, изъ собственныхъ крестьянъ Императорской Фамиліи въ Санктпетербургской Губерніи. Исключая Красноселовъ, всѣ солдаты въ баталіонѣ были изъ Чухонъ. Самъ Цесаревичъ занимался устройствомъ этого баталіона, въ которомъ всѣ офицеры были или изъ корпусныхъ офицеровъ, или изъ кадетъ Перваго и Втораго Кадетскихъ Корпусовъ. Баталіоннымъ командиромъ былъ Полковникъ Андрей Андреевичъ Трошнинскій. Всѣ члены Высо-

чайшей Фамиліи утѣшались этимъ баталіономъ, который, не взирая на то, что весьма немногіе солдаты разумѣли по-Русски, вскорѣ сравнялся въ выправкѣ съ старыми полками Гвардіи. Офицеры баталіона должны были учиться по-Чухонски, чтобъ понимать своихъ солдатъ и быть ими понимаемы. Замѣчательно, что какъ ни трудно было обучить и выправить этихъ солдатъ, все сдѣлано было одною ласкою, и съ ними обходился, какъ съ добрыми дѣтьми. Баталіонъ этотъ дрался чрезвычайно храбро въ кампанію 1807 года, и за это поступилъ въ Гвардію и послужилъ основаніемъ нынѣшняго Лейбъ - Гвардіи Финляндскаго Полка.

Не только Стрѣльна была тогда не то, что теперь, но и всѣ окрестности Петербурга имѣли другой видъ. Лѣвая сторона Петергофской дороги, только до Колоніи и дачи, принадлежащей нынѣ Графу Вит-

генштейну, была застроена дачами; далее было пусто. Между Стрельною и Петергофомъ было нѣсколько деревень, но дачь вовсе не было. Дворецъ и деревянные казармы, съ госпиталемъ, существовали въ Стрельнѣ, но самая слобода состояла изъ лачугъ или маленькихъ домиковъ, въ которыхъ для пайма было не болѣе одной комнатки. Двѣ или три комнаты была бы роскошь. Домишки эти, большею частію, принадлежали старымъ служителямъ Его Высочества Цесаревича, и отставнымъ семейнымъ унтеръ-офицерамъ Конной Гвардіи, жившимъ получаемымъ отъ Цесаревича пенсіономъ и вспоможеніемъ. Во всей Стрельнѣ былъ одинъ только порядочный домъ (принадлежавшій Англичанину, служившему при Дворѣ Его Высочества) занимаемый, Поручикомъ Конной-Гвардіи Графомъ Станиславомъ Феликсовичемъ Потоцкимъ, проживавшимъ нѣсколько сотъ ты-

сячь рублей въ годъ дохода. Ни одной изъ нынѣшнихъ дачъ не было, и даже дача Энгельмана, главнаго управителя вотчинами Его Высочества, начала строиться позже. Нельзя себѣ представить, какая перемѣна произошла во всемъ, въ тридцать восемь лѣтъ! — Петергофъ, нынѣ прекрасный городъ, былъ немногимъ лучше Стрѣльны! Дворецъ и сады существовали, хотя и были содержимы не такъ щегольски, какъ теперь, но селенія были самыя бѣдныя, а между верхнимъ и нижнимъ селеніемъ, гдѣ нынѣ чудесный Англійскій садъ, было дикое мѣсто, какъ его создала здѣшняя угрюмая природа. Отъ Петербургской заставы до Дворца еще были кой-какіе домики, но въ дальнемъ Петергофѣ, со стороны Ораніенбаума, было селеніе, какое можетъ существовать теперь гдѣ нибудь въ глуши, въ захолустѣ Россіи! Въ этомъ селеніи домики и лачуги, при-

надлежали или отставнымъ придворнымъ лакеямъ , или ремесленникамъ Императорской гранильной фабрики, существовавшей тогда въ полномъ блескѣ и въ большомъ размѣрѣ. Бумажной фабрики вовсе тогда не было. Каменные зданія были: церковь, гранильная фабрика и конюшни, гдѣ помѣщались уланскія лошади. Ни одного Нѣмецкаго трактира, или такъ называемаго «ресторана» не было въ Петергофѣ, а въ Стрѣльцѣ одинъ только трактиръ былъ на почтовой станціи, гдѣ собирался весь народъ, любившій, какъ говорилъ въ шутку нашъ Полковникъ, Графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ: «сушить хрусталь и попотѣть на листѣ.» Тутъ былъ безсмѣнный совѣтъ царя Фараона, т. е. тутъ метали банкъ съ одного утра до другаго! Тогда это не было еще запрещено, какъ я уже сказалъ прежде. — Одинъ или два эскадрона нашихъ стояли постоянно въ конно-гвардейскихъ

казармахъ въ Петербургъ, а остальные помѣщались въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ,— т. е. полкъ расположенъ былъ на тридцати верстахъ разстоянія, и все мы, одна-кожъ, весьма часто видались между собою. Я уже сказывалъ, что между офицерами все было общее. У эскадронныхъ командировъ всегда былъ открытый столъ для своихъ офицеровъ—но какъ молодежи пріятнѣе было проводить время между собою, безъ съдыхъ усовъ, то кто изъ насъ былъ при деньгахъ, тотъ и приказывалъ стряпать дома. Эти корнетскіе обѣды не отличались гастрономическимъ изяществомъ, но были веселѣе стотысячныхъ пировъ. Щи, каша, битокъ или жаркое составляли нашу трапезу; стаканъ Французскаго вина, или рюмка мадеры, а иногда стаканъ нивца — и болѣе нежели довольно! Но сколько было тутъ смѣха и хохота, для приправы обѣда, сколько веселости, шутокъ, остротъ!

Блаженное корнетское время! Фанфаронство, надутость, чванство, важничанье почитались между нами смертными грѣхами, которые и при жизни не прошли бы безъ кары. Изъ Стрѣльни и изъ Петергофа нельзя было ѣздить въ Петербургъ безъ дозволенія Его Высочества и безъ билета, за собственноручнымъ Его подписаніемъ — вотъ что было нашимъ камнемъ преткновенія. Проситься въ Петербургъ нельзя было иначе, какъ по очереди, и то въ свободное время, да и нельзя было проситься часто, и этимъ условіямъ весьма трудно было подчиниться буйнымъ корнетскимъ головушкамъ и сердцу, чрезъ которое переливалась пламенная юношеская кровь. Жажда наслажденій терзала насъ! Тысячи магнитовъ притягивали насъ въ Петербургъ: то даютъ прекрасную піесу на одномъ изъ Петербургскихъ театровъ, то маскарадъ у Фельета, то балъ въ знакомомъ домѣ,

на который привлекается сердце какою-нибудь занозушкою (какъ говорили тогда) — и молодежь, отслуживъ день, скакала на вечеръ въ Петербургъ, часто безъ спроса. Удалось — хорошо; узнали или увидѣли — маршъ на гауптвахту! Я былъ самый страстный любитель театра, какъ только можно быть, и дорого заплатился за эту страсть.

Въ это время въ полной славѣ былъ Владиславъ Александровичъ Озеровъ. Послѣ языка Сумарокова, языкъ Княжнина, въ *Рославъ*, уже пріятенъ былъ слуху, но языкъ Озерова, который теперь кажется намъ жесткимъ и устарѣлымъ — былъ музыкаю, и трагедіи его привлекали въ театръ всѣхъ образованныхъ людей. *Смерть Олега*, представленная въ первый разъ въ 1798 году, хотя и обратила на сочинителя общее вниманіе, но не произвела сильнаго эффекта — и піеса была почти забыта. — Возвысила поэта

и дала ему блескъ трагедія его: *Эдинъ въ Аѳинахъ*, представленная въ первый разъ 25 Ноября 1805 года. Трагедія эта, исполненная високаго чувства и драматическихъ эффектовъ, имѣла самый блистательный успѣхъ: въ ложахъ рыдали; рукоплесканія, восклицанія, вызовы автора повторялись при каждомъ представленіи, и публика не уставала наслаждаться этимъ истинно прекраснымъ созданиемъ. — *Фингалъ*, представленный въ томъ же году, 8 Декабря — трагедія, исполненная пѣжности и геройства, съ прекрасною музыкою О. А. Козловскаго, съ хорами, балетами, сраженіями, приближаясь къ романтическому роду, имѣла бѣльшій успѣхъ, нежели *Эдинъ*, и довершила торжество поэта. Имя Озерова было въ устахъ каждаго, и все молодое поколѣніе затвердило наизусть не только лучшіе стихи, но цѣлыя тирады изъ этихъ трагедій. — Не быть въ представ-

леніе *Эдина* или *Фингала*, для любителя театра было несчастіемъ! И вдругъ, среди полнаго разгара патріотическаго чувства въ народъ, при всеобщемъ воспламененіи сердець и умовъ, объявленіемъ войны гордому повелителю Франціи и Европы, угрожавшему Россіи уничтоженіемъ, при тяжкомъ страданіи народной гордости, послъ первой неудачи подъ Аустерлицемъ - появилась трагедія *Дмитрій Донской!* Представленія ея ждали всъ, какъ народнаго праздника! Я былъ въ первое ея представленіе, 17 Января 1807 года, и сознаюсь, что не въ силахъ описать того восторга, того взступленнаго энтузіасма, которые обуяли зрителей! Это было не театральное представленіе, а Римскій форумъ, на которомъ мысли и чувства всѣхъ сословіи народа слились въ одно общее чувство, въ одну мысль! — Обожаемый Государь, любезное Отечество, опасность предстоя-

шей борьбы, будущія надежды и слава, тогдашнее положеніе наше, которое можно выразить словами Гамлета—*быть или не быть* (to be, or not to be) — все это сжимало сердце и извлекало изъ него сильные порывы. Каждый стихъ, каждую тираду, припоминающіе настоящее положеніе Россіи (а вся трагедія наполнена этими примѣненіями), были ударъ въ сердце! Въ одномъ мѣстѣ театра раздавались радостныя восклицанія, въ другомъ рыданія и вопли мести.... Тогда еще умѣли жить сердцемъ! Тогда не стыдно было выказывать чувства, и жалкая холодность *ко всему* еще не была принадлежностью хорошаго тона!...

Здѣсь кстати вспомнить о двухъ тогдашнихъ знаменитостяхъ, съ которыми я хотя и не былъ въ особенныхъ связяхъ, но которыхъ видалъ въ обществахъ, слышалъ ихъ рѣчи и смотрѣлъ на нихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Это

были Владиславъ Александровичъ Озеровъ и истинно великій трагическій артистъ, Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ.

Я уже сказывалъ, что В. А. Озеровъ воспитывался въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Онъ родился въ 1770 году, слѣдовательно въ первое представленіе *Димитрія Донскаго* ему былъ тридцать седьмой годъ отъ рожденія. Изъ Корпуса выпущенъ онъ прямо въ Поручики въ армію (въ гвардію тогда не выпускали), въ 1788 году, т. е. при Графѣ Ангальтѣ, и награжденъ, за успѣхи въ наукахъ, первою золотою медалью. — Біографы наши не могли отыскать ни какихъ подробностей о службѣ и частныхъ случаяхъ жизни Озерова. Извѣстно только, что онъ былъ сперва адъютантомъ при Графѣ де Бальменѣ, потомъ былъ въ отставкѣ, снова поступилъ въ военную службу, имѣлъ наконецъ чинъ Генераль-Маіора, находился

въ статской службѣ — членомъ Лѣснаго Департамента, вышелъ въ отставку въ 1808 году, уѣхалъ въ деревню, на родину, въ Тверскую Губернію — заболѣлъ, страдалъ долго, и наконецъ помѣшался въ умъ и умеръ, въ Ноябрь 1808 года. — Не будь Озеровъ поэтомъ, о немъ нечего было бы сказать, какъ развѣ повторить сатирическую эпитафію И. И. Дмитріева, которою прикрываются цѣлыя фаланги отирающихся въ вѣчность именитыхъ мужей:

«Жилъ, жилъ — и только что въ газетахъ
Осталось — выѣхалъ въ Ростовъ!»

Но Озеровъ жилъ, въ краткій свой вѣкъ, умомъ и сердцемъ, слѣдовательно, послѣ себя оставилъ на землѣ слѣды. Озеровъ дѣйствовалъ съ неимовѣрною силою на своихъ современниковъ, и хотя сочиненія его, по духу времени, уже не имѣютъ теперь тѣхъ самыхъ достоинствъ, какими они отличались въ *свое время*, но

все же они занимаютъ почетное мѣсто въ Литературѣ, и имя Озерова останется незабвеннымъ въ Исторіи Русской славы и въ Исторіи Русской Литературы. — Озеровъ принадлежалъ къ знаменитостямъ своей эпохи — и ни какая критика не затмитъ блеска его заслугъ, оказанныхъ въ свое время, кстати и въ пору.

Озеровъ былъ средняго хорошаго роста, довольно плотенъ, и имѣлъ пріятную наружность. По портрету, приложенному къ его сочиненіямъ, я бы не узналъ его: портретъ снятъ съ бюста и нѣсколько идеализированъ. Въ натурѣ у него лице было болѣе обвислое, и губы толще.

Въ пребываніе свое въ Петербургъ, Озеровъ былъ обласканъ Государемъ Императоромъ и всѣми членами Августѣйшаго Семейства, отлично принимаемъ во всѣхъ знатныхъ домахъ, а особенно у Александра Львовича Нарышкина и Александра Сергѣевича Строгонова.

Знаменитый Державинъ ласкалъ его и обходился съ нимъ, какъ съ другомъ; и въ домъ Алексѣя Николаевича Оленина онъ былъ какъ родной. — Объ Алексѣѣ Николаевичѣ Оленинѣ я буду говорить послѣ, въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу только, что этотъ истинно благородный и добрейшій человекъ, пылая искреннею любовію къ отечеству, радовался каждой народной славѣ, и прилъплялся душею ко всемъ даровитымъ людямъ. Видя въ Озеровѣ человека, способствующаго славѣ Россіи, онъ подружился съ нимъ, и пребылъ ему вѣрнымъ до гроба.

Знавшіе хорошо Озерова: знаменитый баснописецъ И. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ и археологъ Ермолаевъ сказывали мнѣ, что Озеровъ былъ добрый и благородный человекъ, но имѣлъ несчастный характеръ: былъ подозрителенъ, недо-вѣрчивъ, щекотливъ, раздражителенъ въ

высшей степени, притомъ мнителенъ и самолюбивъ до послѣдней крайности. Онъ олицетворялъ собою извѣстный Латинскій стихъ :

Irritabile genus vatum.

Съ такимъ характеромъ невозможно быть счастливымъ ни на какомъ поприщѣ, а на литературномъ этотъ характеръ сушее бѣдствіе! — Ни въ комъ люди не ищутъ столько слабостей и недостатковъ, какъ въ человѣкѣ, объявившемъ притязанія на славу, т. е. на умъ! Люди все прощаютъ, но превосходства ума — никогда! Это относится, однакожъ, къ счастливымъ и талантливымъ прозаикамъ, а вовсе не къ поэтамъ. — Умный и даровитый прозаикъ страшенъ для насъ: онъ можетъ занять мѣсто въ гражданской іерархіи, можетъ быть употребленъ въ важныхъ дѣлахъ, гдѣ надобно краснорѣчивое перо — и потомъ выказать свои познанія и искусство въ управ-

леніи. Есть тысячи примѣровъ вездѣ, что люди, принявшіе страсть свою къ авторству за талантъ, бросились на литературное поприще, и, имѣя столько благоразумія, чтобъ послѣ претерпѣнныхъ неудачъ перейти на поприще службы, снискали почести, богатство и значеніе въ свѣтѣ, когда, напротивъ, въ литературномъ мірѣ они остались бы навсегда въ послѣднихъ рядахъ. Качества, необходимыя хорошему писателю: чувство и воображеніе, не только не нужны въ дѣлахъ, а напротивъ, вредны. Въ дѣлахъ нужны только здравый умъ, ясное сужденіе и искусство изложенія, а въ литературу все это не составляетъ еще того, что мы называемъ *дарованіемъ*, которое должно опираться на творческой силѣ, питаться чувствомъ и нести въ области фантазіи. Даже историческаго творенія нельзя создать, не обладая этими качествами, потому что и *правда*, не

согрѣтая *чувствою*, не разцвѣченная во-
ображеніемъ, будетъ мертвая буква. И
такъ, вся вражда посредственности, за-
висти и искательства устремлена всегда
противъ прозаиковъ, которымъ вездѣ
внѣ своего круга, жить тѣсно. Напро-
тивъ, поэтовъ вездѣ и всегда баловали и
балуютъ, если они только не шли и не
идутъ путемъ сатиры. Гражданское
общество смотритъ на поэтовъ или какъ
на дѣтей, забавляющихъ его своими иг-
рами и трогающихъ дѣтскимъ простоду-
шіемъ, или какъ на пѣвцовъ и музыкан-
товъ, потрясающихъ душу очарователь-
ными звуками, и возбуждающихъ въ умѣ
идеи отголосками возвышеннаго и изящ-
наго. Прорицателями и вѣщунами назва-
ли поэты сами себя. Они, правда, жи-
тели надоблачнаго міра, постижимаго
только душамъ пѣтическимъ, и изобра-
жаютъ землю только въ *отраженіи*, въ
миражахъ. Кому они могутъ быть страш-

ны? Соперникамъ? Но вѣдь каждый поэтъ почитаетъ себя первымъ, выше всѣхъ другихъ поэтовъ! Они могутъ враждовать только между собою, а все гражданское общество даетъ имъ дорогу, и каждый спѣшитъ посторониться передъ поэтомъ, зная, что онъ идетъ *своимъ путемъ, къ своей цѣли*. Вліяніе ихъ было благотельно, если они были воспламенены высокими чувствами, любовью къ отечеству и къ челоуѣчеству; но въ *нашъ вѣкъ*, требующій *убѣжденія*, это вліяніе почти вовсе исчезло. Поэты всегда сами составляютъ свое несчастіе, сами создаютъ себѣ горести, требуя отъ свѣта болѣе, нежели можно и должно требовать, а именно первенства и вниманія тамъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть поэзіи — въ обществѣ и по службѣ. — Въ обществахъ, иногда пріятный, хотя и пустой болтунъ или хорошій карточный игрокъ, пріятнѣе возвышеннаго поэта, а

по службѣ, исправный и опытный дѣлецъ важнѣе творца Иліады. Порода, званіе, богатство, если и не цѣнятся въ обществѣ выше гениальности, то имѣютъ всегда высшее мѣсто. Такъ было и будетъ всегда въ мірѣ! — Желать ниспроверженія этого устройства значитъ желать невозможнаго, а идти на переборъ мнѣніямъ и обычаямъ, есть то же, что стремиться пробить кораблемъ каменную скалу. Кораблекрушеніе вѣрное! — Жалокъ не только поэтъ, но даже и прозаикъ, который домогается въ свѣтѣ того, чего онъ никогда получить не можетъ, т. е. первенства таланта предъ свѣтскими преимуществами! На каждомъ шагу онъ встрѣтитъ горе, тоску, терзанія оскорбленнаго самолюбія, и наконецъ, или самъ долженъ пасть подъ бременемъ горести, или зарыть свой талантъ подъ спудомъ свѣтскихъ условій!

До какой степени былъ самолюбивъ

Озеровъ? Однажды онъ жестоко заболѣлъ съ горя, что его не пригласили къ А. Л. Нарышкину, когда Августѣйшему Семейству благоугодно было посѣтить его дачу, хотя всѣмъ извѣстенъ этикетъ, что при подобныхъ случаяхъ приглашаются только люди по выбору Высокихъ Посѣтителей. Каждый разъ, когда въ какомъ знатномъ домѣ, гдѣ Озеровъ былъ обласканъ, было какое нибудь собраніе, на которое его не пригласили, онъ почиталъ себя обиженнымъ! Кто, встрѣчаясь съ нимъ, не восхищался его сочиненіями и не осыпалъ его похвалами, тотъ былъ врагъ его, т. е. того онъ почиталъ врагомъ. Это почти общая болѣзнь всѣхъ поэтовъ, болѣзнь воображенія, которая, какъ и каждый недугъ, отравляетъ жизнь и сводитъ въ могилу. Озеровъ въ высшей степени страдалъ этимъ недугомъ.

Разумѣется, чѣмъ блистательнѣе былъ успѣхъ трагедій Озерова, тѣмъ виднѣе

были въ нихъ черныя пятна. Между стихами счастливыми и благозвучными, въ трагедіяхъ Озерова есть стихи слабые, вялые, натянутые и даже смѣшные; между мыслями высокими, благородными, есть мысли самыя обыкновенныя (*lieux communs*), доходящія даже до тривіальности, и между вѣжскими, трогательными чувствами, есть приторности, или какъ говорятъ Французы: *Marivaudage à l'eau de rose*. Все это было въ свое время замѣчено умною, острою, насмѣшливою молодежью, которая рада каждому случаю похохотать и позабавиться, и все это радовало тѣхъ, которые воображали, что торжество Озерова стѣсняетъ путь ихъ талантамъ, и тѣхъ, которымъ несносны были притязанія Озерова. Если бъ онъ имѣлъ болѣе твердости и болѣе самостоятельности въ характеръ, то не обращалъ бы вниманія на эти отдаленныя брызги, не могшія запятнать его славу, и какъ ум-

ный человекъ, самъ долженъ былъ бы признать великую истину, что человекъ не можетъ создать совершенства. А Озеровъ мучился! Въ свѣтъ и въ Литературъ есть всегда услужливые пріатели, которые *изъ усердія* извѣщаютъ васъ о всемъ непріятномъ для васъ, повторяютъ передъ вами, изъ дружбы, что говорено было дурнаго на вашъ счетъ, доставляютъ вамъ писанныя противу васъ критики и эпиграмы! Это мухи и комары, которые мучатъ и терзаютъ васъ, потому что вы имъ нравитесь. Эти-то мухи и комары безпрестанно раздражали Озерова, и доводили его до отчаянія. Онъ вообразилъ, что онъ гонимъ, преслѣдуемъ завистью, а на дѣлѣ этого вовсе не было. Никто не гналъ и не преслѣдовалъ его. Всѣ люди, достойные уваженія, оказывали ему свое вниманіе и уваженіе, и если были насмѣшки, то въ отдаленіи, и онъ вовсе не вредили поэту.

Помню и я эти насмѣшки. Напримѣръ, въ концѣ прекрасной трагедіи *Фингалъ*, герой Морвена, указывая Улину на трупъ убитой Старномъ Моины, говоритъ:

«Возьми ты сей предметъ, чтобы я каждый день
Изъ гроба вызывалъ Моины легку тѣнь.»

и съ сими словами упадаетъ на руки Улина. Назвать трупъ обожаемой невѣсты *предметомъ*, и велѣть *взять* его, какъ какую нибудь вещь, право, смѣшно! Молодежь подхватила это слово, и *предметъ* сдѣлался забавою. Если кто умеръ, говорили: сталъ *предметомъ*; кто выздоровѣлъ, тотъ вышелъ изъ *предметовъ*, и т. п. А сколько шуточныхъ примѣненій произвели эти стихи въ *Эдипъ*:

Эдипъ (сѣвъ на камень).

«Спокойно. Я мой вѣкъ на камень кончу семъ.»

Но это были дѣтскія шутки, и нисколько не вредили славѣ Озерова. Тѣ же люди, которые пародировали плохіе стихи

поэта, восхищались его піесами и руко-
плескали ему; но капля горечи отравляла
всѣ сладости, представляемыя ему въ
жизни всѣми его окружавшими. Немно-
гіе изъ современниковъ знаютъ причину
и смыслъ приведенныхъ здѣсь стиховъ
Озерова, въ *посланіи* къ В. В. Капнисту,
въ отвѣтъ на стихи въ похвалу трагедіи:
Эдиць въ Аѳинахъ: (*)

«Теперь, хотя бь Эдиць за скорбною слѣпотой
Не могъ меня вести къ безсмертью, въ путь
надежный,

Стиховъ твоихъ согласьемъ, красотой
Стиховъ, перу Капнистову приличныхъ,
Къ безсмертью я дойду, въ досаду злоязычныхъ.»

Я помню это время, и даже до сихъ
поръ удержалъ въ памяти эпиграму, по-
родившую эти стихи Озерова, эпиграму,
которая, какъ ядовитая стрѣла, воткну-
лась въ сердце раздражительнаго поэта

(*) См. сочиненія Озерова. Изданіе пятое. Спб.
1827 года. Стр. 126.

и довела его до такого отчаянія, что друзья его опасались, чтобъ онъ не рѣшился на что нибудь необыкновенное. Эдипъ представленъ на сценѣ слѣпымъ, и одинъ изъ тогдашнихъ остряковъ написалъ:

«Нашъ Озеровъ во храмъ безсмертія идетъ.
Но скоро ли дойдетъ?
Слѣпой его ведетъ!»

Вотъ и все! Шутка и только. Не тронута ни честь поэта, ни даже его талантъ. То ли вытерпѣли другіе? Эпиграму эту одни приписывали тогда Кн. А. А. Ш., другіе Капитану С. Н. М.; но кто подлинно написалъ, неизвѣстно. Озеровъ былъ неутѣшенъ, мраченъ, еще болѣе недовѣрчивъ, жаловался одному пріятелю на другаго, безъ всякой причины, подозрѣвалъ всѣхъ въ недоброжелательствѣ, въ заговорѣ противу его славы, и многіе повѣрили его жалобамъ, и перенесли небылицы въ потомство. Не толь-

ко біографы, но и поэты (см. посланіе В. А. Жуковскаго къ Князю Вяземскому и Пушкину) рѣшили, что Озеровъ погибъ отъ стрѣлъ зависти, хитрости, въ-роломства и всего злаго, что попало кста-ти и подъ риѣму! Въ самомъ же дѣлѣ ни-кто не сдѣлалъ Озерову существеннаго зла, а всѣ старались дѣлать ему добро. Нѣтъ сомнѣнія, что у него были завист-ники, потому что это необходимыя спут-ники въ жизни истиннаго таланта, но если бъ у Озерова не было клеветниковъ и завистниковъ, то это означало бы, что піесы его не имѣли ни какого достоин-ства и успѣха. Но вѣдь эти завистники всегда такъ ничтожны, такъ мелки, что человѣку съ умомъ и характеромъ не стоитъ даже обращать на нихъ вниманія! Уже ли за нѣсколько эпиграмъ и пу-стыхъ шутокъ не могла вознаградить Озерова любовь къ нему публики и ува-женіе всѣхъ дорожившихъ народною сла-

вою! Самая заманчивая слава — это слава драматическаго писателя, и ни Расинъ, ни Кребильоцъ, ни даже Шиллеръ и Гёте не наслаждались такимъ торжествомъ, какъ нашъ Озеровъ. Все это не могло, однако жъ, успокоить его и составить его счастья! Вездѣ ему видѣлись зависть и злоба! Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что это расположеніе зависѣло отъ состоянія его здоровья. Біографы его и поэты, завѣщавшіе исторіи свое состраданіе объ участи поэта, погибшаго отъ *стрѣль зависти*, были бы болѣе правы, еслибъ сказали, что онъ лишился жизни отъ болѣзни печени!

Выше уже сказано о восторгѣ, произведенномъ трагедіею *Димитрій Донской*, въ первое представленіе. Ее играли тогда по два и по три раза въ недѣлю, и восторгъ не только не охладѣвалъ, но возвышался, когда всѣ сильныя стихи, имѣвшіе отношеніе къ тогдашнему поло-

женію Россіи, были выучены наизусть почти всѣми грамотными людьми, когда трагедія, такъ сказать, слилась съ общимъ чувствомъ. Я помню, что однажды весь партеръ единогласно повторилъ послѣдній стихъ :

« Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ! » — и вслѣдъ за этимъ раздалось общее громогласное *ура!* —

Надобно сказать по справедливости, что и великій тогдашній трагическій артистъ много содѣйствовалъ къ успѣху трагедій Озерова. Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, сынъ разорившагося Ярославскаго купца, торговавшаго въ Петербургъ, въ Гостиномъ Дворѣ, родился въ 1773 году, слѣдовательно, въ это время былъ въ полномъ цвѣтѣ возраста, будучи только тридцати четырехъ лѣтъ. На седьмомъ году отъ рожденія онъ остался круглымъ сиротою. Послѣ родителей осталось весьма мало, и бѣдный сирота отданъ

былъ въ опеку зятю своему, купцу Шапошникову, который посылалъ его въ народную школу, благодарственное учрежденіе Императрицы Екатерины II. — На тринадцатомъ году отъ рожденія кончилось воспитаніе Яковлева, и его опредѣлили сидѣльцемъ въ лавку (галантерейную), по обыкновенію тогдашнихъ купцевъ и большей части пынѣшнихъ гостинодворцевъ, въ той увѣренности, что купцу больше ничего не нужно знать, какъ грамоту, разумѣется, кое какъ и *цыфирь!* Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на этихъ мальчиковъ по лавкамъ, которыхъ съ дѣтства дресируютъ, какъ искусно заманивать прохожихъ, показывать товаръ казовымъ концемъ, запрашивать вдесятеро дороже, словомъ, употреблять всѣ способности ума своего на то, чтобъ купить, какъ возможно дешевле и продать, какъ можно дороже. Изъ этихъ сидѣльцевъ едва тысячный выйдетъ въ люди — про-

чіе погибають въ ничтожествѣ, безъ пользы для себя и для отечества. Природа отказала Яковлеву въ этомъ пуделевомъ проищаніи, но надѣлила любовью къ просвѣщенію: онъ ненавидѣлъ торговлю, страстно любилъ чтеніе, и потому прослылъ *плохимъ* сидѣльцемъ. На восемнадцатомъ году отъ рожденія (именно въ 1796), познакомился онъ съ Григоріемъ Ивановичемъ Жебелевымъ, (*) сидѣльцемъ въ шляпной лавкѣ, находившейся неподалеку отъ лавки, въ которой сидѣлъ Яковлевъ, и, нашедъ въ немъ то же отъращеніе отъ торговли и ту же любовь къ Словесности, подружился съ нимъ. Дружба эта имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу Яковлева. Жебелевъ, побывавъ въ театрѣ, пристрастился къ нему, и вскорѣ та же страсть

(*) Бывшимъ потомъ комическимъ актеромъ; онъ особенно былъ хорошъ въ роли *Трише*, въ Модной лавкѣ, П. А. Крылова.

овладѣла Яковлевымъ. Оба они учили наизусть тогдашнія трагедіи, и разыгрывали втроемъ, присоединивъ меньшаго брата Жебелева. Наконецъ и Яковлеву удалось побывать въ театрѣ, что тогда для сидѣльца было сопряжено съ трудностью, потому что посѣщеніе театра ставилось на ряду съ посѣщеніемъ трактировъ, и означало небрежнаго купчину. Увидѣвъ сценическое представленіе, Яковлевъ предался душею Поэзій и Театру. Онъ самъ началъ сочинять трагедіи, и писалъ стихи на разные случаи (*). Зять его, Шапошниковъ, не могъ болѣе дер-

(*) См. *Сочиненія Алексыя Яковлева, Придворнаго Россійскаго актера*, Спб. въ типографіи А. Смирдина. 1827, съ портретомъ. Книгу эту издалъ А. Ф. Смирдинъ и подарилъ мнѣ *рукопись* Яковлева, которая и теперь хранится у меня. Поэзій въ этихъ сочиненіяхъ не много, но есть умъ и благородныя чувства. Весьма замѣчательны стихи, подъ заглавіемъ: *Мрачныя мысли*. въ которыхъ Яковлевъ описываетъ свое сиротство и горестъ жизни:

жать сидѣльца-книжника, и Яковлевъ взялъ свой наслѣдственный капиталъ, всего 1800 рублей, снялъ окно въ Гостиномъ Дворѣ, и началъ торговать галантерейнымъ товаромъ. Торговля шла плохо — и Яковлевъ вскорѣ сдѣлался въ Гостиномъ Дворѣ *притчею во языцехъ!* — Когда подъ сводами Гостиного Двора раздавались визги, вопли и шарканья сидѣльцевъ, запрашивавшихъ и даже насильно тащившихъ въ лавку покупателей (такъ было встарину), Яковлевъ и не глядѣлъ

«Ахъ! я двухъ лѣтъ отъ рожденія
 Былъ несомъ за гробомъ отческимъ;
 На осьмомъ за доброй матерью
 Шелъ покрыть ее сырой землей.
 Горько, горько сиротою жить,
 И рукою хладной, чуждою
 Быть возвращаему, питаему;
 И на лонѣ нѣжной матери
 Не слышать названій ласковыхъ, и проч.

Это не поэзія, но чувство, излившееся прямо изъ души!

на нихъ, а читалъ книгу, или писалъ стихи! Это поразило одного любителя Словесности, Н. И. Перепечина (Директора Банка), который, поговоривъ съ Яковлевымъ и открывъ въ немъ необыкновенный умъ и пламенную любовь къ просвѣщенію, познакомился съ нимъ, пригласилъ къ себѣ въ домъ, и руководствовалъ въ порывахъ его къ стихотворству и декламации. Въ домъ Перепечина узналъ Яковлева патріархъ Русской сцены, И. А. Дмитревскій, полюбилъ и взялся быть его наставникомъ, а наконецъ убѣдилъ поступить на театръ. Яковлевъ дебютировалъ 1 Іюня, 1794 года, какъ трагическій актеръ, въ роли *Оскольда* (въ трагедіи Сумарокова: *Семира*), и 21 Іюня, въ роли *Доранта*, въ комедіи: *Ревнивый*; третій разъ въ роли *Синава*, 29 Іюля — и принятъ въ придворные актеры. Съ перваго появленія его на сцену онъ былъ принятъ публикою превосходно, и съ тѣхъ

поръ любовь къ нему публики непрерывно возрастала, и наконецъ, когда появились трагедіи Озерова, и для таланта Яковлева открылось поприще во сто разъ обширнѣе прежняго, онъ достигъ высшей степени славы, и любовь публики къ нему не имѣла уже предѣловъ. При каждомъ появленіи его на сцену, онъ припираемъ былъ съ громкими рукоплесканіями, и во время игры, каждая тирада, каждый стихъ, счастливо сказанные, каждый приличный жестъ и игра физиономіи возбуждали въ зрителяхъ восторгъ. Когда игралъ Яковлевъ — театръ былъ всегда полонъ.

Яковлевъ былъ прекрасный мужчина, довольно высокаго роста (однако жъ ниже В. А. Каратыгина), стройный. Черты лица его имѣли правильный очеркъ, и съ перваго взгляда онъ походилъ на Тальму. Движенія его и позы, когда онъ не слишкомъ горячился, были благород-

ны и величественны; взоръ пламенный и игра физиономіи одушевленная. Въ Римской тогѣ, въ Греческомъ костюмѣ или въ латахъ, онъ былъ въ полномъ смыслѣ — загляденье. Но лучше всего въ немъ былъ звукъ голоса, громкій, звонкій, какъ говорится серебристый, настоящей грудной голосъ, исходящій изъ сердца и проникавшій въ сердце. Этотъ необыкновенный даръ натуры болѣе всего способствовалъ его успѣху. Яковлевъ былъ одаренъ сильнымъ чувствомъ, часто проникался своею ролью, и когда самъ былъ тронутъ, то трогалъ зрителей до глубины души. — Главный его недостатокъ состоялъ въ томъ, что зная вкусъ *большинства* зрителей, онъ жертвовалъ ему изъясною стороною искусства — и для возбужденія рукоплесканій и восклицаній слишкомъ горячился, кричалъ, топалъ ногами и размахивалъ руками. — Для истинныхъ знатоковъ и любителей драматическаго ис-

куства это было несносно, но толпа была въ восторгъ и ревѣла въ изступленіи! — Эти продѣлки употреблялъ Яковлевъ въ тѣхъ пьесахъ, которыя не могли возбудить сильныхъ порывовъ въ публикѣ, но въ трагедіяхъ Озерова, особенно когда Яковлевъ не былъ въ тотъ день на пирушкѣ, онъ игралъ нѣжно, съ надлежащимъ приличіемъ и глубокимъ чувствомъ. Въ *Эдипъ*, *Фингалъ*, *Димитріи Донскомъ* онъ былъ превосходенъ! Но мнѣ онъ гораздо болѣе нравился въ драмахъ. Сколько прошло лѣтъ, а я никакъ не могу забыть Яковлева въ роли отца семейства, Вольфа, въ драмѣ Коцебу: *Гусситы подъ Наумбургомъ*. Жители Наумбурга рѣшились выслать дѣтей своихъ въ станъ свирѣпаго предводителя Гусситовъ, Проконія, просить пощады и помилованія городу, которому онъ угрожалъ совершенною гибелью. У Вольфа нѣсколько человѣкъ

дѣтей — должно выслать одного: онъ выбираетъ — и не можетъ рѣшиться на выборъ! Всѣ они равно милы, равно драгоценны его родительскому сердцу! Каждый изъ нихъ въ глазахъ отца имѣетъ свои прекрасныя качества. Эта сцена (которую онъ разыгрывалъ съ матерью Василья и Петра Андреевичей Каратыгиныхъ, Александрю Дмитріевною Каратыгиною, отличною актрисою въ драмахъ) всегда извлекала у меня слезы, и теперь живо предстоить моей памяти. Неумѣренныя похвалы, всегдашнія рукоплесканія и восторги публики избаловали Яковлева. Самолюбіе ослѣпило его — и онъ не хотѣлъ слушать ни какихъ совѣтовъ, воображая, что достигъ высшей степени искусства. Даже и совѣты друга и учителя его, Дмитревскаго, уже не дѣйствовали на него — и Яковлевъ, не получивъ въ юности надлежащаго образованія, и пренебрегая наукою по вступленіи на

сцену, руководствуясь однимъ умомъ своимъ, и полагаясь на свое природное вдохновеніе, не пошелъ впередъ, путемъ усовершенствованія, а остановился на той точкѣ, на которой поставилъ его Дмитревскій. — Купечество подхватило знаменитаго артиста, бывшаго собрата, и излишними угощеніями повредило и таланту его и здоровью. И теперь купечество любитъ покутить въ свободное время, а тогда было въ тонѣ и въ модѣ между купцами, угостить донельзя извѣстнаго челоуѣка. Слѣдствія разгульной жизни Яковлева часто отзывались на сценѣ — и публика терпѣливо переносила уклоненія своего любимца отъ сценической обязанности. Наконецъ онъ впадалъ въ изнурительную болѣзнь, которою страдалъ нѣсколько лѣтъ, не покидая, однакожъ, сцены. Яковлевъ игралъ въ послѣдній разъ въ 1817 году, 4 Октября (не помню въ какой піесѣ, кажется

въ драмѣ: *Смерть Ромы*), уже больной, и не могъ кончить пьесы. На другой день онъ слегъ въ постелью и скончался 3 Ноября 1817 года. Онъ былъ человекъ честный, благородный, благотворительный, вѣрный въ дружбѣ, чрезвычайно набожный и пламенный патриотъ. Последнимъ рублемъ дѣлился онъ съ бѣдными и, при деньгахъ, выкупалъ изъ тюрьмы несчастныхъ должниковъ. Другъ его, Г. И. Жебелевъ, говорилъ, что послѣднія слова Яковлева, на смертномъ одрѣ, были:

«Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!»

Въ обществахъ В. А. Озеровъ былъ, какъ говорятъ Нѣмцы, *zurückhaltend*, т. е. остороженъ, непредупредителенъ, холоденъ. Подобно гениальному Пушкину, Озеровъ въ обществахъ любилъ говорить болѣе по-Французски, думая этимъ придерживать *высшаго тона*, и весьма дорожилъ вниманіемъ, такъ называемыхъ, аристократовъ и людей высшаго

круга. Похвала какого нибудь князя для Озерова была выше похвалы Державина. Въ этомъ Озеровъ и Пушкинъ совершенно равны. Слыхалъ я, что въ дружеской бесѣдѣ, при хорошемъ расположеніи духа, Озеровъ былъ очень любезенъ. Этого я не видалъ. Миѣ случилось нѣсколько разъ быть въ дружескихъ обществахъ, гдѣ находился Яковлевъ. Онъ былъ довольно разговорчивъ, въжливъ, но въ кругу, къ которому онъ не принадлежалъ, онъ все смахивалъ на героя, рисовался и говорилъ мѣрно и важно. Когда же лишняя рюмка перепала въ голову, тогда онъ устранялъ всякую принужденность. Онъ любилъ церковное пѣнье, и охотно въ обществѣ пѣлъ изъ Бортнянскаго обѣдни или изъ его концертовъ, и очень былъ радъ, когда находилъ въ обществѣ людей, которые могли ему вторить. Зная наизусть всю Русскую обѣдню (бывъ самъ пѣвчимъ въ

Корпусъ), я однажды такъ угодилъ ему, пропѣвъ съ нимъ херувимскую пѣснь, что онъ обнялъ меня, разцѣловалъ и не отходилъ отъ меня во весь вечеръ. Это было у адъютанта Лейбъ-Егерскаго Батальона Князя Голицына. Давно уже лежатъ въ могилѣ и Озеровъ и Яковлевъ, и всѣ житейскія дразги, критики, эниграммы, мелкія страстишки погребены съ ними; но память ихъ должна быть и будетъ всегда драгоценна Русскому сердцу! Яковлева замѣнилъ намъ и даже превзошелъ его Василій Андреевичъ Каратыгинъ, человекъ, усовершенствовавшій свой природный даръ наукою и размышленіемъ объ искусствѣ — но мѣсто Озерова осталось празднымъ. Есть у насъ драмы и даже нѣкоторыя изъ нихъ очень хорошія, но Русской трагедіи въ новомъ вкусѣ и въ новомъ духѣ — нѣтъ! Нѣтъ ничего такого, что бы мы могли поставить, хотя на низшей ступе-

ни, за Валленштейномъ, Орлеанскою Дѣвою, Вильгельмомъ Телемъ, Донъ-Карлосомъ, *Шиллера*; Эгмонтомъ и Гецемъ фонъ Берлихингенемъ—*Гете*! Терпѣнье подождемъ!

Между тѣмъ, какъ мы въ Петербургъ наслаждались жизнью, среди приготовленій къ войнѣ, ожидая ежедневно повелѣній *выступить*, и когда юные сердца наши томились жаждою битвы — братья наши уже дрались съ Фррицузами, на равнинахъ Польши, издревле упитанныхъ кровью различныхъ народовъ. Ни одинъ страстный любовникъ не ожидаетъ съ такимъ нетерпѣниемъ нѣжнаго письма отъ своей возлюбленной, какъ мы ожидали реляцій изъ дѣйствующей арміи!... Образованное общество не было погружено въ расчеты и спекуляціяхъ — и слова: Россія, слава, народная честь звучали въ ушахъ пріятнѣе золота, и пробуждали чувство, не уснувшее глу-

бокимъ сномъ на лонѣ эгонсма. — Наконецъ пришло радостное извѣстіе изъ арміи!... Полилось шампанское въ бокалы — и радостное *ура!* раздалось повсюду ...

Э П И Л О Г Ъ.

Маршъ Русской Гвардіи 1807 года. Выступле-
ніе въ походъ.

Вся сила механики основана на трехъ существенныхъ началахъ : точкѣ опоры, рычагѣ и колесѣ (вертикальномъ или горизонтальномъ). Архимедъ утверждалъ, что онъ рычагомъ сдвинетъ съ мѣста Земной Шаръ, если только дадутъ ему точку опоры. На основаніи этихъ началъ сооружаются огромныя машины, движущія непомѣрныя тяжести. Но рѣдко механики вспоминаютъ, что есть си-

ла невидимая, безъ которой и рычагъ и колесо были бы недействительны. Это сила неосязаемая, неразгадавшая умомъ, тайна природы: *сила тяготѣнія* (gravitation)! — Точно также и въ человѣчествѣ есть сила, безъ которой ничто не подвижется впередъ. Это *сила нравственная* (force morale), дѣйствующая на умъ и на сердце, какъ *сила тяготѣнія* дѣйствуетъ на рычагъ и колесо, т. е. на силу грубую (force brute). — Всѣ великіе мужи дѣйствовали на массы людей *силою нравственною*, зная, что безъ душевнаго участія массъ невозможно произвести ничего великаго, и что все величіе состоитъ въ томъ, чтобъ умъ подчинить волю и страсти массъ своей волѣ. Такъ дѣйствовалъ Наполеонъ, какъ уже выше сказано объ этомъ, и такъ дѣйствовалъ Императоръ Александръ, въ борьбѣ съ Наполеономъ. — Все было устремлено, въ 1807 году, къ воспламененію умовъ

въ Россіи къ этой гигантской борьбѣ, и къ этой цѣли употреблено единственное и спеціальное средство: *Литература, или письмена*. Литература для нравственной силы, есть то же, что рычагъ и колесо для силы тяготѣній — т. е. средство къ двиганію тяжестей. Кто не понимаетъ меня, о томъ я крайне сожалею!

Манифесты, прокламаціи, театръ, журналы, брошюры возжигали умы и сердца. Въ полкахъ Русской Гвардіи пѣсенники пѣли стихи, сочиненныя Сергѣемъ Никифоровичемъ Маринымъ, и подъ голосъ этой музыки, не знаю къмъ сочиненной, войско маршировало на парадахъ и ученьяхъ. Самъ удивляюсь, какъ я, по прошествіи многихъ лѣтъ, сохранилъ твердо въ памяти и стихи и музыку этого марша! У брата Сергѣя Никифоровича, Генераль-Маіора Аполлона Никифоровича Марина, нашелся списокъ этихъ стиховъ, искаженный и безъ трехъ по-

слѣднихъ куплетовъ. О музыкѣ ни слуху, ни духу. Ее забыли! Я возстановилъ, изъ памяти, настоящій текстъ стиховъ, а даровитый Г. Кажинскій съ голоса моего написалъ ноты (*) для фортепіана. Вотъ этотъ знаменитый, въ свое время, маршъ.

Маршъ Русской Гвардіи, въ 1807 году.

«Пойдемъ, братцы, за границу,
 Бить отечества враговъ.
 Вспомнимъ матушку-Царицу,
 Вспомнимъ вѣкъ Ея каковъ!

—
 Славный вѣкъ Екатерины
 Намъ напомятъ каждый шагъ,
 Вотъ поля, лѣса, долины,
 Гдѣ бѣжалъ отъ Русскихъ врагъ!

—
 Вотъ Суворовъ гдѣ сражался!
 Вотъ Румянцевъ гдѣ разилъ!
 Каждый воинъ отличался,
 Путь ко славѣ находилъ.

(*) Ноты находятся въ приложеніяхъ къ сей части.

Каждый воинъ духъ геройскій
 Среди мѣстъ сихъ доказалъ,
 И какъ славны наши войски,
 Цѣлый свѣтъ объ этомъ зналъ.

—
 Между славными мѣстами,
 Устремимся дружно въ бой!
 Съ лошадиными хвостами
 Побѣжитъ Французъ домой!

XI.
 —
 За Французомъ, мы дорогу
 И къ Парижу будемъ знать.
 Тамъ начальникъ, понемногу,
 Каждому позволить братъ.

—
 Тамъ-то мы обогатимся,
 Въ прахъ разбивъ богатыря,
 И тогда повеселимся
 За народъ свой и Царя!

Стихи эти удивительно характеризуютъ тогдашнюю эпоху. С. Н. Маринъ намекаетъ на Французскіе лошадиные хвосты, которыми осѣнены были каски Французскихъ кирасировъ и драгуновъ и придавая имъ ужасной видъ, когда они неслись въ атаку, производили сильное

впечатлѣніе въ противномъ войскѣ. — Добыча, въ то время, еще входила въ расчетъ война; но С. Н. Маринъ, предсказавъ, что Русскіе *узнаютъ дорогу къ Парижу*, не угадалъ, что великодушный Александръ не позволитъ никому *брать*, и что Русское войско, по волѣ своего Государя, подастъ всѣмъ народамъ благородный примѣръ, воинской дисциплины, безкорыстія и уваженія собственности мирнаго гражданина въ непріятельской землѣ.

Наконецъ мы дождались блаженной минуты выступленія въ походъ, и Уланскій Его Высочества Полкъ вышелъ изъ Стрѣльной 2 Февраля 1807 года, по Рижскому тракту. — Его Высочество Цесаревичъ, хотя командовалъ всѣмъ Гвардейскимъ Корпусомъ, но, въ званіи Шефа нашего полка, шелъ съ нами, верхомъ передъ полкомъ, не оставляя полка до самой Прусской границы.

Началась для меня *новая жизнь* — и самостоятельность! — Одно существо въ міръ пролило слезы при прощаніи со мною: добрая сестра моя Антоина, которую я любилъ болѣе всей моей родни, потому что жилъ съ нею вмѣстѣ, почти неразлучно, отъ перваго дѣтства до выпуска моего въ офицеры, и потому что у нея была ангельская душа. — «Береги себя, другъ мой!» сказала она мнѣ, сквозь слезы: — «ты еще такъ молодъ!» — И точно я былъ дитя: мнѣ былъ только *семнадцатый* годъ отъ роду! Школьные идеи вертѣлись у меня въ головѣ, и я отвѣчалъ, преважно, Спартапскимъ выраженіемъ: *съ щитомъ или на щитѣ!* — Теперь мнѣ смѣшно, когда я подумаю объ этомъ! Бѣдный корнетъ, я думалъ, что и мой мечъ долженъ имѣть свое значеніе на вѣсахъ всемірной политики! — Все же лучше, если челоуѣкъ принимается за

дѣло съ любовью! Одинъ энтузіастъ —
искра, а сто тысячъ энтузіастовъ — Ве-
зувій!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(1) Его Императорское Высочество Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, во время пребыванія своего въ Витебскѣ, при возвращеніи изъ Варшавы, занималъ домъ Господина Генераль-Губернатора, Генерала отъ Инфантеріи Князя Хованскаго, и однажды, осматривая его библіотеку, остановился передъ Русскимъ отдѣленіемъ книгъ и, вспомнивъ обо мнѣ, спросилъ Князя, знаетъ ли онъ меня лично. На утвердительный отвѣтъ Князя, Его Высочество благоволилъ отнестись обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, которыя переданы были мнѣ Княземъ. Прежде свиданія съ Княземъ Хованскимъ, я получилъ слѣдующее письмо отъ адъютанта его, Г. Мызникова (котораго я тогда

не имѣлъ удовольствія знать лично). Письмо это, съ позволенія Высшаго Начальства, было напечатано въ № 229 Сѣверной Пчелы, 1831 года.

«Хотя я и не имѣю чести пользоваться личнымъ съ вами знакомствомъ, и знаю васъ только какъ автора, которому обязанъ многими пріятными впечатлѣніями; но, не смотря на то, радъ увѣдомить васъ объ одномъ обстоятельстве, которое безъ сомнѣнія доставитъ вамъ большое удовольствіе. Меня наиболѣе къ сему поощряетъ сдѣланное мною замѣчаніе, что нерѣдко писатели, которые имѣютъ полное право быть увѣренными въ благодарности, а слѣдовательно и любви читающей публики, не всегда бываютъ, кажется, совершенно въ томъ увѣрены. Пзлшняя ли скромность тому виною, или журнальные Фрероны, которые свистятъ хорошо, но *плть, къ прискорбію и печали, не умываютъ*. Самый рѣшительный талантъ можетъ иногда смутиться, самый твердый характеръ иногда поколеблется, когда какой нибудь записной писака во всеуслышаніе возгласитъ: *мы разсматривали сочиненіе такого-то автора, и намъ не нравится въ немъ то или другое; мы совѣтуемъ ему, и пр. и пр.,* и авторъ, въ грустный часъ своей жизни, можетъ даже принять такіе возгласы отъ лица всей публики, тогда, какъ она и *не грезила* выбирать пѣкоторыхъ господъ въ свои адвокаты! Но перо

брошено, время улетѣло, и авторъ и публика въ потерѣ — первый въ стяжаніи новыхъ похвалъ, вторая въ удовольствіи отъ интереса хорошей книги. Впрочемъ, можетъ быть, я увлекся слишкомъ далеко. Позвольте приступить къ самому дѣлу.

«Блаженной памяти Его Императорское Высочество Константинъ Павловичъ, во время краткаго, но незабвеннаго пребыванія, въ послѣдніе дни жизни Своей, въ Витебскѣ, занимать изволялъ, какъ извѣстно, домъ Генералъ-Губернатора, и пользовался находящеюся въ ономъ библіотекою Князя Н. Н. Хованскаго. Изъ множества избранныхъ въ этой библіотекѣ книгъ, въ особенности заслужилъ лестное вниманіе Его Высочества послѣдній вашъ романъ: *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*. Эта книга была и послѣднимъ чтеніемъ покойнаго Цесаревича; съ изъявленіемъ особеннаго удовольствія, она была читана Его Императорскимъ Высочествомъ два раза.

«Да утѣшитъ васъ сіе извѣстіе подъ сельскимъ кровомъ мирнаго Карлова, и да подвигнетъ къ новымъ трудамъ на занимаемомъ вами съ честію поприщѣ Русскаго Литератора! Чего искренно желаемъ вамъ, и пр. В. М.»

Г. Витебскъ, 29 Іюля, 1831.

(2) *Письма Василя Михайловича Головнина къ Петру Ивановичу Рикорду (нынѣ Адмиралу) изъ Японской тюрьмы.*

Письма сіи вполне характеризуютъ геройскій духъ Русскаго моряка. Если бъ подобное событіе случилось въ древнемъ Римѣ, то Головиннѣ былъ бы прославленъ, какъ Регулъ! Слава Царя Русскаго, слава отечества, нѣжная дружба къ П. И. Рикорду, чувство долга возвысили сильную и благородную душу незабвеннаго В. М. Головина до энтузіасма, и онъ, находясь въ самомъ бѣдственномъ положеніи — явилъ героизмъ, достойный сохраниться въ потомствѣ. Подлинники писемъ, на Японской бумагѣ, хранятся у П. И. Рикорда. Счастливымъ себя почитаю, что я удостоился заслужить вниманіе В. М. Головина и пользовался его особенною благосклонностью, что засвидѣтельствуетъ единственный и вѣрный другъ его, П. И. Рикордъ. Характеристику Головина сообщу на своемъ мѣстѣ.

Письмо первое.

«Любезный другъ Петръ Ивановичъ! Кажется Японцы начинаютъ понимать всю истину нашего дѣла, и увѣряться въ миролюбивыхъ расположеніяхъ Россіи, а также и въ томъ, что поступки Хвостова были самовольны, безъ вѣдома Началь-

ства и къ большому неудовольствію Государя; но имъ нужно на сіе формальное увѣреніе отъ Начальника какой нибудь нашей губерніи или области, съ приложеніемъ казенной печати. Есть даже надежда думать, что они, увѣрившись въ расположеніи Россіи, войдутъ съ нами въ торговля связи; ибо теперь они понимаютъ коварные поступки Голландцевъ: мы имъ сказали о письмѣ, перехваченномъ Англичанами, въ которомъ Голландскіе переводчики хвастаютъ, что успѣли въ Нагасаки поссорить Резанова съ Японцами. Но вы должны знать, что о поступкахъ Хвостова Федоръ Федоровичъ (*) открылъ имъ всю настоящую правду; то есть, что Резановъ, будучи вспыльчиваго нрава, и огорчась отказомъ въ Нагасаки, далъ ему приказъ напасть, съ компанейскими судами, на ихъ селенія, но послѣ одумавшись, что онъ безъ Государя не въ правѣ это сдѣлать, отмѣнилъ оный; однако жъ, Хвостовъ, отчаянный человѣкъ, послѣдній приказъ пренебрегъ, а первый исполнилъ, и пришедъ въ Камчатку, сказалъ, что дѣйствовалъ по повелѣнію Резанова, почему Кошелевъ его и не арестовалъ; но послѣ втораго грабежа онъ и Давыдовъ въ Охотскѣ были взяты подъ арестъ, откуда они бѣжали. Вину ихъ Государь, по благодати!

(*) Муръ (Moore).

своей, повелѣлъ имъ заслужить на войнѣ, гдѣ они въ большихъ опасностяхъ себя отличили, а возвратясь въ Петербургъ, утонули въ Невѣ; Резановъ съ горести умеръ въ Красноярскѣ, ѣхавъ въ Петербургъ. О походѣ нашемъ Г. Муръ далъ мнѣ также вѣрный и подробный отчетъ, хотя они того и не требовали: опъ даже сказалъ мнѣ о паспортѣ, взятомъ въ Англии, о задержаніи на Мысѣ Доброй Надежды, объ уходѣ нашемъ оттуда, о походѣ въ Америку и о томъ, что намъ велѣно было описать принадлежащія Россіи тѣ Курильскіе острова, кои кончатся Урупомъ, потомъ Татарскій берегъ, и возвратиться моремъ въ Петербургъ, зайдя по пути въ Кантонъ, и что описывая сѣи острова, зашли мы къ нимъ по письму, данному намъ на Штурупѣ, куда послали мы шлюпку, считая оный за другой островъ, и не зная, что тамъ есть Японцы. И такъ, если будете сноситься съ ними, то съ нашей стороны нужно говорить дѣйствительную правду, откровенно, но будьте на всякій случай осторожны, и не иначе переговаривайтесь, какъ на шлюпкѣ, дайте пушечнаго выстрѣла отъ берега; притомъ не сердитесь на Японцевъ за медленность въ рѣшеніяхъ и отвѣтахъ; мы знаемъ, что у нихъ и свои неважныя дѣла, которыя въ Европѣ кончили бы въ день или два, тянутся по мѣсяцу и болѣе. Вообще же, я вамъ совѣтую,

не выпускать изъ вида четырехъ главныхъ вещей: имѣть осторожность и терпѣніе; наблюдать учтивость и держаться откровенности; отъ благоразумія вашихъ поступковъ зависить наше избавленіе и немалая польза для отечества. Я надѣюсь, что теперешнее наше несчастіе возвратитъ Россіи ту выгоду, которую она потеряла отъ неудачнаго посольства вспыльчиваго Г. Резанова. Но если, паче чаянія, дѣла возьмутъ другой оборотъ, то, какъ можно вѣрнѣе, подробнѣе и обстоятельнѣе отберпте мое мнѣніе по сему предмету отъ посланнаго матроса, и доставте оное Правительству, а также не худо и съ сего письма копію къ оному препроводить. Обстоятельства не позволяютъ посланнаго обременять бумагами, и потому мнѣ самому на имя Министра писать нельзя; но знайте, гдѣ честь Государя и польза Отечества требуютъ — я тамъ жизнь мою въ копѣйку не ставлю, а потому и вы меня не должны щадить въ такихъ случаяхъ (*). Умереть мнѣ все равно: теперь пли лѣтъ черезъ 10 пли 20 послѣ! Прошу тебя, любезный другъ Петръ Ивановичъ, написать за меня къ моимъ братьямъ и друзьямъ; можетъ быть мнѣ еще опредѣлено

(*) Есть ли что выше въ лѣтописяхъ древней Греціи и древняго Рима! Вотъ истинное самоотверженіе, т. е. геройство!

судьбою съ ними видѣться, а можетъ быть, нѣтъ. Скажи имъ, чтобы въ семъ послѣднемъ случаѣ они не печалились и не жались обо мнѣ. Я желаю имъ счастья! Когда узнаю точно, что возвращеніе мое невозможно, я рѣшусь непременно положить конецъ моей жизни; по моему мнѣнію, все равно: быть убиту на сраженіи или отъ злодѣйской руки; утонуть въ морѣ или покойно умереть въ постелѣ—все одна смерть, только въ разныхъ видахъ! Еще прошу тебя, ради Бога, не позволяй къ намъ никому писать и ничего не посылай, чтобъ намъ здѣсь не докучали вопросами и переводами; а напиши ко мнѣ самъ маленькое письмецо о вашемъ рѣшеніи, которое, въ знакъ полученія сей записки, начни слѣдующими словами: «Поклоны твои, любезный другъ Василій Михайловичъ, получены нами весьма исправно.» Посланному матросу прошу тебя дать изъ оставшагося послѣ меня имѣнія 150 рублей, и сказать, что если Богъ меня возвратитъ, то дамъ ему еще 350 рублей. Товарищамъ нашимъ Господамъ офицерамъ мое усердное почтеніе и командѣ поклонъ. Я много чувствую и благодарю всѣхъ васъ за великіе труды, которые вы принимаете для нашего избавленія. Великъ ли Богъ мяѣ имѣть когда нибудь счастье изъяснить вамъ признательность мою болѣе дѣйствительнымъ образомъ, нежели одними словами! Прощай

любезный другъ Петръ Ивановичъ, и вы всѣ, любезные друзья; будьте здоровы, покойны и счастливы! Можетъ быть это послѣднее мое къ вамъ письмо. Преданный вамъ Василій Головинъ.
Апрѣля 12-го, 1813.

P. S. Распросите хорошенько посланнаго о поступкахъ NN (*) въ разсужденіи всѣхъ насъ, тогда вы узнаете душу и сердце сего изверга. Когда Японскій добрый Государь (**) и чело^вько-любивое ихъ правленіе старались смягчить законы свои въ нашу пользу и кончить дѣло съ Россіею дружелюбно, тогда NN искалъ головъ нашихъ, и конечно у всякаго другаго народа успѣлъ бы всѣхъ насъ, для своей выгоды и мести, погубить; но Японцы прозорливы и осмотрительны — а это насъ и спасло отъ злодѣйскихъ его умысловъ.»

Письмо второе.

«Любезнѣйшій и почтеннѣйшій мой другъ Петръ Ивановичъ! Именемъ Всемогущаго Бога

(*) Здѣсь идетъ рѣчь объ одномъ иностранцѣ, употреблявшемъ всѣ усилія, чтобъ погубить Русскихъ, находившихся въ Японскомъ плѣну. Онъ давнымъ давно умеръ, но я не хочу называть его, чтобъ не навлечь стыда на его фамилію.

(**) Этой фразѣ будетъ объясненіе во второмъ письмѣ.

прошу тебя быть сколько возможно осторожнымъ. Днемъ вы можете покойно спать, а ночью не дремлите: имѣйте абордажныя снасти и берегитесь брандеровъ; злодѣй NN здѣшнимъ разсказалъ всѣ способы, какіе употребляются у насъ въ Европѣ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ хотѣлъ къ намъ въ службу, но это невозможно по здѣшнимъ законамъ; послѣ просилъ онъ бывшаго въ Матмаѣ Губернатора Аррао - Тадзимана Ками взять его къ себѣ въ работники, и того не сдѣлали. Онъ знаетъ, что причиною сему Японская подозрительность, и потому хочетъ имъ доказательную своей вѣрности услугу сдѣлать, и даже прямо намъ говорить, что если бы онъ могъ открыть имъ свое сердце, то не такъ бы съ нимъ поступали. Мы не можемъ слова промолвить, чтобы онъ Японцамъ не пересказалъ. Сямоновъ (*), возвратясь къ намъ, разсказалъ кое-что объ нашихъ дѣлахъ. NN послѣ все пересказалъ Японцамъ. Къ счастью нашему я успѣлъ Сямонова толкнуть — почему NN не извѣстны самыя важныя дѣла. Ахъ, любезный Петръ Ивановичъ, жестоко наше состояніе, не столько отъ Японцевъ, сколько отъ сего изверга! Мы должны все притворяться. Когда онъ спитъ, тогда мы открое-

(*) Матросъ, возившій къ П. И. Рикорду первое письмо, зашитое въ воротникъ мундира.

венно говоримъ шепотомъ, и то не всѣ, двое или трое шепчуть, а прочіе говорятъ нарочно громко и притворно смѣются, чтобъ отъ него заглушить шепотъ нашъ. Японцы тонки, неуроницаемы и непомѣрно подозрительны; мы ничего не можемъ проникнуть, откровенны ли ихъ поступки, или нѣтъ. Притомъ осторожность не мѣшаетъ дѣлу нашему. Извиняйся подъ разными благопристойными предлогами. Если станутъ тебя звать на берегъ, то можешь сказать, что имѣешь повелѣніе, пока насъ не освободятъ, этого не дѣлать. Впрочемъ, Губернатора самого для свиданія на шлюпкахъ не вызывай; это оскорбитъ ихъ честолюбіе, а переговаривай съ чиновниками, кѣторыхъ имъ самимъ угодно выслать. Зимовать ради Бога не оставайся, а скажи имъ, что дѣла въ Камчаткѣ требуютъ на зиму твоего тамъ присутствія; но отвѣты давши на ихъ спросы, ты можешь весною опять прійти за рѣшеніемъ. Здѣсь зима бываетъ холодная, снѣжная и бурная. Если сдѣлается у тебя много больныхъ или на мель бросить, что ты станешь дѣлать? Съ такими пріятелями, какъ Японцы, ухо остро держать надобно: живої примѣръ тебѣ я! А теперь у нихъ еще NN: онъ опаснѣе самыхъ Японцевъ. Сначала онъ хитрилъ, чтобъ его одного съ Алексѣемъ вмѣсто матроса послать къ вамъ; мы видѣли, что онъ погубилъ бы насъ —

плутни его остановили: послали Симонова. Теперь онъ опять коварствуетъ; обѣщаетъ Японцамъ, вмѣсто ихъ вещей, оставить въ залогъ Діанское оружіе и множество другихъ вещей, если его пошлютъ; толкуетъ Японцамъ, что въ этомъ онъ успѣетъ. Намѣреніе NN мы думаемъ то, что если онъ можетъ перетолковать вамъ вѣсти Симонова въ другую сторону, то насъ погубить, разстроивъ двѣ націи; а нѣтъ, то васъ втащить въ петлю, и самъ водворится здѣсь. Прошу тебя, любезный другъ, будь остороженъ. Если я узнаю, что вы всѣ цѣлы, избавились ковъ (буде онѣ есть), то умру покойно; но если они васъ обмануть и захватятъ, то сердце мое до самой послѣдней минуты будетъ терзаться. Японцы намъ много говорятъ хорошаго, и все, кажется, идетъ счастливо. Но какъ положиться на такой народъ? На языкѣ медъ, а на сердцѣ, вѣроятно, чортъ. Я прошу и надѣюсь, что ты представишь Правительству нашему, что мы ожидаемъ отъ своего Государя и Отечества; они не допустятъ насъ умереть, какъ собакъ: отмщеніе произведено будетъ, которое должно быть достойно Русской руки. Жалѣю, что Симоновъ простакъ, не умѣлъ пересказать тебѣ моихъ словъ. Выраженія въ моей запискѣ; «*добрый здѣшній Государь и челолюбивое* (*) здѣшнее правительство» —

(*) См. первое письмо.

вносказательны; они почти совсѣмъ противное значать, а написаны для того, что я боялся, не обыщутъ ли Симонова, при отпращиваніи на судно, а теперь рѣшился на все идти и писать прямо. Японцы дѣлали для насъ небольшое снисхождение — водили за карауломъ гулять, перевели изъ настоящей тюрьмы въ домъ, тюремнымъ покроемъ сдѣланный, позволяли смотрѣть на море; но это не даромъ: нѣтъ Божьяго дѣла, чтобы не приходили къ намъ ихъ переводчики и ученые съ разными вопросами; они хотятъ всему выучиться, что мы знаемъ. Злодѣи NN сперва выдавалъ меня здѣсь за глупца, а тебя за хитрѣйшаго человѣка, и что ты, желая занять мое мѣсто, ввергнулъ меня въ сіе несчастіе. Теперь Японцы опытомъ узнали, сколько ты стараешься о нашемъ избавленіи, то и тебя началъ выдавать за легковѣрнаго простака, что ты тотчасъ на все согласишься, чего бы они отъ тебя не потребовали; а меня прославляетъ Астрономомъ. Физикомъ и всѣмъ, что есть мудраго, я чаю, въ томъ намѣреніи, чтобы со мною Японцы не разстались; объ Андреѣ Ильичѣ тоже говорить, что онъ близокъ ученостію къ де Лаланду! Приложенныя послѣ сего мои замѣчанія вамъ будутъ не бесполезны; прошу тебя препроводить ихъ къ Правительству.

«Поздравляю тебя, любезный другъ, съ чиномъ;

дай Богъ тебѣ получить болѣе и болѣе честей— ты ихъ достоинъ, но умѣй наслаждаться ими. Самъ въ петлю не лѣзь, ради Создателя, будь остороженъ. Повѣрь, если Японцы искренни, то не будутъ они тебя просить на берегъ, и зимовать не станутъ принуждать; если то или другое будутъ дѣлать, то подозрѣвай ихъ, а не предавайся опасности. Бумаги, писанныя NN, презирай и не вѣрь имъ, а не то съ маху въ петлю вѣдешь! Японцы можетъ быть и дѣйствительно искренно дѣла ведутъ, но вѣдь это точно не известно, и потому нужна осторожность, которую, можетъ быть, кто нибудь изъ нашихъ простаковъ, подобныхъ мнѣ, и порицать станетъ, отъ лѣности или глупости, то ты прочитай имъ мое письмо; пусть ему повѣрятъ. Я пишу его, и едва вижу отъ слезъ. Желалъ бы васъ увидѣть и обнять, на Діанѣ или въ Европѣ — но здѣсь Боже оборони! Избавь меня Создатель такой ужасной сцены! *Хочу лучше самую мучительную смертью умереть, нежели видѣть кого нибудь еще изъ моихъ соотечественниковъ въ подобномъ моему несчастіи, а не только друзей своихъ (*)*. При отбытіи вашемъ, напиши ко мнѣ письмо о вашемъ намѣреніи, если дѣло не совсѣмъ еще кончится, въ которомъ употребляй учтивыя вы-

(*) Истинное величіе! О. Б.

раженія къ Японцамъ; прямыя слова, буде Японцы того заслужатъ, пиши безъ подчеркивъ, а иносказательныя съ подчеркиками, какъ напримѣръ слѣдующее выраженіе: *«Японцы весьма откровенно поступаютъ.»* Веѣмъ нашимъ Діанскимъ друзьямъ мое усердное почтеніе, а женатыхъ поздравляю, дай Богъ имъ счастья; команду нашу очень много благодарю. Андрей Пльичъ притворяется жестоко больнымъ; онъ жалуется, что NN участвовалъ въ отравленіи его ядомъ Я же самъ этого ни мало не подозреваю, и никакъ его точно въ такомъ важномъ дѣлѣ обвинять не могу; но въ измѣнѣ NN, хоть предъ Судомъ Страшнымъ готовъ утверждать; да онъ и самъ не отрицается.

И М Я.

Онъ здѣсь Японцамъ рассказалъ до самой бездѣлицы о нашемъ походѣ, даже глупости, которыя мы въ веселые часы дѣлали въ Ситхѣ, хоть самъ и не видалъ ихъ, но что слышалъ: ссоры наши смѣшныя, пирушки и проч., а всего забавнѣе то, что Рудакова выдавалъ истиннымъ своимъ другомъ, и во всемъ съ нимъ сходнымъ; но Кахи здѣсь насаказалъ о немъ множество сквернаго, и потому NN теперь прежнее переимѣнилъ, а увѣряетъ Японцевъ, что онъ былъ мой самый близкій другъ; однакожъ, они смѣютъ

ся. Впрочемъ, это служить въ нашу пользу: они поняли NN, и старшій при насъ переводчикъ прямо ему сказалъ, что онъ человѣкъ съ чернымъ сердцемъ, любитъ собственную свою пользу, а товарищей своихъ не бережетъ. Вотъ, любезный другъ, до чего Богъ велѣлъ дожить! Ужасное состояніе! Если бы не NN, то Японцы ничего; онъ много путаетъ. Отъ записки съ Симоновымъ, прежде къ тебѣ посланной, не отступай въ словахъ, а мы тверды будемъ. Въ знакъ, что эти бумаги тобою получены, начни письмо свое ко мнѣ такъ: «Возлагай всю надежду, любезный другъ, Василій Михайловичъ, на Всемогущаго Творца.»—Прощай, любезный другъ, береги себя и товарищей своихъ. Я боюсь, чтобъ васъ не поймали въ когти, когда NN примется рѣшительно злодѣйствовать; теперь онъ еще боится. Я увѣряю его, что если онъ оставитъ все такія затѣи и въ прежнихъ поступкахъ расквится, то мы все забудемъ; но онъ говоритъ: «Знаю я какъ вы забудете, если мы пріѣдемъ на Діану, то мнѣ тамъ тотчасъ прекрасное мѣсто отведутъ.» И когда я ему намекаю, что если онъ покусится двѣ Державы поссорить, но Японцы словъ его не уважатъ, а кончатъ дѣло искренно и честно, тогда они въ веревкахъ отправятъ его на Діану. Вотъ этого-то онъ и ужасается. А если бы NN увѣренъ былъ, что Японцы не

искренни, а только хитрятъ, то въ мггъ бы помогъ имъ. Почему онъ теперь безпрестанно просится, чтобы его перевели отъ насъ въ другое мѣсто; но Японцы просьбы его не уважаютъ, а спрашиваютъ, зачѣмъ онъ этого хочетъ; тогда онъ говоритъ, что ему стыдно на насъ смотрѣть; онъ виноватъ передъ нами, а на вопросъ въ чемъ виноватъ, не отвѣчаетъ. Когда мы ушли, то онъ сказалъ Японцамъ, что

МѢСТО ИМѢНІЕ.

мы люди отчаянные, можемъ защищаться и убить нѣсколько ихъ людей, то чтобы они береглись; сказалъ по какой дорогѣ мы пойдѣмъ, и давалъ совѣты, какъ насъ поймать. Ты видишь, любезный другъ, коварство сего чудовища. Сими словами онъ хочетъ вселить въ Японцевъ мысли, что онъ долженъ будетъ пострадать за его усердіе къ здѣшнему народу. О прямой же причинѣ его противъ насъ преступленія онъ никогда ни гугу. Тѣмъ болѣе онъ мнѣ кажется опаснымъ и подозрительнымъ, что всѣ поступки Русскихъ передъ Японцами въ дурную сторону толкуетъ, и васъ всѣхъ ни мало не щадитъ. — Дай Богъ, чтобы сіи бумаги дошли до тебя; они, можетъ быть, послужатъ къ вашему спасенію — будь только учтивъ, терпѣливъ, но крѣпко остороженъ. Можетъ быть, они станутъ тебѣ пред-

лагать ѣхать на берегъ, съ тѣмъ, что на мѣсто твое отпустятъ NN, а это весьма вѣроятно, буде они не искренни. Однако жъ, Японцы смѣются его предложеніямъ, и говорятъ, что Японское Правительство ничего не хочетъ, а желаютъ они одного объясненія. Если слова ихъ сходны съ сѣрдцемъ, то слава Богу. Впрочемъ, одинъ Богъ знаетъ это. — Еще я скажу тебѣ анекдотъ. Симоновъ, по неосторожности, сказалъ намъ при NN, что ты ему говорилъ, будто отъ несогласія офицеровъ ты имѣлъ намѣреніе въ прошломъ году одинъ итти въ крѣпость, въ Кунаширѣ. NN тотчасъ подхватилъ: «вѣрно онъ съ ума сошелъ.» и потомъ сказалъ Японцамъ, что ты, поссорившись съ офицерами, сошелъ съ ума и хотѣлъ самъ имъ отдаться! Вообрази, любезный другъ, каково намъ это слушать! Благодаря Бога, что привезенный тобою Кахи (*) относится о тебѣ съ величайшею похвалою, и всѣ поступки твои до небесъ превозносятъ. Японцы рассказываютъ о нихъ намъ съ непритворнымъ удовольствіемъ, а NN, повидимому, мало слушаютъ. Можетъ быть они чистосердечно поступаютъ, что и нѣкоторые ихъ другіе оступки подтверждаютъ: однако жъ, все таки плющить не должно.

(*) Японецъ, избавленный Русскими отъ кораблекрушенія. См. Путешествіе П. Н. Рвкорда.

Къ братьямъ моимъ напиши за меня, что ты хочешь — я писать не въ силахъ; въ томъ собственное твое сердце можетъ увѣрить. — Прощай, почтеннѣйшій другъ! Будь самъ Господь Богъ тебѣ покровителемъ и защитою. Остаюсь вѣрный твой другъ Василій Головинъ. Августа 8 дня. 1813-го года, *Матмай*.

P. S Не дивясь, любезный другъ, грамматическимъ титуламъ моихъ листовъ. NN съ насъ глазъ не спускаетъ, то писать было опасно. Почему я самъ вызвался написать Янонцамъ Русскую Грамматику, если они мнѣ дадутъ бумаги; на что они съ восторгомъ согласились, на коей я Грамматику сталъ писать. NN все таки по немногу издали или мимоходомъ скося присматривать; почему я вздумалъ большими словами въ началѣ означить содержаніе листовъ. NN, броситъ глаза, на примѣръ сказать, на глаголь — и думаетъ, что тутъ глаголь; а узнавши прямое дѣло, онъ тотчасъ объявитъ.»

(3) Баронъ Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, сынъ Генерала отъ Артиллеріи, въ офиціаль-ныхъ бумагахъ, гдѣ была надобность, писался: «изъ дворянъ Бѣлорусской Губерніи, Себежскаго Уѣзда.» Не знаю навѣрное, по рожденію ли онъ принадлежалъ Бѣлоруссіи, или по тому только, что отецъ его имѣлъ тамъ вотчины, вѣроятно

жалованный. Егоръ Ивановичъ вступилъ въ службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ, въ 1781 году, и изъ сержантовъ Преображенскаго Полка вышелъ въ Генеральсь-адъютанты къ своему отцу, а въ 1788 году поступилъ, въ чинѣ Подполковника, въ С. Петербургскій Егерскій Полкъ. Въ 1793 году произведенъ въ Полковники и поступилъ въ Тверской Карабинерный (конный) Полкъ, который при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ расформированъ, въ 1797 году, а Егоръ Ивановичъ назначенъ въ Рязанскій Кирасирскій Полкъ. Въ томъ же году отставленъ отъ службы, и принятъ въ тотъ же полкъ, въ 1800 году. При восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, произведенъ въ Генераль-Маіоры, 1801 года, Марта 15, и въ Сентябрь, того же года, назначенъ Шефомъ Тверскаго Драгунскаго Полка, который доведенъ имъ до возможнаго совершенства въ отношеніи къ выправкѣ солдатъ и выѣздкѣ лошадей. Въ 1803 году назначенъ Полковымъ Командиромъ Уланскаго Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича Полка. По возвращеніи изъ плѣна, назначенъ Шефомъ Мариупольскаго Гусарскаго Полка. Въ 1810 году удостоился званія Генераль-Адъютанта Его Императорскаго Величества, а въ 1815 году произведенъ въ Генераль Мейтенанты. Въ 1815 году вышелъ въ отставку,

за тяжелыми ранами. Въ теченіе своей службы Егоръ Ивановичъ участвовалъ въ войнахъ : въ послѣдней Турецкой, въ Польской, подъ начальствомъ Суворова и въ Персидской, съ В. А. Зубовымъ, при Императрицѣ Екатеринѣ, а въ Царствованіе Императора Александра въ войнѣ 1805 и въ Отечественную Войну 1812 года, и вездѣ отличался необыкновеннымъ мужествомъ и распорядительностью. Онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ Русскихъ кавалерійскихъ генераловъ. Особенно незабвенны блистательные подвиги его подъ Краснымъ, 3-го, 4-го и 5-го Ноября, гдѣ Егоръ Ивановичъ, командуя Полкомъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскимъ и Лейбъ-Гвардіи Уланскимъ (который онъ формировалъ), отнялъ у неприятеля 5 пушекъ и взялъ въ плѣнъ 35 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1500 рядовыхъ, а 6-го Ноября, начальствуя Первымъ Кавалерійскимъ Корпусомъ, споспѣшествовалъ знаменитой побѣдѣ подъ Краснымъ. — Егоръ Ивановичъ былъ человекъ добрый, ласковый, привѣтливый, кроткій и отлично образованный. Офицеры и солдаты, служившіе подъ его начальствомъ, обожали его. — Онъ скончался въ отставкѣ, въ двадцатыхъ годахъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

- I. Порывъ общаго мнѣнія.—Новая форма и новыя моды.—Перемѣны въ Корпусѣ. — Якорь спасенія, или наставникъ, другъ и благодѣтель. Русская литература въ Корпусѣ. — Первый успѣхъ, щедро вознагражденный. — Новая жизнь. Литературныя идеи. — Корпусныя знакомства. Баронъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ.—Три брата Князя (Ducs) де Броглю. Саша Клигеръ. Поэтъ Крюковской.—Пробужденіе страсти къ авторству.—Характеристическія черты Барона И. И. Дибича. — Музыка необходима военному человѣку. — Церковный пѣв-

чій. — Отчаяніе матери. — Празднованіе столѣтія Петербурга. — Перемены въ Корпусѣ. — Что всего болѣе способствовало нашему умственному развитію. . . 1

II. Петербургское общество при началѣ царствованія Императора Александра. — Цервенство любезности и барства въ родѣ Нарышкиныхъ. — Неподвижныя звѣзды на горизонтѣ общества. — Благодарительныя государственныя учрежденія и высокое направленіе. — Страсть къ увеселеніямъ. — Театры. — Музыкальное собраніе. — Маскарады Фельета. — Загородные праздники и шлюпки. — Дешевизна. — Графъ Валицкій и слухи о его приключеніяхъ. — Волокитство за фортуною. — Парижскіе разбойники. — Оригиналы, или эксцентрики. — Польскій Панъ и Венгерскіи Магнатъ. — *Va banque!* — Гордость противу гордости, или претендентъ короны Польской. — Характеристика Мирабо и Лафайета. — Образецъ свѣтскаго человѣка. — Выпускъ изъ Корпуса. — Цѣны тогдашней обмундировки. 74

III. Духъ военной молодежи. — Молодечество и удалство. — Образчикъ тогдашней разгульной жизни. — Гвардейская пѣхота и конница. — Флотъ. — Молодецкая жизнь и

погибель Лейтенантовъ Давыдова и Хвостова. — Геркулесъ Лукинъ. — Примѣры дружбы и самоотверженія. — Избавленіе Головнина изъ Японскаго плѣна. — Уланскій Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича Полкъ. — Начало полка. — Бѣглый взглядъ на политическое состояніе Европы, предшествовавшее войнѣ 1805 года. — Дюрокъ въ Петербургѣ. — Общее уваженіе къ нему. — Начало военныхъ дѣйствій. — Уничтоженіе Австрійской арміи. Знаменитая ретирода Кутузова изъ-подъ Кремса до Вишау. — Русская армія при Ольмюцѣ. — Приходъ гвардіи. — Аустерлицское сраженіе. — Уланскій Его Высочества Полкъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ. — Причина успѣха Французовъ. — Послѣдствія Аустерлицской Побѣды. — Пресбургскій Миръ. — Твердость Императора Александра. — Новая война 1806 года. Пруссія устремляется противу Франціи. . .

IV. Характеръ и темпераментъ. — Нѣмцы и Французы. — Порывы высшаго общества въ Берлинѣ къ войнѣ. — Положеніе Пруссіи и Франціи. — Характеристика Прусскаго Главнокомандующаго, Герцога Фер-

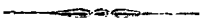
динанда Брауншвейгскаго.—Пребываніе
 его въ Петербургѣ.—Военное искусство
 въ Европѣ.—Заслуги Пруссіи въ этомъ
 отношеніи.—Тактика Фридриха Велика-
 го.—Прусское войско въ 1806 г.—Так-
 тика Наполеона.—Духъ Французскаго
 войска.—Достопамятныя слова Напо-
 леона на вызовъ Пруссіи.—Начало воен-
 ныхъ дѣйствій.—Успѣхи Французовъ.—
 Смерть Принца Прусскаго Лудовика.—
 Искусство Наполеона и ошибки Герцога
 Брауншвейгскаго.—Совершенное пора-
 женіе и уничтоженіе Прусской арміи при
 Іенѣ и Ауэрштадтѣ.—Свидѣтельство
 очевидцевъ.—Рѣчь Наполеона предъ
 войскомъ.—Уныніе и разстройство Прус-
 ской арміи.—Сдача крѣпостей.—Вступ-
 леніе Наполеона въ Берлинъ.—Впеча-
 тлѣніе, произведенное въ Россіи несча-
 стіемъ Пруссіи.—Императоръ Алек-
 сандръ объявляетъ войну Франціи.—
 Рекрутскій наборъ.—Милиція.—Воспла-
 мененіе умовъ въ Россіи.—Патріотиче-
 скія чувства.—Двѣ Русскія арміи и двѣ
 войны въ одно время, съ Франціею и
 Турціею.—Формированіе Баталіона Им-
 ператорской Милиціи.—Тогдашніе Пе-
 тергофъ и Стрѣльна.—Офицерская

жизнь въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ —
Русскій Театръ и трагедіи Озерова. —
Патріотическая трагедія *Димитрій Дон-*
ской.—Характеристика Озерова и траги-
ческого актера Яковлева. 228

Эпизодъ. Маршъ Русской Гвардіи, 1807 г.
Выступленіе въ походъ 333

Приложенія.

1. Письмо Г-на Мызникова къ автору, о по-
слѣднихъ дняхъ жизни Его Императорскаго
Высочества, Великаго Князя Цесаревича
Константина Павловича.
2. Письма В. М. Головнина къ Адмиралу П. И.
Рикорду изъ Японскаго плѣна.
3. Біографическій очеркъ Генерала Барона
Е. И. Меллера-Закомельскаго.

МАРШЪ РУССКОЙ ГВАРДІИ

1807 года.

PIANO

First system of musical notation. The treble staff contains a melodic line with eighth and sixteenth notes. The bass staff features a piano (*p*) dynamic and a 'dol.' (dolente) marking. A slur covers the first two measures of the bass staff.

Second system of musical notation. The treble staff continues the melodic line with some chords. The bass staff has a similar rhythmic pattern with some rests.

Third system of musical notation. The treble staff ends with a 'D.C.' (Da Capo) marking. The bass staff concludes with a final chord and a fermata.

For
Pianos
B-1

РНБ Русский фонд

18 6.7.22

Т.1-2